СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Псалом Давида 118-й

ТОЛКОВАНИЕ
БЕСЕДОВАТЕЛЬНОЕ

Духовное наследие
святителя Феофана Затворника

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

СВЯТИТЕЛЬ

ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

Псалом Давида 118-й

ТОЛКОВАНИЕ БЕСЕДОВАТЕЛЬНОЕ

ПРАВИЛО ВЕРЫ
Москва 2008

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Замечательные труды Преосвященного Феофана по изъяснению слова Божия – одно из важнейших дел его жизненного подвига. Святитель смотрит на слово Божие не только как на источник теоретических религиозных знаний, но и как на живое и действенное руководство в нравственной жизни. В нем не только Божественное откровенное учение, но и действительная благодатная сила, «яже к животу и благочестию».

Сто восемнадцатый псалом – особенное произведение. В нашей Святой Церкви положено читать его на каждой повседневной полунощнице. По оценке блаженного Феодорита, «псалма сего достаточно к тому, чтобы желающих совершенной добродетели усовершить в ней, живущих в рассеянии возбудить к тщанию, упадающих в духе воодушевить, нерадивых исправить, одним словом – против различных человеческих немощей дать всякого рода врачевство».

Толкования Сто восемнадцатого псалма Преосвященным Феофаном глубоко назидательны. Подобно древним святым отцам и учителям Церкви, часто их же словами, святитель постоянно преподает читателям нравственные уроки, вводит в созерцание и оценку различных состояний внутренней духовной жизни христианина. Это живая проповедь о путях к нравственному совершенству. Преосвященный Феофан – несравненный знаток и комментатор Священного Писания оставил нам просто и доступно изложенные труды, не превзойденные по проникновенной глубине понимания священного текста и по полноте и широте его изъяснения. Среди них – Сто восемнадцатый псалом.

Книга содержит постраничный указатель толкований каждого стиха.

ПСАЛОМ ДАВИДА 118, ИСТОЛКОВАННЫЙ СВЯТИТЕЛЕМ ФЕОФАНОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сто восемнадцатый псалом отличается от других псалмов такими видными особенностями, которых нельзя не заметить с первого же раза. Количество стихов сказывается само собою; у нас один этот псалом составляет целую кафизму. Прочитавший его со вниманием не может не заметить и другой еще особенности – именно той, что всякий из 176 стихов говорит что-нибудь о законе Божием, означая его только разными именами. То и другое может быть еще не так важно, но тому нельзя уже не дивиться, что, – как находят лица, много потрудившиеся в изучении Писания, – в таком количестве стихов все – об одном и том же предмете, нет изречений слабых и нет совершенно тождественных повторений. Есть похожие один на другой стихи, но из них всегда у одного, сравнительно с другим, указывается особая какая-либо черта закона или какой-либо оттенок той же черты. Равным образом, очень простые на вид изречения, когда поближе станешь всматриваться в них, открывают взору ума вход в глубину Божественного законоположения.

Есть и еще одна характеристическая особенность этого псалма; в переводах греческом и славянском, как и во всяком другом, ее не видно, а в подлиннике еврейском она прямо бросается в глаза. Это то, что псалом расположен по алфавитному акростиху, и притом не так, чтобы каждый стих начинался новою буквою, следующею за начальною буквою предыдущего стиха, например, чтобы первый стих начинался с *а*, второй с *б*, третий с *г*; но каждою буквою начинаются восемь стихов подряд, потом другие восемь стихов начинаются следующею буквою. Таким образом, восемь стихов первых начинаются с *а*, восемь следующих с *б*, и так далее. Всего в еврейской азбуке 22 буквы. Положив на каждую по восьми стихов, выйдет 176 стихов. Столько их и есть в псалме.

Эта последняя особенность более всего наводит на решение вопроса о происхождении и назначении этого псалма. Один толковник приводит мнение еврейских ученых, что святой пророк Давид составил псалом этот для обучения сына своего Соломона, которого готовил в преемники себе, закону Божию и молитве. Зигабен делает выписку из Оригена, в которой сей последний свидетельствует, что евреи имели обычай заставлять детей своих, вместе с алфавитом, заучивать и этот псалом. Соединив то и другое, мы полагаем, что святой пророк Давид под конец своих дней, после стольких опытов в жизни, из которых ни один не проходил у него без того, чтоб он не поставлял себя в прямое отношение к Богу и закону Его, разумно прошедши все нравственно-религиозные состояния и уразумев все их при свете лица Божия, возымел благую мысль передать Соломону всю свою духовную опытность, так, однако ж, что при этом имел во внимании и детей всех отцов, не своего только времени, но и всех последующих родов. Блаженный Феодорит пишет об этом псалме следующее: «Божественный Давид много различных перемен имел в жизни: и бегством спасался от врагов, и в бегство обращал врагов, впадал в горести и потом вел жизнь радостную, проходил путь божественный и претыкался в шествии, и снова следовал Божественным законам. Все это собрал он воедино в настоящем псалме, и все молитвы, какие при каждом обстоятельстве приносимы были им Богу, приводя в один стройный состав, предложил людям единое полезное учение, и в сказанном им показывает, как можно преуспевать в деятельной добродетели».

Спешим при этом устранить могущее возродиться помышление: псалом этот — для детского чтения и изучения; так к чему же нам, взрослым, и особенно многоученым, и заниматься им? — Но псалом этот изучался в детстве, а руководство давал на целую жизнь, и составлял не только руководство, однажды навсегда законченное изучением, но и предмет для постоянного размышления, и средство для всегдашнего углубления в тайны законоположения Божия. Изречения псалма просты по форме, но не просты по содержанию. Начните разбирать повнимательнее, и вы всегда найдете нечто новое, назидательное, влекущее волю вслед стезей Божиих. Блаженный Августин свидетельствует, что он долго не мог взяться за толкование сего псалма, будучи поражаем его глубиною. «Сколько раз, говорит он, просили меня дать толкование его; и я брался было, но всегда отступал, видя, что это превышает мои силы; ибо, чем псалом этот кажется проще, тем оказывается на деле глубже; так что я и сказать не могу, сколько он глубок. В других псалмах есть темноты; этот же так ясен, что только читай или слушай: толковать нечего. А между тем я не могу сказать, смогу ли что сделать и теперь, приступая к беседам о нем».

После этого сомнения быть не может, что если и мужи ученые будут брать себе по стишку из этого псалма и поучаться в нем размышлением в продолжение дня, то это будет очень похоже на прорывание земли в том месте, где скрыто сокровище. Ройся только — найдешь. В каком бы кто возрасте духовном ни находился, всякий узрит должное и полезное себе. Блаженный Феодорит заключает мнение свое об этом псалме так: «Псалма сего достаточно к тому, чтобы желающих совершенной добродетели усовершить в ней, живущих в рассеянии возбудить к тщанию, упадающих в духе воодушевить, нерадивых исправить, одним словом, против различных человеческих немощей дать всякого рода врачевство». Святой Афанасий Великий, минуя все внешние соприкосновенности этого псалма, смотрит на него оком глубокого пустынника и говорит: «В псалме сем святой пророк описывает житие святых, подвиги их, скорби, труды, также восстания демонов, тысячи внушаемых помыслов, сети и прочие средства к уловлению, а вместе и то, чем святые одерживают победу: закон, словеса Божии, терпение, помощь свыше и, наконец, что последует за трудами — награды, венцы, воздания». Святой Амвросий пишет, что «и другие псалмы содержат нравственные уроки, но те суть, как звезды, рассеянные по небу, а этот, как солнце, изливающее в полдень обильный свет».

Такое богатство псалма сего и расположило нас посвятить размышлению о нем достойное время и, что Бог пошлет, предложить то вниманию богобоязненных и ревнующих о спасении своем христиан, в той уверенности, что это хоть какую-нибудь принесет им пользу. Святая Церковь видимо желает, чтобы мы потверже знали и поглубже понимали этот псалом, положив чтение его на каждой повседневной полунощнице, когда освеженная сном мысль бывает способнее и живее воспринимать, и глубже проникать.

Предлагая, однако ж, наши размышления, долгом считаем заявить, что тут мало что будет своего. Все будет заимствуемо у святых отцов и учителей Церкви, потрудившихся в толковании сего псалма. Святой Амвросий посвятил ему целую книгу; блаженный Августин в церкви всенародно предлагал о нем беседы; святой Афанасий Великий, блаженный Феодорит, святой Иларий вели толкование его наряду с толкованием всех псалмов. Кроме них, советниками нашими будут: Зигабен Евфимий и Анфим, блаженнейший патриарх Иерусалимский.

В изложении удержим разделение на восьмистишия, подражая святому Амвросию и блаженнейшему Анфиму, хотя этого нет ни в славянском, ни в греческом тексте, тем более что это не одно внешнее разграничение, облегчающее чтение и поддерживающее внимание и охоту, без влияния на внутреннее содержание. Думалось, что стихи каждого восьмистишия не представляют единства; но более внимательное исследование показало, что каждым восьмистишием заправляет одна мысль, на которую нанизываются стихи, как бисер на одну нитку. Само толкование и размышление покажет, насколько это верно.

Какая же общая форма изречений в этом псалме? — Это не притчи, а молитвенные обращения к Богу. Каждый стих есть молитва, но все об одном — об исполнении закона Господня. Душа, сознавшая, что спасение только в Боге чрез исполнение святой Его воли, беседует с Богом, моля Его просвещать, вразумлять, укреплять, избавлять от искушений внутренних и неприятностей внешних, восстановлять от падений, избавлять от врагов — словом, даровать ей, по милости Своей, быть благоугодною Ему. Повсюду идет речь теплая, обращенная к Богу прямо от сердца.

Еще одно замечание. Воля Божия, для нас обязательная, в продолжение псалма выражается не одним словом. Кроме обычного выражения — закон, заповеди, встречаются названия — свидения, оправдания, словеса, судьбы, судьбы правды, путь, путь истины, путь заповедей, путь оправданий, стези заповедей, советы и проч. Каждое из этих названий означает все ту же волю Божию о том, как нам жить, или тот же закон, только в разных его отношениях. Если какое-либо из этих наименований будет давать какой-либо оттенок мысли, содержащейся в изречении, то это будет указано в своем месте.

ПЕРВОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Стих первый

Блажени непорочнии в пути, ходящии в законе Господни. «Путем, пишет Феодорит, здесь пророк именует жизнь, которую все мы проходим от рождения до гроба».

Непорочны в пути те, которые живут непорочно, уклоняясь от всякого греха. «Кто никогда ни в чем не грешил, говорит святой Афанасий Великий, тот непорочен». Ходят в законе Господни те, которые, по выражению Феодорита, «жительствуют сообразно с законами Божиими», исполняют всякую заповедь, какая ни встретится по течению жизни, не опуская ничего из сознанного обязательным и ни от чего не отказываясь; иначе — которые делают всякое добро.

Таким образом, эти два пункта заповедуют то же, что в других местах пророк выражает словами: *уклонися от зла и сотвори благо,* отвечая на вопрос: *кто есть человек, хотяй живот, любяй дни видети благи?*[1] или кто в первом псалме сначала: ***не иде на совет нечестивых,*** а потом: ***в законе Господни воля его.***

Так вот кто блажен! Каким же блаженством? Внутренним или внешним, здешним или будущим? Если угодно Господу и не пагубно для человека, то дается и внешнее счастие; но внутреннее блаженство неотъемлемо от чистой и богоугодной жизни, которая, при всех внешних лишениях и недостатках, всякому приносит мир и радость, истекающие из спокойной совести и непостыдного воззрения в лице Господу, наполняет душу крепкою надеждою и возгревает в ней чувства, какие свойственно иметь детям к отцу. Такой человек всегда упокоевается в лоне промыслительной и благопопечительной любви Божией. Это — здесь; потому-то святой пророк и говорит: не *будут* блаженны, а *суть.*

Что же будет — *не у явися*[2]. Будет то, что и на мысль человеку не может прийти, — так оно полно, высоко, многоценно! Но путь тот же:

---

[1] Пс. 33, 13, 15. — [2] *Еще не открылось* (1 Ин. 3, 2).

непорочная жизнь по заповедям Господним. Там — отечество; здесь — чужая сторона; жизнь — шествие на родину. Между тем, все живут; следовательно, все идут к концу, но не все шествуют на родину, не туда метят, не туда приводит их путь. О, когда бы *тако тещи*, чтобы *постигнуть*![1] За чем же стало? Обещается блаженство неизреченное; блаженства же кто не желает, кто не ищет, кто для него не жертвует всем? И мы грешные, грехолюбивые, ради чего любим грех? — Ради того, что чаем обрести в нем блаженство; и хоть он обманывает нас и, вместо блаженства, томит и мучит, а мы все в нем валяемся: авось дождемся блаженства! Да, дождемся, как от репейника смоквы.

Блаженства все желают и ищут; оно есть двигатель всех деяний и предприятий человеческих, и больших, и малых. Но не все понимают, в чем оно и как к нему дойти, и даже понявши, не все так располагаются действовать, как нужно, чтобы достигнуть блаженства. В этом скрывается что-то непонятное. Человек осязательно терпит тут обман и даже некоторое насилие, и идет куда зря.

Блаженный Августин ведет об этом пространную речь. «Псалом сей с самого начала призывает нас к блаженству, предмету желаний всякого человека. Есть ли кто, был ли когда-нибудь, или будет ли такой, который не желал бы быть блаженным? Какая же нужда призывать к тому, к чему душа человеческая сама собою стремится? Ведь когда кто призывает к чему, то склоняет волю того, к кому обращает речь, устремиться к предлагаемому им. Что же это с нами делают, убеждая возжелать того, чего не желать не можем? Не лишняя ли это речь? — Нет, не лишняя; блаженства все желают, но как его достигнуть — не все знают. Словами *блажени непорочнии* говорится как бы так: знаю, чего ты желаешь — ты ищешь блаженства, так, если хочешь быть блаженным, будь непорочен. Но в том-то и дело, что блаженства все желают, а того, без чего достигнуть нельзя желаемого всеми, желают очень немногие. Вот он и выставляет наперед всеми желаемое блаженство, и тут же предлагает непорочность чрез хождение в законе Божием, дабы чрез то, чего все сами желают, расположить и к тому, чего не все желают. Быть блаженным есть столь великое благо, что его желают и добрые, и недобрые; и то не дивно, что добрые ради его добры; но то достойно всякого удивления, что и недобрые недобры из желания быть блаженными. И преданный чувственным удовольствиям, и ищущий богатства и почестей, и опутавшийся всякими пороками — все ищут блаженства. Вот этих-то блуждающих и ожидающих себе блаженства от пагубы и вызывает на должный путь

---

[1] 1 Кор. 9, 24.

Божественный сей глас, если только его услышат: *блажени непорочнии в пути, ходящии в законе Господни.* Он гласит как бы так: куда идете вы? Вы гибнете, сами того не зная. Куда вы достигнуть желаете, туда идут не тою дорогою, какою вы идете. Конечно, вы желаете блаженства; но та дорога, какою вы идете, ведет в пагубу. Перестаньте же искать такого великого блага на таком злом пути. Вот куда идите, вот какою дорогою шествуйте! Оставьте пагубу путей развращенных, вы, которые не можете оставить желания блаженства. Напрасно вы мучитесь, стремясь туда, где вы только пятнаете себя. Не те блаженны, которые пятнают себя грехом и ходят в развращении века; но те, которые *непорочни в пути и ходят в законе Господни*».

И то правда, что путь этот притруден и многоопасен. Путь заповедей сам в себе чист; но идущие по нему идут непрестанно под дождем грязных брызг, которые если попадут, то не остаются на одной поверхности, а въедаются внутрь. Их приходится не стирать только и смывать, но вырезывать и выжигать. Святой Макарий изображает этот путь пролегающим среди терний и трясин, где скрываются гады ядовитые и звери, а по местам воткнуты копья и мечи. Сколько тут требуется внимания, напряжения, труда, борьбы! Посему-то слово *непорочни* в подлиннике есть то же, каким обозначают агнцев, назначенных для пасхальной жертвы. Это, между прочим, указывает на то, что вступившие на путь заповедей для того, чтобы быть непорочными, должны обречь себя, как на заклание. Только тот, кто в самом начале положил считать себя уже как бы умершим, возможет устоять против всех соблазнов и трудностей: потому что кто считает себя мертвым, тому что еще может встретиться невыносимое? Все такое меньше смерти. Вот это-то и значит, что Господь сказал: *иже хощет по Мне ити, да отвержется себе*[1].

Если б можно было так, что когда сделал должное, а когда и нет, то было бы сподручнее. Но так нельзя; из такого действования ничего не выйдет. Это то же, что строить да разорять; уж идти, так идти. Греческое слово πορευόμενοι — ходящие, дает мысль, что идущие идут не останавливаясь, не обращая ни на что внимания, не пугаясь преград, — идут, как течет какая-либо величавая река, пока войдет в море. «Пророк, говорит блаженный Феодорит, ублажает тех, которые неуклонно шествуют путем царским и, следуя внушениям закона, не совращаются ни на правую, ни на левую сторону», а святой Амвросий продолжает: «Непорочно ходящий в законе Господни не перестает никогда ходить этим путем, чтоб не перестать быть непорочным, не уклоняется ни на десное, ни на шуее[2], не озирается туда и сюда, не стоит неподвижно, словно ожидая чего, но шествует, *задняя забывая, в предняя же простираяся,* держа путь к известной цели, *к почести вышняго звания*»[1]. Вот чего надобно добиваться! А то многие начинают течь, но конца не достигают. «Не вступить только надо на путь, говорит святой Иларий, но и продолжать шествовать им до самой цели. Пока кто идет по пути, тот еще не достиг того, к чему стремится. Потому-то блаженный Павел и говорит: *не яко достигохъ... гоню же...*[2] Вот и он стремился, и стремился так, что задняя забывал. Тот только и достигает блаженства, кто так устремляется надеждою в будущее».

---

[1] Мф. 16, 24. — [2] Ни направо, ни налево. — *Ред.*

Стих второй

Блажени испытающии свидения Его, всем сердцем взыщут Его.

Свидения – свидетельства. Так называет святой пророк закон, потому что закон свидетельствует о воле Божией, о том, как говорит блаженный Феодорит, «чего хочет от нас Бог, как желает быть благоугождаем от нас и что воздает тем, которые следуют Его повелениям, и тем, которые не следуют». Свидениями, впрочем, называется здесь вообще слово Божие. Свидетель обыкновенно говорит слово о том, чего другие не знают, с удостоверением, что говорит правду. Мир духовный и все тайны, касающиеся Божеского естества, мироздания, мироправления, искупления и возустроения всяческих[1], для нас неведомы. Бог Сам дал о них свидетельство. В этом смысле свидения обнимают все словеса Божии, все Божественное откровение. То и другое,— закон ли только разуметь, или все слово Божие,— называться свидетельством может и потому еще, что истина того засвидетельствована удостоверительно для всех, так что сомневаться в том не только неразумно, но и богоборно. Сам Бог торжественно изрекал закон; Духом Божиим движимые пророки истолковывали его, предживописуя и имеющее быть искупление всех; Сын Божий — Бог, воплотившись, возвестил явно об Отце и изъяснил волю Его и Свою, вступив с человечеством в Новый Завет; Духом Божиим исполненные апостолы возвестили эти тайны всему миру и во всем мире воздвигли единую Святую Церковь, хранительницу истины.

---

[1] Флп. 3, 13, 14. – [2] Флп. 3, 12.

Таким образом, слово Божие — от Бога; следовательно, оно непреложно истинно, ибо Бог есть истина. Бог Самим Собою свидетельствует, что слово Его истинно. Но и дав слово Свое в руководство людям, Он не переставал, во все продолжение его существования на земле, свидетельствовать, что оно истинно непреложно, защищая и покровительствуя тем, которые исповедуют истину его, и поражая наказаниями тех, которые против совести восстают на него. Особенно же свидетельствует Он это тем, что людям, верным слову, дает испытать и ощутить сердцем все то, что обетовано верным слову в слове Божием.

---

[1] Сотворения вселенной.— *Ред.*

Испытывать свидения Божии, закон или вообще слово Божие можно или только умом, или не умом только, но и делом: первое предшествует вступлению на путь воли Божией, изложенной в слове, а другое последует за ним.

Предшествующее делу испытание слова Божия — умовое исследование его и изучение, одно делается в видах только знания, а другое — в видах последования ему.

Можно изучать слово Божие и без следования ему, если не по упорному противлению Божию званию, то по отлагательству дела, говоря в себе: теперь изучим слово, а по времени станем жить по нему. Такое голое знание слова Божия не может быть полно и удовлетворительно, потому что наибольшая часть истин его понимается уже после вступления на путь последования ему. По происхождению своему оно наиболее ограничивается теоретически — умовою стороною открываемого, даже и в тех предметах, которые касаются деятельности. И всегда путает, потому что построевать умом теории об открываемом в слове Божием, без соответственной жизни, есть то же, что во внешних науках строить умозрительные системы без опыта. Пространно об этом голом знании и о путаниях его пишет святой Исаак Сирианин в своем послании к преподобному Симеону Чудотворцу. Остающиеся при одном этом знании, конечно, не могут быть названы блаженными. Напротив, такое знание скорее послужит к осуждению их. *Раб, ведевый волю господина своего, и не уготовав, ни сотворив по воли его, биен будет много*[1]. При всем том, и такое знание может быть спасительно, если слово Божие испытывается не злонамеренно, не с упорством, а с некоторым, хотя малым, сочувствием. Собираются истины Божии в то же сознание, где присутствует и мрак греголюбия, и суетность. Свет Божий не может не обличать этой тьмы, а совесть, внимая сему, не может не воздвигать голоса своего, вразумительного и понудительного. Придет момент, когда изучающий слово Божие умом и желанием обратится к указаниям его, и положит намерение следовать ему неуклонно. В таком случае все прежде собранные сведения из слова Божия послужат ему готовым материалом к образованию внутреннего человека, как для возбудившегося в семени ростка служат первою пищею окружающие его элементы в самом же семени.

Испытание слова Божия, в видах последования ему, одно бывает с тем, чтобы начать следовать ему, а другое — чтобы, начавши, лучше следовать ему. Слышит кто, что все, что он думает и что делает, ложно и худо и что истина содержится только в слове Божием, – берет слово Божие, читает, внимает, образумливается и решается следовать его указаниям и требованиям. Вслед за святым мучеником Иустином, сколько было таких в Церкви Божией, которые, начав добре, потом совершенно очистились, стали сосудами благодати и прославляются ныне Церковию! И ныне они есть. Даже между христианами есть много совсем не читавших слова Божия и не знающих, что требуется от них святою верою и крещением; но когда, каким-нибудь образом, наведены они бывают на чтение его, просвещаются умом и сердцем и становятся непостыдными делателями в доме Божием. Но и тем, которые уже начали идти путем заповедей Божиих, нельзя оставаться без испытания слова Божия, потому что не вступить только должно на путь Божий, а следовать им до конца, и притом прямо, не уклоняясь ни туда, ни сюда. Вразумления же относительно сего негде взять, кроме слова Божия. Потому-то, начавши следовать слову Божию, они никогда не выпускают его из рук, изучая его и питаясь им, и имея законом на всякое дело свое, предпринимаемое и делаемое ими, иметь свидетельство из слова Божия. Не умеющие читать изощряют слух свой в храме Божием и, как птица по зернышку, собирают слова Божии, и, богатясь ведением его, день ото дня становятся премудрыми в слове, способными нередко научать духовной жизни и многоученых.

---

[1] Лк. 12, 47.

Кто же блаженны из всех их? — Блаженство испытующих свидения Божии начинается с момента решимости следовать им делом. Хотя они не успели еще стать непорочными в пути и чистыми сердцем, как требуется первым стихом для блаженства, но они уже начали движение к блаженству, начав искать Господа, — блаженны еще пока надеждою, которая несомненно вскоре приведет их и к действительному вкушению блаженства. «Таковые, говорит блаженный Августин, надеждою блаженны, подобно тому, как *блажени изгнани правды ради*, — не тем, что есть, ибо испытывают зло, а тем, что прибудет им: *яко тех есть царство небесное*[1]». Если они надеждою блаженны, то надеждою можно быть и непорочным. Ибо в жизни сей, хотя бы со всем усердием старались мы ходить в законе Господни, но *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас*[2].

Воистину же блаженны из испытующих свидения Божия те, которые самым делом испытывают все, что указано в слове Божием. И начавшие следовать слову Божию не вдруг вводятся в опыты духовные. Вначале они неспособны к тому: слишком много еще шума и смятения в душе и сердце их. По времени же, когда уляжется волнение, начинается и опытность духовная, с маленьких случаев и до больших. Чем дальше, тем больше; наконец, они приобретают и *чувства, обученные в разсуждении добра и зла*[1]. Вот примеры: каемся, и получаем разрешение; но тут же дается и удостоверительное чувство помилования, хотя в силе оно приходит после трудов покаянных. Кто это ощутит, тот на деле испытывает, что есть отпущение грехов. Кто не знает, сколько благ Господь! Но иной вкушает и чрез вкушение уже ведает, яко благ Господь. Все мы молимся; но есть молитва, которая сама молится и увлекает вслед за собою всего внутреннего человека. Кто это испытывает, тот только и знает, что есть молитва. Сколько бывает внутренних изменений в человеке: то он в радости, то в печали, то в страхе, то в чувстве безопасности и надежды; но все такие чувства бывают и с правой, и с левой стороны. Есть радость о Господе и печаль по Богу; и есть радость и печаль поддельные. Есть страх Божий и надежда спасительная, и есть страхование пустое и надежда обманчивая. Все подобные проявления жизни в духе испытываются делом, изучаются опытно и, изученные, вступают в руководительные начала жизни. Чем же блаженны такие люди? — Тем самым, что испытывают; к ним-то тогда приложимо слово: *Царствие Божие внутрь вас есть*[2].

---

[1] Мф. 5, 10. — [2] 1 Ин. 1, 8.

---

[1] Евр. 5, 14. — [2] Лк. 17, 21.

Но есть еще высшее испытание свидений Божиих; испытание делом принадлежит деятельной жизни; есть жизнь созерцательная, в которой и испытание созерцательное. Неуклонное исполнение заповедей приводит к очищению сердца; сердце же чистое открывает уму окно в духовный мир, и он созерцает там предметы, как глаз смотрит на видимое во вне. Во всех писаниях отеческих упоминается, что деятельная жизнь по заповедям приводит к созерцанию и что ум, достигнув этой степени, созерцает тайны Божии. В чем это состоит и как оно бывает — ведают те, которые сподобляются сего. Примем это верою, так как это вообще свидетельствуется всеми, а что можно и в настоящем стихе разуметь это, положимся на многознающих мужей. Зигабен приводит следующие слова Евсевия на это место: «Святой пророк идет вперед по порядку. Первые блаженные — непорочные в пути, никогда и никак не соступающие с пути закона; это деятельные мужи. Вторые, востекши на высшую степень, бывают блаженны, так как не нрав только исправляют, но и созерцают глубины свидений Божиих; это — созерцательные».

С испытанием свидений пророк поставляет в непосредственной связи всесердечное взыскание Господа: *всем сердцем взыщут Его*. Взыскание Господа начинается с того времени, когда начинается чтение слова Божия, в видах последования ему. Когда же кто решается следовать требованиям и указаниям его, тогда, вместе с тем, вступает он на стезю деятельного взыскания Его; и потом — какие степени проходит испытание свидений, вместе с ним проходит свои степени и взыскание Господа. Они друг друга возбуждают, поддерживают и оживляют. Но цель — взыскание Господа не в том только, чтоб искать и искать; но, искавши, найти и, нашедши, пребыть с Ним и в Нем, обладая Им и будучи обладаемым от Него. Как только решается человек следовать заповедям, ища Господа, Господь принимает его. Но опять-таки искание Господа еще бывает смешано со многими другими исканиями, которые его перебивают. Когда же кто вступает в состояние опытности духовной — взыскание Господа выступает вперед и занимает преобладающее место: все другие искания ему подчиняются и им направляются; затем оно занимает все сердце и становится исключительным. Это уже в последних степенях деятельной жизни и в жизни созерцательной, отличительная черта которой — душа и Бог, и больше никого и ничего.

Приведем три свидетельства наших толковников относительно этого взыскания. Всякий сам увидит, к какому состоянию какое из них относится.

Блаженный Анфим Иерусалимский говорит: «В этом стихе святой Давид показывает способ, как люди делаются ходящими в законе Господни. Когда, говорит он, станут испытывать свидения Его; когда то есть трезвенным и чистым помыслом станут исследовать словеса Его, истина коих засвидетельствована и исповедана, — тогда и Господа взыщут не только знанием и пониманием словес Его, но и сердцем, любя Его и всегда творя угодное Ему».

Евфимий Зигабен пишет: «Кто читает закон и словеса Божии с углубленным вниманием и постигает духовное сокровище, сокрытое внутри, тот, в силу такого углубления, начинает от всего сердца искать Бога, узрев умно красоту Его и вкусив сладчайшего света Его. Тогда отрешается он от всего вещественного и услаждается Им единым».

Блаженный Феодорит уверяет: «Всесердечное взыскание возможно не всякому, а только достигшему самого верха добродетели; такой человек не делит уже ума своего на помышления о Боге и о чем-либо житейском, но всего себя посвящает Богу».

Стих третий

Не делающии бо беззакония, в путех Его ходиша.

По еврейскому тексту стих этот читается так: «Такие не делают уже беззакония, в путях Его ходят». Не другая речь и в нашем тексте. Вместо *делающии* поставим *делая*, на что дает нам право греческое слово, и получим: «не делая беззакония, они в путях Его стали ходить», — стали ходить так решительно, что установились в этом хождении навсегда. Кто ж это такие? — Те, которые дошли до показанных перед сим степеней, вступили в состояние созерцания и пребывают с Господом, взыскав Его всем сердцем и обретши Его. Что им приписывается? — То, что они, хранимые всеобъемлющею благодатию пребывающего в них Господа, никак не позволяют себе сделать что-либо неугодное Господу, оскорбить Его каким-либо беззаконием, но всегда неуклонно, и мыслию, и чувством, и делом, ходят в единых путях Божиих, не общих только, указуемых общими предписаниями, но и частных, определяющих всякую в жизни случайность.

Тут указывается высшее духовно-нравственное состояние, в котором находились святые апостолы и после них многие равноапостольные мужи. К ним-то относятся слова апостола Иоанна: *всяк рожденный от Бога, греха не творит, яко семя Его в нем пребывает, и не может согрешати, яко от Бога рожден есть*[1]. Возрождение зачинается в крещении, но в совершенстве является на последних степенях духовного преспеяния, когда внутри человека все бывает пожерто Господом[2], и он является вполне обновленным, по образу Создавшего его, — является то есть в духе сыном Богу по явному в нем богоподобию. Святой апостол Павел определяет характер таких людей неподательною любовию: *кто ны*, говорит он, *разлучит от любве Божия?* — Ничто, ни на земле, ни на небе, ни в настоящем, ни в будущем; потому что любовь никогда не отпадает. Такие люди во всех путях своих *водятся* уже *Духом Божиим*[1], как это явственно оправдалось на святом апостоле Павле, который о всех своих начинаниях и делах говорит: *не доволни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но довольство наше от Бога*[2]; потому что Он есть *действуяй в нас, и еже хотети и еже деяти о благоволении*[3]. Такие лица суть орудия Божественного промышления о нас.

---

[1] 1 Ин. 3, 9. — [2] Принесено в жертву Господу. — *Ред.*

Таким образом, здесь слово *пути* означает не одни заповеди, но вообще пути промышления Божия, которыми определяется для всякого все наилучшее и спасительнейшее. Вся беда наша в том, что мы не попадаем на след промыслительных определений, а не попадаем оттого, что младенчествуем духом. Те же, которые взошли в эту меру, не только свое все видят, но и чужое. Умеют они определить самым точным образом, что кому, по намерениям Божиим, следует делать. Припоминаю, что к отцу Серафиму Саровскому многие приходили с вопросами о путях жизни, и очень многим он определенно сказывал, какого пути держаться, чтобы не погубить души своей. Одной страннице сказал он: «Ступай, сиди дома и работай, и тем кормись сама да еще милостыню подавай». Другому страннику, хотевшему поступить в монастырь, он велел странствовать, потому что жить в обители ему не спасительно. Для других он сказывал другое. И много бывало и есть таких зрителей путей Божиих. К такому совершенству и все мы предназначены и если лишаемся такого дара, то единственно по нерадению и беспечности, а более по грехолюбию; оттого много толчемся в жизни без толку, делаем и переделываем, идем и возвращаемся, и разнообразно перекрещиваем пути жизни. Будем, по крайней мере, желать и молить Бога, чтоб Он не лишал нас таких мужей, которые могли бы видеть все пути Его, и как сами ходят в них, так и другим указывали бы их. Путь же к этому единственно тот, которым шел старец Серафим и подобные ему.

---

[1] Рим. 8, 14, 35. — [2] 2 Кор. 3, 5. — [3] Флп. 2, 13.

Святой Макарий спрашивает: «Могли ли апостолы согрешать?» — и отвечает: «Не могли, но были, однако ж, свободны делать что хотели». Благодать не вязала их, но они сами не соглашались грешить. Вот его слова: «Согрешать они не могли, потому что, пребывая во свете и при такой благодати, не превозносились. Впрочем, утверждаем, что благодать попускает и совершенным духовным мужам иметь свои изволения и возможность делать что хотят и преклоняться на что угодно. И самая природа человеческая, будучи немощна, имеет возможность уклоняться от сопребывающего с нею добра»[1].

Блаженный Августин решает вопрос: «Каким образом святые, не делая беззакония, в делах Божиих ходят, между тем как истинно то, что *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины несть в нас?*[2] Это недоумение, говорит он, решено апостолом Павлом, который говорит о грехах святых в своем лице: *не аз сие творю, но живый во мне грех*[3]. Если живет в нем грех, то как сказать, что он без греха? И, однако ж, он ходит в путях Божиих и не делает беззакония, ибо хотя и есть оно в нем, но не он его творит, а живущий в нем грех. Это решение, однако ж, таково, что рождает другое, более трудное, недоумение: как делает человек то, чего сам не делает? Потому что он сказал и то, и другое: и *не еже хощу, сие творю,* и *не аз сие творю*[4]. Когда грех, живущий в нас, действует в нас, тогда не мы это делаем, как скоро наша воля не соглашается с ним и удерживает члены тела от повиновения ему; ибо что грех делает в нас без нас, кроме одних прираже- ний и приманок к непозволительному? Если не последует согласия на то воли, то некая страсть (affectus) хотя и бывает в движении, но ей не уступается никакое действие (effectus). Это предписал тот же апостол, когда сказал: *да не царствует грех в мертвеннем вашем теле, во еже послушати его в похотех его; ниже представляйте уды ваша оружия неправды греху*[1]. Итак, грех действует в нас через греховные похоти, которых, если послушаем, то и будем действовать греховно. Если же, последуя апостолу, не послушаем их, то не мы уже будем это делать, но живущий в нас грех. Если бы мы не имели никаких таких непозволительных движений, то ни мы, ни живущий в нас грех не делал бы ничего худого. Это движение непозволительной похоти, не слушаясь которой, мы не делаем ее, потому почитается нашим делом, что оно есть немощь не чужой, а собственной нашей природы; такой немощи совершенно избавимся мы только тогда, когда не душою только одною, но и телом станем бессмертны. Таким образом, мы и в путях Божиих ходим, не слушаясь похотей греховных, и не бываем без греха, потому что носим в себе похоти греховные. Еще вопрос: словами молитвы Господней: *остави нам долги наша* что мы просим отпустить,— дела ли, которые делаем, повинуясь похотям греховным, или самые эти похоти, которые не мы творим, но живущий в нас грех? Я полагаю, что вина той немощи или болезни, из которой возникают греховные похоти, что апостол называет грехом[1], вся прощена нам в таинстве крещения, со всем, что наделали мы до того, повинуясь ей словом, делом и помышлением; и после сего эта немощь нисколько не вредила бы нам, хоть и была бы в нас, если бы мы никогда ни в чем не слушались похотей ее, ни словом, ни делом, ни тайным согласием, пока, наконец, уврачевалась бы и она сама, и исполнилось в нас: *да приидет Царствие Твое.* Но поелику *искушение есть житие человеку на земли*[2], то хотя мы и далеки от явных прегрешений, но случается, что увлекаемся вслед движений греховных словом, делом или помышлением. Бодрствуем мы против больших грехов, но прорываются, по какому-либо невниманию и неосторожности нашей, маленькие грехи, которые, однако ж, если собрать все, то они не могут не тяготить нас. Вот по причине их-то и те, которые всегда ходят в путях Божиих, молятся искренно: *остави нам долги наша*».

---

[1] Преподобного отца нашего Макария Египетского Духовные беседы, послание и слова. Беседа 27, 11. — [2] 1 Ин. 1, 8. — [3] Рим. 7, 20. — [4] Рим. 7, 20.

---

[1] Рим. 6, 12—13.

Стих четвертый

Ты заповедал еси заповеди Твоя сохранити зело.

В трех предшествующих стихах святой пророк указал общий очерк нравственно-религиозной жизни, с чего она начинается, через что проходит и чего достигает. С четвертого стиха начинаются его богомысленные и молитвенные обращения к Богу по всем сторонам и всем частностям этой жизни.

---

[1] Рим. 7, 7—15. — [2] Иов. 7, 1.

На первом месте поставлено первое и главнейшее, именно, обязательство к *зельной*[1] ревности о хранении заповедей, *зельно* заповедуемых. Эта ревность есть неистощимый источник добрых дел и всей богоугодной жизни, есть купина, горящая в сердце и не сгорающая. Заградите источник — прекратится течение освежающей и оживляющей воды; подавите ревность — престанет всякое доброделание и всякая мысль о богоугождении. Погасите огонь — не станет ни света, ни тепла; погасите ревность — душа не будет лежать ни к чему доброму, совсем охладеет к жизни по Богу. По такой существенной важности ревнования о хранении заповедей, прежде всего о ней и упоминает святой Давид. Но, чтобы поддержать ее, тут же напоминает он, что такая *зельная* ревность потому обязательна, что сами заповеди *зело*[2] заповеданы, *зельное* заповедание заповедей естественно вызывает и *зельное* хранение их. Слово *зело* блаженный Августин относит и к *заповедал*, и к слову *сохранити*, хотя очевидно более и прямее идет оно к последнему.

Таким образом, Бог *зело заповедал заповеди*, то есть заповедал нам их не как нечто только более полезное и более гожее, а как дело существенно необходимое, без которого для нас неизбежна погибель. Вот вам тесный путь заповедей: идите им, и придете в живот. Но есть и широкий путь беззакония; если им пойдете, то он ввергнет вас в вечную погибель. *Зело заповеданы* заповеди и в том смысле, что Господь нигде и никогда не показал равнодушия к исполнению их; не мимоходом, так сказать, проговорил их, держа Себя потом так, что Ему как будто дела нет, исполняют ли их или нет; а, дав заповеди, ревнует о том, чтоб они были исполняемы. Для того и громы и молнии при законодательстве; для того угрозы и действительные страшные казни неисполнителям и благословения исполняющим их. Потому-то святые Божии и исповедали, что Он есть *Бог ревнитель*. К заповедям Своим вот в какое отношение ставит Он Сам Себя: *аще хощете и послушаете Мене, благая земли снесте; аще ли не хощете и не послушаете, мечь вы пояст*[1]. Помяни изгнание из рая, потоп, Содом и Гоморру, пагубу египтян, истребление хананеев, плен вавилонский, разорение Иерусалима и храма с рассеянием народа еврейского и многие подобные суды Божии на грешников, и ты не можешь не сказать, что Бог заповеди Свои заповедал *зело*.

---

[1] Сильной. — *Ред.* — [2] Сильно, точно, тщательно. — *Ред.*

Если не станешь холодно относиться к таким событиям, то не можешь и сам не сделаться *зельным* ревнителем хранения заповедей. *Зело* заповедавший заповеди Господь требует, чтоб и мы *зело* хранили их.

---

[1] Ис. 1, 19–20.

«Такое *зельное* хранение, говорит патриарх Анфим, требует, чтобы мы со всяким тщанием и постоянным усердием, без ропота и рассеяния, хранили заповеди; не кое-как, прибавляет Феодорит, а во всей точности, — требует, чтобы мы не с рассеянною мыслию и беззаботным сердцем действовали в кругу заповедей, но всеусердно, со всем вниманием, тщанием и попечительностию исполняли повеления Божия, с благоговением к Тому, Кто дал их; только при этом наши дела послужат к нашему преспеянию[1] в вере. Если же мы будем делать их с нерадивым сердцем и умом, занятым другими помышлениями, то только внешне, членами тела будем исполнять долг, что, по причине сердечной небрежности, не имеет достоинства богоугодного действования», как замечает святой Иларий.

Таким образом, указание на *зельное* хранение заповедей предостерегает нас не от явного нарушения их, а от неисправного, неполного, неугодного Богу исполнения их и, следовательно, граничащего с их нарушением.

Больше всего погрешаем мы в этом отношении бессердечностью. Дела исправны, но в них не бывает сердца, да и душа-то не всегда. Потому-то мы встречаем у святых учителей наших беспрестанное напоминание: смотри, чтобы где тело, там было и сердце с умом. Кладешь поклон — и в сердце благоговейно падай перед Всевидящим и Вездесущим; подаешь милостыню — делай это с сердцем, обращенным к Тому, Кто готов невидимо принять ее, если так поступишь; прощаешь обиду — прощай, разумея ее как епитимию, посланную от Бога для исходатайствования тебе самому прощения. Так и во всем, во всех делах должно быть присуще истинное благонастроение внутреннее, от которого получает всю свою цену и внешняя деятельность.

---

[1] Преуспеванию. — *Ред.*

Великое наше насчастие, что мы все обращаем в форму и не только тогда, когда начинаем с формы, увлекаясь одним подражанием, но и тогда, когда начинаем действовать с настоящим строем сердца. После нескольких приемов делания одного и того же с участием сердца сердце начинает равнодушничать, мысль блуждать и дело делается только по форме. Этим недугом могут страдать все благочестивые навыки, даже те, которые сопряжены с своего рода трудами и тяготою в исполнении. Как же быть? — Никакого против этого нет средства, кроме наложения на себя такого правила, чтобы всегда начинать только, не думая, что делаемое когда-либо было делано. Всякий раз, приступая к нему, приступай как в первый раз. Когда святой Павел говорил, что он простирается вперед, забывая все заднее, то хоть и не сказал он, что потому и стремится вперед, что заднее забывает, а в существе дела это так. Положивший себе такой закон приобретает навык все делать усердно, с сердцем и вниманием, и избегает того приговора, который изрекается в Апокалипсисе: *ни тепл еси, ни студен, изблевати тя от уст Моих имам*[1].

То несомненно, что постоянное, горячее ревнование о хранении заповедей есть дело благодати Божией, она возбуждает его, она и хранит; но это не значит, что нам самим можно и руки опустить. Напротив, наш долг постоянно разжигать самих себя собранием разнообразных побуждений к хранению заповедей и обложением ими сердца своего. Это будет то же, что подкладывать дрова в горящую печь. Когда будет такое усилие с нашей стороны, то и благодать будет воздействовать, превращая наше малое в большое; а когда не будет, то и благодать отойдет. Часто спрашивают: от чего охлаждение? — Да всегда почти от того, что сознательно, по рассеянности, допущена небрежность в том деле, к которому оказалось охлаждение. Это есть внутреннее наказание от вразумляющей нас благодати.

Стих пятый

Дабы исправилися путие мои, сохранити оправдания Твоя.

---

[1] Апок. 3, 16.

Исправилися — стали прямыми, приняли правое направление. *Путие* — все шаги мои, все начинания и предприятия, все, что ни замышляю делать, и внутренний строй, и внешние деяния. *Сохранити* — так то есть, чтобы я, восприяв эти оправдания в совесть, осуществлял их потом всею своею деятельностью, чтоб они составляли душу всех моих дел. *Оправдания Твоя*, то есть то, что Бог почитает правым, *елика истинна, елика честна... елика доброхвална, аще кая добродетель и кая похвала*[1]; или еще: *что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная*[2].

Таким образом, пророк выражает желание быть во всем исправным пред лицем Бога и всегда благоугождающим Ему посредством хождения во святой Его воле.

Но сила стиха сего не в этой исправности и богоугодности, а в воззвании: *дабы*, которое, по святому Афанасию, употреблено вместо: *о, если бы; о, если бы исправились пути мои!* Не говорит: о, если бы *исправил* я пути свои, но исправились, какими — Господь весть судьбами. Этим выражается то, что хотя желание-то и есть, да сил нет. *О, если бы!* — это то же, что «помоги Господи, дай силу, ниспосли благодать Свою». Блаженный Августин говорит по этому поводу: «Иные думают, что в стремлении нашем к святости вся помощь свыше ограничивается лишь сообщением нам ведения о заповедях, так что, познав их, мы без особой уже благодати, одними своими силами, можем исполнять их. Для вразумления таких святой пророк выражает здесь желание высшей благодатной помощи к хранению заповедей Божиих уже после того, как им приняты были заповеди Божии, о чем сказано в предыдущем стихе. Он как бы так говорит: «Я уже получил заповеди, которые Ты заповедал хранить *зело*; я знаю их; но *заповедь* Твоя *свята и праведна и блага*; я же продан под грех, который и *благим мне содевает смерть*[1], если не поможет благодать Твоя. Помоги же!»

---

[1] Флп. 4, 8.— [2] Рим. 12, 2.

Сказав впереди, что Бог обязывает нас к *зельному* хранению заповедей, *зело* Им заповеданных, святой пророк не прибавил никакого заключения, вроде, например, такого: «итак, будем ревновать»; это он сам для себя изрек, молча, в сердце своем, давая пример сделать то же и всякому, самому же. Дело очевидное: Бог повелевает — тварь должна повиноваться без рассуждений. Но, понуждаясь на это, он встречается с шаткостию намерений человеческих, с немощами и бессилием человеческой воли, опытно им дознанных, и вопиет о помощи свыше — благодатной.

И это есть второй производитель деятельной богоугодной жизни, рядом со своею усиленною ревностию о том. Дело жизни богоугодной спеется обоими ими нераздельно. Ни благодать без наших свободных усилий не станет помогать, ни наши усилия ничего прочного произвести не могут без благодати. Дело совершается при сочетании свободы и благодати. Не спрашивай, что больше, что меньше, что начинает, что последует, потому что этого не постигнуть нам; но просто содержи, что то и другое равно необходимо, когда одно без другого ничего в нас не может сделать.

---

[1] Рим. 7, 12—13.

Спеши поскорее выполнить, что от тебя зависит, подобно святому пророку Давиду, который сказал сначала о ревности, а потом воззвал и к благодати. Божие всегда готово, лишь бы мы были готовы. Потому-то и не усиливает он своего моления, а только взывает: *о, когда бы исправились пути мои!*

Припоминаются при этом сравнения, которые так пригодно подбирает святой Макарий для выяснения той истины, что ревновать — ревнуй, но помни, что без помощи свыше ни в чем не успеешь — ни в общем ходе жизни, ни в частных делах. Ищущий, но бессильный — это у него то больной богач, окруженный своими близкими, которому ни они со всем своим доброжелательством, ни он сам со всеми средствами помочь не могут и вынуждены послать и сыскать врача, знающего дело; то дитя, которое есть ли хочет или другого чего желает, будучи не в силах сдвинуться с места, кричит только, чтобы мать услышала; то имеющий нужду переплыть чрез реку, который ищет пригодного к тому судна.

Всем этим убеждает он, чтобы мы не надеялись на себя, а искали Божией помощи и благодати. Казалось бы, нечего и убеждать, и, однако ж, на деле бывает так, что пока человек живет в нерадении, дотоле он чувствует себя сильным и держится той мысли, что ему сто́ит только начать, и все в себе он сам переправит. Даже начав дело исправления себя, все еще полагается на свои труды, все еще много приписывает своим усилиям и многого ожидает от них. Уже довольно спустя, когда, добросовестно трудясь, увидит, что все как-то не спеется, он начинает переходить на надежду и предание себя Божию изволению и попечению, и опять-таки не вдруг, а понемногу, ибо все думается ему: на что же мне и силы? Наконец, уже выбившись из сил и не находя желаемого и ожидаемого, бросает он свои оружия и остается с одним воплем: *имиже веси судьбами, спаси мя!* — доходит то есть до того, в чем стоял святой пророк Давид, когда взывал: *о, когда бы исправились пути мои!*

Стих шестой

Тогда не постыжуся, внегда призрети ми на вся заповеди Твоя.

Не постыжуся — не посрамлюсь, не буду пристыжен тем, что начал и отстал, не доведя дела до конца. Что же начато? — Начато ревностное хождение во всех заповедях. Постыжается кто если или совсем перестает идти сим путем, или не все то делает, что должно. Перед кем стыд? — Пред совестью, пред Богом, пред ангелами, пред святыми на небесах и пред собором земных благоговейников, потому что живой союз со всеми ими неотлучен от сознания ревнителя доброй жизни; он чувствует себя ходящим под взором их. Потому, сколько правое хождение веселит и ободряет, столько уклонение от пути истинного постыжает при мысли о том. Внутренний стыд — от уступок страстным внушениям и влечениям; внешний — от поползновения на дела неподобные, высший — от того и другого. И не убежать от этого стыда, ибо тут совесть, от которой ни заповеди ведомой скрыть нельзя, ни дела сделанного припрятать. Не то, чтобы вследствие сего и делать все лишь с тем, дабы не ударить себя в грязь лицом; но ведь и положение ударившего себя в грязь лицом довольно срамно и не может не остерегать. Человек — творение высшего достоинства; этого он не может скрыть от себя, но это должно вести его не к тому, чтобы величаться, а к тому, чтобы держать себя по достоинству, что можно и без величания. Святой пророк говорит только, что пребуду на непостыдном пути, если буду призирать на все заповеди Твои, Господи.

Блаженный Феодорит пишет: «Плод законопреступления есть стыд. Так сказал и божественный апостол: *кий убо тогда иместе плод, о нихже ныне стыдитеся?*[1] А исполняющие все Божии заповеди имеют дерзновение в совести». Святой Амвросий выводит на среду прародителей и говорит: «Молись, чтоб исполнить тебе все заповеди и не быть посрамлену. Уж был ты покрыт стыдом во Адаме и Еве; уже чувствовал себя обнаженным и спешил прикрыться листвием; уже подавлял тебя срам наготы, и ты покушался укрыться от лица Божия. Стало быть, знаешь, как тяжел стыд преступления заповеди: позаботься же ходить во всех заповедях Божиих».

Но сила стиха сего в слове — *призрети*. Сначала святой пророк указал возжелавшему пожить богоугодно весь путь жизни, изобразив его начало, продолжение и конец; потом снарядил его в путь, возбудив ревность и облекши благодатною силою; теперь дает ему напутственные наставления, то есть, что надо иметь, дабы пройти успешно начатый путь. На первом месте поставляет он строгое внимание; ибо *призрети* значит устремлять на что-либо взор, приковать его к тому. Собранное внимание — условие успеха и во всяком деле. Кто руками делает, а мыслями блуждает, тот и не скоро делает и часто ошибается; тем больше неизбежны остановки, пропуски и ошибки в нравственной деятельности, при рассеянности внимания. Вниманию много дела. Надо внимать и тому, что происходит внутри, и тому, как текут дела во вне, и тому, что миновало, и тому, что ожидается. В настоящем стихе святой пророк указывает на внимание к заповедям, внушая, что надобно вперить взор в заповеди, — и не постыдишься. Итак, прежде всего надо так настроиться, чтобы внимание исключительно было занято заповедями. Есть много дел, и человек неизбежно многоделен, но не все дела одного ранга: есть дела и приделки. Приделки делаются мимоходом, а дела со всем тщанием. Пророк требует, чтобы заповеди были главным делом, а все прочее — приделком. У кого что есть главное, тот тем постоянно и занят, — ест ли, пьет ли, ходит или сидит, даже во сне то видит. Так и заповедями должно оковать все свое внимание, а прочее все иметь как мимоходное.

---

[1] Рим. 6, 21.

При этом само собою разумеется, что, вперив внимание в заповеди, надо не просто смотреть на них, а смотреться в них, как в зеркало. «В заповеди Божии, говорит блаженный Августин, — читаешь ли ты их, или в памяти воспроизводишь, — надобно смотреться, как в зеркало, по апостолу Иакову, который при этом заповедует быть не слышателями только закона, но паче творцами»[1]. Смотреться в заповеди, как в зеркало, надо для того, чтоб, увидев, каким должно быть, соответственно тому и настроивать себя. При посредстве заповедей надо вообразить норму богоугодной жизни и осуществлять ее, надо нарисовать идеал совершенства и копировать его в себе. Апостол Павел говорит: *теку не на безвестное*[1]. Он ясно видел, что выйдет из его трудов, чего достигнет, и тем воодушевлялся. Это и всякому надо иметь; и всякий, верно текущий, действительно имеет это. Святой Марк Подвижник говорит, что первый наш враг есть неведение, а второй — забвение. Забываем, кто мы и каковы должны быть, и предаемся беспечности. Слышатель забывчивый, который, усмотрев лицо свое в зеркале, тотчас забывает, каков он, не сделает никакого успеха в хождении по совершенному закону свободы[2].

---

[1] См.: Иак. 1, 22—23.

Кто, таким образом, призирает на все заповеди, тот никогда не возмечтает о себе и никогда не скажет: «довольно», а кто, вместо их, начнет всматриваться в то, что около его, тому трудно удержаться от самомнения. Впадший же в эту язву самодовольничает, останавливается, осуждает. За это отступает от него благодать; срываются, как псы с цепей, страстные позывы; беспомощный, если тут же не возвратится к покаянию и воздыханиям, предается в руки падения — и падает. Вот и постыжение. Кто призирает на заповеди показанным образом, тот до этого не дойдет, — не постыдится.

---

[1] 1 Кор. 9, 26. — [2] Иак. 1, 23—25.

Стих седьмой

Исповемся Тебе в правости сердца, внегда научити ми ся судьбам правды Твоея.

Тут выражается второе требование для успешного течения путем Божиим: научение или навык узнавать судьбы правды Божией и соответственно тому действовать. Правда Божия — это заповеди: судьбы правды Божией — это Божии присуждения и определения, что, когда и как должно быть делаемо, дабы служить делу богоугождения и спасения, а не разорять его. Это определяется известным у святых отцов *разсуждением*. Оно-то и есть второе требование для успеха в деле Божием.

Это рассуждение, или уменье определить, как в каком случае поступить наилучшим образом, приобретается не вдруг, а постепенно. Вначале приступающий к делу Божию обыкновенно сам не рассуждает, а все спрашивает у умеющих рассудить, как это бывает и во всяких житейских делах и начинаниях. Но потом, при строгом внимании, о котором предложено в предыдущем стихе, и при опытах руководства, дела за делами, благоплодно совершенные, дают душе навык и самой определять кое-что. Навык этот растет вместе с преспеянием жизни и наконец устанавливается; приобретается внутренняя правота, которая прямо и верно определяет, что и как делать; дух правый обновляется во утробе, то есть в сердце очищенном.

Это рассуждение имеет два отправления: одним различаются помыслы, другим угадываются указания промышления Божия, то есть чего хочет от нас Бог тем или другим случаем и обстоятельством, ибо все от Него, и все строится ко благу нашему, во спасение нам.

Кто хочет точнее узнать, что такое различение помыслов, тот пусть читает книгу ответов Варсонофия и Иоанна – прозорливых затворников. Относительно всякого дела помыслы могут двоиться и троиться – по какому же поступить? Если бы выступал страстный помысл так, как он есть в сравнении с нестрастным, тогда определять было бы легко; но обыкновенно у того, кто стал внимать себе, страстные помыслы не являются в своем виде, а всегда под благовидным прикрытием. Потому-то всегда есть опасность действовать будто по добру, а между тем это будет по страсти. В помянутой книге всевозможные случаи обсуждены богопросвещенным умом прозорливых старцев; там представлена подробная наука, как угадывать судьбы правды Божией в этом отношении.

Второй предмет рассуждения – узрение промыслительных указаний во всем, касающемся нас, от мала до велика, от влиятельных на нашу участь событий в жизни до мелочных встреч, — основывается на той, несомненно истинной уверенности, что все, с нами бывающее, бывает по Божию изволению. Поставляя нас в те или другие обстоятельства, Господь ожидает, чтобы мы поступали достойно попечению Его о нас. Он везде есть, следовательно и с нами; а будучи с нами, смотрит, сумеем ли мы поступить так, как Он того желает. Состоя таким образом под испытательным и назирающим оком Божиим, мы не можем действовать как попало, а должны обсуждать, чего именно хочет от нас Бог в том или другом случае, и соответственно тому поступать. Строгое внимание к своим собственным случайностям и действование всегда в духе самоотверженной преданности в волю Божию дают, наконец, навык верно определять намерения Божии о нас. Мирская мудрость называет подобное сему действование благоразумием, но рассуждение духовное нередко идет наперекор всем соображениям благоразумия человеческого; от того-то оно является иногда буйством[1], будучи, в существе дела, мудрее всякой мудрости.

Так приобретается, наконец, как уже сказано, дух правый, или правость сердца. Тогда исповедание Богу совершается уже в этой правости, так как она стала неотъемлемым достоянием. Исповедание Богу имеет много источников. Здесь не о них речь, а о качестве исповедания. Когда приобрету, говорит, навык узнавать судьбы правды Твоей, или приобрету правость сердца, тогда и исповедание мое будет в правости сердца,— искренно, с детскою простотою и чистотою; или, как пишет блаженный Феодорит, «тогда в состоянии буду принести Тебе чистую песнь, когда познаю все суды Твои и буду жить согласно с ними». Почему так? — Потому, что и по внутренним движениям, и по внешним случайностям, при означенном рассуждении, он осязательно удостоверяется, что окружен всегда самым внимательным и благоутробным Божиим попечением, и вследствие того всецело предает себя в руки Божии, упокоеваясь в них, как покоится дитя на лоне матери. Так как все Божие идет во благо нам и так как это ощущается сердцем, то отсюда и непрестанное благодарение и славословие. Здесь — *исповемся Тебе* значит, как говорит Феодорит,— буду благодарить, или, как изъясняет Августин, буду славословить Тебя и за такое попечение, и за самый навык — узревать судьбы правды Твоей.

---

[1] Простотой, невежеством. — *Ред.*

Это исповедание может указывать и на то делание внимающих себе, которым они, сознавая, что состоят под всеблаговолительным попечением Божиим, представляют Богу душу свою как она есть, со всеми немощами и недостоинствами, и молятся исправить их, если то угодно и как угодно всесвятой Его воле. Блаженный Анфим Иерусалимский разумеет здесь под исповеданием исповедь всех своих преткновений, от которых никто никогда не свободен, чтобы оказаться чистым и неукоризненным в день Страшного суда Божия, не в большом только, но и в малом. С этим граничит тот непрестанный вопль ищущих спасения, который выражают они словами: *имиже веси судьбами, спаси нас, недостойных!*

Стих восьмой

Оправдания Твоя сохраню: не остави мене до зела.

Здесь выражается третье требование для успеха в деле богоугодной жизни: мужество, с каким надлежит приступать к таковой жизни. Этими словами святой пророк выражает то же, что святой Павел: *вся могу о укрепляющем мя*[1].

Без мужества нельзя и начать такой жизни, так как она исполнена трудностей и окружена врагами спасения. Начинающий хоть и начинает только, но не безызвестен о том, что имеет встретить: не ласки встретит он, а рыкание львов, бросающихся поглотить его. У кого нет воодушевляющего мужества вступить в борьбу со всеми этими противностями, тот с первых же шагов возвратится назад. У какого борца при одном взгляде на противников руки дрожат и подламываются ноги, тот уже пал прежде начала борьбы. Так и в духовной жизни.

---

[1] Флп. 4, 13.

Где же взять такое мужество? — В уповании на Господа. Путь, на который вступают ищущие угодить Богу и спастись, есть путь Божий. Бог благоволит к нему, покровительствует всем идущим по нему и блюдет их. Все на этом пути уготовал Он в пособие им и ожидает только вступления на него, чтобы снабдить их всем нужным. В чувстве этой, всегда готовой свыше, помощи и говорит решающийся работать Господу: *оправдания Твоя сохраню,* только Ты не оставь меня *до зела*. Это же внушает пророк и всем: *мужайтеся*, говорит он, *и да крепится сердце ваше, вси уповающии на Господа*[1].

Не оставь до *зела*, то есть, *совсем.* Бывают Божии оставления, испытательные и наставительные, когда Господь отдаляет несколько благодать, или сокращает и скрывает действия ее, для испытания и обучения произвола воли. Когда благодать приосеняет, тогда все спеется, и в помыслах, и в чувствах, и в делах. Человеческая немощь, нередко присвоивая это состояние себе, впадает в самомнение и самодовольство, и тем отступает от истины и кривит дело жизни. Чтоб этого не было или чтобы прекратить его, когда оно уже зачалось, благодать, попечительная о спасении ищущих Господа, желающая, чтобы все они стояли в разуме истины и в правоте настроения, отстраняется по временам и оставляет человека одного с своими естественными силами. Вслед за этим тотчас начинаются нестроения внутри и беспорядочность во вне. Внимающий себе не может не заметить оскудения, как раздетый на холоде не чувствовать, что ему стало холодно, не может не разуметь и того, от чего это. Потому, если допущено самомнение, тотчас кается внутри пред Господом, а если не допущено, то исповедует свое бессилие. В том и другом случае приступает к молитве, и не отступает, пока не возвратится благодать и не восстановит его благонастроения; или, если это не удается, упокоивается в предании себя Господу, осудив себя, как недостойного, на такое состояние и воодушевляясь терпением нести его хотя и с болью сердца, но покорно, пока Господу угодно будет воззреть на него милостивым оком Своим и снова просветить тьму его.

---

[1] Пс. 30, 25.

Совсем другого рода отступление наказательное. Там благодать хоть и прекращает свое действие, но сама тут и готова с помощию; а здесь она совсем отступает от человека и предает его падению его. Это бывает всякий раз, когда совершается смертный грех, и человек нераскаянно пребывает в нем, несмотря на вразумления; но если покается, то и он бывает принят снова в милость, смотря по покаянию. Петр пал и, покаявшись, снова принят был в благодать; Иуда пал, но поелику не покаялся, то был совсем оставлен и погиб. Так благодать оставила и народ иудейский за противление Богу и богоубийство.

Вот для того-то, чтобы быть избавлену от такого страшного оставления, святой пророк и обещается, при всех других случаях оставления, пребыть терпеливым и постоянным хранителем заповедей Божиих. *Сохраню*, — только не отступи от меня, не оставь меня совсем. Но так как ради грехов отступает благодать, то тут сокрыта и другая молитва: не дай мне пасть таким падением, за которое праведно Ты оставляешь грешников. А это то же самое, что — *оправдания Твоя сохраню*, если Ты поможешь мне всегда хранить их. Не другой смысл может иметь и воодушевленное мужество вступающего на путь богоугождения. Не самонадеянность одушевляет его, а крепкое упование на Бога, при уверенности, что решается идти или идет уже верным путем, зная, что это оправдания Господни, которые правы, что это закон Господень, который непорочен, что это свидетельство Господне, которое верно[1]. При такой уверенности он не может не чувствовать, что идет по твердой почве, что путь его освещается свыше и ограждается сюду и сюду[2] безопасностью. Вот и мужество! Вот и крепость сердца!

Пересмотрев, таким образом, все первое восьмистишие, мы находим, что в нем один предмет — указание основных начал богоугодной жизни.

---

[1] Пс. 18, 8—9. — [2] С обеих сторон. — *Ред.*

Первые три стиха определяют степени, по которым восходит эта жизнь до последних своих высших совершенств; следующие два (4—5) обозначают производительные силы этой жизни, как-то: *зельную* ревность и Божественную благодать; последние три (6—8) выясняют требования или условия к преспеянию в этой жизни: внимание, рассуждение и мужество в Господе. Тут вся наука жизни истинно нравственной и духовной. Святой Амвросий, приступая к толкованию сего восьмистишия, справедливо говорит: «первая литера

а́леф, что значит *наука»**. Таким образом, внимательный читатель должен наперед содержать в мысли, что эти стихи совмещают в себе полную науку о нравственных началах.

ВТОРОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Изъяснение стихов первого восьмистишия шло без всякой натяжки, как это видит всякий. Это заставляет думать, что представляемое ими единство содержания не случайно, а преднамеренно, то есть стихи эти писались и подбираемы были так, чтобы выражать одно — главные основы святой жизни. Хоть заключение от этого одного восьмистишия к прочим 21 и не слишком состоятельно, но мы не можем удержаться от предположения, что, может быть, и в них, при всей видимой разрозненности содержания стихов, всегда проводится одна мысль и что она намекается значением буквы, которою они начинаются. Делаем опыт над вторым восьмистишием.

---

* По другим, *алеф* значит *вождь*. И это не против содержания сих стихов, ибо выраженные в них положения точно суть вожди в деле богоугодной жизни. — *Авт.*

Вторая буква *бет* значит *дом*. Предполагаем, что в стихах его указывается, какой дом должны мы приготовить для заповедей, где и как упокоить их в себе. Руководясь этою мыслью, можем признать, что первым стихом указывается как дом для вмещения заповедей вся природа человеческая, и наипаче во время юности, когда она еще не успела испортиться; а последующими стихами — по частям разные способности души: воля — стих 10, сердце — 11, ум — 12, слово — 13, чувство, вкус — 14, рассудок — 15, память — 16. При самом разъяснении очевиднее будет, как все это есть. А что душевные способности могут иметь точно такое отправление в духовной жизни, указание на то находим в притчах, где говорится ученику премудрости: *ты же напиши я* (заповеди) *себе трижды, на совет, и смысл, и разум* (то есть на этих трех силах и действиях души, и вообще), *на широте сердца твоего*[1].

---

[1] Притч. 22, 21.

Написание это означает напечатление, приятие внутрь, как в дом.

Стих девятый

В чесом исправит юнейший путь свой? Внегда сохранити словеса Твоя.

Еще не успел жить, а уж ему нужно исправление. Это, впрочем, не то значит, чтобы пророк предполагал тут юношескую испорченность, а то, что юность — такой возраст, который на все готов, быстродвижен и неудержим в своих порывах. Он советует поскорее захватить эти порывы и дать им доброе направление. Чем же? — Заповедями Божиими. Заповеди да будут юному тем, чем бывает узда для рьяных коней.

По слову Божию, *от юности прилежит человеку помышление на злое*[1], если не руководить; а если поруководить, то против помышлений злых всегда будут восставать добрые, и если дать юному хоть малый навык в добре, то добрые будут преодолевать злые. Премудрый говорит: *безумие висит на сердце юного*[2]. Как гиря, тянет его к недоброму возбужденность желаний при легкости понятий о жизни и последствиях тех или других дел. Можно отрезать эту гирю и привесить другую, которая будет тянуть его на противоположную сторону, и тоже с неменьшею силою.

---

[1] См.: Быт. 6, 5. — [2] Притч. 22, 16.

Неправо иногда говорят: «э, молодость! пройдет!» Но опыты противного в нас и перед нами. Пора бы нам образумиться! Говорят, что скудельные сосуды навсегда сохраняют запах первого, пропитавшего их вещества. Таков и человек в нравственном отношении. Направление и навык первых лет или остаются, или отзываются во всю жизнь. Не то чтобы получивший доброе направление не мог уже уклониться или худо направленный исправиться: благодать сильна и этого последнего переломить, а грех, при нерадении, может попортить и первого; но хорошо настроенный юноша, когда случайно совращается, много-много и внутри себя, и в ранних навыках своих имеет воззваний и воплей, вразумляющих и остепеняющих его. И сколько надобно условий, чтоб он остался в зле навсегда! Такие скоро образумливаются и, когда образумятся, скоро успевают исправить и воссоздать разоренное. Худо настроенные, особенно когда при страстных влечениях попортятся и понятия, не могут иначе возвратиться на путь добра, как особыми действиями Божией благодати, и притом всегда с болезненными переворотами и переломами. Но так как на такие воздействия нет закона, ибо они от свободы Божией, и так как полное влияние их на человека подлежит разносторонним условиям, то и видим, что из худо настроенных вначале редко-редко кто возвращается к добру. Если же кто благодатию Божиею и обращается, то и начало этого обращения болезненно, и все последующее течение жизни исполнено борений. Правда, благодать все может. Мы имеем светлые примеры Моисея Мурина, Давида разбойника, Марии Египетской и других. Но лучше не искушать благодати Божией, потому что неисследованы пути ее.

Премудрый Сирах учит так: *чадо, от юности твоея избери наказание, и даже до старости обрящеши премудрость*[1]. Воспринятые добрые начала, если строго держаться их, с течением жизни все больше и больше будут крепнуть, расширяться в приложениях и займут, наконец, все исходища[2] жизни и обымут все ее движения и проявления. В старости такой муж совершен, силен словом и делом. Какое богатое наследство!.. А *яже в юности не собрал еси, како можеши обрести в старости?*[3] Так то благо есть, если человек *от юности возьмет на себя ярем заповедей*[4]. Будем же молиться Подателю всякого добра, *да даст незлобивым коварство, отрочати же юну чувство и смысл*[5].

Вот мнения о сем святых отцов и учителей Церкви. Блаженный Феодорит говорит: «Юность непостоянна и удобопреклонна к пороку, потому что обуревается разными волнениями страстей; потому имеет нужду в путеводителе, который бы направлял ее к пристани. А это свойственно словесам Божиим, потому что они, отвращая от путей противных, достаточны к тому, чтобы направить на путь Божественный. Что для молодого коня узда и ездок, то для юноши — Божественное слово».

---

[1] Сир. 6, 18. — [2] Источники. — *Ред.* — [3] Сир. 25, 5. — [4] Плач. 3, 27. — [5] *Простым дать смышленость, юноше — знание и рассудительность* (Притч. 1, 4).

Святой Амвросий пишет: «Не только взять должны мы ярем слова, но взять еще в юности. Если возьмем поздно, то нам придется более нести очистительные труды покаяния за прошедшее, чем услаждаться благодатию в настоящем. Предотвратим же это, проводя лета юности в благообразной исправности, чтобы каждый из нас в старости с доброю совестию мог при случае говорить: *Бог, Иже питает мя измлада даже до сего дне*[1], а не оплакивать с болезнию сердца прошедшие падения, вопия: *грехов юности моей и неведения моего не помяни*[2]. Этот последний врачует свои болезни, а тот исповедует силу здравия. Тому, кто берет ярем доброй жизни по прошествии лет юности, добро совершенное дается не вдруг, потому что его поджигают страсти, волнуют греховные навыки и пути заблудные не допускают его быть постоянным. Долго надо бороться такому человеку, чтобы подавить и искоренить зло, всеянное в юности и устаревшее». Святой Иларий учит: «Трудно отставать от навыков, отрываться от того, с чем сроднишься, и разрывать узы содружества. Лучше являться пред Богом чистыми не в силу отпущения грехов, а по самому неведению зла (неиспытанию страстей); зная это, пророк Иеремия, для восприятия ига заповедей, не ждет лет охладевшей старости, когда страсти замирают уже сами собою от пресыщения. Долголетнего воина желает он, желает, дабы раб Христов и вспомнить не мог, чтобы когда-нибудь побежден был грехом. В том, кто уже в старости берется за добрую жизнь, есть, конечно, дар снисходительного всепрощения падений, но нет утешений, которое доставляет добрая совесть воспоминанием о подъятых подвигах».

---

[1] Быт. 48, 15. — [2] Пс. 24, 7.

Столько-то необходимо юнейшему исправить рано путь свой! Успеть в этом он может, по указанию пророка, сохранением заповедей, или оправданий Божиих. Сохранить не то значит, говорит блаженный Августин, чтобы заучить и содержать в памяти, а то, чтобы исполнять их делом. Пусть каждый член тела и души возьмет свою заповедь и проникнется ею так, чтобы после он и двигаться не мог иначе, как по такой именно заповеди. Каждый член тогда сделается хранилищем и домом своей заповеди, а все естество человеческое — домом всех заповедей. Так юноша сделает естественно исправным путь свой и вместе с тем даст ему доброе направление и на все последующее время жизни своей, только еще начинающейся.

Стих десятый

Всем сердцем моим взысках Тебе: не отрини мене от заповедей Твоих.

Сердце, ищущее Господа, есть, в частности, первый в существе нашем дом для заповедей. О сердце говорится и в следующем стихе, но не в том же значении. Надо знать, что в древности сердцем означали всю внутреннюю жизнь, и потому, чтобы отличить, какая именно сторона этой жизни в каком месте разумеется под ним, надо обращать внимание на то, что ему придается. В настоящем месте придается ему искание, стремление, деятельность. Деятельная сила в душе есть воля — способность деяний, начинаний, предприятий. Посмотрите на себя с минуты пробуждения до засыпания, и вы увидите, что как ум постоянно занят помышлениями, так и воля деяниями и начинаниями; минуты не проходит без дела: то одно, то другое. Но можно действовать как попало, без разбору, и можно действовать разумно, сообразно определенным целям; можно действовать по самоугождению и человекоугодию, и можно действовать по требованию долга, заповедей, воли Божией. Пророк делания свои ведет по заповедям, как это видно из прибавляемого прошения: *не отрини мене от заповедей.* Целию же следования во всем заповедям он поставляет искание Господа; он говорит: «Всеми начинаниями и деяниями воли моей, которые всегда стараюсь я вести по заповедям Твоим, ищу единого Тебя, Господи». Дела и начинания — внешняя деятельность; внутренняя сторона каждого дела и начинания есть заповедь, выражением которой они служат; душа же всех дел и начинаний — искание Господа.

Таким образом, первый дом заповедей — начинания воли. Припоминаю ответ святого Антония на вопрос «как спастись?»: «Что ни делаешь, сказал он между прочим, имей на то свидетельство Писания». Это все равно — что ни делаешь, делай по сознанию, что того требует заповедь Божия; и притом, что ни делаешь, — даже ешь ли ты или пьешь, — все твори во славу Божию, как заповедал апостол[1]. А как сделать, чтобы все у нас шло по заповедям, тому научат внимание и рассуждение, о которых говорилось в предыдущем восьмистишии. Сядь и рассуди, и при свете заповедей Божиих определи, как тебе следует действовать во всех обстоятельствах и случайностях именно твоей жизни, и потом уже не отступай от этих определений, и будешь всегда ходить по заповедям и в воле Божией, будешь всем, и большим и малым, угождать Богу, приближаться к Нему, искать Его, — и обретешь наконец.

Поставив, таким образом, законом для себя каждый шаг свой, каждое дело и начинание вести по заповедям, пророк молится: *не отрини мене от заповедей Твоих.* Что тут за мысль? Неужто Бог отревает кого-нибудь от заповедей? — Да, возможно и по отношению к заповедям Божиим держать себя так, как держат себя иные в отношении ко храму. В храм Божий зовут, а не гонят из него. Между тем некоторые так поставили себя в отношении к нему, что Спаситель — воплощенная кротость — вынужден был взять веревку и выгнать их из храма. Представим себе, что возделывание заповедей то же, что возделывание виноградника: приглашаются делатели и делают; но приходит хозяин и, заметив, что иной не столько делает, сколько портит, говорит ему: «Ты, брат, поди-ка отсюда; я не хочу, чтобы ты работал, потому что ты только портишь». И тем с большим ударением скажет он это, если рабочий не раз уже оказывался дурным работником. Так и в отношении к заповедям: есть делатели непостыдные, есть делатели и никуда негожие: то ленятся, то пропускают многое из должного, то делают не для Господа, а по самоугодию, или чаще по человекоугодию; то делают рассеянно, кое-как, то с ропотом и неудовольствием, то с гордостию и самодовольством. Все такие делатели только портят дело, а не делают, и поистине достойны отриновения. Как же бывают они отреваемы? — Конечно, не бичом, а отъятием благоволения. Настоящие делатели заповедей получают внутренние утешения, чувствуют Божий покров над собою, испытывают Божие вспоможение; неисправные же делатели лишаются всего этого, а будучи лишены этого, уже не в силах исполнять заповедей, и потому совсем опускаются и предаются порокам. Таким образом, *не отрини мене от заповедей* есть то же, что — не лишай меня Твоего благоволения и Твоей благодатной помощи, ибо если лишишь, то это будет для меня то же самое, что отгнание от делания заповедей.

---

[1] См.: 1 Кор. 10, 31.

Почему же пророк выразил так свою мысль? — Выражение это взято от чувствований кающегося. Кающийся, особенно несколько раз падавший и нарушавший обеты свои Богу, приступая к Нему, не может не сознавать своей оплошности, и хотя верует в милосердие Божие к кающимся, но не может не приходить иногда к помыслам: «А что, если Бог не хочет больше меня принимать, изверился во мне и никакого не обращает на меня внимания, как ни бейся?» Особенно естественны такие помышления, когда долго не видится никакого плода от трудов покаяния. «Бросил меня, думает человек, не хочет воззреть на меня милостивым оком Своим!» А Бог делает это для того, чтобы сильнее разжечь покаянные чувства и из них выделать сильнейшую решимость быть уже всегда верным исполнителем заповедей Его.

Можно всему стиху сделать такой перифраз: «Ты, Господи, требуешь, чтобы мы все дела свои и начинания вели по заповедям Твоим, и в этом образе действия не другое что имели в мысли, как снискание Тебя единого. Кто не будет так действовать, того Ты не принимаешь и никакой помощи тому не оказываешь. Вот я всем сердцем моим, всеми делами и начинаниями воли моей, которые все веду по заповедям Твоим, Тебя единого ищу: не лиши же меня Твоего благоволения и Твоей благодатной помощи, иначе выбьюсь из сил и брошу. Я имею то, что требуется от меня; не лиши меня и того, что Ты обетовал от Себя». Это похоже на то, что сказал Господь: *имущему дано будет и преизбудет; от неимущаго же, и еже мнится имея, взято будет от него*[1]. Святые Амвросий и Иларий пространно выясняют именно эту мысль. Решимость быть всегда верным заповедям и в исполнении их искать единого Господа делает из души крепкий сосуд, достойный приятия Божией благодати, которая имеющим такое настроение всегда и дается, и силою своею делает то, что они всегда, самым делом, являются верными заповедям, как вначале хотят быть верными Ему только в намерении. Настроение — это словно магнит, привлекающий большее, или капитал, на который можно закупить все потребное с избытком.

---

[1] Мф. 25, 29.

Стих одиннадцатый

В сердце моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе.

Сердце, покоющееся в себе, как сила любви, есть, в частности, второй дом в естестве нашем для заповедей. Можно исполнять заповеди официально, можно исполнять их по расчету или по ригористическим урокам рассудка, без участия во всех таких случаях сердца. Пророк говорит здесь: «я не так действую; заповеди для меня не внешняя, определяющая власть: она во мне; я принял их в сердце и возлюбил их. Действуя по ним, я действую по сердцу и, действуя по сердцу, действую по ним».

Если возьмем при этом во внимание притчу Спасителя о семени слова, то настоящим местом будет выражаться не то семя, которое пало при пути или на каменистой почве, а то, которое пало на доброй земле и принесло плод во сто, шестьдесят и тридесять крат. «Скрытое в глубине сердца, говорит святой Афанасий Великий, оно не боится похищения от врага, или, прозябнув, пожжения зноем напастей и противностей». Глубоко пустило оно корни, и исходящее из него произрастение богоугодной деятельности полно жизни и крепости. Какой член нежнее сердца? А между тем ничего нет надежнее того, что идет из сердца. Когда заповеди в сердце, то исполнение их идет неопустительно и притом в самом благообразном и привлекательном виде.

Великое совершенство — иметь заповеди скрытыми в сердце! Надобно, однако ж, знать, что это совершается не так скоро, как скоро говорится и даже как скоро образуется желание того. Сердце ближе и сочувственнее страстной стороне. Для того чтоб оно, отрешившись от нее, обратилось все к заповедям, надо его преобразовать: одно из него исторгнуть, а другое внедрить. Заповедь говорит: будь смиренномудр, кроток, правдолюбив, чист, миролюбив, терпелив и проч., а сердце то гордится и тщеславится, то гневается и ненавидит, то пристращается и похотствует, то вздорит и ропщет и проч. Пока оно таково, нельзя сказать, что в нем скрыты заповеди, потому что, если б это было, то не только дел, но и чувств и помыслов, противных заповедям, не было бы внутри.

Как же преобразовать сердце? — При усердном желании, трудом и терпением. Но надо заметить, что труд — наш, а самое дело преобразования — от благодати. С самого начала, как только решит кто содевать свое спасение богоугодною жизнию, — совесть тотчас принимает к исполнению все до одной заповеди, и большие, и малые, и требует этого от всего человека и от всех его сил или членов, которых касается известная заповедь. Обычный ход дел наших таков:

мысль, сочувствие, желание, дело. Сочувствие стоит на переходе к желанию, а желание предшествует делу. Положим, приходит нуждающийся: совесть тотчас требует удовлетворить его, но сердце, не знающее еще сладости доброделания и не отставшее от любостяжания, не изъявляет должного к тому сочувствия и идет наперекор. По причине несочувствия не рождается и желание, а без желания и руки опустились. Так в этом случае, так и во всех других. Сердце по природе сластолюбиво. Пока оно не вкусит от чего-либо сладости, до тех пор не может иметь к тому сочувствия. Не было у человека достодолжного делания по заповедям — сердце и не знает сладости в этом; потому-то и тогда, когда человек уже решился делать все по заповедям, сердце не изъявляет к тому сочувствия, и, таким образом, прекращает и самые дела по заповедям, и, следовательно, само себя лишает возможности вкусить сладость от делания заповедей. Как же быть? — На первых порах надобно действовать наперекор сердцу, по одному требованию совести, силою воли разумной, подкрепляемой благодатию Божиею, нагибая себя, так сказать, на делание заповедей, как гнут нагретую трость, когда это нужно. Святой Макарий Великий многократно повторяет уроки, что, кто хочет успеть в доброделании, тот должен нудить себя на всякое доброе дело, наперекор сердцу, уверяя, что дело, которое мы делаем вначале с самопринуждением, слюбится ему, и мы начнем его делать уже по сочувствию к нему сердца, потому что оно стало находить в том удовольствие.

Поступая так в отношении к одной, другой, третьей заповеди, исполнение которых будет встречаться по течению нашей жизни, человек приучает сердце находить в них сладость, поселяет в нем сочувствие к ним, или, что то же, самые заповеди вселяет в сердце и скрывает их в нем. Чем больше трудов и опытов исполнения заповедей, тем большее число их переходит в сердце, а наконец и все они находят там жилище себе. Такой человек может тогда исповедать: «В сердце моем скрыл я все заповеди».

«Так, значит, это все свои труды, а благодать-то где же?» — Труды точно свои, но плод производит благодать. Благодать с минуты обращения и принятия таинств крещения или покаяния уже присуща человеку, но входит в существо его и проникает силы его не иначе, как вслед за напряжением усилий человека. Когда человек сделает все свое, тогда приходит благодать и совершает то, чего он сделать не в силах. Привить заповедь к сердцу так, чтобы она неисходно там была и заправляла самим сердцем, это уж дело благодати. Сам человек, сколько бы ни трудился, сделать этого не может. Таким образом, при всех трудах человека, преобразование сердца совершается благодатию, и только ею одною. Вот где существенное различие христианина от язычника.

Но и без трудов и подвигов в делании заповедей благодать не станет ничего прививать к сердцу, оставляя его таким, как оно было, со всеми страстными вкусами и влечениями, хотя человек такой и крещен, и принимает другие таинства. Вот где разница христиан, проходящих труженические подвиги, и христиан, не считающих необходимым стеснять себя, хотя и ведущих себя честно! Закон духовной жизни таков: на что нет подвига, того и благодать не дает, хоть и с одним подвигом ни в чем не успеешь.

Когда, таким образом, к сердцу будут привиты все заповеди, так что они составят существенное его содержание, тогда и сердце, вместе с совестию, станет требовать исполнения их. Как вначале оно во всем поперечило совести, так теперь станет вторить его требованиям и влечь к делам, предъявляемым известною заповедию. Вот почему пророк и сказал, что он скрыл в сердце своем слова Божии, чтоб не согрешать перед Ним. Сердце, говорит Зигабен, само уже не допускает до того. Пророк указывает, что принял самый надежный способ к тому, чтобы не оскорблять Бога нарушением Его заповедей, а чрез это и всем внушает: «Хотите не прогневлять Господа грехами — скройте заповеди Его в сердце». Но, конечно, здесь же подразумевается и тот урок, что если возжелаете достигнуть сего, то надобно употребить и те приемы, какие оправдала духовная опытность потрудившихся в том.

Стих двенадцатый

Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим.

Третий в естестве нашем, в частности, дом для заповедей есть богонаученный ум. *Научи,* дай понять, сообщи и умение действовать, дай уму моему знать заповеди и все относящееся к ним, — и видеть, как в каком случае должно мне действовать, чтоб ум мой был светом, освещающим пути жизни, и верным руководителем по ним; особенно благоволи, дабы в уме моем не было шатких колебаний, предположительных мнений, а все утверждалось на непоколебимых убеждениях.

Научи оправданиям, или заповедям. Когда действуют, можно одни заповеди иметь во внимании; но когда хотят познать заповеди, тогда нельзя ограничивать своего взора одними заповедями, а непременно надо обозревать всю область истины, чтоб заповеди в уме не висели ни на чем, или не были насыпаны в него, как песок, бессвязно, но входили как необходимый элемент в состав истины и сочетавались с ним живым союзом так, чтобы нельзя было коснуться одного, не колебля вместе с тем и всего.

В христианстве пути жизни освещаются истинами о триипостасном Божестве, Творце и Промыслителе, о падении, о Божием благоволении восстановить падшего, о снисхождении единородного Сына Божия на землю воплощением, о совершении Им нашего спасения Своими страданиями, смертию, воскресением и вознесением, о ниспослании Божественного Духа на святых апостолов, устроивших на земле Церковь Христову и учредивших в ней таинства для освящения благодатию всех верующих, и, наконец, о воскресении, суде и будущем всеблаженстве верных и неописанных мучениях неверных. Все эти истины то же для духа, что воздух для тела. Как воздух, приемлемый легкими, проходит по всему телу в крови и все оживляет, так и эти истины, будучи приемлемы верующим умом, проходят по всему составу духовной жизни и все в ней оживляют собою. От них и зарождается эта жизнь, ими руководится и в них зрит конец свой.

Жизнь духовная начинается с сознания падения и невозможности восстать самому. Это ведет к покаянию и прилепляет к Господу, как единому Спасителю. Отсюда обет и решимость быть верным Ему и вести непримиримую борьбу со всем, что восстает внутри и что встречается во вне противного тому, чего требует от нас Спаситель. Отсюда упование, что, несмотря на немощь естества нашего, Господь проведет верующего чрез все искушения и введет, наконец, в вечное Царство Свое. Отсюда терпение и безжалостный к себе труд над собою в очищении себя и исправлении в себе неисправного, чтобы во всем представить из себя непостыдного делателя. Отсюда вера, что, спострадая таким образом Господу, приобщаются светлого живота Его и здесь, хотя еще в предначинании и предызображении. Все это вытекает из основных истин христианства и составляет основу богоугодной жизни. Тут сущность христианских наших оправданий, и отсюда, наконец, развивается и вся система христианских заповедей.

Скажут: «Кто ж этого не знает и к чему молитва *научи?*» — Но есть знание голое, чисто умовое, которое никогда не восходит дальше предположительных воззрений, и есть знание живое, жизненное, в котором всякая истина также тверда, как уверенность в своем существовании. Это свойство сообщается ему живым убеждением, которого не колеблет и самая смерть. Молясь *научи*, пророк просит, чтоб Господь все истины, и теоретические, и практические, так сроднил с существом его, чтобы как не может усомниться он ни на волос в своем существовании, так чтобы никогда не мог допустить в себе и тени сомнения в этих истинах. В этом и состоит прочность богоугодной жизни. Как нельзя идти по тонкой, колеблющейся доске, потому что закружится голова и упадешь; так нельзя вести жизнь должную тому, у кого в голове непрестанно возникают предположения: «Да полно, не вот ли как надо? Не лучше ли вот этак? Да ведь и вот как можно!» А кто, совсем поколебавшись в некоторых истинах, думает по-своему устроить жизнь богоугодную, тот похож на человека, который, строя дом, кладет между здоровыми венцами и гнилые. Снаружи такой дом представляется и новым, и прочным, а на самом деле обречен уже падению; так точно и жизнь такая только с виду добра, но уже несет в себе свое осуждение. Таким образом, вот в чем сущность прошения! Пророк просит, чтобы в нем не было никаких колебаний, но чтоб он ходил среди этих истин, как тот человек, который, вышедши на улицу, чувствует, что земля под ним есть и что он стоит на ней твердо, есть и все окружающее его, есть и небо над ним, — и на мысль ему не может прийти, чтобы во всем этом чего-нибудь не было.

Но как же пророк просит об этом после того, как уже скрыл в сердце словеса Господни и все начинания свои ведет по заповедям, ища единого Господа? Так действовать нельзя без ведения, о котором он просит только теперь. — Но и в тех своих добрых навыках, в ведении всех дел и начинаний по заповедям и в любви к ним разве установился он вдруг? Приступая работать Господу, он не имел ни того, ни другого; сознавая же необходимость того, конечно, молился: «Господи, дай мне все дела вести по заповедям! Господи, склони сердце мое возлюбить заповеди!» Господь услышал молитву его и даровал ему просимое. Там он выражает то, что возымел уже в конце трудов, а здесь указывает на то, что бывает в начале искания сего блага, — ведение с убеждением. Он как бы внушает: «я сказал — *взыскал, скрых...»*, но не подумал бы кто, что это вдруг так и сталось, — нет, предшествовали тому труд и молитва. Дело шло так, как я выражусь сейчас в отношении к приобретению ведения: *благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим.*

Этим последним благом преобразуется ум, а двумя первыми — воля и сердце. Замечательна по-следовательность! Она взята с жизни. Ум один никогда не знает вполне истины; она всегда у него в виде предположительных воззрений. Исключая чрезвычайных Божиих воздействий на душу, и богоугодная жизнь обыкновенно начинается при таком состоянии ума. Но потом, вместе с жизнию, эти воззрения начинают переходить в живые убеждения: они зреют, множатся и расширяются по мере навыка воли вести дела и начинания свои по заповедям и по мере возрождения сочувствий сердца к заповедям. Исполняются ли последние — полнота водворяется и в первых. Впрочем, строго судя, нельзя сказать, что впереди и что позади: они все вместе зреют, не отставая друг от друга. Строит же это внутреннее здание Господь благодатию Своею, при всевозможных, без жаления себя, усилиях со стороны человека,— строит жилище, в которое, наконец, Он приходит и вселяется с Отцом и Духом Святым, как Сам обетовал: *к нему приидем и обитель у него сотворим*[1].

Стих тринадцатый

Устнама моима возвестих вся судьбы уст Твоих.

Это четвертый в существе нашем дом для заповедей Божиих — слово, потому что оно есть дом мысли и чувства. Так как у пророка уже все внутри занято заповедями Божиими, уста же изрекают только то, что есть внутри, то, как ни заведет он речь, она сама собою вся идет у него только о заповедях Божиих. *Возвестих* — возвещал, возвещаю и буду возвещать. Я таков, что то и дело возвещаю и не могу говорить ни о чем другом, как только о судьбах Твоих, и о предметах посторонних я рассуждаю не иначе, как в том же духе.

Пророк говорит тут, как о деле, уже установившемся в нем, давая нам урок, какие речи вести при встрече друг с другом, во взаимном собеседовании. Если же в Ветхом Завете Божеское так сильно занимало богобоязненную душу, не тем ли более должно оно занимать христианина, когда Бог несравненно большее и осязательнейшее явил к нам приближение Свое в воплощении Бога Слова и в ниспослании Святого Духа, силы Которого и действуются в нас по вере верующих? Но так ли это на деле? Случись какое-либо чуть-чуть выдающееся событие в житейском или гражданском быту — у нас умолку нет, только и речей, что о нем, хоть бы оно совсем нас не касалось; а дивное дело спасения, Богом для нас устроенное и в каждом из нас долженствующее действовать, не занимает нас нисколько. Обойдите нарочно целый город — вы нигде и слова не услышите о том, и если сами заведете речь, то ее постараются замять и обратить на другой предмет. Таким образом, если судить о нас по тому верному началу, что от полноты сердца уста глаголют, то можно подумать, что в сердце у нас совершенная пустота и что дело Божие не принялось в нем и не оставило никакого следа. Что же такое после этого крещение наше? Что столько раз повторяемое говение, исповедь и причащение Святых Таин? Что хождение в храмы Божии и все молитвословия? — Стыдно, вишь, не принято! — А вот же царь, занятый управлением народа, всегда окруженный высшим обществом, не стыдился говорить о делах Божиих, не стыдился возвещать судьбы уст Его. Если Бог не стыдился изрекать нам суды Свои для нашего блага, то как же нам стыдиться изрекать их? Какой-нибудь мало-мальски видный человек скажет что-нибудь и не совсем важное, мы поставляем себе в честь вклеить его слово в наш разговор, а то, что Бог изрек устами Своими, будто бы унизит нас, если мы то повторим!.. Да уж не дошли ли мы до того, что и богобоязненным совестно говорить при нас о Божиих судах, чтобы не метать бисера пред ...?

---

[1] Ин. 14, 23.

Между тем богаче, утешительнее и назидательнее предмета для бесед и быть не может, как судьбы уст Божиих, то есть все то, что Господу угодно было сказать нам, сделать для нас и учредить среди нас для нашего спасения. Деяния Христа Спасителя и святых апостолов, судьбы Церкви, жития мужей славных в христианстве по учению и делам, пути Промысла Божия, многообразные случаи в жизни каждого из нас, где виден перст Божий,— вот предметы для бесед христианина с христианином! И сколько отсюда истекало бы силы к благоустроению каждого лица в частности и потом целого общества!

Ни к чему так легко не относятся, как к слову, а между тем речи наши всегда оставляют след по себе, и в говорящем, и в слушающем. Это — семена целого ряда помышлений, из которых вырастают намерения и, наконец, дела; это — рычаг, которым приводятся в движение все соотношения лиц между собою. Речи добрые созидают, благоустрояют, укрепляют в добром; речи злые расстраивают и расслабляют все доброе и подготовляют на злое. И пусторечие, хотя и пусто, не остается без плода: оно делает пустою душу, а пустая душа к чему способна? Понятно после сего предостережение апостола, как бы словом гнилым не оскорбить Духа Святого, которым знаменовались мы в день избавления.

Стих четырнадцатый

На пути свидений Твоих насладихся, яко о всяком богатстве.

И еще дом, или, прямее, места и поприща, на которых осуществляются заповеди Божии, на которых вы всегда встречаете ревнителей о богоугождении и где находят они пребывание приятным для себя. Без утешений нет никого на земле: всякий ищет и находит их по своему вкусу. Один идет гулять в увеселительный сад, другой в театр, третий на вечер, четвертый в ученое собрание и тому подобное. Где же сладостнее быть богобоязненному ревнителю хождения в воле Божией? — На пути свидений Божиих: то в храме Божием, то в больницах, страннооприимницах, богадельнях, то на должности, то дома — в благочестивых занятиях, то на богомолье в местах святых. Как вошедший в дом, полный всяким добром и довольством, утешается тем, что встречает все, в чем привык находить для себя удовольствие, так и ревнитель о богоугождении находит удовольствие быть в указанных местах, находя в них удовлетворение образовавшемуся в сердце его вкусу: там — утеха, там — рай его. «Ничто не пленяет меня в настоящей жизни, говорит он с пророком, ни злато, ни достоинства, ни почести, ни могущество! Вместо всего свидения Твои, Господи, для меня и веселие, и богатство».

Так, «многотруден, говорит блаженный Феодорит, путь добродетели, но весьма вожделенен для усердно идущих по нему. Потому-то и Владыка наш Христос сказал: *возмите иго Мое на себе... Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть*»[1]. Можно так думать, что в словах: *яко о всяком богатстве* берется в сравнение только удовольствие от получения богатства с удовольствием пребывать на означенных путях свидений Божиих; и можно вместе с тем доразумевать, что пребывать на означенных поприщах и прибыльно столько же, сколько прибыльно тому, к кому течет всякого рода богатство. Обыкновенно иные думают, что бывать в церкви есть напрасная трата времени, а между тем не может быть лучшего употребления времени, как пребывание в храме Божием, и кто бывает там со вниманием и усердием, тот приобретает в несколько часов столько, сколько вне его не дадут долгие и многие труды.

---

[1] Мф. 11, 29—30.

Иные, когда видят иждивающего достояние свое на больных, нуждающихся и требующих помощи, думают, что это напрасная трата, а между тем ничто не может быть прибыльнее такого употребления богатства, потому что, по слову Божию, поступающий так полагает свое достояние в руки Бога Самого, предпосылая его в вечные кровы и собирая там на будущее сокровища неветшающие. То же следует сказать о держащих строго посты, говеющих и ходящих на богомолье: «истощаются, изможДают себя», обыкновенно говорят о них, а между тем никто не тучнеет так в духе, как они.

Насладихся... вкусил сладости и доволен. Опыт всех времен говорит, что только те и бывают довольны, которые находят удовольствие быть на путях свидений Божиих; они всегда веселы, всегда в ровном расположении духа, без вспышек, без восхищений. Другие радости восхищают до того, что человек забывается и думает, будто в рай попал, но это лишь на минуту. Такие радости скоро переходят в неопределенную тугу сердца, которая истребляет и память о них. Это общая участь всех радостей не духовных и не подчиненных духовным интересам. Нет в них того, чем бы мог удовлетвориться дух, а дух — главное в человеке, и, когда он не удовлетворен, человек доволен быть не может; все равно как если бы считающему себя голодным не дали любимого блюда, хотя бы других и много было. Ухищряются размножать утехи, но этим только успевают заглушить, заморить на время духовный инстинкт. Проходит пора утешная, и дух снова берет свою силу, разбрасывает все утехи и начинает томить человека за то, что он не внимает ему, не хочет доставлять ему свойственной, удовлетворяющей его пищи. Вот вам и Сампсон новый! В забытьи он дал опутать себя, а потом, как опомнился, — одно движение, и все разлетелось[1].

Стих пятнадцатый

В заповедех Твоих поглумлюся, и уразумею пути Твоя.

В предыдущем стихе началось указание дома упокоения не для заповедей, а для тех, кои ревнуют об исполнении их, и указывается, в каких местах и в каких занятиях находят они себе покой и удовлетворение. Пред этим сказано, что все наслаждение их — бывать на путях свидений Божиих; возвратясь же к себе в дом, чем бывают они заняты? — Садятся исследовать возникающие вопросы о жизни, в ее отношениях к заповедям и делам веры. Урок об этом пророк дает им словами: *в заповедех Твоих поглумлюся.*

Поглумлюся — αδολεσχήσω. По-славянски, в иных случаях, это слово переводится так: приседеть, сидеть за делом со вниманием и терпеливо, усидчиво трудиться над разрешением чего-либо. Еврейское соответствующее тому слово означает: совопросничать, взвешивать предыдущее и последующее, причины и действия, средства и цели, и притом так, чтобы, отвлекшись от всего, одним этим и быть занятым. Таким образом, здесь указывается на богомысленное размышление, которому обыкновенно посвящают несколько уединенного времени боголюбивые люди, в видах разъяснения всего соприкосновенного исполнению заповедей или делу богоугождения, которым они заняты, принимая в руководство при сем слово Божие, отеческие писания и советы мужей опытных.

---

[1] См.: Суд. 15.

Вопросов и недоумений смутительных кто может избежать? И кто может сказать, что он взвесил всевозможные случайности и наперед знает, как когда поступить? Таким образом, частию для разрешения родившихся вопросов, частию для предупреждения их, а всего более для питания духа богомысленными созерцаниями, как только улучишь время, садись и углубляйся в истины Божии, читая при этом или слово Божие, или отеческие писания. Самое лучшее время для этого утро и вечер, а способ совершения сего делания молитвенный. Молитвою начни, в молитвенном настроении продолжи и молитвою кончи. Ангел хранитель найдет при этом возможность вложить в ум твой нужное именно тебе и собственно в твоих обстоятельствах.

Иные определяют себе читать оттуда столько-то, оттуда столько-то и читают много. Мысли освежаться могут и при этом, но польза получается не вся, а нередко читание обращается почти в бесплодный процесс. Лучший порядок следующий: возьми стишок, войди в него всем вниманием и разлагай его на возможные благопомышления. Это первое дело. В родившихся мыслях ищи сторон, которыми могут они повеять на сердце и привлечь его к себе. Это второе дело. Затем извлеки себе из них уроки и проведи их по твоей жизни, намечая себе, что там так-то надо поступить, а там — так-то. Этим способом стишок пройдет своим содержанием через всю душу и, вышедши из нее, войдет в жизнь в свое время.

Вот единственно плодоносное богомысленное размышление, конечно, не спешное, но дающее больше всякого многочтения и многомышления. «Да этак, скажут, много ли успеешь начитать и обсудить?» — Не много, да много. Иного стишка станет на два и на три приема, иной и неделю займет. Но зато, что так добывается, то становится неотъемлемым, присноопитательным достоянием духа. Иной стишок столько дает от себя света и тепла, что будет возгревать дух многие дни. Дело здесь идет не о научном чтении, а об углублении в Писание, в видах созидания духа и разъяснения многосложных путей жизни. Научникам долг велит много читать, а ищущие созидания духа никак не должны позволять себе читать много.

Основательнее мог бы иной возразить: «Не могу рассуждать, непривычен». Но кто на свете не рассуждает! Возьмите самого простого человека, и тот рассуждает, конечно, в кругу своих дел. Сказанное занятие предлагается уже вступившим на путь заповедей и довольно осмотревшимся на нем. Стало быть, в этой области они не совсем чужие и могут поэтому рассуждать, при всей простоте своей. Дело не в неумении, а или в лености ума, или в его завистности, по которой он хочет захватить побольше и поскорее. Первое оставляет ум в бездействии, а второе подавляет его. Избегающий того и другого, берется за труд обсуждения со смирением и понемножку все подвигается вперед, обогащаясь знанием практической жизни, твердым и многосторонним. На нем исполняется в точности ожидание святого пророка от такого рода занятия: *и уразумею пути Твоя.* Живущий с разумом по зернышку собирает уроки мудрости духовной, чрез углубление в заповеди Божии, и доходит, наконец, до ясного ведения порядков жизни по Богу, приобретая, наконец, возможность и иных научать, даром что простец и наук никаких не проходил. Опыты этого рассеяны по всей истории людей Божиих в Церкви Христовой.

Стих шестнадцатый

Во оправданиих Твоих поучуся, не забуду словес Твоих.

Это третье занятие, в котором боголюбивая душа находит покой и сладость. Оно похоже на предыдущее, и, однако ж, разнится от него существенно. Там говорится: *поглумлюся* (стану исследовать усидчиво), а здесь — *поучуся*; там плодом занятия ставится — *уразумею*, а здесь — *не забуду*. *Не забуду* — дело памяти, — отсюда рождается наведение: *поучуся*, значит буду заучивать.

Поучуся — μελετήσω. Припоминаю: еще для первых учеников святого Антония положено было правилом заучивать на память несколько псалмов тотчас по приходе их в пустынь; потом внушалось: когда ты в келлии не занят или идешь куда-нибудь, то перечитывай на память заученные псалмы. Это называлось μελέτη. У нас в славянских отеческих книгах часто читается заповедь: имей сокровенное поучение — μελέτη. Это значит: собери внимание и повторяй непрестанно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!» Применяя это значение слова *поучаться* — μελετάω к нашему тексту, мы можем принять, что в нем внушается заучивание мест Писания на память и повторение в свое время заученного, чтобы не забыть словес Божиих.

Святой Василий Великий свидетельствует, что в его время заставляли детей на память заучивать некоторые псалмы и притчи. Делается ли что-либо подобное у нас? Делают ли что подобное даже принявшие на себя ярем подвижничества?.. Да, во многом мы отстали от древних спасительных обычаев! Но это не умаляет цены делания, указываемого в настоящем стихе. Оно значит вот что: обсужденные, по предыдущему тексту, стишки из Писания заучивай на память, и заученные повторяй, как только свободны ум и слово. Еврейское слово, соответствующее слову *поучуся*, значит — с сладостию вращать в уме и на языке, как, например, вращают во рту конфеты. Такое занятие можно предложить всем, ищущим искренно угождать Богу во всем.

У нас многие из подвизающихся читают в домах или келлиях Псалтырь. Это отчасти отвечает уроку нашего стиха. Может быть, сюда же можно отнести и молитвословие домашнее, частное, келейное. Но прямее оно значит: нарочито избирать места Писания для заучивания и потом повторения их в уме.

Этим последним занятием заповеди, занявшие уже все силы души, займут и память и освятят ее. Благо отсюда неописанное! Один из старцев сказал, что живущему в мире трудно достигнуть умирения помыслов, потому что он видит много зла, которое, оставаясь в памяти, непрестанно теснится в его внимание и тогда даже, когда он сидит один, воротившись домой. Какая толкотня помыслов у мирян, об этом и говорить нечего. Святой Макарий уподобляет состояние их умов трясению и помыканию зерен пшеницы в решете. Те, которые остепеняются и начинают идти путем заповедей, отделяются от дел чисто мирских, но от помыслов много страдают, особенно вначале. Помыслы не дают им ни молиться, ни читать, ни рассуждать,— все отбивают от настоящего дела. Как же от этого избавиться? — Лучшего способа нет, как изгнать злые памятования памятованиями добрыми… Как много помогает в этом случае заучивание на память мест Писания — и сказать нельзя. Тут происходит с душою то же, что с слабыми фруктами, когда их просахарят. Сахар, проникнув все поры их, и сладость сообщает им, и сохраняет от порчи. Так и душа, пропитанная заученными словесами Божиими, отбрасывает порчу срамных и пустых помыслов и в сладость исполняется памятованием о вещах Божиих.

Может быть, этим разрешается и вообще вопрос об умиротворении помыслов; может быть то есть и все это дело состоит в том, чтоб помыслы худые и пустые заменить помыслами добрыми и спасительными, так как помышления о добром никогда не производят ни смятения, ни омрачения в уме и сердце, а одно созидание и благонастроение. Если принять это, то вот и правило для новоначальных, как быть с помыслами: заучивай поскорее и поболее мест Писания, особенно слов и дел Христа Спасителя, и повторяй их чаще.

Но есть состояние, которое дается людям, сподобившимся ощутительного действия благодати, и при котором бывает особый мир внутренний, где уже нет и доброго многомыслия, а все поглощается единым, и во всем водворяется единство и простота, не допускающая никакой множественности, не только в желаниях и чувствах, но и в помыслах. Над ними уже здесь начинает исполняться то, что сказал апостол о жизни будущего века: *и будет Бог всяческая во всех*[1].

ТРЕТЬЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Третья буква *ги́мель* значит *верблюд*. Верблюд — самое сносливое вьючное животное. В этом отношении уподобляются ему труженики на пути заповедей, пока они еще не вошли во вкус этой жизни. Святой Антоний Великий, рассуждая о таких лицах, прилагает к ним слова другого псалма: *скотен бых у Тебе*[2] в том смысле, что они несут труды жизни по Богу, а плодов ее еще не вкушают: тянут это иго, как подъяремное животное. Такое состояние в новоначальных, кажется, у всех неизбежно; исключений очень мало. Но оно находит и на тех, которые уже начали испытывать доброту богоугодной жизни, именно тогда, когда ни мыслей, ни чувств, ни желаний добрых не бывает: душа будто замерла и, озираясь кругом, видит себя отчуждаемою от всех и всем чужою. К этому присоединяется иногда натиск внешних неприятностей, которые отяжеляют внутреннее недоброе состояние. Преодолевает все это верность данному слову и обету, с уповательным терпением.

---

[1] 1 Кор. 15, 28. — [2] Пс. 72, 22.

Все это пророк и изображает в настоящем восьмистишии, которое и можно озаглавить так: *о притрудностях*, встречаемых на добром пути, внутренних и внешних, или о тяжелых состояниях, испытываемых при этом.

Стих семнадцатый

Воздаждь рабу Твоему, живи мя, и сохраню словеса Твоя.

Воздаждь – не то, что воздай за что-нибудь, как бы за подъятые труды, а дай по милости благопотребное, и дай полно, с избытком, как говорится и в других местах Писания: *не забывай всех воздаяний Его*[1], всех обильных благ Его, или *благодать возблагодать*[2]. Говорящий так сознает себя рабом Богу, не видит, чтобы наперекор совести выступал когда-нибудь из воли Его; но видит в себе оскудение духовной жизни: душа замерла, мысли помрачились, потому и вопиет: *воздаждь*, дай снова благо отшедшее, возврати потерянное, исполни меня, опустевшего. Таким образом, слова эти можно отнести ко всему восьмистишию. Пророк говорит как бы так: блага были и отошли; возврати их снова, живи мя, просвети очи, *отыми понос*[1] *и уничижение.*

---

[1] Пс. 102, 2. – [2] Ин. 1, 16.

Живи мя... Грешник, пока пребывает в грехе, мертв для Бога и для жизни по Богу, хотя в других родах жизни и многодеятелен, и многосведущ. Когда благодать Божия пробуждает его, тогда в нем начинаются первые движения духовной жизни, а когда, покаявшись, полагает он жить потом по заповедям Божиим, — начинается и самая жизнь. Но на первых порах она малоощутима. Мертвенность греховная вокруг еще так осязательна, что не дает ощутить живности в духе. Со временем приходит это чувство жизни о Господе и сопровождается радостию жизни. Но продолжается не всегда непрерывно, а идет перемежающимся порядком и почасту пресекается. Когда пресечется, душа ниспадает в мертвенность, становится совсем как мертвая, и мертвенным холодом веет от нее: никакого проявления духовной жизни. Это и неприятно, и страшно, ибо когда духовное замирает, то оживает плотское и греховное, а тут враг около, — долго ли до падения? Вот об этом-то состоянии и речь у пророка.

---

[1] Поношение, бесчестие. — *Ред.*

Воздаждь рабу... и *живи мя,* раба Твоего, это, конечно, то же. У человека не одна жизнь, а три: плотская, душевная и духовная. Над всеми ими высится сознание разумно-свободное. Когда дух, пробуждается действием Духа Божия, тогда человек сознанием и свободою переходит в дух или на сторону духа и закрепляет пребывание в этом чине жизни обетом в крещении или покаянии, говоря в первом: «Отрицаюся сатаны и всех дел его и сочетаваюся Христу Господу», и во втором: «Согрешил, не буду». В изображаемом пророком состоянии душа замерла, не видно движений духовной жизни; но сознание с свободою сокровенным действием совести держится на стороне духа. Они исповедуют себя рабами Господа и помышления не имеют выступить из этого чина или переступить за черту его к противникам: только не видят под собою обычных проявлений жизни по Богу. Эта внутренняя верность Господу и дает им дерзновение вопиять ко Господу: *оживи*, и питать надежду, что оживит.

Состояние омертвения души иначе называется состоянием нечувствия. Ничем ее не расшевелишь: и благое ее не привлекает, и страшное не страшит. Как же быть? — Терпеть и молиться, исповедуя свою немощь.

Это состояние есть точное изображение на опыте того, что есть человек сам по себе, без действия благодати. Отстранилась немного благодать, и человек стал никуда негож. Затем это так и делается, чтобы человек потверже заучил и никогда не забывал, что и тогда, как он бывает в добром состоянии, сам по себе все никуда негож, и если является имеющим нечто, то все-таки то не его, а придано ему со вне, хотя и так, что навсегда может остаться в нем, если не впадет в грех присвоения чужого.

И сохраню словеса... и тут не перестает он хранить их, но бессердечно, как машина,— как машина стоит на молитве, как машина исполняет и другие дела заповедей, какие встречаются. Для состояний подобного рода закон такой: никак ни в чем не отступай от заведенных порядков; терпи и молись. Перетерпишь — придет опять оживление от Господа, и начнешь опять хранить словеса Божии, но уже не как машина, а как живое лицо, от сердца, по охотным начинаниям, с охотным и приятным трудом в исполнении их.

Стих восемнадцатый

Открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего.

Дух человека, имеющий назначение жить в Боге и к Нему возводить всего человека, по падении слеп. Хотя в нем неизгладимо существует уверенность в бытии Бога, с сознанием всесторонней зависимости от Него и обязательства благоугождать Ему всячески неуклонным следованием внушениям совести, в надежде, соответственной трудам, будущей по смерти жизни; хотя есть в нем все эти стихии духовной жизни, как видим из всех языческих религий, но все они покрыты темнотою и неопределенностию так, что на основании их скорее можно выразиться так: носит дух человека непоколебимое убеждение и чутье, что есть нечто высшее и совершеннейшее, что есть порядок вещей и дел чистейший и блаженнейший; но что́ оно именно есть, того он не знает, а ищет только с уверенностию, что это не пустое искание. Какое-то покрывало лежит на нем и мешает ему зреть истину вещей тех. Потому-то и естественна ему молитва: *открый очи мои*.

Когда человек приступает к Господу, тогда âземлется с духа его покрывало, и он ясно видит все то, чего искал гадательно. Блаженства, какое доставляется этим прозрением, описать нельзя, как это свидетельствуют испытавшие его. Но как исшедший на свет из темного места считает и небольшой свет очень ярким, осмотревшись же, начинает находить его умеренным,— так и в духе: побыв в открытом первоначально свете духовном, он доходит до чувства, что хотя он уже и видит, но видит зерцалом в гадании, как засвидетельствовал святой Павел[1]. Потому и просветленному во Христе Иисусе никак не излишня молитва: *открый очи мои.*

Но по характеру этого восьмистишия можно тут разуметь некоторое другое покрытие очей духовных, именно — временное омрачение и ослепление ока умного, бывающее в людях, живущих по Богу, или наказательно, или поучительно. Человек бывает ослеплен или в отношении к себе, или в отношении к другим, или в отношении к текущему ходу вещей, и верит, что оно так и есть, как ему кажется, и стоит за то, и держит себя по смыслу такой уверенности; тогда как на деле оно не так: истина сокрыта от него, покрывало лежит на очах его, потому он и не видит. После открывается истина, и ходивший тут же и не видевший ее в недоумении окаявает себя за то, что видя — не видел, и научается таким опытом не доверять своему зрению и, невзирая на то что ходит во свете, искренно с болезнию сердечною молится к Подателю Света: «*открый очи мои...* дай мне видеть истину о себе, о других и о всем, окружающем меня, чтобы по чувствам и делам держать себя в истинно должном чине, а не мнимо-истинном».

Особый вид ослепления духовного временного есть *забвение.* Святой Марк Подвижник часто горько жалуется на этого врага и других предостерегает от его козней. Приходит враг и уносит из внимания спасительные, возбудительные и остерегательные помышления; забывает человек, что он, куда идет, что его ожидает, кому работает, под чьим взором живет и действует, и по причине такого забвения начинает действовать, как несмысленное, резвое дитя. Не всегда это сопровождается большими ошибками, но всегда от этого падает внутренняя энергия и расстроивается весь строй духовный. Вот и повод к молитве тем, которые искренно ищут совершенства: «*открый очи мои*, дай мне всегда держать пред очами ума, во внимании моем, что я безответный грешник, что око Твое всегда обращено на меня и видит всего меня, что вот-вот смерть, и я должен буду вступить в мрачные места истязаний, потом предстать пред Тебя и выслушать Твое определение о мне; дай помнить это, чтобы неослабно действовать во спасение свое, пока время, и крепче держаться за спасительный крест, в силе которого вся моя надежда».

---

[1] См.: 1 Кор. 13, 12.

У кого глаза открыты, тот видит окружающее, как оно есть. У кого открыты умные очи, тот видит Бога и Божественный порядок вещей, разумеет, в чем он и чего от нас требует. Это и разумеет святой пророк, когда говорит: *и уразумею чудеса от закона Твоего.*

Стих девятнадцатый

Пришлец аз есмь на земли: не скрый от мене заповеди Твоя.

Пришлец я на земле — эту мысль всякий должен носить в сердце своем; не имею здесь пребывающего града, но грядущего взыскую; отечество мое не здесь: тут я случайно, на время, странник. Прямое отсюда следствие такое: если я странник, то мне нечего здесь заводиться всем на долгие лета или навсегда, что ко всему здесь я должен относиться, как к чуждому мне, не касающемуся меня, держать себя так, как в гостинице: отдыхать лишь, а там опять в путь; делать все мимоходом и принимать, как мимоходное, имея одно только в мысли и желании — безостановочно шествовать верным путем в свое отечество.

Эта мысль, если не всегда зарождает, то всегда поддерживает и раздувает зародившееся желание обращения и ревнования о спасении. Но по образовании решимости содевать свое спасение богоугодною жизнию она становится необходимою стихией нравственно-духовной жизни. Вступивший на этот путь причисляется самым делом к Иерусалиму небесному и тамошним, так сказать, начинает дышать воздухом. Если так, то чувство странничества наземного не должно отходить от него; потому что, как только отойдет оно, человек выступает из своего чина, — из тамошнего, по сердцу, становится здешним и, переставая дышать тамошним воздухом, замирает, имея только вид, что жив, тогда как на деле мертв.

Ничто столько не пагубно для жизни по Богу, как забвение этой коренной истины, но ничто меньше и не помнится, как эта истина. Все мы подряд и думать не думаем, что живем здесь на время, и всего заготовляем так много, или заботимся о всем здешнем так, как бы и конца не было этой жизни. Молиться бы надо: «Не скрой от нас, Господи, той истины, что всяк земля есть и в землю пойдет; не скрой, или не давай ей закрыться в уме и памяти суетною многозаботливостию». Но и молитва об этом не приходит на ум; молясь обо всем, об этом мы никогда не молимся. Так велико ослепление наше в этом отношении! Иным уже думается, что и вечная жизнь будет на земле и что сохранятся такие же отношения и тогда, какие в ходу теперь. Грубое неведение дела!

Другая соприкосновенная с странничеством нашим мысль — неведение, как действовать, и неприязненности на чужой стороне. Когда кто приходит в чужую страну, никому неведомый и сам никого не знающий, не знающий чужих обычаев, — на него смотрят, как на чужого, и неродственно, и подозрительно.

Мы — странники на земле, и, казалось бы, следовало ожидать, что не знаем, как здесь жить;

на деле же кто лучше нас понимает это дело? Но ведь в таком случае мы уже не странники, а свои на земле; странниками становимся, когда возродится в нас тяготение к небесному отечеству, и мы станем отчуждаться от всего здешнего. Вместе с тем, рождается и забота знать, как быть, как держать себя, чтобы не запутаться опять здешним, но словом и делом являть, что мы странники и пришельцы. Вот такое-то недоумение и видит святой пророк в душе странника, и влагает ему усердную молитву: *не скрый от мене заповеди Твоя...* покажи то есть, как вообще должен я действовать и как поступать во всяком случае, чтоб не выступить из воли Твоей!

Тот, кто стал в духе странником, всегда встречает неприязнь. Нападающие явно, теснящие, гонящие не так опасны, как опасны невидимые враги, действующие на ум и сердце и благовидностию прикрывающие пагубные внушения свои. Ложь, страсть, явный грех легко разобрать; но внушения благовидные не всегда разгадаешь, не всегда увидишь, что под ними кроется. Как поступить во спасение, только Бог ведает, и только Он может раскрыть сплетение пагубное или прямо Сам, или чрез других людей опытных. В словах пророка это более и чувствуется в молитве. Странник я, говорит он, всюду враги: тот говорит туда иди, тот — туда; Ты Один, Господи, все знаешь: не скрой от меня, как мне поступить лучше; скажи, какова воля Твоя о мне в настоящих обстоятельствах, чтобы не попасть в засаду!

Святой Марк Подвижник после нечувствия и забвения с ослеплением часто жалуется и на неведение, полагая в нем источник многих наших ошибок, падений и уклонений от правого пути в шествии нашем в небесное отечество наше.

Стих двадцатый

Возлюби душа моя возжелати судьбы Твоя на всякое время.

Возлюби возжелати, то есть сильно возжелала душа моя быть всегда охотною исполнительницею воли Твоей святой, всего того, что присуждаешь Ты мне делать. В этом случае стих этот будет представлять причину, почему так беспокоят молитвенника указанные пред сим недобрые состояния — нечувствия, ослепления или забвения и неведения. «Я, говорит, сильно желаю быть исправным пред Тобою во всякое время, а они мне мешают, останавливают, прерывают, уклоняют в другую сторону. Это и беспокоит меня; потому-то я и молюсь и вопию об избавлении от них». Но замечать такие состояния и чувствовать всю помеху от них в духовной жизни может только сильно возжелавший совершенства в ней, и не только возжелавший, но и преуспевший в ней сколько-нибудь и испытавший противоположные им состояния. Только такой человек при появлении упомянутых состояний и может заметить, что внутри произошла перемена, и перемена не к лучшему. Осязательнее всего видится это в омертвении чувства или в состоянии нечувствия: тут будто жизнь пресекается. Тем же, которые не имеют такого желания и хоть небольшой опытности, и не в догадку, что это состояние дурное. Оно постоянно у них, и если изменяется как-нибудь, то в однородном круге изменений, так как нечувствие духовное не мешает быть чувствительным ко внешнему, особенно к разительным явлениям в области изящного. Духовное ослепление и забвение не мешают широко распростирать пытливость и утешаться всесторонним ее удовлетворением. Неведение духовное не мешает быть научным знатоком внешних текущих дел и верным в своем роде оценщиком их. Такие бросающиеся в глаза проявления жизни мнимодуховной заслоняют истинно духовную сторону нашей жизни и не дают заметить ее отсутствия. Оттого и заботы нет о восстановлении ее в соответственной силе. Напротив, тот, кто имел, но потерял, не может не заметить ее отсутствия, и так как он возжелал ее всем желанием, то не может не тревожиться, не бояться за себя и не заботиться о возвращении того, что было и быть бы должно, но чего нет, как уверяет неложное сознание.

Таково отношение сего стиха к предыдущим трем, если *возлюбих возжелати* принять в значении «сильно возжелал». Но блаженный Августин дает этим словам такой смысл: «Разумная воля моя настоятельно требует, чтобы я желал; но желания нет, подобно тому, как больной разумно желает принимать пищу, но нет аппетита, и желудок не принимает пищи. Пророк говорит как бы так: знаю я, что следовало бы мне желать ходить в судьбах Твоих, и разумно требую этого от себя, и определил себя на то, но душа не отвечает этому и не имеет желания». Здесь он представляет как бы болезнь свою душевную пред Бога, чая уврачевания. В таком смысле настоящий стих будет продолжением изображения неудобств и препятствий, встречаемых на пути жизни духовной. На этом пути словно удары какие поражают по временам душевные силы, и они отказываются действовать по требованиям духа. Когда поражено бывает чувство, тогда появляется состояние нечувствия; когда поражен бывает ум, тогда он или слепотствует, или забывается; когда поражена бывает воля, тогда человек впадает в состояние разленения и неподвижности на дела по требованию духа. О первых двух сказано в предыдущем стихе; последняя же неужели пропущена? Вот для полноты-то изображения сих поражений может быть и лучше с блаженным Августином в настоящем стихе видеть указание на поражение воли нехотением.

Святой Марк Подвижник всякий раз, когда касается сих поражений, выставляет три — неведение или забвение, нечувствие и разленение. С чего это начинается — бывает неодинаково, но больше с забвения. От забвения — нечувствие; от того и другого — разленение или нерадение. Это полный апоплексический удар в душе. Но надо иметь в мысли, что все это бывает с людьми, стоящими на добром пути. О них и речь у святого пророка. У живущих по страстям эти три постоянно существуют, но не замечаются ими. Те же, о которых, собственно, говорит пророк, замечают свои изменения на худшее, жалеют о том и молятся; следовательно, они не из числа работающих страстям. Они вышли из того рабства и попали в эти недобрые состояния случайно. Вина, конечно, в них, но редко кто может сказать, отчего именно они находят. Господь же милостив, и кто, заметив такую худобу в себе, прибегает к Нему с сокрушением, к тому Он являет скоро Свое благоволение и восстановляет внутреннее его в свойственном ему чине.

Стих двадцать первый

Запретил еси гордым: прокляти уклоняющиися от заповедей Твоих.

Запретил — сказал то есть не гордитесь, и сказал с прещением, с угрозою, с определением строгого наказания. Зачем же говорится об этом?

Может быть, пророк продолжает речь о препятствиях к успехам в духовной жизни, и, сказав впереди о поражении душевных сил бездействием, говорит теперь о том, как может даже самая напряженная деятельность быть поражена, как проказою, гордостию, и предостерегает от того. Он говорит как бы так: знаю, Господи, сколько пагубна гордость и сколько она Тебе противна; потому молюсь: избавь меня от нее; иначе за нее отымешь Ты благодать Свою, а без благодати у меня пойдет падение за падением и стану я в ряд всегда уклоняющихся от заповедей Твоих, и пойду под клятву, изреченную Тобою на них: ибо проклят всяк, кто не пребудет во всех, писанных в законе, *еже творити я*[1].

То правда, что для начавших преуспевать самый опасный враг — самомнение и гордость, в связи с осуждением и презрением других. Добро так привлекательно и ценно в очах души, что, заметив в себе еще только начатки его, она уж и меры себе не знает. Но этим показывает она лишь неопытность свою и скудость, и скоро обличается в том праведным судом Божиим. Господь близ и вразумляет. Возмечтавший о себе почти тут же спотыкается в чем-либо, иногда не очень значительном. Если опомнится, дальнейших вразумлений и не последует, а если не опомнится, попускается восстать страстям срамным, дабы осязательнее дать почувствовать, что рука Божия, покрывавшая его, отнята, и врагам открыт к нему свободный доступ. Это не то, что обречение на падение, а посрамление внутреннее перед собою за высокое о себе мнение. Вразумившийся в покаянии обращается к Избавителю и, вступая в чин уничиженных, возвращает себе и благодатный покров, а не вразумившийся нередко падает: горькое вразумление унижением!

---

[1] Втор. 27, 26.

Таким образом, можно и так понимать соотношение сего стиха; но, кажется, прямее будет, если разуметь стих этот не о внутренних искушениях гордостию, а о внешних искушениях от гордых. Тогда порядок в этом восьмистишии будет такой: первые четыре стиха будут говорить о внутренних препонах к преспеянию, а последние четыре — о внешних неблагоприятностях таковому преспеянию, источник которых — гордость сынов мира сего, с презорством взирающих на смиренных тружеников в деле Божием. В таком случае *запретил еси* — надо будет читать — *запрети*, в соответствие следующему — *отъими*.

Гордые, по святому пророку, почитаются образцовыми законопреступниками, ибо они, по слову его, законопреступничают *до зела*[1]. Ревнителям об исполнении всякой правды Божией и дела бы до них нет, потому что и возбуждение к жизни по Богу, и поддержку ее они почерпают совсем из другого источника, а не в каком-либо внимании людей мира; да и последним лучше бы держать себя так же в отношении к первым. Но им не терпится: всегда встревают они в порядки людей Божиих то с вопросами — зачем то и то делается и держится, то нередко и с требованиями отстать от таких порядков жизни, которые колют им глаза. Это и заставляет многих из ревнителей благочестия оставлять обычное сожительство и удаляться в горы и пустыни, чтобы там или поодиночке, или братствами беспрепятственнее жить в трудах о спасении и богоугождении. Но для других неудобно такое отдаление, и они по необходимости остаются в сожительстве с людьми противного духа, терпя все неудобства от того, наипаче в духовном, а нередко и в житейском отношении. От лица их-то и вопист святой пророк: *запрети гордым*; сделай так, чтоб они, если уже нет надежды на изменение их к лучшему, не касались нас; а так как им нельзя внушить этого словом, то дай им какое-либо внешнее вразумление. Тогда, видя покров Твой над нами, а себе готовое наказание, они, если не из благоговения к Тебе, не из уважения к закону Твоему и к ревнителям его, то хоть из страха потерпеть какое-либо зло непредвиденное, оставят нас в покое.

---

[1] Пс. 118, 51.

Слова *прокляти уклоняющиися от заповедей Твоих* иначе переводятся так: запрети гордым — этим подпадающим под клятву за уклонение от заповедей Твоих, или этим уклоняющимся от заповедей Твоих и тем навлекающим на себя положенную за то клятву. Такой перевод как будто лучше подходит к течению речи, но и обычный перевод не представляет ничего затруднительного в этом отношении. Выйдет так: запрети гордым, потому что ведь уже положено правдою Твоею быть под клятвою тем, кои уклоняются от заповедей Твоих.

Стих двадцать второй

Отъими от мене понос и уничижение, яко свидений Твоих взысках.

Люди мира сначала не обращают внимания на людей Божиих, обнаруживая к ним лишь холодность, смешанную с презрением и нескрываемую неприятность встречаться с подобными людьми; но потом начинают поносить их и унижать, особенно тех из них, которые ближе к ним и больше других обнаруживают твердости в следовании однажды принятому образу жизни. Люди Божии готовы все это терпеть, и терпят молча, пока это остается без вреда для самого пути Божия, по которому они идут. Но когда уже дело доходит до этого, то они возвышают голос, только не пред людьми, а пред Тем, Кто назирает все пути человеческие, и просят Его снять с них понос и уничижение ради того, что от них он переходит и на те свидения, которых они взыскуют.

Слова *яко свидений Твоих взысках* можно относить и к *отъими*. Отыми поношение, потому что я свидений Твоих ищу; я Твой, Твоей воле следую, Твои повеления исполняю; защити же, так как Ты обещал не давать Своих в обиду. Можно относить их и к *поношению и уничижению*: за то, что я свидениям Твоим в точности следую, меня всячески поносят и уничижают,— избавь же меня от этого, ибо чрез это путь Твой хулится.

Чиста молитва только в последнем смысле; но не неуместна она и в первом, не по немощам только естества, но и по нуждам нравственным. Кто не знает, каким подавляющим гнетом ложится на душу поношение! Оно подрывает энергию в самых энергичных и расслабляет самые многодельные руки и ноги. И вот, как сдавленный естественно ищет простора, так и эта душа вопиет: отыми, Господи, эту тяготу! Она вяжет мне руки и ноги, и я двинуться не могу вперед. И это делается не потому, что нет терпения, ибо поношение уже терпится, а ищется только исход из неприятного положения, и ищется именно там, где единственно и искать его можно, то есть от Того, в руке Которого судьбы всех людей. Такая молитва не плод нетерпения, а свидетельство веры и упования. С другой стороны, и то возможно, что от тяготы подорвется энергия к жизни по Богу, а от этого подрыва раздражатся и восстанут замершие было страсти и навыки. Боящийся падений и вопиет: избави; я ищу свидений Твоих, но и боюсь, как бы не расслабнуть и не пасть.

Впрочем, в этом воззвании может быть и такой смысл: отыми подавляющее действие поношения и уничижения, дай силу быть к нему равнодушным и держать себя так, как бы его не было. Если такой оборот молитвы не неуместен, то в поддержание мужественного перенесения бесславия можно собирать в уме представления, могущие усилить такую решимость и придать мужества. Поношение здешнее избавляет от посрамления на Страшном суде. Насколько потерпишь эту напраслину здесь, настолько ублажения приготовишь себе там. Путь поношения — не запустелый какой-нибудь, по которому кто-кто проходит; он тесно полон шествующими по нему. Все святые прошли им, и впереди всех Сам Началовождь Господь; значит, идти по нему не должно быть скучно. К тому же никакой пластырь так скоро не вытягивает дурных соков злокачественного нагноения тщеславия, самовозношения и гордости, как поношение. Имея все это в мысли, можно молиться: отыми расстроивающую силу у поношения; а поносить — пусть поносят. Буду сидеть, покрытый этим посрамлением, как обложенный пластырем. Это, наконец, сделает меня более способным исполнять свидения Твои, Господи, которые я вседушно взыскал.

Стих двадцать третий

Ибо седоша князи, и на мя клеветаху, раб же Твой глумляшеся во оправданиих Твоих.

Это третья степень неприязненных отношений сынов века к сынам Божиим. За поношением и унижением следуют совещательные замыслы, собирания клевет, конечно, не на добро. Премудрый и истолковывает эти заседания князей века так: *скрыем в землю мужа праведна неправедно, пожрем же его, якоже ад, жива, и возмем память его от земли*[1].

Хотя и сознают, что восстают на праведного неправедно; но, желая придать своему злодейству вид правды, собирают клеветы. Так собирали лжесвидетельства и на Христа Спасителя. Кого наметит злоба человеческая, того уж не перестанет преследовать до конца: ее поджигает враг всякого добра, и она покоя не имеет, пока не достигнет желаемого — насытиться злодеянием.

Но да не возглаголют уста наша дел человеческих! Господь да избавит всякого от таких вопиющих дел! Что же делать тем, кому угрожает что-либо подобное? А вот что: *раб же Твой*, говорит пророк, *глумляшеся во оправданиих Твоих.* Вот уж он и не молится: «отыми, или отврати», но в сердце своем предал себя в жертву своенравной злобе и, не обращая на нее внимания, делает свое дело, всеусердно исследует оправдания Божии, чтобы точнее исполнять их. Так и всякому надобно действовать: пусть злоба злится, а ты свое делай, *Бога бойся и заповеди Его храни*[1].

---

[1] Притч. 1, 11—12.

Из такого отношения святого пророка к напраслинам вытекает убеждение, что наикрепчайшая поддержка перенесения их есть свидетельство совести в том, что к таким нападкам не подано никакого повода. Кто может сказать в себе пред лицем Бога: исследую оправдания Твои, сличаю с ними жизнь свою и не нахожу вины в себе, — того напраслины должны только веселить, как истолковывает это святой апостол Петр: *аще укоряеми бываете о имени Христове, блажени есте; яко славы и Божий Дух на вас почивает. Онеми убо хулится, а вами прославляется. Да не кто убо от вас постраждет яко убийца, или яко тать, или яко злодей, или яко чуждопосетитель; аще ли же яко Христианин, да не стыдится, да прославляет же Бога в части сей*[2]. За что же да прославляет Бога? — За то, что, по Его определению, *блажени изгнани правды ради, блажени* те, кого *поносят и иждenут, и рекут всяк зол глагол*[3] на них, Господа ради. Им уже уготована великая мзда на небесах, в уверенности о которой они отсюда могут радоваться и веселиться не самопрельщенно.

Но, с другой стороны, те же оправдания Божии свидетельствуют, что нет человека без греха и что если, в известных обстоятельствах, совесть может верно свидетельствовать о невиновности, то вообще невинным признать никого она не может. Не теперь, так прежде сделано что-нибудь, требующее должного воздаяния; вот оно-то и пришло под видом напраслины. Милость Божия устроила так ради того, чтобы подвергнуть человека очистительному страданию здесь, во времени, и избавить от наказания в вечности. Сторонние не могут видеть такого соотношения внешнего с внутренним: все это дознается и исповедуется во внутреннем святилище совести, пред лицем Всевидящего Бога. Но кто дознал это и исповедал Божию правду в настоящем, прозревая вместе и в соотношение его к вечному, тот не может не радоваться, встречая напраслины, как бы они горьки ни были. Невидимое и будущее он объемлет как настоящее и, за обилием блаженства чаемого, не чувствует всей горечи текущих скорбей. И это благо терпящим скорби и напасти прибывает по мере того, как углубляются они в оправдания Божии. Там они ясно зрят эти законы правды Божией и находят в них утешение себе.

---

[1] Еккл. 12, 13. — [2] 1 Пет. 4, 14—16. — [3] Мф. 5, 10—11.

Но христианин, углубляясь в оправдания Божии, находит там нечто большее, сравнительно с ветхозаветным, именно – заповедь о любви ко врагам. Любовь ко врагам заповедуется не к тем только, со стороны которых нападки прошли и уже отчасти забыты, но и к тем, злоба коих испытывается, — заповедуется любить их в то время, как бьют, режут, грабят, и любить не так, как иные говорят: «я ему зла не желаю и не делаю, только видеть его не могу», а любить по всему свойству чувства любви. Кто, углубляясь в оправдания Божии, нападет на это чувство, тот почерпнет из него такое благодушие, которое отгонит всякую горечь неприязненности, так что и следа ее не будет. Примеры этого видим во многих мучениках. Они бывали и во все времена, а если осмотреться, то и теперь их увидим.

Стих двадцать четвертый

Ибо свидения Твоя поучение мое есть, и советы мои оправдания Твоя.

Святой пророк выставляет причину, почему он, когда видит, что враги сплетают клеветы во зло ему, углубляется в оправдания Божии: такое уж у меня правило, говорит он, там поучаться и там искать себе совета.

Словом *поучение* переведено такое слово, которое собственно значит — в сладость перебирать в уме или повторять языком речения Божественного слова и вследствие того находить утешение в них.

Советы — советники, или собрание разбирающих кое-либо дело. Святой пророк, в противность заседанию князей века, учреждает свое, в котором под председательством страха Божия и совести ум находит в слове Божием решение — какой образ деятельности должно противопоставить злодейским замыслам врагов. Таким образом, свидения и оправдания Божии, вообще Божие слово для него и служит утешением и руководственным вразумлением в притрудностях, встречаемых на пути богоугодной жизни.

Нужно ли говорить, что лучшего образа действования и придумать нельзя? И во внутренних, и во внешних теснотах иди к слову Божию: оно выведет тебя на светлую и просторную дорогу, научив безбедно обходить встретившиеся затруднения. При этом немногое надо приложить от себя — одну совершенную покорность велениям Божиим, и, чего бы они ни потребовали, с готовностию жертвовать всем в удовлетворение им. Такое настроение есть канал, по которому из слова Божия изливается в душу благопотребное ей в то или другое время, потому что тут же присутствует и Изрекавший это слово и Видящий нужды ищущих в Нем руководства себе и умеющий печатлеть в уме и совести уроки Своей дивной премудрости. Святой Исаак Сирианин говорит: «Божественною благодатию путеводимые в жизни своей к просвещению всегда ощущают, что как бы умный какой луч проходит по стихам написанного, и отличает уму голые слова от того, что душевному ведению сказано с великою мыслию»[1]. «Если ум, продолжает он, плавает на поверхности моря Божественных Писаний и не может проникнуть мыслью Писания до самой глубины, уразуметь все сокровища, таящиеся во глубине его, то и того уже, что ум занят рвением к уразумению Писания, достаточно для него, чтобы единым помышлением о досточудном водительстве Божием крепко связать свои помыслы и воспрепятствовать им; тогда как сердце немощно и не может вынести озлоблений*, встречающихся при внешних и внутренних бранях».

Этот стих хотя связан видимо только с предыдущим, но силу его можно распространить на все восьмистишие, так как в слове Божием сокрыто врачевство и против внутренних, указанных выше, поражений ослеплением, забвением, нечувствием, нерадением или разленением. И заметить-то их, навесть на мысль, что они есть в душе, дает слово Божие; а потом оно же поможет и выйти из этих дурных состояний, и силою своего влияния, и нужными указаниями. Равно и во внешних всех помехах пути Божию оно же дает умение, как быть. Потому-то как хорошо делают те, которые всякий день посвящают несколько времени чтению Божественного Писания, освещаемому внимательною молитвою! И сами того не замечая, они созидаются и настроиваются на богоугодное действование, или заготовляют в запас помышления, которые в час нужный сами выйдут из сердца и укажут нужный на тот раз образ слова и дела.

---

[1] Аввы Исаака Сирина Слова подвижнические [далее: Исаак Сирин.— *Ред.*]. Слово 1.— * Злых помыслов, наносимых внешними предметами, возбуждающими страсти.— *Прим. переводчиков указ. издания.*

Вот и третье восьмистишие располагается все естественно по одной мысли. Таким образом, наведение, что и все они составлены таким же образом, приобретает большую достоверность. Всячески это налагает обязательство искать в каждом восьмистишии единства и, когда не найдется оно, приписывать то своей недозоркости, а не тому, чтобы его не было на самом деле.

ЧЕТВЕРТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Четвертое восьмистишие характеризуется буквою *да́лет — дверь*. С этим словом приходят на ум умилительные песни Церкви: ***Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче,*** или: ***Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице.*** Покаяние и есть содержание предлежащего восьмистишия. Дидим говорит: «Пророк берет здесь лицо кающегося грешника» и с ним проходит весь путь обращения, с первого пробуждения совести до решительного вступления на путь заповедей, чтобы на случай, если кто вздумает покаяться, видел он путь, которого должно держаться в этом первейшем деле.

В деле духовной жизни есть много дверей. Каждая степень в ней имеет свою дверь, минуя которую нельзя вступить на нее. Начальные — это дверь из греха и дверь вступления в правый путь. Они, по-видимому, так нераздельны, что исход из одной жизни и вход в другую совершаются чрез одну и ту же дверь; на деле же они отстоят одна от другой, и иногда на очень большое расстояние. Между ними есть промежуток, который надобно пройти осторожно, будто коридор темный. Эти три момента и изъясняются в настоящем восьмистишии. Дверь покаяния — стихи 25—27; переход — стихи 28—29; дверь в правую жизнь — стихи 30—32.

Стих двадцать пятый

Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему.

Это первый вопль грешника по пробуждении от сна греховного. Грех и страсти имеют седалище и опору в плоти, а пищу, удовлетворяющую их, находят в чувственных земных вещах и в суетных обольстительных обычаях века сего. Грешник втягивается во все это и, пока работает греху, не может не только почувствовать, но даже видеть, как неестественно его положение. Но когда благодатию Божиею пробуждается от усыпления, то первое, что ему теснится в сознание, это — унижение, какому подверглась в нем его богоподобная душа: «До чего я довел себя!.. Мне следовало бы вращаться на небе, в Боге и вещах божественных, а я пресмыкаюсь по земле, валяюсь в земном и оторваться от этого не хочу».

Норма жизни человека — жизнь в Боге духом, привлекающая туда же и жизнь души с телом. В духе — образ Божий. Свидетельствуется он действием страха Божия и совести и недовольством ничем земным. Это — требования жизни духовной. Исполняются они действиями души и тела, и когда исполняются, тогда человек всем естеством своим восходит к богоподобию, а когда не исполняются, тогда берет верх душевно-телесность, и требования духа слабеют и слабеют до того, что как бы совсем замирают, и человек становится словно не человек, словно и жизнь-то в нем только что телесная. Как потом пробуждается дух — это тайна Божия. Но, пробудившись, он победоносно возвышает голос свой; прежде господствовавшая душевно-телесность смиряется и смолкает, оставляя полный простор действовать тому сознанию, что, состоя под ее гнетом, человек не тем был, чем бы следовало ему быть. Отсюда вопль: «увы! *прильпе земли душа моя!*» Это очень похоже на жалобу пришедшего в себя блудного сына: *аз же гладом гиблю*[1].

---

[1] Лк. 15, 17.

Прекрасно изображает это состояние святой Амвросий, в лице падшего праотца нашего. «Под землею разумеется вещественное. Человек, уклонившись от заповеди Божией, склонился на вещественное и плотское, и исполнила его любовь к веку сему. Изверженный за это из рая, восхитительного места сладости, на эту землю бедную, Адам оплакивает себя, говоря: *прильпе земли душа моя*. В другом месте то же выражает пророк так: *смирися в персть душа моя, прильпе земли утроба моя*[1]. Это голос приносящего покаяние. Прежде, блаженствуя и питаясь небесным, не знал он забот и нужд житейских, а ныне — согбен под тяжестию печалей века сего, увлекаемый похотями плоти и любоиманием[2]. Так бы и оставался падший всегда прикованным к земле, будучи не в силах подняться горé[3], если бы Христос не поднял его крестом Своим. И доныне остается таким всякий, кто удаляется от Христа. Но тот, кто внял гласу Христову: *гряди по Мне*, не будет более прилепляться к земле. Земля — плоть и дух мира пленяют нас некоторыми блудничными приманками, подрумянивая лица страстей плотскими сластями, чтобы скрыть непривлекательную действительность и красивою наружностию обольщать приближающихся. Но когда на время обманутое внутреннее око ума стрясет прах, помрачавший его, тогда спадает и прикраса с страстей, и усматривается, как призрачны прелести века сего. Итак, не низводи в персть смерти душу свою, которую Бог почтил естественною некоторою высотою и дал ей силу возбуждаться и возноситься горé. В союзе души с телом сокрыто естественное таинство жизни нашей, и душа будто невольно льнет к земле и земному, частию потому, что оно есть временное жилище наше, частию потому, что тело наше из земли. Но будь тверд и молись с апостолом избавить тебя *от тела смерти сея*[1]. Будем ходить в воле Божией, чтобы можно было сказать о нас, что мы прилеплены к Богу. Кто живет по влечению плоти, тот плоть есть, а кто живет по заповедям Божиим, тот дух есть. Да не будет же душа наша плотию, не допустим, чтоб и о нас было сказано: *плоть суть*, как сказано было о тех, кои привлекли на себя казнь потопную[2]. Но скорее плоть наша да станет душевною, заслужив это имя покорностию велениям души. Справедливо сравниваются с ангелами те, которые чуждаются похотей плотских. Они — плоть, но не суть во плоти, а в духе, каковы были те, к коим сказал апостол: *вы же несте во плоти, но в дусе*[3]. Итак, восчувствовав унижение души, преклоненной похотьми до праха, молись, да будет она оживлена, по слову Господа, Который влечет к Себе души, отвлекая их от земли.

---

[1] Пс. 43, 26. — [2] Корыстолюбием. — *Ред.* — [3] Над всем чувственным. — *Ред.*

---

[1] Рим. 7, 24. — [2] Быт. 6, 3. — [3] Рим. 8, 9.

Живится же та душа, которая пошла путем Христовым. Она стала мертва греху, жива же Богу, после того, как, спогребшись Христу, стала в Нем праведною».

Блаженный Августин видит здесь вопль не человека, в первый раз обращающегося от греха, но уже идущего путем добродетели и чувствующего приражения плотских земных влечений. «Впереди, говорит, сказал пророк: *раб же Твой глумляшеся во оправданиих Твоих,* — *свидения Твоя поучение мое есть*; а здесь говорит: *прильпе земли душа моя.* Не то ли должны мы из сего уразуметь, что сколько бы кто ни преуспевал в оправданиях Господних, всегда в нем остается пристрастие смертной плоти к земному, чего ради и *есть искушение житие человеку на земли*[1]; и что от этой мертвящей земляности, если не перестает преуспевать, каждодневно более и более оживает он, будучи животворим Тем, Чьею благодатию *внутренний* наш *человек обновляется по вся дни*[2]. Апостол, когда говорил, что, живя в теле, отходим от Господа[3], и когда сам желал разрешиться и быть со Христом[4], не на эту ли прилипчивость к земле указывал? Потому-то здесь в слове пророка не неприлично разуметь под землею тело, как от земли сущее. И на него, поколику оно еще тленно и обременяет душу[5], можно жаловаться

---

[1] Иов. 7, 1. — [2] 2 Кор. 4, 16. — [3] Там же, 5, 6. — [4] Флп. 1, 23. — [5] Прем. 9, 15.

Богу: *прильпе земли душа моя, живи мя!* Правда, мы не без тел наших и в вечности со Христом будем[1]; но тогда они, не будучи тленны, не будут и душ обременять. Там не души к телам, а тела к душам будут более прилепляться, души же — к Богу. Там тела будут жить из душ, прилепляясь к ним, а души будут жить из Бога, к Коему прилепляться для них благо есть, как уверяет пророк в другом месте: *мне же прилеплятися Богови благо есть*[2]. Пророк, впрочем, жалуется не на союз души с телом, а на плотскую похоть, воюющую чрез тело на дух[3], и, вопия таким образом, не разрешения от тела желает, а того, чтобы похоть эта более и более умалялась, сила же духа над нею более и более возрастала, пока, наконец, та совсем иссякнет, а сей достигнет в меру совершенства данным нам Духом Святым».

Сознав неестественное прилепление свое к земле, дух вопиет к Богу: *живи мя.* Оживления ищет связанный узами смерти и чувствующий свою мертвенность. Пророк то же самое говорит этим: «мертв я — оживи мя». Прилепление к земле и земному есть смерть духа; но он уже вопиет, уже в движении, уже ожил,— ожил, но лишь настолько, чтобы сознать оковывающую его мертвенность греха и страстей. Нет еще в нем силы разорвать эти узы, желает он вырваться из них, но чувствует, что они настолько крепки, что ему не сладить с ними, потому-то и молится к

---

[1] 1 Сол. 4, 13—17.— [2] Пс. 72, 28.— [3] Гал. 5, 17.

Богу о животворной силе. Это второй шаг к отверзающейся двери покаяния. Благодать приходит и возбуждает; пробужденный сознает худость состояния своего; действие благодати на первый раз этим и ограничивается. Далее духу самому предлежит возжелание выйти из своего худого состояния; возжелавши — решиться на то; решившись — принять должные меры и затем приступить к самому делу. Возжелание, решимость, готовность на все меры — все это идет хорошо в духе, в мысленных действиях души; но коль скоро надо приступить к делу, то не оказывается настолько энергии в нравственных силах человека, чтоб он мог привесть в исполнение задуманное и решенное. *Живи мя* — это молитва о притоке благодатных сил для воодушевления духа и исполнения его действенною энергиею к противлению земным влечениям и привычкам. Благодать Божия всегда присуща, тем паче благодать, уже возбудившая дух, но она не входит самовластно в душу, пока она сама не отверзет ей входа сознанием своего бессилия и богопреданною молитвою. «*Живи мя*; я готов; жажду тебя, как сухая земля жаждет дождя».

«*По словеси Твоему* значит то же, что по обетованию Твоему», говорит блаженный Августин. «Когда, поясняет Анфим, преступив заповедь, согрешил я,— *прильпе земли душа моя*, и объяла меня смерть, по причине разделения с Тобою и отделения от Тебя, Живодавче Господи. Но вот я каюсь, оживотвори же меня по слову Твоему, что будешь милостив к кающимся, не желая смерти грешника».

Стих двадцать шестой

Пути моя возвестих, и услышал мя еси: научи мя оправданием Твоим.

Того, кто взыскал оживления, благодать Божия готова преисполнить своею животворною силою. Но в Царстве Божием, в жизни, созидаемой Богом, все совершается своим порядком, в свое время. Жизнь благодатная не возобновляется в душе грешника иначе, как по исповедании им грехов своих и получении разрешения в таинстве покаяния. Возбужденный благодатию грешник вожделевает богоугодной, чистой жизни; для этого, пересмотрев все свои непотребства, оплакивает их в сердце своем и с сокрушением исповедует Богом поставленному решителю нравственных уз, полагая твердое намерение ходить уже неуклонно в заповедях Божиих. Под действием разрешения благодать Божия посещает пустовавшее по причине греха сердце, и жизнь духовная оживает. Получив такое благодатное оживление, в чувстве крепости о Господе он готов теперь на всякое богоугодное дело и на всякий в этом роде труд, только бы ему знать, что то-то и то-то действительно угодно Богу и спасительно. Все эти изменения или повороты в духе кающегося и изображает пророк в настоящем стихе. *Пути моя возвестих* — значит исповедал грехи мои; *услышал мя еси* — Ты, Господи, принял мою исповедь и простил мне все грехи мои, *научи* же теперь *мя оправданием Твоим* — укажи, что именно делать, чтобы не сделать мне погрешности, а я готов, прияв уже Твою благодатную помощь.

Пути моя возвестих — стало быть, пути недобрые, как замечает блаженный Августин. Свои пути у человека те, коими ходит он в угоду себе и своим пожеланиям, — пути, противоположные путям Божиим, идущий которыми непременно идет наперекор себе и своим склонностям и привычкам. Святой Амвросий пишет: «Надобно знать, что значит ходить своими путями, и что — путями Божиими. Кто творит волю плоти и живет в утехах мира сего, тот ходит своими путями, услаждается ими и рад им; кто же ищет не того, что ему желательно, а того, что угодно Богу, тот идет путем Господним. Таким образом, ясно, что пути наши — одно, а пути Божии — другое. Кто хочет идти путями Божиими, тот пусть знает, что ему следует прежде оставить свои пути, пути плоти и все мудрования века сего; оставляя же их, исповедать перед Богом, ничего не утаивая».

Таким образом, говорит святой Иларий, «возвещение это в словах *пути моя возвестих* не есть похвала, но покаянное исповедание грехов своих. Он исповедал грехи свои для того, чтобы после сего исповедания сделаться способным к приятию и обучению оправданиям Божиим».

Исповедающий грехи получает прощение: *и Ты услышал мя еси.* В другом месте изображает пророк эту неизреченную милость Божию полнее: *беззаконие мое познах, и греха моего не покрых, рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего*[1]. Такое благостынное обетование Божие вошло потом в закон вещаний Духа, как преподает святой Исаия от лица Божия: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися*[2]. Условие прощения — искренность исповеди, безжалостной к себе, ничего не прикрывающей, обличающей себя во всей наготе, представляющей человека кающегося таким, каким зрит его встревоженная и благодатию просвещенная совесть. В такой только исповеди — надежда исправления последующего.

«Оставляя грехи свои, говорит святой Амвросий, Давид возвещает их пред Богом, ничего не умалчивая, исповедуется, не утаивая падений. Кто таким образом не прикрывает своих грехов, тот, очевидно, болезнует сам в себе о том, что делал, и бросает в диавола, что он внушал. Кто себя осуждает, тот хоть и грешен, но уже начал быть праведным, потому что правду говорит о себе, не щадя себя, и в этом исповедует Божие правосудие, пред которым не считает возможным прикрыть что-либо. О, когда бы Адам восхотел скорее обвинить себя, чем прикрывать!»

---

[1] Пс. 31, 5.— [2] Ис. 43, 26.

Уверенность в помиловании стоит на переходе к правой жизни. Надо пройти эту дверь милосердия, чтобы вступить в путь жизни по Богу. Не испытавший сего подавляется безнадежностью, убивающею все ростки жизни. У испытавшего сердце расширяется, и все силы приходят в напряжение. Это есть следствие не одних нравственных изменений, а вместе, как уже выражено, и притока благодатных сил, которым разрешение отверзает дверь в сердце, опорожненное пред тем искреннею исповедию. Исповедающийся говорит: «Согрешил, не буду; только Ты помоги и не оставь меня». Ощутив осенение силы Божией по разрешении грехов, он в радости возглашает: *и Ты услышал мя еси.*

Научи мя оправданием Твоим. Дверь распахнулась; поприще новой жизни открыто, но оно испещрено разнообразными тропами. Не всякому по всем им должно проходить, а всякому своими, ему подходящими. Какими же? — Такими, какими знает один Тот, Кто есть устроитель всего спасенного сего пути. Но кто укажет их, кроме Его? Отсюда и вопль: *научи мя оправданием Твоим*; научи не только куда пойти и что сделать, но и как пойти, и как сделать.

«Не довольно исповедать грехи, говорит святой Амвросий; мы желаем и исправиться, посему и просим Бога научить нас оправданиям Своим, чтобы после опять не погрешить как-нибудь. Пророк просит быть наученным от Господа, потому что Он один есть учитель наш, по Его собственным словам»[1]. Августин прибавляет к сему: «Исповедал я Тебе, Господи, недобрые пути свои. Ты простил меня, теперь научи же меня Твоим путям, да так научи, чтобы я не знал только, но и делал, что должно делать. Как о Господе сказано, что Он не знал греха[2] в той мысли, что не делал, так, наоборот, истинно знающим правду должно почитать того, кто делает и исполняет».

Научи — будет значить, по этому смыслу, обучи. Как детей учат ходить, взявши за руки и заставляя их переступать ножонками, так и благодать обучает ступаниям в духовной жизни, верным, безошибочно ведущим к цели. Условие одно — внимание к себе и преданность невидимому водительству. Неложно то, что обетовано: *будут вси научени Богом*[3]. Все избранники Божии, светлости жизни которых дивимся мы, были непосредственно учимы и руководимы Духом Божиим; оттого они и шли прямо, не уклоняясь ни направо, ни налево. И то дивно, что, смотря на них со стороны, не можем не изумляться притрудностям шествия их; а сами они нимало не замечали этой шероховатости пути: шли себе спокойно, даже с услаждением. Сила жизни о Христе Иисусе поглощала все, могущее казаться неприятным.

---

[1] Мф. 23, 8. — [2] 2 Кор. 5, 21. — [3] Ин. 6, 45.

Но отчего же не всем преподается такая наука? Отчего не всем даруется такое обучение, ниспосылается такое облегчающее руководство? Их будто на руках носит благодать, а мы словно заброшены. Нет, не мы брошены, а мы бросили. Возымей такое же самоотвержение и ненадеяние на себя и на что бы то ни было, кроме Бога; предай себя всецело в волю Божию, положив себя в руки благодати Божией, — она и тебя понесет как носила чтимых тобою дивных святых. А то тебе подана была рука: ты взялся за нее, немножко прошел, водимый и поддерживаемый ею, не терпя неприятностей ни от трясин, ни от колючек, потом, подумав, что уж ты и сам сумеешь и идти, и дорогу выбирать, оторвался от мощной руки, поддерживающей тебя, и остался один с своими смышлениями и догадками. Вот и кружишься ты среди колючек и болот, вязнешь, уязвляешься, — а кто виноват? Трудишься и потеешь, а толку нет. Все от самочиния, самонадеянности и ложного сознания силы о себе самом, а не о Господе. Разве такой путь святых?.. Что ж и удивляться, что и плод не тот? Бог хочет всем спастись; но не все хотят спасаться так, как Бог хочет их спасать.

Все содержание этого стиха блаженный патриарх Иерусалимский Анфим изображает так: «Преданный плотским страстям и ходящий путем похотей своих совершает пути свои, а кто обуздывает их и живет целомудренно, тот идет путем, ведущим к Богу. Но когда падший и сознавший свои грехи открывает пред Богом свои недобрые пути, тогда Бог, услышав молитву его, прощает ему все прежние худобы и ведет к праведности, научая оправданиям Своим».

Стих двадцать седьмой

Путь оправданий Твоих вразуми ми, и поглумлюся в чудесех Твоих.

Чего здесь просит пророк, прося вразумить его в пути оправданий?

Можно полагать, что он просит дальнейшего и подробнейшего познания пути спасительного, познания всего, относящегося к нему, познания разных сторон и частей богоугодной жизни.

Во-первых, чтобы уметь различать добро от зла и разоблачать кажущееся добро, под которым кроется зло,— уметь заметить возникающие недобрые чувства при добрых делах и тотчас же отстранять их и исправлять доброделание, знать порядок, в каком должно вести дела жизни духовной, ибо не всегда все пригоже делать,— начинающему не следует браться за то, что подручно только уже усовершившимся. Так поучают святой Златоуст, Феодорит и святой Амвросий. Мысль святого Златоуста приводит Зигабен в своем Толковании: «Право молится пророк быть причастником Божественного разумения, чтобы верно распознавать путь правый, чтобы не погрешить, и вместо добра не взяться за зло; потому что нередко зло бывает похоже на добро». Феодорит пишет: «Нужно нам Божественное разумение, чтобы по закону Божию успевать в добродетели, и водящемуся человеколюбием не иметь в виду тщеславия, подвижнику не домогаться человеческой похвалы, целомудренному не из стыда невоздержной жизни, но по любви к добродетели хранить целомудрие. Посему пророк справедливо умоляет о том, чтобы ему стать причастным Божественного разумения и познать путь правды». Святой Амвросий говорит: «Не считает довольным, чтобы Господь Бог наш научил его оправданиям Своим, но прибавляет: *путь оправданий* и проч. Смотри, какой порядок! Наперед надобно научиться оправданиям Господним, потом узнать постепенность и порядок оправдательных действий, что́ должно быть прежде и что́ потом; ибо знать, что́ делать и не знать порядка делания, не значит иметь совершенное знание. Претыкаются большею частию на том, что действуют не как должно, не в порядке». Иное уместно в мирском сожительстве, иное в мироотреченной жизни; иное в новоначалии, иное в преуспеянии; иное в общежитии, иное в отшельничестве; иное по внешнему чину, иное по внутреннему строю жизни христианской. Всему свое время и свое место. И хорошее только в свое время и в своем месте вполне хорошо.

Во-вторых, под путем оправданий можно разуметь здесь, как полагает блаженный Августин, «самые высшие оправдания, которых, преуспевая более и более, желает достигнуть святой пророк и которые называет он чудесами Божиими; ибо между оправданиями (Божиими заповедями) и делами жизни по Богу есть столь дивные, что те, которые делом не проходили их по немощи человеческой, поверить не могут, чтобы можно было до них достигнуть». Таковы — любовь ко врагам, не как дело внешнее, а как чувство внутреннее, живое и искреннее, — мужество мучеников, не то, что покойное лишь состояние духа во время мучений, но хвалебно-отрадное, блаженно-радостное, — непрестанная молитва, со всеми существенными принадлежностями молитвы, столь непостижимая, что для объяснения ее прибегают к иносказаниям, между тем как она в действительности есть и составляет неотъемлемое качество лиц, ставших един дух с Господом, — совершенное беспопечение, не в чувствах только, но и делом, в предании себя в волю Божию, по слову обетования Его: *сия вся приложатся*[1], за которое благоволительно принимал Господь и неоскудно питал Своих рабов от щедрот Своих,— отрешение от телесных потребностей до забвения их, без изнурения, однако ж, тела, которое оставалось и здорово, и довольно крепко, так что совершало обычные службы и поделия. Все это и подобное сему суть чудеса нравственно-христианской жизни, созидаемой благодатию Духа Святого о Христе Иисусе, Господе нашем. Чудесам этим нельзя не изумляться.

---

[1] Мф. 6, 33.

В-третьих, можно разуметь здесь, со святым Иларием, желание прозреть сквозь ветхозаветные оправдательные чины, чтоб узреть истинное оправдание в прообразуемом ими Избавителе всех. Иларий пишет: «речь эта (то есть *путь оправданий вразуми ми*) полагает различие между оправданиями и путем их. К тому же, само собою разумеется, что то, чего стремятся достигнуть известным путем, не то же, что и самый путь, по которому стремятся. Пребывая в законе, он просил не тому научиться, что тогда совершалось в вещественном служении Богу, ибо это и так видно,— но тем будущим тайнам, которые сокрыты были под образом настоящих видимых вещественных оправданий. Вспомнил он, что оправдания от закона представляют в себе тень истинных Божественных оправданий. Постановления подзаконные суть поэтому как бы путь к тому, что ими прообразуется. Чтобы уразуметь этот путь оправданий, дойти то есть от тени до настоящего тела, и молится пророк, дабы, уразумев, углубляться в созерцание сих чудес Божиих (чудных планов домостроительства спасения нашего в Господе). Закон и установлен для того, чтобы быть зерцалом грядущих (чаемых подзаконными) благ».

Подобная мысль и для нас, христиан, может иметь значение. Мы имеем свой внешний чин оправданий, который проходит всякий, ищущий примирения с Господом, оскорбленным множеством сознанных грехов. Есть у нас и говение, и пост, и стояние на молитве в церкви, уединение и удаление от житейских дел, исповедание грехов, принятие епитимии и труды по исполнению ее. Путь этот всякий проходит. Сколько он целесообразен — это доказывает опыт всех времен. Но сила не во внешнем ходе дела, а во внутренних расположениях, какие должны быть возгреваемы при этом в сердце, и чередование собственно этих расположений есть путь оправдания, а не чередование показанных внешних действий. Можно пройти все их, и ничего не получить. Потому-то и настоит необходимость, приступая к ним и проходя их, молить Господа, чтобы Он вразумил нас пройти этот путь истинно, сердечно, благоплодно, чтобы в конце и делом получить искомое, и затем подивиться и не переставать дивиться чудесам беспредельного милосердия Божия к кающимся грешникам.

Что значит: и *поглумлюся в чудесех Твоих?* — Очевидно, этим пророк указывает на то, что он обещает делать по получении искомого вразумления. Но что ж это? Слово *глумиться, поглумиться* приняло у нас значение не то, какое имеет соответствующее ему греческое ἀδολεσχεῖν. В отечниках слово это переводится так: «приседеть, усидчиво заниматься чем-либо, например, приседеть чтению, богомыслию, умной молитве, рукоделию» и тому подобное.

Святой Амвросий пишет: «ἀδολεσχεῖν есть продолжительное некоторое размышление и неотступное углубление ума во что-либо, а также трудолюбное упражнение в чем-либо, душевное или телесное, с тем, чтобы навыкнуть чему». Таким образом, есть приседение умовое и есть деятельное. Какое же здесь разумеется у пророка? — То и другое. Получивший вразумление о пути оправданий Божиих не может не углубляться в них размышлением и созерцанием. Потом, так как вразумление дается о жизни деятельной, и затем, опять, чтоб дать должное направление жизни и деятельности, то вразумленный не может оставаться праздным, а тотчас берется за дело и, пребывая в нем, постоянно приобретает навык к нему.

«Так, говорит святой Амвросий, кто познал тайны Божии, тот углубляется созерцанием в чудеса Божии, в них открывающиеся». По словам Зигабена, он так говорит Господу: «Часто буду рассуждать о дивных делах, совершенных Тобою, чтобы услаждаться постижением их, которое Ты даруешь мне». Но этим одним не должно ему довольствоваться, а «как готовящийся к состязанию на зрелищах долго упражняет члены свои, чтоб они навыкли приемам и окрепли; так, учит святой Амвросий, должно деятельно приседеть указуемому в Писании, чтоб постигнуть сокрытые в нем тайны и советы Божии».

Другие под словом *поглумлюся* разумеют: буду вести пространные беседы о чудесах милости и правды Твоей: *возрадуется язык мой правде Твоей*[1]; буду всюду восхвалять и дивные пути оправданий Твоих, и Тебя, устрояющего их. Дидим говорит: «Всем буду рассказывать о чудесах Твоих». Святой Афанасий пишет: «Приобретши разумение таин, заключающихся в оправданиях Твоих, и возможность идти путем их, я в состоянии буду беседовать и вести слово о чудесах сих оправданий».

Стих двадцать восьмой

Воздрема душа моя от уныния, утверди мя в словесех Твоих.

---

[1] Пс. 50, 16.

Долог труд, далек путь, продолжительно искание. Промежуток между обращением на путь заповедей и свободным хождением по нему проходит в состоянии полугорьком и полуотрадном, полуживом и полумертвом. У одного он длиннее, у другого короче, но у всякого бывает. Таков закон правды Божией в устроении нашего спасения. Крещеный или искренно покаявшийся есть уже и сын и наследник; но одному предстоит пройти полный курс воспитания, а другому только законную епитимию. Конец этого состояния есть, когда вычистится душа, и деятельность ее на добром пути сделается легкобыстродвижною, как будто не видящею препятствий и задержаний. До того же времени — борьба и труд: многое приходится испытать труженику.

Два бывают у него главных удара: первый — ослабление энергии нравственной, второй — сильный напор неправых движений внутри и недобрых раздражений со вне. О первом говорится в настоящем стихе, это — уныние; о втором в следующем.

Уныние есть скучание за делом. Когда оно нападает, дела идут вяло. До того все делается охотно, дело спеется, и время за делом не замечается. Но когда нападет уныние, делающий начинает посматривать по сторонам, и — то делает, то останавливается, так вот и хочется поскорее бросить дело. Это бывает и в житейском быту, бывает и в духовной жизни. Пропадает охота и в церкви стоять, и дома Богу молиться, и читать, и обычные добрые дела исправлять. Труженик начинает скучать за всем этим; оттого, и делая, как будто не делает, и проку нет никакого от такого делания. Он точь-в-точь полусонный, у которого работа из рук валится. Это состояние изображает пророк в словах: *воздрема душа моя от уныния*.

Дремание есть только остановка делания, а не худоделание; но само-то оно худо. В телесной жизни оно естественно; в духовной ему не след быть, ибо тут неотменимая обязанность — трезвиться и бодрствовать. Худо оно, как остановка, так как мы обязаны непрестанно идти вперед; худо и тем, что граничит с худым действованием. Задремавший может пасть и разбиться, может быть схвачен врагом и понесть раны и поражения, даже смертельные. Потому задремавший духовно в унынии, сознав свою дремоту, не может не укорять себя и не устрашиться за себя. Отсюда и вопль о пробуждении и оживлении: сам с собою никто не может сладить в это время.

Блаженный Августин пишет: «Проходя труды в стяжании добродетелей и некоторым образом будучи утомлен ими, он сказал: *воздрема душа моя от уныния*. Что значит *воздрема душа*, если не то, что она охладела в питаемой надежде скоро стяжать добродетели? Вот он и молится, боясь, как бы воздремав, не отпасть от тех добродетелей, в которых, думалось, уже преуспел». «Он, прибавляет святой Иларий, называет себя дремлющим, но не уснувшим. Кто спит, тот находится в состоянии сна, преодолен сном; а кто дремлет, тот еще не уснул, но находится в преддверии сна. Пророк дремлет, но не спит, и молится, чтобы, раздремавшись, не заснуть».

Зигабен приводит мнение Исихия, что, когда душа дремлет, грех не спит, но, подкрадываясь, покушается увлечь ее и привлечь к себе. «Начало сна, говорит он, есть дремание, а начало падения — разленение и расслабление души унынием. Как дремлющий влечется ко сну, так нравственно расслабевший — к греху».

Хорошо также изображает это состояние один из западных толковников Псалтири (Беллярмин): «В странствии жизни сей едва ли найдется человек, который бы не расслаблялся и, соскучив постоянною борьбою, какую дух ведет с плотию, не охладевал бы к ней, не задремывал, когда скучно становится идти притрудным путем, на коем плоть воюет против духа».

Вот слова блаженного Феодорита: «Частое приражение греха расслабляет нередко силу помыслов, делает, что подвижник начинает утомляться, производит в нем так называемое уныние; расслабевающая же душа преклоняется ко сну, а сон наводит смерть. Посему пророк просит утвердить его и укрепить. Это говорит он и в другом месте: *просвети очи мои, да не когда усну в смерть*[1], называя смертию грех».

Как же быть в этом недобром состоянии? — Во-первых, молиться; во-вторых, пребывать твердо в заведенных порядках и начатых делах, хоть вкус к ним и пропал; в-третьих, размышлять о дивных путях Божиих, открытых в слове (Божием). Все эти способы содержатся в молитве пророка: *утверди мя в словесех Твоих*.

Итак, прежде всего, молись. Унывший пророк обращается к Богу. Вместе с ним возносись туда и ты, немощный, и проси, чтоб опять в тебе возгнетен был тот же жар, при котором пред сим всякий труд был тебе не в труд, чтобы возвратился к тебе огнь благодати, и ты, будучи возбуждаем им, не переставал усердно шествовать путем заповедей Господних.

Молясь, не отставай ни от чего, что прежде делал. Пусть не будет вкуса, — нудь себя, силою воли нагибай выю[2] твою и весь стан твой под воспринятое иго. Блаженный Августин перефразирует молитву пророка так: «Утверди меня в тех словесах Твоих, которые я уже держу, которые уже исполняю, чтобы от них, мало-помалу преуспевая, подвигался я и к другим». По святому Амвросию: «Пророк просит здесь быть утвержденным в словесах Божиих, *да не подвижутся*

---

[1] Пс. 12, 4. — [2] Шею. — *Ред.*

ноги его[1] и *не пролиются стопы его*[2]. Этого не претерпит тот, кто крепко и мужественно стоит в правоте сердца. Как дерево, глубоко пустившее корни, он держит себя неподвижно против всякого чуждого напора и гнета».

При том и другом усугуби богомысленное размышление о дивных путях Божиих. В другом псалме пророк прямо говорит, что когда уныл в нем дух, то он, для отогнания его, помянул дни древние и стал поучаться в дивных делах Божиих. Из этого что вышло? — Душа стала, как земля безводная, то есть жаждущая; пробудились духовные вкусы и потребности, и душа, убитая унынием, ожила. То же и здесь. По святому Афанасию, пророк учит, что невозможно иначе изгнать дух уныния, как только поучением в Божественных словесах. Посему надлежит трезвиться и бодрствовать по слову Господа: *бдите и молитеся*[3].

Святой Иларий пишет: «*утверди мя в словесех Твоих*, чтобы, будучи утвержден разумением всех путей Твоих, я не только не спал, но и дреманию не поддавался, а непрестанно пребывал во всякой бодренности».

Та же мысль и у Зигабена: «*утверди мя в словесех,* то есть в размышлении о заповедях Твоих, чтобы мне всегда в этом упражняться, ибо чрез это я надеюсь отгонять дремание уныния».

---

[1] Пс. 16, 5. — [2] *Не поскользнутся стопы его* (Пс. 72, 2). — [3] Мк. 14, 38.

Пространнее об этом пишет святой Амвросий: «Совершенный, устремляя ум свой к Божественным таинствам, не дремлет, но всегда бодрствует: и хотя телом иногда спит, но сердцем бдит. В другом месте пророк говорит: *аще дам сон очима моима и веждома моима дремание* (пока не созижду храма Богу)[1]. Итак, не дремлет тот, кто задумал создать храм Господу не из камней, а из благих мыслей, чувств и расположений, возбуждаемых и образуемых небесными словесами. Слово Божие разгоняет уныние — сон души и уныние ума. Сон нападает от печали и забот века. Но прилепляющийся к Богу бегает таких забот; удовольствие же находит в познании вечного порядка вещей, не смущаясь никаким изменением вещей земных».

Блаженный Анфим замечает, что «в пятом и шестом издании (перевода Библии) и у Симмаха стоит вместо ἐνύζαξεν — воздремала, ἔζαξεν — капать, промокать стала; этим означается, что душа человека праведного плотно и прочно сложена, а душа грешника расстраивается и делается дырявою, текучею; потому и имеет нужду в Божием сплочении и скреплении».

Святой Амвросий, упоминая о таковом переводе, находит две мысли в слове пророка; первая: *душа* стала капать, стала в себя принимать чуждое, не дающее ей покоя и изгоняющее во вне; вторая: *душа* стала промокать, испускать из себя принятое прежде спасительное слово, наполняясь, вместо его, душевредными помыслами. Вот слова его: «Другие читают не ενύζαξεν, а ἔζαξεν, что значит — стала капать, пропускать влагу. Мысль будет такая: душа мужа совершенного, будучи хорошо настроена и скреплена, не каплет, как своды и потолки, плотно и прочно устроенные. Говорится: *капли изгоняют человека в день зимен из дома его*[1]. Стало быть, надлежит нам скрепить душу свою так, чтоб она не капала; надо прочно сплотить ее нераздельным сочетанием добродетелей, чтоб она могла хранить тайну вечного Царя, подобно святой Марии, которая слагала все словеса в сердце своем, чтобы какое-либо из них не излилось оттуда устами: кто скор на слова, тот, как переполненный сосуд, туда и сюда изливаясь, опорожняет свое внутреннее и наводняется внешними пристрастиями, не умея ни кровли себе устроить, ни сохранно удержать принятое слово. Та душа не имеет порчи (дыр, трещин), которая великодушным терпением поддерживает в себе верх (свод, потолок) правды и стены прочих добродетелей. Потому не каплет, не льется, не изливается: нет в ней распущенности, изменчивой подвижности, невнимательной небрежности, не исторгается из нее ничто дырою языка».

---

[1] Пс. 131, 4.

---

[1] Притч. 27, 15.

Стих двадцать девятый

Путь неправды отстави от мене, и законом Твоим помилуй мя.

Второе поражение, встречаемое тружеником, проходящим подъепитимийное состояние, есть бывающее по временам возбуждение греховности, — самой ли по себе, или по внешним возбуждениям, или от действия завистливого врага. Оно бывает так мрачно и смутительно, что испытывающий его, кажется, будто уже и блуд сотворил, и от Бога отрекся, и в человеконенавидение впал; чувствует он, что исполнилась зол душа его, и живот его аду приблизился[1]. Пока человек живет в нерадении и грехолюбии, то хоть и постоянно в душе его возрождаются грешные влечения и хоть он тотчас же склоняется на удовлетворение их, но это нисколько не тревожит его; а когда покается и даст добросовестное обещание не поблажать более себе и особенно когда уже несколько остепенится и отвыкнет от страстных дел своих, тогда такого рода приражения не могут не смущать его, не возбуждать болезнований и опасений. Отсюда и вопль ко Господу: *путь неправды отстави от мене.*

Что это за путь неправды? Это возбуждающиеся в душе страстные движения, которые ведут ко всякой неправде и греху. Они прицепились, прильнули к душе; он просит оторвать их от нее и далеко отбросить: пусть они будут вовне, а не внутри, так чтобы можно было проходить сквозь их, не чувствуя никакого вреда, как не чувствует вреда от заразительной болезни тот, у кого нет предрасположения к ней. Святой Иларий пишет: «Путь неправды есть путь греха. Пророк молит Бога отодвинуть от него путь греха — путь, которым идут прямо ко греху, — отнять все возбуждения плотских страстей, сделать так, чтоб не належало какое-либо искушение от похоти, по которому, как по дороге, идут ко греху».

---

[1] Пс. 87, 4.

Святой Амвросий продолжает ту же мысль: «Не сказал — отстави меня от пути неправды, но путь неправды отстави от меня, сознавая, что он в нем есть и действует. И в самом деле, пока мы ведем жизнь недобрую, путь неправды пребывает внутри нас и не отстает от нас. Покаявшийся же заботится о том, чтобы отдалить его от себя. Так как наследственная зараза неправды привзошла к нам отвне, то настоит нужда и в стороннем освободителе от нее. Вот и молитва: *путь неправды отстави*. Молись и ты, говоря: бедный я человек! Кто отставит от меня путь неправды? — и услышишь: благодать Божия чрез Господа нашего Иисуса Христа».

Дидим разумеет здесь всякое, а не особое какое-либо приражение греха; но это не чуждо смысла сего стиха. Он говорит: «Произволением отставший от пути неправды и возжелавший приступить к закону Божию молится, да будет совершено это Богом, приводящим к концу все благие начинания. Равно и тот, кто возненавидел прежнее неведение и возжелал противоположного ему ведения, не имея сил сам прогнать неведение и просветиться ведением, взывает к единому всех Учителю: неведение отстави от мене, и ведением Твоим помилуй меня!»

Законом Твоим помилуй мя. Каким же это законом? — «Законом человеколюбия Твоего, говорит Зигабен; ибо закон человеколюбия Божия в том и состоит, что Бог милует кающегося и всею душою обращающегося и прибегающего к Нему». Правда требует наказания нарушителю правды; человеколюбие же Божие ходатайствует о помиловании. Это главный закон в настоящем периоде нашего существования. Терпящий нападки от греха не может не сознавать, что такую власть над собою прежде он сам подал греху, сам вскормил в себе эту змею, потому праведно и терпит; а если праведно, то где же спасение ему, как не в человеколюбии? Он и молится в этом смысле: «сам виноват я, праведно терплю эти нападки, но окажи мне, Господи, милость, отставь этот путь неправды, по закону человеколюбия Твоего».

Слова — *законом Твоим* могут еще значить: так, как закон Твой велит или требует. Как больной, ища помощи у врача, чает от него выздоровления по законам врачебной науки, так и здесь. Бог врачует немощи духовные; но есть свой закон для этого уврачевания, помимо которого уврачеванию состояться нельзя. «Каким же это законом ищет он милования? — вопрошает блаженный Августин. Не иным каким, как законом веры. Закон веры состоит в том, что мы молимся, да будет нам даровано благодатию совершить то, чего сами мы не в силах совершить».

Законом Твоим помилуй мя — значит, опять, то же, что *благослови меня такою-то вещию*, то есть дай мне такую-то вещь в благословение. Таким образом, выйдет: окажи мне милость дарованием закона Твоего; исторгни неправые движения из сердца, а на место их напиши там, впечатлей, внедри закон Твой так, чтобы он проникнул весь состав мой, заправлял всеми движениями сил моих, завладел всеми исходами жизни моей и действий моих, и я, сознавая то, мог нелестно исповедать закон Бога моего в сердце моем. Это значение ближе всех к делу и совмещает в себе все другие. И еврейский текст говорит: удостой меня закона, сподоби закона.

Святой Иларий дает такую мысль: «Дай мне исповеданием закона Твоего сподобиться милости Твоей и блаженствовать в полноте ее. Пророк молится, чтобы Бог законом Своим помиловал его. Законом же милость Божия привлекается, по Писанию, вот как: *и ныне, Израилю, что просит Господь Бог твой у тебе, точию еже боятися Господа Бога твоего, и ходити во всех путех Его, и любити Его, и служити Господу Богу твоему от всего сердца твоего и от всея души твоея, хранити заповеди Господа Бога твоего и оправдания Его, елика аз заповедаю тебе днесь, да благо тебе будет*[1]. Итак, если закон учит ходить в путях Божиих, да благо будет ходящему в них, то и тогда, когда пророк молится, чтобы Бог законом помиловал его, молится о том, что заключено в законе, то есть чтобы, ходя в путях Божиих, достигнуть блаженства».

Стих тридцатый

Путь истины изволих, и судьбы Твоя не забых.

Мрачный переход кончен. Кающийся вступает в состояние беспринужденного и самоохотного хождения в заповедях. Когда это совершится, в душе происходит то же, что испытывает человек, вступивший из темноватого коридора в светлые и разукрашенные покои. Это светлое состояние пророк изображает в трех последних стихах настоящего восьмистишия (30, 31 и 32).

Нельзя не заметить особой полноты в этом изображении и гармонии в соотношении разных сторон строя жизни духовной в эту пору. С одной стороны, указывается ряд отношений свободы к заповедям; с другой — ряд благодатных воздействий, испытываемых душою. В первом идут — *изволих* — избрал, *прилепихся* — сердцем возлюбил, *текох* — живо действую в исполнении; во втором — *судьбы Твоя не забых* — принял в убеждение всю сущность домостроительства Твоего в устроении спасения; далее — *не посрами* — полагаюсь на Тебя всем упованием моим, *расширил еси сердце мое* — я почувствовал приток благодатных животворных воздействий Твоих. Само собою явствует, что цель всего — в *текох* и в *егда расширил еси сердце мое*: преисполнила меня благодать Твоя, расширилось сердце мое, и я пошел путем заповедей Твоих, не замечая препон и не допуская преткновений. Прочие указания — лишь путь и поддержка сего последнего, говорит святой Иларий.

---

[1] Втор. 10, 12—13.

Путь истины... Всякий живущий и действующий уже имеет свой путь, но не у всякого есть путь истинный. И Спаситель различал два пути — широкий и узкий, и дал им оценку по тому концу, к которому приводит тот и другой. Из идущих всякий идет известным путем, и многим путь их кажется прям и истинен, тогда как на деле он крив и призрачен,— только кажется путем, и путем прямым, а на деле вовсе не таков. Пророк говорит, что вся эта разнообразная призрачность путей раскрылась пред ним; я, говорит, увидел, что один только есть путь истинный, и избрал его. Святой Амвросий пишет: «Пророк говорит так для того, дабы показать, что он искренно обратился. Скупой не может говорить так, пристрастный к мирскому и вещественному — тоже, потому что каким образом этот путь будет путем истинным, когда богатый в веке сем не может взять отсюда с собою богатства и по смерти становится беднее бедного Лазаря? Точно так же нельзя считать путем истины и мирскую славу, и печаль века сего. Истина — в вечном; временное призрачно. Если желаем ходить путем истины, сделаемся странниками для мира и начнем жить верою. Живущий верою живет в Боге, Который есть единый истинно Сый; а преданный миру только *образом ходит*[1], и истина (действительность) скоро обличит его».

Что же для нас путь истины? — Жизнь по Евангелию, в духе веры христианской. Господь наш Иисус Христос есть и Истина и Путь. Иди вслед Господа Христа, и будешь идти путем истины. Но сделай так, чтоб это было самым делом, а не по имени только. *Не всяк глаголяй: Господи, Господи, внидет в царствие, но творяй волю Отца небеснаго*[2]. Вступи истинно на путь истины, а не кажись только идущим по нему.

Путь истины изволих — избрал всею моею волею, вся воля моя в нем, и уже не влается[3] она туда и сюда. До навыка добру, до возобладания внутри света истины, воля все еще продолжает двоиться. Во всяком предлежащем деле совесть, уже просвещенная и оживленная светом Евангелия и благодати, указывает богоугодный образ действования; но чувствуешь, что незнать откуда идут предложения, совсем противоположные ему, и кто-то вступает в спор с совестию. Помня условие помилования в покаянии — обет быть верным воле Божией, воля, хоть и далека бывает от согласия на эти чуждые предложения, а все посматривает назад, не без некоторого влечения к котлам египетским[1], — двоится, значит. Это двоение и есть признак, что внутри, во глубинах нашего существа, дело обращения еще не кончено; там все еще остаются задатки чуждой жизни, как ростки, придавленные, но готовые тотчас распуститься, дай только им простор. Доселе подъепитимийное состояние еще не кончено, а следовательно, дело покаяния еще не довершено, еще не слышится внутри утешительный глас: *отпущаются ти греси твои*[2]. Но когда это пройдет, все нечистое испарится, самоугодие погаснет, страсти замолкнут, — тогда не бывает уже раздвоения; тогда на всякое представляющееся благое дело изволяется всею полнотою воли. Вот об этом-то и поминает пророк, как видно, в радовании и веселии духовном.

---

[1] *Подобно призраку* (Пс. 38, 7). — [2] Мф. 7, 21. — [3] Влечется. — *Ред.*

---

[1] См.: Исх. 16, 3. — [2] Мф. 9, 2.

И судьбы Твоя не забых. «Изволил, говорит блаженный Августин, путь истины, по коему тещи, и судьбы Твоя не забыл, чтобы тещи». В памятовании судеб Божиих — и возбуждение, и поддержка изволения пути истинного. Созерцание судеб Божиих печатлеет в сознании неизбежность именно этого пути и связывает волю. Оттого она и изволяет его, решительно, без колебаний; возлагает на себя закон неуклонно идти этим путем.

Но что такое эти судьбы? — Все течение судов Божиих, или определений о нас богопромыслительной воли Божией, с того момента, с какого благоугодно было Богу открыть их, до того, в какое кто входит сознанием в полное созерцание их, не исключая из круга сего и того, что видит совершившимся на себе самом; иначе сказать — все домостроительство спасения рода нашего и спасения того, кто говорит это. Эти судьбы Божии видятся и в начале покаяния, но в чертах слишком общих. Когда же покаявшийся добросовестно проходит подъепитимийное состояние, они все более и более уясняются и, уясняясь, связуются с сознанием, как в том, что касается всех спасаемых, так и в том, что касается самого очищающегося лица. Наконец, они все ясно зрятся и срастворяются с сознанием так, что составляют неотъемлемую его часть. Как всякий, ясно сознающий себя человеком, сознает и себя и все окружающее, так ясно сознает и очистившийся весь строй судов Божиих и свое среди их положение. Все это в целости так теснится в его сознании, что он и забыть того не может. Как помнит Бога и себя в Нем, так помнит и судьбы Божии. «Они, говорит Анфим, из мысли у него не выходят, всегда вращаются пред очами ума его».

Предыдущее — *изволих* с этим — *не забых* состоит в прямой связи, как необходимое следствие, в духе нравственной необходимости. Входящий в познание судов Божиих удостоверяется до неотразимой очевидности в том, что все строится по воле Божией и что эта воля как положила что, так тому и быть: никто и ничто не сильно изменить или отменить ее. Положила она устройство спасения так и так, и уже ничто не может поколебать этого положения. Действуй же или так, как положено, или оставайся вне спасаемых и, следовательно, иди в погибель. Когда удостоверение в этом займет сознание так, как, например, сознание днем, что это день, а ночью — сознание того, что это ночь, тогда тот, у кого живо чувство самосохранения, каково должно оно быть у кающегося, не может колебаться. Он переходит весь на сторону Божиих определений, слагается с ними, изволяет их,— и колебаниям конец. Бичевания, строгания железными когтями, разжженные печи — все нипочем! Все существо его объято тою истиною, что или устоять и спастись, или пошатнуться и погибнуть. Такова сила нравственной необходимости! Мир видимый стоит, скрепленный физическою необходимостию; мир нравственный течет в строе, скрепляемый необходимостию нравственною, печатлеемою в сознании и воле избранников всеправящею десницею Всеблагого Бога, всем хотящего спастись именно так, а не иначе.

Стих тридцать первый

Прилепихся свидением Твоим, Господи, не посрами мене.

Раздвоение воли кончается в ту пору, когда исчезают все сочувствия к греховному и страстному. Брань греху и страстям объявляется в минуту покаяния; но то совершается в высшей воле, сердце же не вдруг отрывается от привычных услад. Глаз ли увидит, ухо ли услышит, или на мысль придет что-нибудь из прежнего, — в сердце отдается сочувствие к тому, хотя дух — высшая сторона нашей природы, — заметив это, тут же укоряет его. Но вдруг нельзя верно оторваться. Постоянство противления злу подавляет, однако ж, все более и более такое сочувствие, возрождая вместо его неблаговоление, досаду и гнев на греховные возрождающиеся движения. Наконец, гнев и раздражение покрывают всю область страстного. Это знак, что от сердца отрезаны все нити, связывавшие его с грехом.

Это отрывание сердца от греха одно не бывает, но ему всегда сопутствует прилепление к противоположному добру. Они идут вместе, и насколько сильно одно, настолько крепнет другое. Сердцу нельзя быть без привязанности: это его природа. Отрешаясь от одного, оно прилепляется к другому, и нельзя различить — прилепление ли производит отрешение, или отрешение дает свободу прилеплению. Таким образом, когда из сердца исторгаются все сочувствия греховные, что свидетельствуется гневом против всего греховного, то в то же время совершается и полное прилепление ко всему доброму.

Одного старца спрашивали: чем доказывается то, что прощены кому-либо грехи? Старец отвечал: «Тем, если он возненавидел их». Такое же решение предлагает и Василий Великий. Если это возненавидение современно прилеплению к добру и если кто может сказать о себе, что он прилепился ко всему добру,— тот вполне может быть уверен, что грехи его прощены. Бремя епитимии кончилось... В древних сказаниях читаем, что когда кто, нагрешив много, каялся и, исповедав грехи свои старцам, просил врачевания, то они отводили его в уединенную келлию и, преподав ему правила, запирали в ней. Проходил известный срок: епитимия совершала свое дело, и подъепитимийный слышал гласно: «Господь принял покаяние твое, грехи твои прощены». То же самое внутренно совершается и у того, кто, возненавидев грех, прилепился к свидениям Божиим.

Не совне, а внутри его должно слышаться изрекаемое свыше в совести удостоверение, что грехи его отпущены, — и такой не постыдится. Вот что пишет об этом святой Амвросий: «Тот, кто хотя и много наделал срамного, но испросил себе в том прощение у Христа Господа, не посрамится, ибо такому изрекается: *отпущаются грехи твои... иди в мире*. Не посрамится же он, когда отпущение грехов совершится в нем делом, — когда не только грех, но и страсть греховная отъята будет от него, — когда правда отринет все неправды, мужество — страх, воздержание — нечистоты, чтоб отпущение (отторжение) грехов было не на время только, но навсегда. Внидет в душу твою Христос, возобитает в уме твоем Иисус, и в скинии сердца твоего не будет уже более места греху».

Слова святого Амвросия переносят внимание наше в будущий век, пред престол суда Божия. Блаженный Анфим Иерусалимский прямее выражает это так: «Кто таким образом прилепился к свидениям Божиим, того не посрамит Господь в день суда». В этом случае слова *не посрами мене* выражают непоколебимое упование верующего, добросовестно потрудившегося над собою: *и Ты не посрамишь мене, Господи*. Такое упование есть не-отъемлемая принадлежность духа спасающегося. Без него и начаться нельзя делу спасения, а тем более продолжаться. Но там оно в зачатках, а теперь созрело. Если верно, что на душе отпечатлеваются следы грехов и страстных наклонностей, что она бывает исписана ими, так что предстань она, обнаженная от прикрывающего ее тела, пред теми, которые способны видеть ее, и они без особых указаний прочтут ее всю, — то какой срам ожидает души не очистившиеся, когда они предстанут пред сонмом ангелов и святых, видя сами свою срамоту и зная, что и все окружающие видят ее. Этого теперь мы и вообразить не можем; и Спаситель не изобразил, а сказал только, что им будет так тяжело, что они пожелают быть подавленными горами, чем стоять в такой срамоте перед взорами всех. Вот почему пророк, получив удостоверение в исторжении из естества его всех нечистот и сознавая, что там всюду качествует любовь ко всестороннему добру, в радости духовной свидетельствует свое непосрамляющее упование: *не посрами!* — и я уверен, что не посрамлюсь. Чистые очи святых не увидят после сего ничего срамного во мне, и мне не стыдно будет стоять среди сонма их. Святой Иларий пишет: «Тот получает прощение прежних грехов, кто прилепился к свидениям Божиим. В слове Господнем так сказано: *се отъях, яко облак, беззакония Твоя, и яко примрак грехи твоя*[1]. Бог может отдалить от нас все, что служит к стыду и посрамлению нашему, если и мы добросовестно можем сказать: *прилепихся свидением Твоим*».

---

[1] Ис. 44, 22.

Но говорящий так еще здесь живет, еще на пути, еще в плавании, а не в пристани. Крушение бывает и у берега; разбойники могут схватить и ограбить на углу вашего дома. Пока жив человек, он не может не бояться вражеских нападений и не чувствовать нужды в помощи против них. Дерзость врага обыкла снова пробираться в прежние, покоившие его души, уже подметенные и убранные. В этом отношении *не посрами* будет значить вот что: теперь, — благодарение Тебе, Господи, — все исправилось и наладилось по воле Твоей; но боюсь, как бы враг опять не прокрался как-нибудь и не низвратил всего моего строя. Уж он знает, как со мною справиться; не посрами же мене, Господи, и не предай врагам душу, исповедующуюся Тебе. — «Не посрами меня, продолжает блаженный Августин, да притеку туда, куда теку, да достигну того, к чему стремлюсь, так как это дело ни хотящего, ни текущего, но милующего Бога. Я всецело прилепился к заповедям Твоим и готов совершать с любовию всякое встречающееся доброе дело, но желание и искание — мое, а сила — Твоя. Всем упованием моим возлагаюсь на Твою, всегда готовую ищущим Тебя, помощь, — не посрами меня; дай мне и действовать по всей полноте моего прилепления к заповедям Твоим; преисполни силою Твоею, чтобы как-нибудь и со мною не случилось того, что случается с тем, кто, начав строить дом, не в состоянии довести до конца, или с тем, кто, поспешив начать войну, оказался несостоятельным к ней».

Упование, что Начавший в нас дело спасения доведет его до конца и чрез все неровности жизни благоуспешно проведет до врат смерти, и чрез них к непосрамленному водворению в сонме прославленных, зарождается с самого начала обращения к Богу. Вместе с трудами по делу приближения к Богу оно растет и опирается преимущественно на том сознании, что с нашей стороны все, что было в наших силах, уже употреблено в дело. И Бог особых содействий не являет, пока у человека есть еще свои силы, не пущенные в ход, ибо и они от Бога. Пророк говорит теперь как бы так: я уже сделал все возможное, истощил силы Твои, данные мне в естестве моем; далее и шага не могу сделать, а остается еще много. Приди же теперь ко мне с особою помощию и помоги мне довершить начатое мною, широкое, по самому Твоему начертанию, дело. Страшно мне будет даже пред самим собою, что, начав действовать по такому широкому плану, остановлюсь на полдороге. Вот теперь-то собственно и начинается настоящее действование, когда Ты, а не я буду действовать.

Стих тридцать второй

Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое.

Текох — ἔδραμον, побежал то есть путем заповедей Твоих, вырвался на свободу, вышел на большую просторную дорогу. Прежде руки и ноги перепутывались, и дорога была неровна и терниста; теперь и дорога просторна и гладка, и руки и ноги развязаны. Когда раздвоение воли прекратится и сочувствие греху и страстям замрет, тогда внутри не встречается более помех к благоделанию в угождение Богу. Как вяжут страсти — всякий знает, хоть бы и не получил еще восхваляемой здесь свободы. Своекорыстие (себе нужно) вяжет щедродательность, саможаление — всякого рода воздержание, многопопечительность и забота (некогда) — упразднение от всего для беседы с Богом в молитве. Так, всякое доброе начинание, возникающее в сердце, тотчас бывает связываемо тут же рождающимся противоположным недобрым чувством, и дело или совсем оставляется, или останавливается на время. Эти противления добру происходят от сочувствий сердца греху и от раздвоения воли. Когда же они замрут, тогда противления внутри прекращаются, а если иногда заходят отъинуда[1], то не имеют определяющей силы, и всякое добро, как замышляется, так и исполняется, охотно, скоро, живо, с удовольствием и радостию.

---

[1] Откуда-то. — *Ред.*

Причина быстротечности по пути заповедей есть благодатное расширение сердца. Благодать Божия присуща сердцу с первой минуты пробуждения грешника. В крещении или покаянии она входит внутрь и обитает в человеке, но полного действия своего не оказывает, не являет себя сознанию человека спасаемого, пока не очистится сердце его, хотя преимущественно ее же действием, но вследствие усилий самого человека. Это время и есть трудничество, или подъепитимийное состояние. Возлагается ли на кого епитимия канонная или нет, а внутренней никому не миновать, и срока ей никто определить не может. Там все идет само собою, право учреждаясь соотношением свободы и благодати. И вот когда термин этот кончается, благодать воссиявает в сердце, и сердце становится широко-широко... Это бывает современно прекращению раздвоения воли и сочувствия сердца греху, ибо тогда только сердце становится чистым, достойным вместилищем Духа. Созидается сердце чисто, и дух правый обновляется во утробе спасаемого.

Святые отцы изображают пространно эти два одновременные явления в духовной жизни. Святой Иларий пишет: «Все у пророка идет в порядке. Сначала сказал он: *путь неправды отстави*; потом: *путь истины изволих*; далее: *прилепихся* *свидением Твоим*; теперь заканчивает: *путь заповедей Твоих текох, егда расширил еси сердце мое.* До этого дойдено постепенно. Все предыдущее было затем, чтобы свободно пойти путем заповедей Божиих. Но путь, ведущий в живот, и тесен и прискорбен, — тесен потому, что им надобно идти со всем вниманием и осторожностию; — прискорбен потому, что на нем много скорбей и лишений. Но как же пророк хвалится, что он побежал путем сим? — Не сам собою, говорит, но *текох, егда расширил еси сердце мое.* Свободно пошел он путем Господним после того, как начал быть широк сердцем; не прежде возмог он потещи так, как наперед сам сделавшись пространным и достойным Бога жилищем».

Блаженный Августин представляет пророка будто слышащим вопрос свыше: «Как потек ты путем заповедей Господних, — ужели сам собой? — Нет, Господи, отвечал он, *текох, егда ты расширил еси сердце мое,* — не одним моим произволением, как бы не нуждаясь в Твоей помощи, но потому, что Ты расширил сердце мое. Расширение сердца есть возлюбление заповедей. То дар Божий, если мы пребываем в заповедях Его, не утесняясь страхом наказания, а расширяясь любовию и услаждением в них. Широту эту обещает нам Сам Бог: *вселюся в них*, говорит, *и похожду*[1]. И как просторно там, где вселяется и шествует

---

[1] 2 Кор. 6, 16.

Бог!... В этом просторе *изливается любовь в сердца наши Духом Святым, данным нам!*»[1]

Святой Амвросий указывает тут некоторые другие оттенки: «Не мог бы он тещи путем сим, если б сердце его было сжато и утеснено. Текущим по пути Господню апостол, сказав наперед о себе: *сердце мое распространися*, говорит: *распространитеся*[2]. И смотрите, какое различение: путь предлежит теснейший, а сердце должно быть пространнейшее, чтобы послужить жилищем Отцу и Сыну и Святому Духу,— чтобы Бог Слово, пришед и толкнув в двери сердца, не нашел его тесным и не отказался обитать в нем. Надо тещи широтою внутреннего человека, а не теснотою внешнего делания, чтобы достигнуть преднамеренного[3]. Достигает только тот, кто течет таким образом, и только он может сказать: *течение скончах*[4], успешно протек, ибо тек, как добрый конь».

Чистое сердце исполняет благодать Духа; вместе с нею и любовь изливается в сердце, свидетельствуясь полным, самоохотным, радостным и живым исполнением всех заповедей. Над тем, кто достиг сего, исполняется утешительное обетование: *к нему приидем и обитель у него сотворим*[5].

Что же, и конец течению? — Нет, здесь только начало настоящему течению, каково оно должно быть по преднамерению Божию во Христе

---

[1] Рим. 5, 5.— [2] 2 Кор. 6, 11, 13.— [3] 1 Кор. 9, 24.— [4] 2 Тим. 4, 7.— [5] Ин. 14, 23.

Иисусе. Доселе длилось покаяние с подъепитимийным состоянием и состояло в возобладании всеми дорованными нам в Господе средствами и восприятия свободы действовать ими беспрепятственно. Теперь следует начаться и самому действованию, чистому, и ни на волос не отступать от предначертаний Божественного промышления, определяющего и судьбу всех, и образ участия и действования в ней всякого частного лица. Достигший сего исповедует, что Бог есть уже действуяй в нем и еже хотети, и еже содеяти, и когда действует, говорит: *не аз, но благодать, яже со мною*[1].

ПЯТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

ה Пятое восьмистишие охарактеризовано буквою *ге — вот*.

Вот, — говорим мы, когда хотим выразить определенность, точность, очевидность чего-либо, как бы указывая, — вот, посмотри. В настоящем восьмистишии святой пророк определенно выражает, в чем все дело спасительной богоугодной жизни. Приводя на память все, высказанное доселе, он говорит как бы так: вот в чем дело! Все от Бога; у Него ищи и начертания благого пути (стих 33), и ведения (стих 34), и силы (стих 35). Но знай, что сколько бы ты ни просил сего, — не получишь, если и с своей стороны не употребишь всех усилий; посему ищи (стих 33), храни (стих 34), желай (стих 35). Только взаимное сочетание свободы и благодати дает жизнь истинную, благоуспешную. Что от Бога, то всегда готово: ты только не дремли и не предавайся лености. Нудя же себя на всякое добро, заботься особенно о том, чтобы намерения твои были чисты. Нечистые намерения губят доброту добрых дел. Итак, не попускай себе иметь при доброделании корыстные виды (стих 36). Не примешивай к сему увлечения и услаждения суетностями (стих 37). Да воодушевляет тебя во всем один страх Божий (стих 38). При этом, однако ж, помни, что сколько бы ни смотрел ты за собою, уничижительные для тебя помышления проскользнут: кайся в них, и как многие из них не бывают замечены, а иные и теперь, когда око твое устремляется в сердце, может быть, кроются там под личиною какого-либо добра, — то кайся непрестанно. Покаяние да будет фоном твоей жизни (стих 39). Затем, предав себя в руки Божии, говори: всем желанием хочу угодить Тебе, Господи (стих 40).

---

[1] 1 Кор. 15, 10.

Стих тридцать третий

Законоположи мне, Господи, путь оправданий Твоих, и взыщу и выну.

Законоположи, научи, напечатлей в совести, определенно укажи, что я должен делать, дабы не теряться в домышлениях и догадках, а все видеть ясно. В других псалмах говорит пророк: *законоположи ми, Господи, в пути Твоем*[1], *настави мя, Господи, на путь Твой, и пойду во истине Твоей*[2]. Темнота и неопределенность несносны. Блаженный Феодорит пишет: «Всегда, говорит пророк, имею нужду в озарении и законоположении Твоем, чтобы знать путь оправданий Твоих и шествовать по нему беспрепятственно».

Но, может быть, замечает Беллярмин, пророк выражает этим желание не столько того, чтобы сказан был ему закон, сколько того, чтобы закон был воспринят внутрь всеми силами существа, чтоб он стал законом для всех сил души, был преобладателем образа деятельности, и вообще, и по частям.

Когда дано будет такое яснозрение закона, а тем более такая власть ему внутри, тогда ищущему богоугождения естественно не искать более ничего, как только исполнения его во всякое время и во всех случаях, где только откроется возможность приложить его. Пророк и прилагает: *и взыщу и выну;* только у меня и заботы и усилий будет, чтоб удовлетворять закону. «Одного, говорит Ориген, просит у Бога, а другое обещает привнесть от себя. Ты, говорит, Господи, законоположи мне путь оправданий Твоих; а я все время жизни моей посвящу на то, чтобы взыскивать его».

---

[1] Пс. 26, 11. — [2] Пс. 85, 11.

Весьма изобразительно представляет это законоположение Божие святой Амвросий. «Воины, находящиеся в походе, не сами распоряжаются своим ходом, но получают от царя-вождя расписание, куда и как идти, и строго его соблюдают. Только при этом находят они все готовым на пути. Если же кто из них пойдет другим путем, то ни провианта не получит, ни квартиры не найдет. Все это царь повелевает заготовить на определенном им пути, и только для тех, которые следуют его указанию, не уклоняясь ни направо, ни налево. Он же распределяет и стоянки: три дня, например, идти, а четвертый отдыхать. Кроме того, избираются города, обилующие водою и всяким продовольствием, в которых полагается стоять по три, по четыре дня и более. Таким образом, путь совершается без крайнего утомления, пока достигнут города, в котором потрудившимся воинам дается полное успокоение. Знай же, что таким образом и Христос, Вождь святых, законополагает им путь для шествия ко граду Божию. Прообраз этого видим на переходе израильтян из Египта в землю обетованную. Станы этого шествия описаны Моисеем по повелению Божию. Но вникни, кто распоряжался этими станами, равно как и всем путем? Бог предшествовал им днем в столпе облачном, прохлаждая шествующих, а ночью — в столпе огненном, разгоняя тьму и освещая путь. Столп, то огненный, то облачный, был законоположителем пути; из столпа говорил к ним Бог. Где надлежало отдыхать народу от труда путевого, там останавливался столп и далее не двигался. Когда же надлежало идти, столп поднимался и шел туда, куда следовало направляться народу. Этот столп был прообразом Господа Иисуса, имевшего приити (и пришедшего) *на облаце легце*, как сказал Исаия[1], то есть чрез воплощение в Деве Марии, которая была легка, по причине непорочности девства, и осенения от Духа Святого. Предадим же и мы путь свой водительству Господа Иисуса; да будут заповеди Его законоположением пути нашего. Кто следует путем повелений Его, тот почивает в сени Христовой. Об этом и невеста воспела в песнях: *под сенъ Его восхотех и седох*[2]. Так может говорить и всякая душа, равно как и все собрание христиан — Церковь. Он Царь, Он Вождь наш, и все прекрасно расположил в пути и шествии нашем. Если случается что на пути скорбное, стеснительное, что не под силу нам, — Он, как вождь наш, услаждает скорбь, расширяет тесноту, подает немощи силу и крепость. Если земной царь умеет доставлять все потребное воинам своим, — не тем ли более Всеблагий Бог ведает, что нужно рабам Его, и знает, как доставить им? Так-то всякая душа прохлаждается под сению Христа Господа, поя с песненною невестою: *под сень Его восхотех и седох, и плод Его сладок.* Он пасет ее на месте злачном, воспитывает на воде покойной, то есть благодатию Святых Таинств. Проходя далее путем истинным, она вступает в блаженный стан любви и исповедует: *уязвлена есмь любовию аз*[1]. Есть и другие станы, в которые с любовию вступает верно шествующая к цели своей душа,— стан креста и погребения. А недобрых станов устраняется душа. *Путем царским пойдем, не совратимся ни на десно, ни на шуее, дондеже прейдем пределы Твоя*[2], так говорили послы Моисея царю Едому, то есть земному, потому что земное все, и направо, и налево, недобро: недобр стан неразумия, недобр стан невоздержания. Израилю надлежало миновать их, не останавливаясь, чтобы достигнуть премудрости и стать там станом, потому что в деснице ее жизнь, а в шуйце — всякое довольство[3]. Хорошо сказал пророк: *законоположи*, то есть положи во мне закон, чтоб он пребывал в сердце неподвижным и твердым; чтоб оно никакою бурею века сего не было отторгаемо от любви к нему; чтобы таким образом он сам себе был закон, имея дело законное написанным в сердце своем. *Взыщу*, говорит, *и выну*. И верно, потому что не малость какая-нибудь ищется, а рай, Царство Божие, содружество ангелов, вечно-блаженные обители. Потому-то и искать надлежит не день, не два, не несколько месяцев, но всегда и чрез все, чтобы побольше собрать такого, что достойно воздаяния».

---

[1] Ис. 19, 1. — [2] Песн. 2, 3.

---

[1] Песн. 2, 5.— [2] Чис. 20, 17.— [3] Притч. 3, 16.

Последнюю мысль о напечатлении закона в сердце с особою полнотою развивает блаженный Августин. «Апостол говорит, что праведнику закон не лежит, а лежит он беззаконникам и непокоривым[1]. Ужели таков был тот, кто говорит здесь: *законоположи мне, Господи,* — каковы те, для коих, по слову апостола, положен закон? — Нет, если б он был таков, то не сказал бы выше: *путь заповедей Твоих текох*. Что же значит молитва его — положить ему закон, когда он не полагается праведнику? — Не полагается он ему таким же образом, как положен народу непокоривому, на скрижалях каменных, а на скрижалях сердца плотяных[2], не по Ветхому Завету с горы Синая, *раждающему в работу*[3], а по Новому, о коем пишет пророк Иеремия: *се дние грядут, глаголет Господь, и завещаю дому Израилеву и дому Иудину завет нов, не по завету, егоже завещах отцем их в день, в оньже, емшу Ми за руку их, извести я от земли Египетския, яко тии не пребыша в завете Моем, и Аз небрегох их, глаголет Господь. Яко сей завет, егоже завещаю дому*

---

[1] 1 Тим. 1, 9—11. — [2] 2 Кор. 3, 3. — [3] *Рождающему в рабство* (Гал. 4, 24).

Израилеву по днех онех, глаголет Господь, дая законы Моя в мысли их, и на сердцах их напишу я, и буду им в Бога, и тии будут Ми в люди[1]. Вот каким образом желает он, чтобы положен был ему закон от Господа,— не так, как положен он неправедным и непокорным, принадлежащим к Ветхому Завету, на скрижалях каменных; но так, как чадам святым, свободным, чадам вышнего Иерусалима, Духом Святым, как перстом, написуется в сердце,— не как такой, который только в памяти содержат, а в жизни презирают, но как такой, который разумно знают и любовно исполняют, по широте любви, а не по тесноте страха. Кто по страху наказания делает дело законное, а не по любви к правде, тот делает его невольно; а кто делает законное невольно, у того наверно кроется желание, чтобы не было такого закона. Таким образом, он не друг закона, а скорее недруг, когда желает, чтоб его не было. Дело не делает чистым того, кто нечист произволением. Такой не может сказать, что впереди сказано: *путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое*; ибо такое расширение сердца означает любовь, которая, по апостолу, *есть исполнение закона*[2]. Почему же просит он положить ему закон, когда, если б не был он ему положен, то он и не тек бы путем заповедей в широте сердца? — Это он говорит так потому, что, стремясь к преуспеянию, верует, что оно есть дар Божий. Полагая это прошение вслед за предыдущим, чего другого просит он, как не того, чтобы преуспевать более и более к жизни по закону? Этот закон назвал он здесь путем оправданий; но не другой путь есть и путь заповедей, по которому он уже пошел, когда расширилось любовию к закону сердце его. Таким образом, он уже шел, а теперь и еще желает идти, все идти, чтобы достигнуть почести вышнего звания Божия. Потому-то и прибавил: *и взыщу и выну*. Как будет он искать того, что имеет, если не так, что и то, что имеет уже, имеет потому, что делает, и то, что взыскивать будет, будет взыскивать чрез стремление к совершенству в том же роде деятельности. Но что значит *выну*? Ужели не будет конца искания? *Выну* — все время, пока живем здесь, ибо дотоле только и преуспеяние, а там завершается и запечатлевается хорошо здесь преуспевший. Здесь взыскивается закон чрез преуспевание в исполнении его, а там предлежит полнота наслаждения в нем и ради его, и для искания ничего не остается».

---

[1] Иер. 31, 31—33.— [2] Рим. 13, 10.

Стих тридцать четвертый

Вразуми мя, и испытаю закон Твой, и сохраню и всем сердцем моим.

«В предыдущем стихе, пишет Зигабен, испрашивалось ведение закона общее и расположение к нему общее, вообще ко всему законному, ко всему тому, на чем есть печать воли Божией, — испрашивалось оживление совести и возвышение силы голоса ее; теперь испрашивается ведение законного образа действования в частностях, как бы так: дай разуму моему такую остроту умного зрения, чтоб я верно мог определять всякий раз, как должно мне поступить, чтобы дело мое вполне было сообразно с Духом Твоего закона, с Твоею волею, с Твоими благими намерениями о мне и о всех людях. Затем и обещалось прежде вообще взыскание законного, а здесь обещается хранение, или исполнение его во всяком случае. Сердечность же и там, и здесь одинакова. Только сердце может взыскивать *выну*: потому-то там и не прибавлено: *всем сердцем взыщу*. Исполнять же законное можно и без сердца; вот почему здесь и прибавлено: «всем сердцем буду хранить». Сердечность составляет всю цену хранения закона. Но так как сердце слепо, то и испрашивается вразумление, чтобы лучи света разумного освещали область законного и указывали сердцу направление целесообразных стремлений. Пророк как бы так молится: «Дай мне, Господи, вразумление и просвещение Духом Твоим, да помощию Его со вниманием и усердием исследую закон Твой; поняв его точно, я обещаю и исполнять его верно». «И Господь повелел испытывать Писания; но испытующим потребно озарение свыше, чтоб и найти искомое, и сохранить найденное», замечает блаженный Феодорит. «Прежде, говорит Беллярмин, испросил расположение к закону, а теперь просит верного и подробного знания его, не для любопытства, а для хранения познанного».

Святой Иларий так обозревает весь состав этого стиха: «Зная, что первое дело премудрости есть, когда не знаешь чего, обращаться за вразумлением к знающим[1], пророк, во-первых, просит разума, чтоб уразумевать то, чего не разумеет; зная потом, что, получив дух разумения, надлежит упражнять его в исследовании, говорит: *и испытаю закон Твой*; зная притом, что праведный плод испытаний есть исполнение делом открытого исследованием и познанного, прибавляет: *и сохраню и*; разумея же, что деятельное исполнение познанного получает силу и цену от сердца, он заключает весь круг своей речи так: *и сохраню и всем сердцем моим*. Но что именно просит пророк уразуметь и исследовать? — Духовное знаменование всего узаконенного. Как, например, шесть рабочих дней напоминают шесть дней творения, а седьмой — день покоя, — покой Божий по творении; как новомесячное празднество будто в зерцале предызображает вечное празднование новой жизни на небесах, так, чтоб разуметь и все прочее: что значит юбилей седьмилетний и пятидесятилетний, что обрезание, что опресноки, что Пасха, что сама земля обетованная. Все это просит разуметь, обещая, что, уразумев то, будет углубляться в разумеемое исследованием; углубляясь же, дорожить тем и, дорожа, хранить то всем сердцем своим».

---

[1] См.: Притч. 17, 28.

Святой Амвросий далее проводит эту мысль, советуя глубже входить в уразумение богоугодного действования, вслед за истолкованием, которое дано делам закона от Господа. «Нам должно ходить в духовном законе, или в заповедях Господа, которые изрек Он, когда говорил: *речено древним... Аз же глаголю вам*[1]. Как есть Святое, а выше его Святое Святых, так есть заповедь и заповедь заповедей. Когда уразумеешь так (духовно) закон, тогда и сохранять его будешь сердцем. Иудей не хранит сердцем закона; читает его устами, а умом не разумеет и сердцем не любит. Потому-то и укоряется он: *устами чтит Мя, сердце же его далеко отстоит от Мене*[2]. Как может содержать закон тот, кто далек от Законодателя?»

Углубляясь, таким образом, в закон, усвояя себе духовное его разумение и действуя по сему последнему, «истинный законолюбец достигает, наконец, по словам блаженного Августина, высот святой и богоугодной жизни, на коих любит Бога от всего сердца, от всей души и всего помышления, и ближнего своего как самого себя; а в этом состоит весь закон и пророки».

---

[1] Мф. 5. — [2] Ис. 29, 13.

Не оттого ли часто не видно должного плода от трудов у многих ревнителей благочестия и среди христиан, что не просят разумения и не углубляются в исследование о том, что есть вящшее[1] закона? Оттого и толкаются в преддвериях, не входя внутрь. Внешний чин имеет и христианство; без него нельзя быть человеку. Но в христианстве он имеет совсем другой смысл, чем в ветхозаветном устроении веры. Там пунктуально начертано все перстом Божиим, и отступающий от начертаний, хотя бы ими определялась одна внешность, погрешал. Церкви Христовой не дано такого начертания, а дан ей дух жизни о Христе Иисусе, который сам развился и облекся во все дивное благолепие церковного чина. И как дух жизни сей не иссякает, так и внешнее облачение сего духа непрекращаемо. Он не закоченевает на одном, чтоб оно стало, как иго работы подзаконной; но всегда свободен обновляться, как ежегодно обновляют одежды свои дерева, от избытка внутренней жизни. Закон один: *все да будет благообразно и по чину*[2].

В этом чине, как он дошел до нас, мы и воспитываемся, и возгреваем в себе им дух жизни. Вся сила в этом духе. Коль скоро он не в движении, то есть когда мы движемся лишь в благоустроенном чине Церкви, то ничем не разнимся от иудеев, обрезанных без обрезания сердца, очищавших внешнее сткляницы, без заботы о внутренней чистоте,— устами говоривших: Господи, Господи! а в сердце преследовавших преимущественно свои эгоистические цели. Иудей приносил жертву положенную и отходил покойным в дом. Чем разнится от него тот, кто, простояв, например, внешно церковную службу с мыслями суетными и страстными, возвращается спокойно домой, с уверенностию, что совершил дело должное, и притом так исправно, что больше от него ничего и не требуется? — Ничем,— это настоящий иудей в духе. На одной с ними линии стоит и тот, кто в доме перечитывает положенные молитвы и кладет счетом поклоны, не заботясь о молитвенном строе ума и сердца; и, однако ж, исправив это дело благочестия, держит в уме и сердце, что за ним не состоит более никакой повинности, а остается только ожидать венца правды. Так же цена и всех доброделаний, которые исходят не из духа жизни, а творятся ex efficio, будучи вызываемы внешнею, так сказать, совестию и сопровождаясь тою же самоуверенностию, что вследствие их мы правы и с нас нечего больше взыскивать.

---

[1] Бóльшее. — *Ред.* — [2] 1 Кор. 14, 40.

К внешнему чину мы так пристрастились, что забыли и настоящую его цену и значение. Оттого, коснись его кто в чем-либо, сейчас крик со всех сторон: *субботы не хранит*![1] Стань входить внутрь и выяснять, что это существенно, а это, как внешнее, не важно, — послышишь укоры: «иллюминат, мистик, духоборец!» Много ли найдется таких, кои, благоговейно проходя и содержа все чины, вместе с тем держали бы убеждение, что все такие деяния сами по себе ничто, а всю цену имеют от того духа, с каким их совершать и принимать должно? Конечно, благоговейно должно чтить установившиеся чины, но не потому, чтоб они сами в себе имели какую-либо силу (кроме Святых Таинств), а потому, что ими служим Богу, в отношении к Коему, если кто делает что небрежно, подлежит клятве не за то или другое деяние, а за неблагоговейное его исполнение. В этом отношении во всем внешнем чине Церкви, — и большое и малое по виду, — все должно быть совершаемо с полным всесердечным благоговением, но не к делу внешнему, а к Богу, к Коему относимся чрез него. Всякое внешнее действование можно заменить десятками других; но дух, с коим следует совершать их, всегда должен быть один и неизменен. Если мы упустим это из виду, то прикуем себя к одному и набьем себе веру, что иначе уж нельзя; отсюда внешнее станет узами, наводя страх: «не коснись, ниже вкуси, ниже осяжи». А это и есть рабство боязливое, от которого да избавит Господь верующих!

---

[1] Ин. 9, 16.

Стих тридцать пятый

Настави мя на стезю заповедей Твоих, яко тую восхотех.

Испросил сосложения с законом, чтобы взыскать его; испросил разума, чтобы верно уразумевать законное, — зачем же теперь дело? Хочешь, знаешь, — ну, так иди. Нет, говорит, — поведи, настави (по-гречески: ὁδηγησον), проводи, возьми за руку и веди, как водит поводырь слепца. Тут есть часть сознания и немощи: в духовном порядке, при всем воодушевлении на жизнь в нем, — есть часть сознания и робости, или несмелости ступать непривычною стезею духовной жизни, привыкнув к действиям ощущаемым и исканиям осязательного свойства, — есть часть сознания и слепоты духовной, малоуверенности, что, действуя так и так, действуешь право, потому что окончательная уверенность в этом приобретается опытом, а его еще нет, пока не вступлено на путь и не пройдено этим путем сколько нужно, чтоб ознакомиться с духовными опытами. Этим завершается круг крайних духовных нужд, обусловливающих спасительный образ действований: законоположи, вразуми, поведи. Последняя молитва полагает ищущего в руки человеколюбивого Бога, Который только того и ждет, чтобы человек, наконец, весь Ему предался, дабы беспрепятственно действовать в нем, и внутренно, и внешно. И причина услышания полагается в расположении такого же рода: поведи, говорит, *по стезе, яко тую восхотех*. По-нашему, можно бы на это ответить так: мало ли ты чего не захочешь! Но в порядке Божественного промышления о разумносвободных тварях этим только и открывается простор свободному богодействию в нас, во спасение наше. Благость Божия уже готова простереться к нам с своими дарами. Если не на всех изливается она, то потому только, что не все желают и не все взыскивают этих даров. Возжелание открывает вход им, как например, расширение легких вход в них воздуха и открытие окошка вход света в темные комнаты. Пророк говорит как бы так: дело стояло за моим хотением; вот же я, по благодати Твоей, восхотел; веди же меня. Блаженный Феодорит пишет: «Не просто просит, чтобы Бог всяческих сделался руководителем его в пути, но показывает вместе и свое стремление к шествию путем сим». Но этим же самым показывает, что и одного стремления его недостаточно к достижению того, чего взыскал он. Блаженный Августин говорит: «Будучи не силен сам собою исполнить повелеваемое, без помощи Повелевающего, он молится: поведи. Мало моего хотения, если Ты Сам не поведешь меня по той стезе, по какой восхотел я идти, по внушению Твоему». Святой Иларий пишет: «Сознает слабость естества своего и то, что не может без особого вождя идти стезею заповедей. Вождь всех, шествующих этою стезею, есть Бог, как заповедано: *вслед Господа Бога вашего ходите... и к Нему прилепляйтеся*[1]. Наш вождь — Христос Господь, рекший: *иже хощет по мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой и последует Мне*[2]. Он первый проложил стезю страданий, Евангелия ради».

Не так ли и есть в самом деле, что нам, христианам, молиться надо не столько о том, чтобы подано было руководство, сколько о том, чтобы даны были ведение и уменье пользоваться уже готовым руководством, представляющимся в лице Господа Иисуса? Святой Афанасий у Зигабена говорит: «У кого нет верного вождя, тот не может идти путем заповедей. Но нам надлежит быть подражателями Христа Господа,— взять крест Его и последовать Ему». Святой Амвросий полнее объясняет это: «Христос, говорит он, предшествует — мы последуем. Он первый проложил путь новозаветной жизни. Если мы постимся — Он прежде нас постился; если за имя Божие терпим оскорбления — Он прежде нас претерпел их для нашего искупления: *плещи Своя вдал на раны и ланиты на заушение*[3], и взошел на крест, чтоб научить нас, что, стоя за истину, не должно и смерти бояться».

Почему сказал святой Давид: *настави на стезю заповедей?* — Потому, что стезею называется узкая, неширокая тропинка; а таков и есть путь заповедей. Тесен и прискорбен путь, ведущий в живот; путь же этот не иной какой, как путь заповедей. Блаженный Августин говорит: «Давид назвал здесь путь заповедей стезею по той причине, что тесен путь, ведущий в живот, хоть идти по нему все-таки надобно, и еще с расположенным сердцем». А может быть, говорит Зигабен, «стезею назван путь заповедей потому, что он не нов и не необычен, но исстари учащаем[1] и проторен праведниками, которые шли по нему». Святой Иларий пишет: «Стезя — τρίβος есть протертая, учащаемая дорожка. Избранные люди начали ходить в заповедях Божиих от начала века. Этою стезею шел Авель; по ней шествовал Сиф; идя по ней, Енох угодил Богу; Ной удостоился быть сохраненным от потопа; Мелхиседек сподобился благословить отца верующих и стать прообразом Христа; Авраам сделался другом Божиим; Исаак — наследником великих обетований; Иаков — Израилем, носителем чаяния языков; Иов восторжествовал над врагом».

---

[1] Втор. 13, 4.— [2] Мф. 16, 24.— [3] Ис. 50, 6.

А может быть, потому еще путь заповедей есть стезя, узкая дорожка, что идущий по ней обыкновенно идет один. Идущих по пути заповедей много, но у всякого своя стезя, держась которой он только и может достигнуть туда, куда идет. Много советников, много примеров, много товарищей; но шаги всякий делает свои и своею ногою ступает в свое место на своей стезе. Внимательно идущий чувствует это одиночество и на каждом шагу помнит, что, кроме его, идущего, есть только Бог, *везде сый и вся исполняяй.* В этом отношении истинно богоугодно идущие путем заповедей все до единого — монахи; ибо монах — тот, кто живет так, что в сознании его держится только Бог, и он сам пред Ним в благоговейном предстоянии, несмотря на труды и многоделание, когда оно встречается. И надо признать, что только такой строй внутри и дает истинных шествователей стезею заповедей, без различия пола и внешних отличий жизни.

---

[1] Многократно пройден. — *Ред.*

Путь заповедей и потому еще может быть назван стезей — тропинкой, что проходит извилинами, минуя обрывы, острые каменья и колючки. Стезя заповедей сама по себе пряма и прямо ведет к цели, но, по причине противностей извне и неустройств внутри, извивается в разном смысле. И это бывает так необходимо, что Сам, невидимо, но верно Руководящий Своих шественников, намеренно уклоняет шествие туда и сюда, как видит более удобным и необходимым для руководимого. Ту же необходимость имеют и попущения Божии, но они суть только отъятие ведущей и поддерживающей руки. Прямые же воздействия на изменение шествований в одном и том же лице суть изменения в подвигах и деланиях, как внешних, так и внутренних, по которым для стороннего наблюдателя может показаться, что тот же человек, да стал совсем не тот. Например, подвизавшийся обычно сделался юродивым; затворник — общительным и всем доступным; строгий постник — обычным воздержником, любитель церковных молитвословий — молитвенником не по книгам. Тех потребностей, по которым это совершается, никто не может обрисовать, даже не в состоянии предугадать их и тот, кто подъял их. Это тайны живущих, и сами участники в них сознают нравственно пригодность их только для них; а отчего и как все это устрояется, уяснить себе не могут; только благодарят Господа, все во благо нам устрояющего.

Как же после этого далеки от истины те, которые нормою жизни поставляют жизнь по сознанию долга, а долг определяют указаниями внешних отношений и порядков жизни! Это так далеко от истины, как закорузлая кора дерева от истоков жизни, которою оно живится.

Стих тридцать шестой

Приклони сердце мое во свидения Твоя, а не в лихоимство.

Следующие три стиха (36, 37 и 38) соответствуют трем предыдущим в этом восьмистишии. Там (33) — *законоположи... взыщу*; здесь (36) — дай, чтоб я не искал при этом ничего другого, кроме Тебя и закона Твоего. Там (34) — *вразуми... сохраню*; здесь (37) — сделай, чтобы сердце мое услаждалось только законом Твоим, а не обращалось к чему-либо из того, в чем обыкла находить услаждение человеческая суетность. Там (35) — *настави... восхотех*; здесь (38) — пестуном моим и стражем благого хотения моего поставь во мне страх Твой. Так понимает это соотношение Беллярмин. Мы будем приводить слова его в своем месте под каждым стихом.

Очевидно, что здесь указываются правильные чувства и намерения, какими следует руководиться при исполнении воли Божией чрез отвержение чувств и намерений неправильных. Деятельность правую красит благонамеренность, точно так, как неблагонамеренность обезображивает ее,— перед очами людей не всегда, но пред очами Всевидящего Бога и просвещенною Им совестию — всегда.

Прямая мысль в настоящем стихе — об исключительном возлюблении воли Божией с отвержением любоимания, или жадности приобретения. Осмотрись кругом, и увидишь, что преимущественные хлопоты у людей о том, чтобы иметь, и, чем больше кто имеет, тем больше желает иметь. Это болезнь, которую пророк называет здесь πλεονεξία,— жадность иметь все больше и больше. Так как она, овладевая человеком, занимает все силы его души так, что о Боге и воле

Его святой и подумать некогда, а не то уж чтобы *взыскивать* Его *выну*[1], то пророк и молится отвратить сердце его от такого бедственного искания и приклонить к свидениям Божиим, — сделать так, чтоб оно о том только и болезновало, как бы представлять человека исправным во всех свидениях Божиих, и только тогда находило бы себя довольным, когда человек будет таков, а не тогда, когда получает какие-либо прибытки по житейским делам.

Не иметь нельзя, потому что нужна пища, нужна одежда, нужет кров; обо всем этом надобно промыслить, чтобы никому не быть в тягость. Даже пустынные отшельники прилежали трудам рукоделия, чтоб и себя содержать, и поделиться, когда нужно, с другими. У святого пророка речь не о том, чтоб ничего не иметь, но чтобы не болеть любоиманием, жаждою иметь все больше и больше, с пристрастием к тому, что уже имеется. Он как бы говорит так: сделай, чтоб, и имея, я был как не имеющий, чтоб сердце мое пусто было от имеющихся у меня вещей и прилепилось все сполна к единым свидениям Твоим.

Беллярмин говорит: «Этот стих соответствует первому в сем восьмистишии (33-му). Там молился пророк о напечатлении в сердце закона, а здесь молится об отклонении его от любоимания, которое больше всего мешает исполнению закона. Излей, говорит, в сердце мое обильнейшую благодать, которою оно приклонялось бы к хранению заповедей Твоих, а не было одолеваемо любоиманием». «Повороти, Господи, объясняет Зигабен, сердце мое на любовь к заповедям Твоим; помоги благодатию Твоею моему произволению и не допусти, чтоб оно склонилось на любовь к многоиманию и было препобеждаемо благами мира сего».

---

[1] *Непрестанно* (Пс. 104, 4).

Но здесь не столько правило жизни, сколько указания законной цели, при исполнении закона. Пророк молится: дай мне, оставаясь верным закону Твоему, не иметь в виду ничего корыстного; дай мне любить закон Твой не тогда только, когда я в довольстве, но хотя бы Ты у меня и все отнял, дай сердцу моему быть приклоненным к единому закону Твоему, ради того, что в нем благая воля Твоя. Святой Амвросий пишет: «Святый не ищет интересов, но, вменив все в уметы, да Христа приобрящет, просит, чтобы так было настроено и сердце его, ибо знает, что интересующее плоть — вредно для души, так как оно вредит добродетели». Блаженный Августин говорит: «Бог требует, чтобы мы чтили Его и оставались верными свидениям Его даром, без всяких корыстных видов, ибо в корыстности — корень всех зол. По-гречески стоит здесь πλεονεξία — страсть иметь более того, сколько имеем. Она-то и есть корень всему злу. Первые люди не были бы обольщены врагом и не пали бы, если бы не возжелали иметь больше, чем получили, и стать больше того, чем были созданы. Враг обещал им: *будете яко бози*[1], — и желание иметь больше низвергло их. Желая иметь более, нежели сколько получили, они потеряли и то, что имели. Враг говорил об Иове: *еда туне* (даром) *Иов чтит Господа?*[2] Враг думал, что этот праведный муж в своем богобоязненном богоугождении имел сердце, приклоненное к любоиманию, и служит Богу, как наемник, из-за временных благ, коими обогащал его Бог. Но как бескорыстно было его служение Богу — показало самое искушение. Таким образом, когда сердце неприклонно к любоиманию, тогда мы чтим Бога ради Бога, чтобы Бог был и наградою за почитание Его. Будем же любить Бога (и закон Его) ради Его Самого; Его же будем любить и в нас самих, Его же и в ближних наших».

Богатым, когда они держатся благочестия, трудно различить, ради чего они благочестивы, — Господа ли ради и Его закона, или ради своего довольства. Во время довольства они и сами не могут определить этого с точностию, по лукавству сердца, которое, и при старании все делать Господа ради, может укрывать в себе опору на довольство. Это обнаруживают только лишения, и, чем они шире, тем решительнее удостоверение, что если и при этом не прекращается любовь к Богу, то значит, что она и прежде была не из-за того, что имелось и теперь потеряно. В обычном же течении дел многоимеющие, во избежание любоимания, должны возгревать в сердце своем такое расположение, умственно поставляя себя в разные положения лишений и восстановляя в сердце мирное при том устроение. Этим могут они напечатлеть в душе такое решение, что, хоть все будет взято, и им придется остаться ни при чем, они будут готовы на это хоть сейчас. Настроясь так, они, и имея, будут как ничего не имеющие, что, по апостолу, есть последний предел совершенства в этом отношении для живущих в мире и не могущих не иметь.

---

[1] Быт. 3, 5. — [2] Иов. 1, 10.

Есть и духовная корыстность, когда трудятся в исполнении закона в надежде получения духовных благ здесь или в будущей жизни. Это корыстность тонкая, которую нелегко определить и различить. Вообще, надо сказать: коль скоро при трудах благочестной жизни имеется в виду другое что-нибудь, кроме Бога, угождения и покорности воле Его, — то тут уже есть своекорыстие. Что именно можно иметь в виду, кроме Бога, и в духовном порядке вещей, — пусть определяет всякий сам в себе, вникая построже в сердце свое, и, когда заметит, пусть молится не менее богатых века сего: *приклони, Господи, сердце мое во свидения Твоя, а не в лихоимство.* Открытие это должно быть скорбно для них; но в утешение им можно сказать, что нельзя вдруг востечь на высоту духовной чистоты: нужны время, труд и постепенность. И заметить эту нечистоту не вдруг можно, но, заметив, кажется, немногого стоит отторгнуть неправое. Бог есть Устроитель спасения. Он и до этого доведет, то есть чтоб и увидеть, и поправить.

Пророк просит *приклонить сердце.* А сам же что? — Да что поделаешь с сердцем, когда оно не всегда прилегает к тому, необходимость чего сознана? Сознана необходимость ходить в свидениях Божиих, а сердце не льнет к ним. Оттого и молитва: *приклони, Господи.* Однако ж это не значит, что самим при этом можно оставаться бездейственными, — нет: надо и Богу молиться о приклонении сердца к заповедям, и самим нудить его к такому склонению, насколько это находится в нашей власти и силе. Когда истощишь свои силы, тогда и помощь Божия придет, и восполнит недостающее в твоих усилиях и трудах. Блаженный Феодорит пишет: «Вода обыкновенно стремится по склону и, как скоро находит где-нибудь выход, стекает туда вся. Так, после того как диавол открыл путь ко греху, человеческое естество устремилось к худшему. Посему весьма прилично пророк умоляет о том, чтобы сердце его приклонено было во свидения Божии и избежало поводов испытать стремление к иному». Святой

Иларий разъясняет это так: «Все к дарованию Божию относит пророк — и законоположение пути оправданий, и вразумление, и руководство, и, наконец, склонение сердца к свидениям. Может быть, по поводу такого благоговейного смирения иной нечестиво дерзнет сказать: если все от Бога, если человек ничего не может иметь, кроме того, что получит от Бога как дар, то человеческое неведение и греховность не имеют вины. Так думать нечестиво, и пророк тут же предотвращает всякий к тому повод. Молится он, исправляя дело, свойственное немощному; но тут же присовокупляет, какой труд богоугождения должен привнесть и от себя. Когда говорит: *законоположи ми, Господи, путь оправданий*, то показывает, что законоположение, испрашиваемое смиренною молитвою, есть от Бога. Когда же прибавляет: *и взыщу и выну*, то указывает, чего требует от него долг его собственного благочестия. И в прочих стихах то и другое сочетавает он вместе. Говорит, например: *настави мя на стезю заповедей Твоих*, и тут же прибавляет: *яко тую восхотех.* Прежде научает благочестно испрашивать того, что идет от Бога, а потом обозначает и то, что с сознанием долга и смирением должен привносить человек и от себя. Молится, да дарует Бог; почин, следовательно, от нас, если мы молимся, да будет дар от Него; если же дар от Него по нашему почину, то наше дело — искать, просить, толкать и затем полученное хранить и употреблять в дело».

Блаженный Августин дает такой оборот этой молитве: «Что значит иметь сердце свое приклоненным к чему-либо, если не хотеть того? Таким образом, он молится о том, чтобы восхотеть свидений, но ведь он уже восхотел их, как выразил в предыдущем стихе: *яко тую восхотех*, — и восхотел уже, и молится, чтобы восхотеть, показывая тем, что он желает преуспевать в самом хотении».

Святой Амвросий дает при этом такой урок: «О, когда бы и нам, подражая молитве святого, и молиться о том же, о чем он молился, и делом делать то, о чем молимся! Какая польза молиться Богу, чтоб Он отвратил сердце от корыстности, а самому день и ночь заботиться о прибытках? Сделаем же, чтобы и душа сочувствовала тому, о чем молимся языком. Господь смотрит на то, куда клонится сердце. Если сердце несогласно с языком, то Он не слушает молитвословящего. Потому-то хотевший добре молиться, говорит: *помолюся духом, помолюся и умом: воспою духом, воспою и умом»*[1].

Стих тридцать седьмой

Отврати очи мои, еже не видети суеты; в пути Твоем живи мя.

---

[1] 1 Кор. 14, 15.

Стих этот отвечает второму в сем восьмистишии, 34-му. Там просит пророк дара разумения, для исследования закона; здесь же, чтоб очи ума не отвратились к суетностям: *еже не видети суеты*, то есть чтобы не быть заняту умом в помышлении о временных вещах; сделай, то есть так, чтобы я весь погружен был в закон Твой. *В пути Твоем*, то есть когда я иду путем Твоим, храню закон Твой, *живи* меня, обновляй, храни, подкрепляй. Так толкует Беллярмин.

Суета — это все, что придумано и делается не по нужде и пользе, а для услаждения своих чувств и своей похоти. Мир битком набит такими вещами и обычаями. Кто живет среди этого, тот все кружится, не имея возможности опомниться,— все гоняется он за чем-то, а это что-то все бежит от него и вырывается из рук, когда кажется, вот-вот уже завладел им. В этом отношении суета значит толкотня без толку, без пользы. Пророк молится отвратить очи его от такой суеты, потому что она, при всей пустоте своей, привлекательна: взгляни только — повлечет и потянет; не поостерегись — увлечет и утянет. Но как же *отврати?* — Сам не смотри; ведь никто не заставляет. Так-то так; но, живя среди суеты, нельзя не взглядывать; это можно лишь в безлюдной пустыне. А между тем это воззрение раздражает кроющиеся в сердце позывы, а возбужденные позывы вызывают сочувствие и сосложение, с которыми тесно граничит увлечение и кружение в суете. Когда позывы раздражены, глаза невольно обращаются к предметам раздражающим и еще более раздражают их. Тут уже они бывают прикованы к этим вещам, и душа чрез них пьет сласть, одуряющую и убивающую ее разумность. *Отврати очи* будет иметь такой смысл: не дай мне воззрением на вещи суетные увлекаться суетою и прицепляться к ним вниманием и сочувствием моим, потому что в этом — смерть для меня. Держи меня лучше на пути заповедей Твоих, потому что в этом — жизнь. Дай, чтобы я пребывал в них весь моим сердцем и вниманием, и в таком пребывании находил и жизнь, и сладость жизни, оживляющую и возбуждающую энергию — все быстрее и быстрее течи тем же путем Твоим.

Блаженный Анфим пишет: «Обращающий очи на суетное идет путем смерти и отдаляется от жизни Божией. С ним бывает то же, что с женою Лота, обратившеюся поглядеть. Отвративший же очи свои, *еже не видети суеты*, избавляется от смерти, как избавился и Лот. Такой хорошо справляет дело свое и доводит его до конца, как и тот, кто, возложив руку свою на рало[1], не озирается вспять».

Святой Афанасий пространнее разумеет суету, подводя под нее все, не относящееся к богоугождению и спасению. «Суета, говорит он, есть неистовое пристрастие к зрелищам, углубление мысли в недолжное и неприличное умопредставление. Это самое объясняет Павел: *в суете ума их, помрачени смыслом, суще отчуждени от жизни Божия*[1]. Суета ума состоит в том, когда кто, имея его, не пользуется им к усмотрению истинного, а предает его связующему сатане. Посему Псалмопевец, молясь, чтобы не постигло его такое несчастие, говорит: *отврати очи мои, еже не видети суеты*, так как и это есть благодать Божия. Пророк называет суетою также то, что есть красивого в теле, и что плотским очам представляется хорошим».

---

[1] Плуг (см.: Лк. 9, 62).

Последнюю мысль полнее излагает блаженный Феодорит: «Бесполезное и ни к чему не служащее — суетно; а таковы мнимые приятности в жизни. Так именует их и Премудрый: *суета суетствий, всяческая суета*[2]. И, пересказав затем, как созидал он домы, насаждал сады, устроял резервуары, присовокупляет: *и се вся суета и произволение духа*[3]. Посему пророк умоляет, чтобы очи ума его склонились к иному созерцанию и не обольщались суетою настоящего».

«Какие же это очи и от какой суеты отвратить молится пророк? — спрашивает святой Иларий и отвечает: — Очи души и тела... от всего, что люди ценят высоко, но что само в себе ничтожно и непрочно. Таковы: театральные зрелища, состязания в цирках, ценные одежды, золото, камни и тому подобное. Какой плод отвращения очей от такой суеты? — Жизнь духовная».

---

[1] Еф. 4, 17—18. — [2] Еккл. 1, 2. — [3] Еккл. 2, 11.

«Так как мы немощны, пишет святой Амвросий, то, и при всем желании не увлекаться любоиманием, часто бываем уязвляемы им чрез воззрение на чужое, со внешней стороны светлое, — состояние, дом, наряды и тому подобное и начинаем желать тех же суетностей, то пророк и прибавляет: *отврати очи...* ведь и то Божий дар, чтобы око наше отвращалось от суетных благ века сего. Все блаженство в Господе. Потому-то и сказано: *блажен муж, емуже есть имя Господне упование его, и не призре в суеты и неистовления ложная»* [1].

С такой точки зрения в этом стихе является уже правило жизни. Блаженный Августин указывает в нем урок о цели доброй деятельности и мысль свою о том излагает пространно. «Что значит, говорит он, *отврати очи мои, еже не видети суеты?* Ужели мы, пока живем в мире сем, можем не видеть суеты? Не в том ли смысле говорит это пророк, в каком заповедует апостол: *вышних ищите, идеже есть Христос, одесную Бога седя. Горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе?* [2] Можно и так разуметь эти слова; но есть тут и другая мысль, которая, мне кажется, более подходит к этому месту. Господь говорит в Евангелии: *аще будет*

---

[1] Пс. 39, 5. — [2] Кол. 3, 1—3.

око твое просто, все тело твое светло будет; аще ли око твое лукаво будет, все тело твое темно будет[1]. Потому-то, когда делаем что-нибудь доброе, весьма важно при этом то, что́ имеется в виду. Верность наша долгу оценивается не исполнением только его, но и целию, с какою он исполняется. И, делая что-либо, мы должны иметь во внимании не только то, хорошо ли задуманное дело, но, особенно, хорошо ли то, для чего мы хотим делать его. И вот эти-то очи, которыми смотрим мы на то, для чего делаем то, что делаем, и просит пророк отвратить, да не видят суеты, то есть чтобы, делая что, не ее имели мы в виду, не ради ее делали то. В этой суете преимущественное место занимает любовь к человеческой славе, ради которой много и великого делали люди, прозванные великими в веке сем и много хвалимые народом, — люди, которые искали славы не у Бога, а у людей, и, получив ее, получили мзду свою, суетные — суетную. От этой-то суеты желая отвратить очи учеников Своих, Господь внушает им, чтобы никаких добрых дел не делали они, *да видимы будут человеки*; иначе не будет им награды от Отца Небесного. Потом, когда стал давать им заповеди о добрых делах по частям — о милостыне, молитве, посте, — везде внушал, чтоб ничего из этого не было делаемо для человеческой славы, говоря, что те, которые делают с такою целию, уже получили награду свою[1], то есть не вечную, которая отложена святым у Отца Небесного, а временную, которой ищут те, кои при делах своих имеют в виду суетную славу человеческую. Делать что-либо доброе ради этой похвалы и значит — иметь очи, обращенные на суету. Не сама похвала человеческая осудительна, ибо люди не могут не хвалить доброго, но осудительно увлекаться ею и ради ее делать что-либо. Даже и тогда, когда от людей воздается похвала какому-либо праведнику (помимо его искательства), — и тогда он не должен на ней останавливаться, засматриваться на нее, но и ее относить к славе Божией, ради коей единой делают всякое добро истинно добрые; ибо от Него, а не сами от себя, бывают они добрыми. Господь и говорит в той же беседе: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех*[2]. Где положил Он последнюю цель, туда и должны мы смотреть, делая что-либо доброе, то есть на славу Божию, отвращая в то же время очи свои от суетности человеческой. Далее, — если суетно делать добро для славы человеческой, не тем ли более суетно делать его для получения или умножения денег, или других каких-либо временных выгод, отвне прибывающих? — Все суета! Не для временного спасения должны мы делать добрые дела, но для спасения, уповаемого в вечности, где будем наслаждаться неизменным блаженством, которое даровано будет нам от Бога или, лучше, которое есть для нас Сам Бог. Если бы святые, делая добро, имели в виду временное спасение, то святые мученики, которым неизбежно предлежала потеря такого спасения, никогда не совершили бы доброго дела исповедания. Они получали помощь в мучениях, не имея в виду временного, потому что *суетно спасение человеческо*[1]. Не возжелали они и *дне человеческого*[2], потому что *человек суете уподобися: дние его, яко сень, преходят*[3]. При этом не должно упускать из виду, что коль скоро внушается просить у Бога даже и того, что по видимому состоит в нашей власти (очи отвратить), то этим подтверждается необходимость благодати решительно для всего. Некоторые не отвратили очей своих от суеты, потому что думали стать праведными и святыми сами собою, и возлюбили славу человеческую паче, нежели славу Божию, много о себе думая и слишком полагаясь на силу своего произволения, — потому и пали».

---

[1] Мф. 6, 22—23.

---

[1] Мф. 6, 1—23. — [2] Мф. 5, 16.

Стих тридцать восьмой

Постави рабу Твоему слово Твое в страх Твой.

«*Слово* значит здесь то же, что закон и заповеди. Поставить их в страх — значит оградить силу их обязательства в совести страхом Божиим, сделать то есть так, чтобы человек, как только сознает, что на то и то есть прямая воля Божия, выраженная в слове Его, тотчас со страхом устремлялся к исполнению того, несмотря ни на какие жертвы. Пророк просит, чтобы Бог послал силу, движущую и воодушевляющую на исполнение заповедей, исполнив сердце страхом Своим. Как в жизни общественной указы царские ограждаются страхом, так что получающие их оставляют все другие дела и спешат привести поскорее их в исполнение; так и в жизни нравственно-религиозной страх Божий подвигает и нудит со всею энергиею исполнять волю Божию, коль скоро она в чем-либо сознана. Святой Афанасий в этом отношении называет страх Божий пестуном заповедей Божиих; а блаженный Феодорит перефразирует содержание сего стиха так: «Сделай меня твердым в словесах Твоих, неизменно охраняя страхом Твоим; да будет то есть на мне страх Твой, держащий меня в боязни и не попускающий мне уклоняться от словес Твоих».

---

[1] Пс. 59, 13. — [2] Иер. 17, 16. — [3] Пс. 143, 4.

Этот стих, по Беллярмину, отвечает третьему в этом восьмистишии — 35-му. «Там пророк просил благодати исполнения закона, а здесь просит отвратить непостоянство и дать благодать неизменного и непоколебимого пребывания в законе. Он как бы так говорит: сделай, чтобы силою страха Твоего укоренился во мне закон Твой, и я пребывал в нем неуклонно».

Так, страх Божий есть возбудитель и охранитель ревности об исполнении заповедей Божиих и верной им жизни. Из этого никто не исключается. Если и в великом пророке имел он такое значение, тем более должно быть оно в каждом из нас. Отличительною чертою и верным признаком того, стоит ли кто на правом пути, есть богобоязненность. Если имеешь ее, то ты в добром состоянии, а если не имеешь, то в худом, хоть бы в твоем поведении и не видно было худых дел.

Надобно, однако ж, различать страх и страх. «Страх бывает двоякого рода, пишет блаженный Анфим: один рабский, какой имеет раб, не любящий господина своего и не дорожащий волею его, но не преступающий ее из боязни наказания за то,— это страх несовершенных; другой — страх друга, боящегося потерять любовь любящего его,— это страх совершенных. Этого-то второго страха и просит себе пророк, чтоб он утверждал слово Божие в сердце его и держал его непреклонным пред соблазнами и смущениями мира сего».

Об этом же пишет и блаженный Августин: «Не стоит слово Божие в том, кто сдвигает его в себе (с основ, или с места, ему должного), делая противное ему; но стоит оно в том, кто пребывает в нем неподвижно. Бог установляет слово Свое в тех, кому даст дух страха Своего,— *не дух* *работы паки в боязнь*[1], который изгоняется вон совершенною любовию, но дух того страха, о коем говорит, – страха чистого, пребывающего вовеки, – страха, по которому боятся оскорбить любимого».

Это различение страхов на словах все знают, но на деле нередко смешивают их и принимают один за другой. Не хотелось бы, конечно, сознаться, что, если не всегда, то по временам, нами руководит страх рабский. Но лучше сознать это, чем прикрывать, за тем, чтобы подумать и об изменении такого страха. Совершенным вдруг никто не становится. И страх сначала бывает рабский, потом наемнический, а наконец приходит и сыновний. И первый хорош в свое время; но не хорошо останавливаться на нем, а надо подвигаться все выше и выше, пока не достигнем сыновних чувств, степени коих не имеют конца.

Истинная богобоязненность сопровождается всегда ревностию по Богу; но как и эта ревность бывает не по разуму, так не по разуму бывает и страх Божий. Богобоязненное сердце ревнует дать силу заповедям Божиим и в себе, и вовне, в том круге людей, в коем вращается. В том и другом случае неразумием можно наделать много неполезного. Можно истощить себя, бросаясь то на то, то на другое, без соображения —

---

[1] *Не дух рабства, чтобы опять жить в страхе* (Рим. 8, 15).

уместно ли оно и сообразно ли с нашими силами,— или можно себе повредить, обращая ревность не на главное, а на побочное и вводное. И другим можно повредить, вмешиваясь с своею ревностию всюду, без соображения своей хлопотливости с местом и лицами. О таких проявлениях страха Божия пространно рассуждает святой Амвросий. «Посмотри, говорит, как может Бог отвратить от суеты очи того, к кому благоволит: Он поставляет ему слово Свое в страх. Страх Господень есть начало премудрости. Но и самый страх Божий, если не будет с разумом, не принесет никакой пользы, а больше повредит. Иудеи, имея страх такой, имеют и ревность; но так как имеют ее не по разуму, то самою ревностию и страхом собирают на себя еще больший гнев Божий... Тем, что обрезывают детей своих и хранят субботы, они показывают, что имеют страх Божий; но так как не разумеют, что закон духовен, то обрезывают только тело, а не сердце свое. Боятся возгнести огонь в субботу, а между тем закон запрещает собственно возжигать в сей святой день огнь похоти. Но что я говорю об иудеях? Есть и между нами такие строгие правила, коих понести человек бывает не в состоянии. Страх Божий является у них в том, что они заводят дисциплину, стараясь возвысить добродетели; а неразумие — в том, что не сострраждут немощи, не взвешивают возможности. Да не будет же страх наш неразумен! Как истинная мудрость начинается от страха Божия и нет духовной мудрости, которая была бы чужда сего страха, так и страх не должен быть без мудрости. Святой страх есть как бы базис для слова (премудрости). Как статуя устанавливается на пьедестале и как она получает большую грацию тогда, когда устанавливается так, что стоит твердо, так и слово Божие, или разумное Божие, прекрасно устанавливается на святом страхе и сильнее укореняется в сердце, боящемся Бога, да не испадет слово из сердца человека, да не налетят птицы и не похитят его из сердца беспечного и неискреннего. Но и сам страх Божий должен быть утверждаем словом Божиим и плодотворнее приспособляем к жизни, чтобы не быть ему без разума, как и пьедестал, приняв на себя статую, не бывает чужд ее грации. Читай Исаию и смотри, скольким добродетелям подчинил он страх, чтоб сделать его добрым и безукоризненным: *дух*, говорит, *премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия, и,* наконец, *дух страха Божия*[1]. Какой же ряд добродетелей должно пройти, чтобы достигнуть достодолжного страха Божия! Наставляется он премудростию, настроивается разумом, направляется советом, утверждается крепостию, правится ведением, украшается благочестием. Отыми все это у страха

---

[1] Ис. 11, 2—4.

Божия, и он останется неразумным, неосмысленным, одним из таких, по которому *внеуду брани, внутрьуду боязни*[1], которым был бы, конечно, препобежден и Павел, если бы не имел в себе утешающего и вразумляющего Господа. Не пропусти без внимания и того, что говорится в притчах: *тогда уразумееши страх Господень.* Когда ж это *тогда?* — Когда *премудрость призовеши и разуму даси глас твой, чувство же взыщеши великим гласом; и аще взыщеши ея, яко сребра, и якоже сокровища испытаеши ю; тогда уразумееши страх Господень*»[2].

Нечего и поминать о том, что как в предыдущих двух стихах можно видеть указание целей, какие следует иметь при доброделании, так то же можно видеть и в этом стихе. Там указывалось, каких целей не должно иметь в виду; а здесь — какую цель должно иметь. Пророк просит, чтобы Бог научил его и расположил сердце его все делать из угождения Ему единому, творить добро не по одному чувству долга, не по одному требованию нравственного достоинства разумной твари, а потому особенно, что на то есть воля Божия, святая и угодная, что так хочет Бог. Языческая мудрость не восходила выше земли, и искала в самом человеке и около его целей и побуждений к доброделанию; христианство же открыло небо, освоило с ним человека и располагает его все делать в угодность Всевидящему и Всеправящему Царю видимого и невидимого мира, внушая притом, что что бы кто ни сделал в этом духе, оно не ускользнет от внимания Того, в угодность Кому творится, хотя бы видимо ничего не давало и не обещало.

---

[1] *Отвне нападения, внутри страхи* (2 Кор. 7, 5).—
[2] Притч. 2, 3—5.

Стих тридцать девятый

Отыми поношение мое, еже непщевах, яко судьбы Твоя благи.

«Поношение, говорит блаженный Анфим, бывает двоякое: одно — напраслина, когда поносят неправедно, как, например, поносили неверные верующих: от этого поношения не только мы не бегаем, но ищем его, как источника славы и чести; другое, которое следует за грехами нашими и которое особенно покроет нераскаянных в день суда. Его-то отнять и молит Бога пророк, по благим судам Своим присуждающего прощение и подающего очищение грехов кающимся грешникам».

Грех обещает сласть не без придатка и почета в свойственном ему кругу; на деле же он сопровождается горечью и срамом, не всегда видимо, но всегда существенно. О человеке, сделавшем что-нибудь нехорошее в быту гражданском и семейном, обыкновенно говорят: «ударил себя в грязь лицом», точно так же ударяет себя в грязь лицом грешник в области духовной, пред

Всевидящим Богом, пред ангелами и святыми, пред своею совестию, — пред всем, наконец, миром добра и света. Приходящий в сознание грешник, прежде всего, усматривает в себе эту срамоту, жалеет и досадует на себя, и порывается поскорее избавиться от такого поношения. Но пока он сознает себя находящимся еще здесь, в обычном порядке жизни, это поношение еще не так сильно теснит его; а когда перенесется он мыслию к Страшному суду Божию, тогда ужас объемлет все члены его от представления того, как с такою срамотою будет стоять он пред собором всех чистейших созданий Божиих и пред Самим Богом. Потому и вопиет: *отъими поношение мое*, чтоб и следа не было на мне этой обличительной срамоты греха. «Пророк, говорит святой Афанасий, как человек, сделав грех, видит, что поношение последует за ним к Божественному судилищу по воскресении, а потому молится и произносит предложенный стих».

Отъими поношение, — не прости только, но очисти существенно, — оторви и отбрось, чтобы остаться мне в чистом естестве, как Ты первоначально создал меня по образу Твоему, без прицепки этих гадин греха, которыми я облепил себя. Отпущение грехов дается тотчас же, лишь только покаешься; но вычищение души от грехов совершается не вдруг, а требует труда, как, например, мытье белья. Конечно, Бог, по особым щедротам Своим, может и вдруг убелить душу и переплавить, как золото в горниле, в одно мгновение; но это есть уже особенная благодать,— а кто же дерзнет испрашивать ее у Бога?

Грешная срамота, об отнятии которой молится здесь пророк, точнее определяется словами: *еже непщевах. Непщевать* — значит думать, полагать. Выходит мысль такая: хоть явных грехов я за собой и не вижу, но не могу думать, что я уж бессрамен. Греховная срамота может быть во мне глубже моего сознания. Полагая, что это так, я и молюсь: очисти меня и от этой невидимой мною срамоты. «Молясь об отъятии поношения, говорит святой Иларий, пророк молится об отъятии грехов, потому что за грехами следует поношение. Но видно, что он исповедует здесь не определенный какой-либо грех, совершенный делом, а такой, который только подозревает в себе, по причине немощи плоти; ибо не говорит: отыми поношение, которое во мне есть, а то, которое я непщую, предполагаю, подозреваю, показывая этим, что, сознавая немощь свою, он не может не сознавать и поношения своего».

Излагая подобную же мысль, святой Амвросий намекает на возможность и такой мысли у пророка: отыми срам, который я навлек на себя, задумав сделать грех, хотя и не сделал его делом. Под этим могут быть разумеваемы все мысленные грехи — помыслы нечистые, сочувствия, сосложения с ними и невольные грешные увлечения. Молитва пророка здесь будет та же, что в другом месте: *от тайных моих очисти мя*[1]. «Это место, говорит святой Амвросий, несколько темновато, но его уясняет апостол: *ничтоже*, говорит он, *в себе свем, но ни о сем оправдаюся*[2]. Знал он, что человек есть; сколько мог, остерегался не грешить по принятии таинства крещения, и, хотя не сознавал за собою явного греха, но, как человек, исповедал себя грешником, зная, что только один Господь Иисус Христос *греха не сотвори, ниже обрется лесть во устех Его*[3]. Подобно сему и пророк, хотя и сам старался уклоняться всячески от греха, но желал, чтобы Бог был отражателем всякого от него греха. Хотя поношение и отнято было уже от него покаянием; но он думал – не остается ли еще оно за ним, скрытно от него. Потому и молил, чтобы и это отнято было от него Самим Господом, Который один знает, чего может не знать и сам сделавший. Может быть, *непщевах* значит — задумывал, и пророк молится: отыми грех, который я замышлял, или которым услаждался в сердце и помышлении моем, но который не совершил делом».

На чем же пророк основывает надежду, что так и будет, как он молится? — На единой беспредельной благости Божией. Явные грехи прощаются по благости, и тайные отъемлются по той же благости. Что дать в искупление греховной срамоты? — Нечего. Хоть бы ты не знал, сколько наделал добрых дел, — все они будут только должные, которым одна надпись: *еже должны бехом сотворити, сотворихом*[1]; грехи твои все остаются грехами и стоят на том же месте в жизни твоей, где ты поставил их, как истуканные изделия. Кто примет их с линии жизни твоей? — Одна благость Божия, смертию Сына Божия, вознесшего грехи наши на крест и раздравшего там рукописание их, — благость, умоляющая правду Божию сбросить с дороги жизни нашей эту срамоту. Возгрей же посильнее эту веру и привлеки ею благость; вместе с нею призови и правду, приведи ее на место грехов твоих и проси попалить их все огнем, извлекаемым твоею верою из креста Господня. *Несть иного имене под небесем... о немже подобает спастися нам*[2].

---

[1] Пс. 18, 13. — [2] *Хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь* (1 Кор. 4, 4). — [3] 1 Пет. 2, 22.

«Мы, пишет блаженный Августин, впали не в один грех, а во многие; мы покрылись поношением и стыдом. Но приступили мы к крещению — и отнят им всякий грех, а с грехом и всякое поношение. Отъял Господь Иисус поношение мое поношением Своим, когда распялся на кресте: ибо *елицы во Христа крестихомся, в смерть Его крестихомся*[3]; не оставалось во мне ничего, о чем бы я имел нужду просить, чтобы отъять. Но после крещения я снова впал в поношение и должен приносить покаяние и молить отъять от меня это поношение. Одно осталось мне прибежище — покаяние; и если я не принесу его, то усугублю тем поношение греха в себе. Чего бояться исповедаться, или сказать грехи свои? Чего страшиться открыть поношение свое пред Тем, суды Коего благи? — Что в других горько, то во Христе сладко и приятно, ибо Он Сам есть сладчайший. *Вкусите и видите, яко благ Господь*[1]. Сладки суды Божии тому, кто исповедуется, потому что Сам Бог говорит: *Аз есмь, Аз есмь, заглаждаяй беззакония Твоя Мене ради и грехи твоя, и не помяну. Ты же помяни, и да судимся: глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися*[2]. Сладки суды Божии не для одного кающегося, но для всего неба, ибо Господь сказал: *радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся*[3]. Если так сладки суды Божии, то употребим усилие и труд вкусить от этого сладкого плода».

---

[1] Лк. 17, 10. — [2] Деян. 4, 12. — [3] Рим. 6, 3.

Мысли эти, в отношении к предметам настоящего восьмистишия, определенно указывают — как окончательно вычищать свою жизнь. Положим всеусильно ревновать о богоугождении, уповая на вседейственную, всегда готовую, разнообразную благодать Божию; положим в трудах доб135 роделания и подвижничества не иметь худых целей, а все направлять во славу Божию под действием страха Божия. Кратко, точно, определенно сказать бы так: будь таков, и будешь спасен. Но такому решению противится решение совести самих спасаемых, которые, при всем усилии, не в день, а в каждый час видят себя седмижды падающими. Ко всему указанному доселе недостает, стало быть, еще одного средства, которым очищались бы все эти падения. Оно и предлагается в настоящем стихе; это — непрестанное покаяние. Как только сознаешь внутри себя какую-либо неисправность или нечистоту — спеши к покаянию, и с сокрушением молись: отыми, Господи, эту срамоту, по благости Твоей! Это — метла, сметающая всякий сор с дороги жизни. Этим правилом завершается весь союз правил. Кто облекся в это оружие, о том можно сказать, что он облекся теперь во вся оружия Божия... Равно, у кого недостает его, о том следует говорить: вооружение его ненадежно; недостает у него очень важного оружия, без которого все другие не приведут его к победе.

---

[1] Пс, 33, 9. — [2] Ис. 43, 25—26. — [3] Лк. 15, 7.

Стих сороковой

Се возжелах заповеди Твоя, в правде Твоей живи мя.

Во всем этом восьмистишии выясняется с разных сторон тот закон жизни духовной, что человеку принадлежит в ней искание и труд, сколько сил есть, а самое дело жизни совершается и спеется благодатию Божиею. Выяснив все, относящееся сюда, пророк делает общее заключение относительно себя: *се возжелах*, говорит, и представляю то, что от меня требуется, всей душою желаю и ищу: даруй же и Ты мне то, что зависит от благодати Твоей,— оживи меня, как положила оживлять нас правда Твоя, вразумляй, возбуждай сочувствие и энергию, дай силы и терпение безостановочно и успешно идти путем угодной тебе жизни. Не указываю, что и когда мне дать: Тебе, единому Всеправедному, вполне ведом путь правды: *имиже веси судьбами, спаси мя.* Блаженный Августин пишет: «Всем сердцем, всею душою и всем помышлением возжелал я любить Тебя и ближнего своего, как самого себя, так как в этом вся совокупность заповедей. Не моею, но Твоею правдою оживи меня, то есть исполни меня той любовию, которой я возжелал; помоги мне исполнить то, что Ты повелеваешь; даруй Сам, что заповедуешь. Сам я в себе имею только то, чем умереть; а чем жить, того не могу нигде найти, как только в Тебе едином: живи же меня правдою Твоею».

Почему же не в начале, а в конце сказал он о таком расположении? — Потому, что оно само приходит не в начале, а после того, как истощатся все свои средства и усилия. С начала обращения, хотя и говорит обращенный: «Господи, помоги!», но сокровенно многого ожидает от своих усилий и напряженных исканий. И успех ему дается лишь в том, что он навыкает этим способом всем порядкам богоугодной жизни; дальше же сам идти не может. Между тем вместе с тем навыком у того, кто внимает себе, раскрывается и сознание существенных требований такой жизни. Когда навык установится, внимание и усилие, до сих пор устремленные на этот навык, остаются свободными. У кого не раскрылось сознание существенного в духовной жизни, у того они засыпают, и дело жизни предается застою; а у кого раскрылось, у того они устремляются в эту сторону, и чем выше теперь цель, тем напряженнее и они. Но чего не дано достигнуть своими усилиями, того и не достигнешь ими, как ни бейся. Опытное удостоверение в этом начинается вместе с устремлением своих усилий на стяжание сознанных черт духовной жизни. Когда перепробуются все приемы, а успеха все нет и нет, тогда остается одно — сложить свои орудия и вопить: *имиже веси судьбами, спаси мя*; желаю, ищу, но живить меня силен только Ты правдою Твоею.

В обычных опытах благочестной жизни до очевидности оправдывается это над навыком молитвы Иисусовой. Мало в ней слов, но они совмещают все. Исстари признано, что, навыкнув молиться этою молитвою, можешь заменить ею все молитвословия. И есть ли кто из ревнующих о спасении, кто не был бы знаком с этим деланием? Велика сила этой молитвы, по изображению святых отцов; а между тем на деле видим, что не все, имеющие навык к ней, причастны этой силе, не все вкушают от плодов ее. Отчего это? — Оттого, что сами хотят забрать в свое владение то, что принадлежит дарованию Божию и есть дело благодати Господней. Начать повторять эту молитву утром, вечером, ходя и лежа, за делом и на досуге — есть наше дело: на это не требуется особой помощи Божией. Трудясь все в том же порядке, можно самому дойти до того, что язык и без нашего сознания все будет повторять эту молитву. Может последовать за этим и некое умирение помыслов, и даже своего рода сердечная теплота: но все это будет, как замечает в «Добротолюбии» инок Никифор, дело и плод наших усилий. Остановиться на этом, значит то же, что удовольствоваться уменьем попугая произносить известные слова, даже такие, как «Господи помилуй». Плод от этого такой: будешь думать, что имеешь, тогда как ровно ничего не имеешь. Это и случается с теми, у кого во время навыкновения этой молитве, поколику то зависит от нас, не раскрывается сознание того, в чем существо ее. Не сознавая же того, они довольствуются указанными естественными начатками действий ее и прекращают искание. Но у кого сознание то раскроется, тот не прекратит искания; а видя, что сколько ни усиливается действовать по старческим указаниям, все ожидаемого плода не обнаруживается, пресекает всякое ожидание плода от одного своего усилия и все упование возлагает на Бога. Когда это образуется, тогда открывается возможность и благодатному воздействию: приходит благодать в момент, ей одной ведомый, и прививает молитву ту к сердцу. Тогда, как говорят старцы, все то же будет по внешнему порядку, но не то же по внутренней силе.

Что сказано об этой молитве, то приложимо ко всякому проявлению жизни духовной. Возьмите сердитого и предположите, что он возревновал погасить гневливость и стяжать кротость. В подвижнических книгах есть указания на то, как должно править собою, чтоб этого достигнуть. Усвояет все это он и начинает действовать по вычитанным указаниям. Докуда же дойдет он своими усилиями? — Не далее, как до молчания уст при серчании, с некоторым укрощением самого серчания, а чтобы совсем погас гнев и в сердце водворилась кротость, до этого он сам никогда не дойдет. Это бывает уже тогда, когда приходит благодать и прививает кротость к сердцу.

Так в отношении и ко всему. Какого бы плода духовной жизни ни взыскал ты, искать — ищи всеусильно, но не ожидай плода от твоего искания и твоих усилий, а *возверзи печаль твою на Господа*[1], без всякого отчисления чего-либо на свою долю, *и Той сотворит*[1]. Молись: желаю, ищу; но живи меня Ты, правдою Твоею. Господь определил: *без Мене не можете творити ничесоже*[2]. И закон этот исполняется в духовной жизни с точностью, ни на волос не уклоняющеюся от определенного. Когда спрашивают: что мне сделать, чтобы приобресть ту или другую добродетель? — можно всем отвечать: обратись ко Господу, и Он тебе даст; другого способа к получению искомого нет. Святой Афанасий на настоящий стих и пишет так: «Вот он и хранил заповеди, с любовию расположен был к ним, и исполнял их ради их самих, а все же просит себе у Бога жизни праведной и добродетельной, чтоб она из сердца шла. Так может говорить только желающий жить в Сыне, веруя, что в Нем только жизнь». Блаженный Августин так выражает мысль пророка: «Живи мя правдою Твоею, то есть Христом, ибо Он *бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление, да, якоже писано есть, хваляйся о Господе да хвалится*[3].

---

[1] Пс. 54, 23.

---

[1] Пс. 36, 5. — [2] Ин. 15, 5. — [3] 1 Кор. 1, 30—31.

ШЕСТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Шестое восьмистишие идет под буквою *вав — крюк*.

Крюк вбивают в берег и привязывают к нему лодки. Привязав крепко лодку свою, хозяин ее спокойно сидит дома, в уверенности, что вода не унесет ее. И якорь есть крюк. Когда якорь надежен, — а он нарочно таким и делается, — тогда корабль, стоящий на якоре, не боится волн, как бы сильны они ни были. Якорь у апостола есть образ упования, — ***котва души твердая и известная***[1]. Так понимал это слово и пророк и такое давал ему духовное знаменование. Потому-то и собрал он под этою буквою стихи, которые все говорят об уповании. В первых четырех стихах (41 — 44) излагаются преимущественно основы упования: неложное слово обетований Божиих (41 — 42) и суды Божии, явленные делом на благочестивых и нечестивых (43 — 44); в последних четырех изображаются действия, в каких обнаруживается вселившаяся в сердце надежда, именно: широта хождения, или свобода действования (45), небоязненное возвещение истины даже пред сильными земли (46), преследование единого на потребу с беспопечением о всем (47) и терпеливое и неизменное пребывание в добре, несмотря ни на какие препятствия (48). Тут почти целый трактат об уповании. После предыдущего стиха очень естественно было вести об этом беседу. Там остановился пророк на преданности в волю Божию, которая составляет душу упования; но, начав о том речь, он не хотел уже отстать от нее и провел ее чрез все настоящее восьмистишие.

---

[1] *Якорь для души безопасный и крепкий* (Евр. 6, 19).

Стих сорок первый

И да приидет на мя милость Твоя, Господи, спасение Твое по словеси Твоему.

«Этот стих, замечает блаженный Августин, видимо соединен с предыдущим, потому что не говорит: *да приидет*; но *и да приидет*, показывая этим, что тут выражается следствие предыдущего». Чего же он просит? — Милости; но милости, не как только благоволения, а как восполнения недостающего самым делом. Потому и прибавляет: *спасение Твое* да приидет; да приидет то есть милость Твоя спасающая, или милостивое спасение Твое. Милость, исходя от Бога и почивая на человеке, соделывает спасение его. «Если спросишь, говорит далее блаженный Августин, что это за милость,— слушай, что тотчас следует: *спасение Твое*». «Наперед, пишет святой Иларий, молится о милости, а потом о спасении, ибо спасение наше от Божией милости: оно есть дело благости Божией к нам». «Когда, поясняет Зигабен, придет милость Твоя, то придет и спасение Твое, ибо конец милости есть спасение».

Но цель у пророка изъяснить этими словами не столько то, чего он просил, сколько то, на основании чего он чает несомненно исполнения просимого, потому что говорит: *и да приидет*, или *да приидет же*. Если бы Сам Бог спросил его: почему ты так пристаешь ко Мне? — он ответил бы: *по словеси Твоему*. Как человек смело приходит к человеку, давшему честное слово, и говорит ему: ты дал слово, так сделай же по слову твоему, — так приступает теперь пророк и к Богу, говоря как бы так: Сам Ты в слове Твоем сказал, что не оставишь прибегающих к Тебе; вот я прибегаю по слову сему, сотвори же со мною милость и спаси меня!

«Чтобы не подумал кто, говорит святой Иларий, что он молится в надежде неверной и нетвердой, пророк, помянув о милости и спасении, тотчас прибавляет: *по словеси Твоему*, дабы показать, что упование его в молитве происходит из веры в непреложность обетований Божиих». — «По словеси твоему, то есть по обетованию Твоему; обетования же идут от Того, Кто *нарицает не сущая, яко сущая*»[1], замечает блаженный Августин.

Зачем же обетования? Не достаточно ли одной уверенности в благости Божией, готовой на всякую милость? Господь, по немощи нашей, нашел это недостаточным; оттого по всему пространству слова Своего рассеял обетования. Мысль о том, что благ Господь, может породить и философствующий ум; но эта мысль дает только возможность и вероятность милости, которая держит душу в нетвердой, шаткой, влающейся[1] предположительности. Твердость убеждения, несомненная уверенность в готовой милости порождается только словом, исходящим из уст Божиих. Когда оно слышится и приемлется, тогда — конец всем колебаниям, как уверяет святой апостол: *елика обетования Божия, в том ей и в том аминь*[2].

---

[1] *Называет несуществующее, как существующее* (Рим. 4, 17).

Немощь наша в этом отношении так велика, что Бог для восстановления упования нашего не ограничивался одним словом обетования, но прилагал еще и клятву к нему, в удостоверение непреложности совета Своего, *да двема вещми непреложными... крепкое утешение имамы*[3]. Как будто и после того, как выразил Господь обетование, возможно еще колебание: а что если переменил Он совет Свой? Вот и удостоверяет Господь клятвою, что что сказано Им, то непреложно: *клятся Господь и не раскается*[4]. С этою-то целию обетования Божии изображены в слове Божием подробно, указаны и предметы их, и условия, и все соприкосновенности, чтобы всякому ясно было, что коль скоро он все исполняет по указанию слова Божия, то колебание упования его не должно иметь в нем места; он должен быть твердо уверен, что получит искомое и просимое.

---

[1] Волнующейся. — *Ред.* — [2] *Ибо все обетования Божии в Нем да, и в Нем аминь* (2 Кор. 1, 20). — [3] Евр. 6, 17—18. — [4] Пс. 109, 4.

Из этого выходит то, что если кому нужно подогреть ослабевающее упование, то самое надежное к тому средство — восстановление в памяти, сознании и чувстве всех словес Божиих, которыми удостоверяет Он в Своей милости прибегающих к Нему, с тем, конечно, условием, чтобы тотчас полагать намерение исполнять и все то, что Бог возлагает при этом и на нашу голову. Перечитывай словеса Божии и всесердечно подчиняй себя всему тому, к чему они тебя обязывают; и воскреснет упование твое, и начнешь опять ходить, *яко лев уповая*. Много немощей у нас внутри, много неприязненностей и вовне; мы ходим, как по трясине, готовые погрязнуть в ней. Но слово Божие укажет тебе десницу Божию, всегда простертую к тебе и поддерживающую тебя. Опираясь на нее, ты смело пойдешь и по воде пред лицем Господа, только не выпускай из души крепости упования, чтоб не было и тебе, как некогда Петру, справедливого упрека: *маловере, почто усумнелся еси*?[1]

---

[1] Мф. 14, 31.

Стих сорок второй

И отвещаю поношающим ми слово, яко уповах на словеса Твоя.

В этих словах две мысли: первая, когда станут поносить меня — зачем я так строго держусь закона Твоего, несмотря на лишения, я отвечу им: потому, что *уповах*, возложил упование мое *на словеса Твои*. В таком случае здесь будет говориться то же, что в предыдущем стихе, то есть будет указываться основа упования в словесах или обетованиях Божиих, с приложением только особого случая обнаружения такого упования, именно — поношения поносящих добродетель и благочестие. Зигабен пишет: «Тем, которые будут поносить меня, зачем страдаю за добродетель и соблюдение заповедей, я отвечу такое слово, что уповаю на словеса Бога моего. Бог обетовал, что даст многие блага тем, кто будет хранить заповеди его. Хоть я и злостражду и бедствую, но заповедей хранить не перестаю, потому что питаю такие благие надежды». Блаженный Феодорит коротко выражает сущность дела: «Твое, Господи, обетование поддерживает меня; с этою надеждою и совершаю я путь».

Чем воодушевлялись святые мученики, вступая в подвиг мученичества, как не уверенностию в непреложности словес Божиих? Милость Божия покрывала их и являла скорую помощь в облегчении страданий; но это было не со всеми, да и в тех, с которыми было, обнаруживалось не тотчас, как только начинались мучения. Чем поддерживали они себя в этом подвиге? — Словом Господа, которое нередко они и повторяли гласно, когда было терзаемо тело их и слух был оскорбляем поносительными для их исповедания словами.

Святые подвижники, и древние, и нынешние, в чем находили и находят опору твердости в воспринятом ими образе жизни, сущность которого состоит во всесторонних произвольных лишениях с прибавлением, особенно ныне, поносительных против них речей? — Не в чем ином, как в обетованиях Божиих. Хорошо выражается это изречением одного старца: «Господин мой сказал мне: работай мне; о прочем же ни о чем не заботься: то уж моя будет забота».

Истинно добродетельные и истинно благочестивые люди никогда не имеют недостатка в случаях возгревать свое упование или свидетельствовать его пред лицом поносящих. Как сказано в слове Божием, что *хотящии благочестно жити гоними будут*[1], так оно всегда и бывает. Сказано, чтобы приступающий работать Господу уготовлял душу свою на искушения: они всегда и встречают их, — и это не только от нечестивых и грешных, но нередко и от не чуждающихся порядков богоугодной жизни, по разным недоразумениям, источника которых не доберешься. Откуда что возьмется; а терпеть — все терпи. Чем же подкрепиться? — Словом Господа: *блажени есте, егда поносят вам, и иждену́т, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех*[1]. *Мужайтеся, и да крепится сердце ваше!*[2] *Близ Господь сокрушенных сердцем*[3]. В деснице его — покров вам; в шуйце — стрелы врагам вашим. *Очи Его — призирают на вас, и уши Его в молитву вашу*[4]. *Живый же в помощи Вышняго, в крове Бога небеснаго водворится*[5].

---

[1] 2 Тим. 3, 12.

Вторая мысль в настоящем тексте такая: когда Ты, Господи, окажешь мне милость и спасешь меня во очию всех, тогда я буду иметь, что отвечать поносящим меня, в оправдание упования моего на Тебя. Очевидная помощь заградит уста поносящих уповающего на обетования Божии. В таком случае тут будет делаться намек на новую основу упования — получение или ощущение действительной помощи от Бога, бывающей тоже по слову Его. Слово из уст Бога глубоко коренит упование; но оно все еще есть нечто чаемое, созерцаемое, теоретическое. Когда же избавление получается на деле, тогда сила Божия ощущается всем существом и упование входит в жизнь. Сознание, что такой человек есть человек Божий, сливается с сознанием его бытия и становится неотлучным качеством проявлений духовной его жизни. Это дает ему смелость смотреть в глаза поносителям и исходящее от них поношение возвращать на них самих. Уповаю, потому что бываю избавляем, — слепы вы, что ли? *На Мя упова*, сказал Господь, *и избавлю и, покрыю и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его, с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое*[1].

---

[1] Мф. 5, 11—12. — [2] Пс. 30, 25. — [3] Пс. 33, 19. — [4] Пс. 33, 16. — [5] Пс. 90, 1.

Один мученик, весь истерзанный и едва стоявший на ногах, когда судья крайне нечестиво поносил его веру в Распятого, помолился внутренно ко Господу, и, в виду всех, раны его исчезли, кровь омылась, силы восстановились, и он стал, как бы не страдавший. «Вот что значит Распятый Господь, упование на Которого ты так уничижаешь!» — сказал святой мученик.

Святой Афанасий так перефразирует мысль этого стиха: если приобрету милость Твою, а милость эта будет для меня в спасении Твоем, то возымею дерзновение против тех, которые поносят меня и восстают на меня. Скажу, что не заслуживает поношения тот, кто содержит такие догматы, над которыми издеваются чуждые веры невежды; докажу, что догматы эти исполнены разума и премудрости. То же говорит и блаженный Феодорит: «Даруй, Владыко, спасение, которое обетовал Ты в священных словесах Твоих, чтобы с дерзновением начать мне речь с смеющимися надо мною; потому что, кто бедствует, тот молча выслушивает делаемые ему укоризны, а кто бывает обрадоваем избавлением, тот сам обличает злобно укоряющих его». Таким же образом изъясняет это и святой Иларий с блаженным Августином. Первый пишет: «Стих этот соответствует течению мыслей. Если, говорит, придет на меня милость Твоя и спасение Твое, по слову Твоему, то я буду иметь что ответить тем, кто укоряет меня в неразумии и в обманчивой надежде за упование на словеса Твои. Что тогда может сказать неверующий против такого опыта, подтверждающего неложность обетований Божиих?» Второй говорит: «Поносящим слово о Христе отвечаю словом же о Христе, так как Им попрекают нас те, для кого Христос Распятый есть *соблазн и безумие*[1]. Они не знают, что *Слово плоть бысть и вселися в ны*[2], — Слово, которое *было в начале, было у Бога, было Бог*[3]. Если б знали, *не быша Господа славы распяли*[4]. Но на кого приидет милость и покрывающее его спасение, тот ответит поносящим слово истины. Мало иметь в сердце Христа и не хотеть исповедать Его, боясь поношения, но надо отвечать поносящим слово. Мученики отвечали слово, по обетованию: *не вы буде-*

---

[1] Пс. 90, 14—16.

---

[1] 1 Кор. 1, 23. — [2] Ин. 1, 14. — [3] Ин. 1, 1. — [4] 1 Кор. 2, 8.

те глаголющии, но Дух Отца вашего, глаголяй в вас»[1].

Опыты милости Божией за упование возвышают упование, сообщая ему небоязненное дерзновение исповедания самого упования. Таких опытов не лишен никто. Всякий, внимательно следящий за жизнию, не может не увидеть перста Божия, изводившего его из действительной крайности или предотвращавшего находившую и готовую постигнуть его беду; и потому жаловаться на недостаток возбуждающих упование случаев никто не может. Могут быть только невнимательные к путям Промысла Божия или зазнающиеся, которые хоть и видят иногда нечто особенное, но приписывают то или случайному стечению обстоятельств, которого не знает истинно верующий, или — что не менее худо — своему благоразумию и умению пользоваться встречающимися обстоятельствами к поддержанию и возвышению своего благосостояния.

Стих сорок третий

И не отыми от уст моих словесе истинна до зела, яко на судьбы Твоя уповах.

Первые слова темноваты, потому что не сразу поймешь, когда и как Бог отнимает слово истины, и притом — *до зела*; значит, отнятие его не *до зела* еще может быть сносно. Потому-то толковники понимают их не одинаково.

---

[1] Мф. 10, 20.

По содержанию сего восьмистишия их надо понимать так, чтоб не отдаляться от главного здесь предмета — упования. В предыдущем стихе говорилось: если явишь, Господи, милость Твою ко мне, то я буду иметь, что сказать поносящим меня. Здесь продолжается та же мысль: а если не явишь, то я не буду иметь, что сказать им; слово замрет на устах моих. Пророк молится не ставить его в такое положение, а всегда являть над ним покров Свой, чтоб он мог победоносно такими опытами милости защищать свое упование на судьбы Божии. Зачем, однако ж, повторяется эта мысль? — Затем, кажется, чтобы выразить некоторое ограничение широты своего прошения, как это дает понять слово — *до зела*. Молился: яви милость, и буду иметь, что сказать поносителям моим; теперь прибавляет: а если уже угодно правде Твоей отнять такое защитительное слово сокращением явления милости ко мне, то — не *до зела*; не навсегда оставляй меня в посрамлении пред врагами моими, но, оставив на время поучительным оставлением, опять являй пред всеми покров Свой надо мною, чтоб и я опять находил в устах моих слово истины, что не напрасно уповаю на судьбы Твои. «Молюсь, толкует Беллярмин, да не будет отнято от меня слово истины, которым я мог бы отвечать поносящим меня. Не лишай меня Твоей милости; не сделай того, что я не посмею слова сказать в оправдание упования моего; не заключи таким образом уст, исповедающихся Тебе и возвещающих надежду на обетования Твои. Но если уж надобно будет отнять его, то отыми на столько, чтоб испытать только меня, а не *до зела*, не совсем, не вконец».

Блаженный Августин переносится вниманием своим к положению мучеников, к тому, как мужественно держали они в устах своих исповедание, невзирая на нестерпимость мучений. Но были и такие, которых одолевал страх, и они отрекались от истины: слово истины словно похищалось из уст их, было отнимаемо от них. Из таких одни навсегда оставались в отпадении, другие — снова возвращались к исповеданию истины; у первых вконец, *до зела* было отнимаемо слово истины, а у последних не вконец, не *до зела*. «Многие, говорит он, теснимые тяготою гонения, не могли вынести поношения и отрекались от Христа, а потом снова возвращались. Как будто имея их в мысли, пророк молится: *не отыми от уст моих словесе истинна до зела*, то есть не вконец, как было и с ними; ибо, отрекшись на время от веры, они потом возвращались в покаянии и исповеданием истины снова восхищали пальму мученичества. Так было и с Петром, который на час отрекся из страха, а потом восстановил себя плачем, в конце же венчался и мученическим венцом. У него и подобных ему не было отнято слово истины *до зела*, вконец. *Не отыми* — значит не попусти чтобы выпало слово истины из уст моих. И Сам Господь говорит к Петру: *молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя*[1]; а это то же значит, что — да не отымется слово истины у тебя *до зела*».

Блаженный Анфим причину отнятия слова истины или исчезновения его из уст полагает в грехе. Пока нет явного греха, истина возвращается смело; а когда впадешь в грех, то уже совестно становится возвещать истину устами, не оправдывая ее делами и жизнию. Бог не отнимает слова прямым воздействием, но попускает падения за гордость, которыми связывается язык. «Кто впадает в какой-либо грех, говорит он, у того земле тся слово истины не только из уст, но и из сердца. *Грешнику же рече Бог: вскую поведаеши оправдания Моя и восприемлеши завет Мой усты твоими?*[2]»

Если брать этот стих отдельно, вне контекста, то можно останавливаться и на этих последних мнениях; но прямая мысль — первая. К ней обязывает вторая половина стиха: *яко на судьбы Твоя уповах*, чем выражает пророк вторую основу своего богоупования. И в этом главная цель его речи. Прежде говорил, что уповает на Бога, веруя слову Его, которым Он обещал не оставлять прибегающих к Нему и творящих волю его, а теперь говорит, что уповает, будучи располагаем и возбуждаем к тому судьбами Божиими. Судьбы Божии значат здесь те Божии суды, которые Он не изрекал только, но и в дело приводил, наказывая грешников и возвышая и защищая праведников. Пророк испрашивает защиту потому, что уповает, а уповает потому, что суды Божии были таковы и над целыми народами, и над частными лицами и что если по тем же судам и с ним поступит Бог, то ему непременно должно получить милость и спасение от Бога.

---

[1] Лк. 22, 32. — [2] Пс. 49, 16.

Судьбы, имевшиеся при этом у пророка в виду, суть все те, которые были и до него: как Ной с семейством своим спасен был от потопа, как благословлен Авраам и патриархи, как наказан Египет, а народ Божий спасен, как народ этот веден был в землю обетованную среди милостей и караний, как он поселен в земле обетованной и как потом то предаваем был, за забвение Бога, в рабство сильным соседам, то снова избавляем, когда, покаявшись, обращался к Богу. Созерцающий эти суды не может не питать глубокого убеждения, что у Бога всегда готова милость даже к большому грешнику, только не упорствуй и не иди ожесточенно против Бога. Созерцание этих судов было постоянным занятием пророка, и он мог говорить: *яко вся судьбы его предо мною*[1].

---

[1] Пс. 17, 23.

Из них он почерпал удостоверение в том, что Бог есть *Господь, судьбы творяй*[1] и что *судьбы Его истинны, оправданы вкупе*[2]. Посему, всецело предаваясь Богу, он исповедует: *от лица Твоего судьба моя изыдет*[3].

Если перевесть речь пророка по-нашему, то выйдет, что упование на судьбы Божии то же, что упование на промыслительное попечение о нас Божие, возгреваемое припамятованием опытов, какие явил Господь около нас и в нас, покровительствуя добрым и вразумляя недобрых. Лиц сторонних нельзя знать так, чтобы верно оценивать, как и почему идут к ним такие и такие суды Божии, а себя как не знать? Если бы у человека достало терпения проследить все изменения в своей участи в течение целой жизни, по отношению их преимущественно к своему внутреннему состоянию и к Богу, то несомненно открыл бы он, что как на весах две чаши в совершенном всегда состоят соответствии, так в совершенном соответствии состоят и наши внешние судьбы, определенные судьбами Божиими, со всем тем, что происходит внутри нас, и особенно с тем, каковы мы в отношении к Богу. Есть лица, которые до того свыкаются с созерцанием этого Божия порядка, что каждую, как говорится, случайность определяют с этой точки зрения; потому-то и носят убеждение, что собственно случайного ничего нет. Философы пишут, что нет случая, а в жизни только и видят, что случайности. Благочестие же и без философии носит в сердце ту истину, что все от Бога. У Бога все, как в устроении великого мира, так и в устроении участи всякого маленького человека, мудро определено мерою, весом и числом. Как это — нашему уму не постигнуть. *Судьбы Божии — бездна многа*[1]. Сколько в этом утешения и сколько крепости получает упование того, кто дошел до такого убеждения! Блаженный Августин под судьбами, возгревающими упование, разумеет здесь именно судьбы каждого лица. «*На судьбы Твоя уповах*, то есть суды Твои, коими Ты меня исправляешь и наказываешь, не только не отнимают у меня надежды, но и возвышают ее; ибо *егоже любит Господь, наказует; биет же всякого сына, егоже приемлет*»[2].

---

[1] Пс. 9, 17.— [2] Пс. 18, 10.— [3] Пс. 16. 2.

Стих сорок четвертый

И сохраню закон Твой выну, в век и в век века.

Это вывод из предыдущего и дополнение его. Этим выражается условие к образованию упования со стороны человека. Со стороны Бога оно образуется верою в непреложность слова Божия или Божиих обетований и размышлением о судьбах Божиих, явленных над целыми народами или над частными лицами, преимущественно же над самым тем, кто ищет возгреть в себе упование;

---

[1] Пс. 35, 7. — [2] Евр. 12, 6.

а со стороны человека — решимостию ходить в воле Божией, и особенно самым хранением закона Божия. Это последнее условие столь важно, что без него и первые два не в силах что-либо дать в деле образования упования. Пророк знал необходимость сего и выразил поэтому решение свое в настоящем стихе. Пред сим созерцал он суды Божии, и, конечно, не мог не видеть, что всем им одна надпись: всякая милость — богобоязненным ревнителям об исполнении закона, и всякая кара — нечестивым, не боящимся Бога и небрегущим о Его законе. Вот он и постановляет для себя сам в себе и изрекает пред Богом такое правило: «когда так, то буду хранить закон Твой всегда и во всем, и в сей жизни, и в вечности».

Этот закон упования изрекается пророком не здесь только, но по всему пространству псалмов, в разнообразных формах выражения. Раскройте книгу псалмов, и вы на всякой странице найдете не одно свидетельство о том. Да это такая истина, которой нечего и доказывать: она сама собою держится в сознании благочестно воззревающего к Богу. Как можно что-либо ожидать от Бога, когда сам ты Бога знать не хочешь и в своенравии непрестанно прогневляешь Его бесстрашным нарушением воли его? А между тем если испытать себя как должно, то найдем, что мы не совсем безукоризненны в этом отношении. Мы все молимся, но какой смысл может иметь молитва без упования? Молимся потому, что, имея нужду в чем-либо, надеемся получить то от милостивого Бога, и знаем, что милостивый Бог всегда готов даровать нам нужное: отчего же молитва наша, и не чуждая упования, не привлекает милости Божией? — Оттого, что отношение наше к Богу неверно. Бог подай нам все, а мы для Него ничего не хотим делать; и если делаем что-нибудь как будто по-Божьему, то только то, что попадется под руку без особенного намерения и избрания; и притом, делая кое-что, оставляем в себе много неугодного Богу, намеренно прикрывая то забвением, как будто мы ни в чем не виноваты. Как же при такой неискренности и небрежности в хранении должного отношения к Богу надеяться, что Бог несомненно сделает для нас то, о чем мы Его просим? Исправьте эту неисправность, и тогда увидите, как пойдут к вам от Бога все милости: *волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит и спасет я*[1].

Скажете: да кто же без греха? И если грех погашает упование, а без упования молитва — не молитва, то зачем и молиться? — Но когда пророк говорит: *сохраню закон Твой*, то выражает не действительное сохранение, а решимость быть всегда верным закону. Эта решимость всегда и живет в благочестивом духе, хотя и то верно, что и праведник седмижды в день падает. Падает седьмижды, но не остается и одного раза в падении — а падает и встает, падает и встает. Это похоже на бег по скользкой или камнями усеянной дороге: кто положил достигнуть конца пути, тот сколько бы ни падал, никогда не станет валяться на дороге, а упавши, вскочит и опять побежит. Путь богоугождения таков и есть. Старайся всегда быть чистым в совести пред Богом, людьми и собою и, коль скоро попадешь в какую нечистоту, тотчас очищай себя; намеренно же и с сознанием никогда не позволяй оставаться в тебе чему-либо нечистому и оскорбительному для Бога. Стараясь так, будешь в таком же положении, в каком находился и пророк, когда говорил: *сохраню закон Твой*, и будешь иметь дерзновение в молитве, которая будет свидетельствоваться несомненным упованием получить то, чего ты ищешь и просишь.

---

[1] Пс. 144, 19.

Смотрите, как широка и всеобъемлюща решимость пророка хранить закон Божий: *выну*, говорит, *в век и в век века. Выну*, διὰ πάντος во всем, во всех случаях жизни, и важных, и неважных,— *в век*, пока буду жить в веке сем,— *в век века*, в вечности. Святой Амвросий говорит, что пророк ни одного момента жизни не оставляет в небрежении, а ревнует преисполнить и пропитать всю ее законом. «И в пестунство детства и отрочества, и под дисциплиною юности, и в зрелости мужа и старца обещает не преступать пределов, положенных каждому возрасту. Ведь и душа имеет свои возрасты, по которым востекает к зрелости, и, протекши которые, может говорить: *течение скончах*[1]. Полный возраст души, *возраст старости* душевной, есть *житие нескверно*[2]. Итак, выну хранит закон тот, кто и в возрастах телесных, и в степенях преспеяния душевного не позволяет себе уклоняться от закона».

Святой Иларий, высказав подобную же мысль, обозревает затем все области бытия и всюду видит свои законы. Стало быть, если есть будущая жизнь, — а она есть несомненно, — то и там будет свой закон. «Конца жизни своей не видит пророк. Вера его не ограничивается веком сим, и верность свою простирает он в бесконечность. Сказав: *выну*, он не оставил ни одного момента в жизни, в который допустил бы забвение; а когда прибавил: *в век века*, то восходил к сохранению вечного закона, которого здешний есть только тень и который вступит в силу тогда, когда вечность преемственно заступит место века сего. В загробной жизни есть закон для отшедших отсюда душ, по которому они одна от другой разделяются пропастию великою, как дает разуметь Господь в притче о богатом и Лазаре. И по воскресении будет для воскресших закон, по которому они, как звезда от звезды, будут разниться во славе[3]. Есть законы и для ангелов, по которым одни непрестанными гласы восхваляют Бога; другие же предстоят невидимому Богу в глубоком молчании; ангелы же детей выну видят лице Отца Небесного[1]. Таким образом, зная, что есть вечные законы, пророк обещает и предрасполагает себя хранить их, полагая сохранять в веке сем и те, которые суть только тень их».

---

[1] 2 Тим. 4, 7. — [2] Прем. 4, 9. — [3] См.: 1 Кор. 15, 41.

Блаженные Феодорит и Августин объясняют, как это будет совершаться в будущем веке. Первый пишет: «Словами *в век века* пророк дал разуметь будущую жизнь, в которой всем дано будет чистое и полное хранение законов Божиих». Второй говорит: «Под законом здесь должно разуметь тот, о котором говорит апостол: полнота закона есть любовь[2]. Этот закон хранится святыми не только в веке сем, но будет храним и в будущем вовеки. Не частные заповеди, но самая полнота закона будет там в действии, без всякой опасности греха, ибо и Бога мы будем любить полнее, потому что узрим его, — и ближнего, потому что *Бог будет всяческая во всех*»[3].

Стих сорок пятый

И хождах в широте, яко заповеди Твоя взысках.

С этого стиха до конца восьмистишия (стихи 45—48) изображаются плоды упования, или каков стал пророк после того, как возгрел в сердце своем крепкое упование упомянутыми способами. Блаженный Августин говорит: «Прежде искал, а теперь (в стихах 45—48) повествует и исповедует, каким сделала его милость Божия, которую он испрашивал, — показывает, что услышан, и, вследствие того, вот что: *хождах в широте...*»

---

[1] Мф. 18, 10. — [2] Рим. 13, 10. — [3] *Будет Бог все во всем* (1 Кор. 15, 28).

Широта хождения всегда есть прямое следствие верности заповедям Божиим, и это потому, что заповеди убивают живущие в нас и теснящие нас страсти. Что всякое стеснение и вязание нашей нравственной свободы зависит от страстей — это всякий сам знает. Что сжимает руку, готовую уже на благотворение? — Своекорыстие: себе нужно. Что томит душу, при виде счастия соседа? — Зависть. Что приковывает к постели или вяжет ноги, когда следовало бы идти в церковь помолиться? — Самоугодие и леность. Так и во всем. Но кто взыскал заповеди, то есть возлюбил их и положил быть всегда им верным, тот, хоть тоже чувствует припадки подобных страстей, но они не определяют его, не вяжут: он тотчас отражает их; а когда окрепнет в делании заповедей, то и совсем почти их не чует.

«Тому не тесно, говорит святой Амвросий, кто ума своего не заключает в земное и плотское, но направляет его к небесному и жительство свое имеет на небесах, а грешный сдавливается узами своих страстей. Возьмите богача: он владеет уже множеством полей, а все ему тесно, все желает он большего: ему мало целой земли». Святой Иларий пишет: «Пророку не тесно. Тесны сердца грешников, и душа оскверненная не удостоивается посещения Божия. Обиталище для принятия Бога необъятного нужно пространное, а оно уготовляется верностию заповедям. Пророк ходит в широте, потому что в нем обитает Бог, а Бог обитает потому, что он заповеди его взыскал. Припомним, в какую широту разумения входит ум наш, когда мы, занимаясь чтением Божественных Писаний, исследуем заповеди Божии, и как широки бывают чувства смирения нашего, когда они пленяются в Божественные желания. Грехи же сокращают широту всякой души; отвсюду бывает тесно тому, кто не удостоился быть жилищем славы Божией». — «Что значит ходить в широте? — спрашивает блаженный Августин и отвечает: — Значит ходить в любви, которая излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам. Он учит нас исполнению заповедей в любви Бога и ближних».

Зигабен дает этой широте другой оттенок. Он перефразирует это место так: «Во всех делах моих находил я простор и встречал успех, потому что полюбил заповеди Твои и всегда верен был им. Будучи даже в скорби от искушений, не тяготился тем; ибо доброе свидетельство совести моей внутренно удостоверяло меня в крепкой любви и ненарушимой верности заповедям

Твоим, расширяя сердце мое и в скорби. Добрая совесть всегда утешает того, кто ее имеет».

Но, судя по контексту, в настоящем месте прямее будет разуметь ту широту, в какой чувствует себя ходящим и действительно ходит уповающий на Бога. Эту широту упования, равно как и условие ее — верность Богу в исполнении заповедей Его, пространно в разных местах живописует святой Исаак Сирианин. Приведем некоторые из них.

«Есть, говорит он, некоторый сокровенный Промысл. Сподобишься его и ты, если прежде с верою понудишь себя попечение свое возвергнуть на Бога и свою попечительность заменить Его промышлением. И когда Бог усмотрит в тебе, что ты со всею чистотою мыслей доверился Богу более, чем самому себе, и понудил себя уповать на Бога более, нежели на душу свою, тогда вселится в тебя та неодолимая сила, и ощутительно почувствуешь, что она с тобою несомненно, — та сила, которую ощутив в себе, многие идут в огонь, и не боятся, ходя даже по водам, не колеблясь в помысле своем опасением потонуть; потому что вера укрепляет душевные чувства человека, и он ощущает в себе, что как будто что-то невидимое убеждает его не внимать видению вещей страшных и не взирать на видение невыносимое для чувств»[1].

---

[1] Исаак Сирин. Слово 49.

«Если однажды ты вверил себя Господу, вседовлеющему для охранения тебя и смотрения о тебе, и если пойдешь вслед Его, то не заботься уже ни о чем относительно себя, но скажи душе своей: на всякое дело довольно для меня Того, Кому однажды предал я душу свою. Меня здесь нет; Он это знает. Тогда на деле увидишь чудеса Божии, — увидишь, как во всякое время Бог близок, чтобы избавлять боящихся Его, как и Промысл Его окружает их, хотя и невидим. Но потому, что невидим телесными очами Хранитель, пребывающий с тобою, не должен ты сомневаться о Нем, будто бы Его нет; ибо нередко открывается Он и телесным очам, чтобы ты благодушествовал[1]. Когда утвердишься в таком уповании, тогда побегут от тебя устрашающие и ужасающие тебя мысли, и все, что встретится тебе трудного и неудобного, покажется тебе удобным и легким»[2].

«Ведение (свое благоразумие) сопровождается страхом, вера — надеждою. В какой мере человек водится способами ведения (то есть сам устрояет свое благосостояние по указанию благоразумия), в такой же мере связуется он страхом, и не может освободиться от него. А кто последует вере (уповающей), тот вскоре делается свободен и самовластен и, как сын Божий, всем пользуется с свободою, самовластно. Возлюбивший веру (уповающую), как Бог, распоряжается всяким тварным естеством. А ведение (свое благоразумие) всюду встречает преграды. И как быть иначе? Текучее естество воды на хребет свой не приемлет телесных стоп, и приближающийся к огню сожигает себя. Вера же (уповающая) властно преступает эти пределы, воодушевляясь обетованием: *аще сквозь огнь прейдеши, не сожжешися, и реки не покрыют тебе*[1]. Многие по вере входили в пламень, обуздывали сожигающую силу огня и невредимо проходили посреди его, и по хребту моря шествовали, как по суше»[2].

---

[1] Исаак Сирин. Слово 49. — [2] Там же.

Вот как объясняет он то, что такое упование возможно только при верном служении Богу в исполнении Его заповедей. «Человек, который вовсе не имеет заботы о скоропреходящем, но всецело, днем и ночью, вверяет себя Господу, не заботится ни о чем мирском по великой своей рачительности о добродетелях, а все свое время употребляет на занятия Божественные и потому нерадит о приуготовлении себе яств и одежд, об устроении жилища телу и о всем прочем,— такой человек прекрасно и разумно надеется на Господа. И это подлинно истинная и самая мудрая надежда. Да и справедливо такому надеяться на Бога, потому что он сделался рабом Ему и рачителен к делу Его. Такой достоин, чтобы на нем особенным образом показал Бог попечительность Свою. Но человек, у которого сердце совершенно погребено в земном, который всегда ест с змием персть, никогда не печется о благоугодном Богу, не имеет попечения ни об одной добродетели,— такой человек не может иметь светлого упования. Будучи стесняем скудостию или подавляем плодами беззаконий своих, может быть, и он скажет: возложу упование на Бога, и Он сделает меня беспечальным, и даст мне послабление. Безрассудный! до сего часа не вспоминал ты о Боге, но оскорблял Его непотребством дел своих, и имя Божие ради тебя, как написано, хулимо было язычниками, а теперь осмеливаешься открывать уста свои и говорить: на Него возложу упование. Он поможет мне и попечется обо мне! В посрамление таковых хорошо сказал Бог чрез пророка: *Мене день от дне ищут и разумети пути Моя желают, яко людие, правду сотворившии и оправданий Бога своего не оставившии*[1]. К числу таких-то принадлежит и тот безрассудный, который и мыслию своею не приближался к Богу, а коль скоро окружили его скорби, он воздевает к Нему руки свои с упованием: возложу, говорит, упование на Бога; Он избавит меня. Не обольщайся; надежду на Бога предваряет труд для Бога в делании заповедей Его. Веруешь ли, что Бог промышляет о тварях Своих? Да сопровождает же веру твою и приличное делание, и тогда услышит тебя Бог»[2].

---

[1] Ис. 43, 2.— [2] Исаак Сирин. Слово 49.

---

[1] Ис. 58, 2.— [2] Исаак Сирин. Слово 67.

Стих сорок шестой

И глаголах о свидениях Твоих пред цари, и не стыдяхся.

Это второй круг дел, в которых обнаруживается крепкое, созревшее в сердце упование — небоязненное свидетельство истины Божией. Когда слово и дело идут наперекор желаниям и пристрастиям слышащих и видящих, оно везде сопровождается неприятностями, а тем более слово истины, когда оно изрекается пред сильными земли. Можно у пророка видеть здесь речь вообще о свидетельстве истины и правды пред кем бы то ни было,— свидетельстве нестыдящемся, небоязненном, несмотря на последствия; а что он сказал: *пред цари*, то можно доразумевать *даже*, то есть *даже* пред цари, а о других-прочих и говорить нечего.

Свидетельство истины и правды есть прямое следствие верности закону и хождения в заповедях, которыми образуется в сердце искренняя добросовестность, которая не может допустить, чтобы язык скрыл истину или сказал противное истине. Но такая добродетель обнаруживается тихо и когда к тому случай откроется в житейском или гражданском порядке жизни. Тут, когда не касаются ее и не спрашивают,— она молчит. Но у пророка разумеется особая добродетель мужественного свидетельства истины, когда она не сидит на месте и не ждет, когда ее затронут, а сама исходит на поприще народов и действует среди их небоязненно. Вызывает же ее пламень любви к Богу и славе его, и особенное мановение свыше, а то и прямое послание от Бога, как это было у пророков, апостолов, мучеников и исповедников.

Что движет и воодушевляет человека, верного Богу и заповедям его, на дело свидетельства истины? — Убеждение, что он исправляет чрез то дело Божие, которому Помощник и Покровитель Сам Бог; потому-то он и уверен, что Бог поддержит его и не даст ему пасть пред напором противляющихся и грозящих ему сил. Неприятности, потери, муки и самая смерть не ставятся в числе неудач; мученик, например, замученный считается победителем, потому что, несмотря на множество орудий к отклонению его от истины, он устоял в ней непоколебимо. Что на душе у таких свидетелей в час свидетельства? Они не на земле в эту пору, а на небе, в созерцании обетованных благ. Очевиднее всего это было в мучениках, которые и воодушевлялись тем, что вот-вот оставят бедную землю и вселятся в светлые обители Божии, и нередко умоляли мучителей не отлагать мучений, а скорее посредством их препроводить их ко Христу, да будут с Ним причастниками славы его.

Наши толковники все стоят вниманием при этом стихе на картине мучеников. Святой Афанасий пишет: «Таков был Павел, таков Петр, таков лик апостолов и мучеников». Святой Амвросий говорит: «Прилично исходить такому слову из уст всякого мученика, который, быв позван пред судилище, не стыдился, когда князи и судьи поносили его за веру в Распятого, а, напротив, вменял себе в славу крест Христов и небесными свидетельствами доказывал, что в кресте спасение миру». Блаженный Феодорит перечисляет и ветхозаветных свидетелей истины: «С великим удобством, говорит пророк, совершал я путь и, живя по заповедям Твоим, не боялся царского могущества, а с великим дерзновением обращал речь и к царям, потому что жизнь, согласная с законом, делает человека дерзновенным. Свидетель сему и великий Давид, потому что прежде грехопадения с великим дерзновением говорил пред Саулом; а после греха спасался бегством от сына-отцеубийцы, шел, поникнув в землю и покрыв главу. И великий Илия, твердо полагаясь на правду, обличал злочестие Ахавово[1], и Даниил сказал Навуходоносору: и теперь, *царю, совет мой да будет угоден тебе, и грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогих*[2]. Так и Павел вещал Агриппе, Фесту и Феликсу; так добропобедные мученики ни во что ставили угрозы царей злочестивых»[3].

Но некоторые толкователи наводят на мысль, что здесь можно разуметь и проповедников слова Божия во всякое время. Проповедь немолчна в Церкви, и хотя обращается к христианам, однако ж не всегда встречает среди их христианский прием. В этом стихе внушается примером пророка не кривить проповеди истины, не прикрывать ее какими-либо изворотами из угождения сильным земли, но излагать без уклончивости, смело. Убеждение в истине, при доброй жизни, дает дерзновение. Святой Афанасий пишет еще: «Как приличествует слово сие (стих этот) мученику, который за Христа ведется *пред владыки и цари*[1]; так приличествует оно и отверзающим уста свои пред царственными святыми душами. Посрамления достоин тот, кто, прияв слово от Бога, не благовествует силою многою!» Святой Иларий восходит к источнику такого слова: «Долг расширенного сердца – обильно изливать из себя словеса Божественного учения. Проповедникам истины должно при этом руководствоваться не примером только пророка, но и словом Господа, Который знающим ее заповедал проповедать ее всюду, воодушевляя их: *не бойтеся*». Дидим, у Зигабена, располагает таковых возыметь ум мучеников: «Произносящему устами своими словеса Божии надобно иметь ум мучеников и всегда быть готовым на страдания за слово истины. Посему-то свидетельство Божие и названо словом, означающим вместе и мученичество».

---

[1] 3 Цар. 16. — [2] Дан. 4, 24. — [3] См.: Деян., гл. 24 и 26.

---

[1] Мф. 10, 18.

И всякий всюду, в своих обстоятельствах жизни может непрестанно встречать поводы к свидетельству истины и может даже пострадать за то. Чем же ему воодушевляться на такое свидетельство, как не упованием на Бога, не оставляющего правды и правых?

Стих сорок седьмой

И поучахся в заповедех Твоих, яже возлюбих зело.

Третий плод упования — искание единого на потребу. Читая этот стих, невольно переносишься мыслью к Марии, сидящей у ног Спасителя и внимающей словесам, исходившим из Божественных уст его. Тут же приходит на мысль и урок Господа в лице Марфы, изреченный всем: *Марфо, Марфо, печешися и молвиши о мнозе; едино же есть на потребу. Мария же благую часть избра, яже не отымется от нея*[1]; а далее и общий закон, возложенный на всех: *ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам*[2]. Что же выходит? — То, что пророк, возгревши в себе упование, отрешился сердцем от всего житейского, земного, суетного и занят был одними заповедями Божиими, то есть как лучше уразуметь их и как лучше исполнить; ибо *поучахся* — значит учился не понимать только, но и уметь делать. Все это потому, что возлюблены заповеди, а возлюблены потому, что в них одних кроются вечные элементы жизни, к созерцанию которых перенесло его упование, возгретое, как указано выше, в предыдущих стихах.

---

[1] Лк. 10, 41. — [2] Мф. 6, 33.

Как только придется услышать нам слово о *едином на потребу*, тотчас приходят на ум потребности, необходимые для поддержания тела, и рождается вопрос: да как же это? Но когда говорится, что надо избрать *единое на потребу*, то это не значит, что внушается ничего не делать, а только соразмерять груды с достоинством дел: главному делу посвящать главную заботу и преимущественный труд, а делам побочным, придаточным — заботу второстепенную и даже десятистепенную и таковой же труд. Положи на первом месте богоугождение и спасение чрез исполнение заповедей, а на втором, третьем и четвертом — все прочее, относящееся к поддержанию жизни; и к первому прилежи всем сердцем своим, а к последним относись внешне, касаясь их как бы только концами пальцев, и будешь верным исполнителем того, что сказал Господь о *едином на потребу* и об избрании части благой. То будет у тебя главное дело, а это все — приделки или поделия, как выражались древние великие подвижники. Нельзя не трудиться и не делать в житейском и гражданском быту, но надо вести эти дела в подчинении главному, в его духе, а не противно ему.

Припоминаю при этом беседу одного старца с учеником, в которой, когда старец, объяснив различие дела и приделков, жаловался, что ныне (в то время то есть, когда это говорилось) порядок извратился и приделки стали главным делом, а главное дело — приделком, ученик просил его объяснить ему это примером. «Вот видишь ли, сказал старец, сидишь ты за рукодельем, а тут ударили в било к церковной молитве; следует тотчас бросить работу и спешить в церковь, положив несколько поклонов в келлии своей. Ты так и сделаешь, если у тебя на сердце главным делом имеется дело Божие. Но если ты скажешь: докончу, немного осталось, и просидишь сколько-нибудь за работою, отняв это время у службы Божией, то покажешь, что для тебя работа и приобретение работою дороже дела Божия, и строй твой душевный перевернулся головою вниз, а ногами кверху. Так разумей и о прочем».

Прилагая это сказание к себе и обобщая его, мы получим вот что: коль скоро у кого только и заботы, что о временных потребностях, дело же спасения и богоугождения всегда из-за них отодвигается на задний план и относящееся к нему исполняется лишь на столько, на сколько допускают те заботы, и притом кое-как, наскоро и наполовину: то у него главное стоит не там, где ему следует быть, и приделье занимает не свое место. Там, где число таких лиц размножается до того, что непохожих на них уже не видно, все общество находится не в настоящем строе; с духовной точки зрения это будет общество ходящих вверх ногами. А так как это не в порядке вещей, то естественно, что за этою непорядочностию развивается в нем и всякая другая непорядочность: отсюда смятение, разложение и пагуба. Сколько хлопот, шума, толкотни! Выходит же из всего этого одна грязь. Часто слышим, что оставившие мир и уединившиеся в обители толкут воду; — нет, вот эти толкут, да добро бы воду, а то грязь; те избрали благую часть, которая не отнимется от них. Они питают благое упование, которое не посрамит их; безуповательным же ничего другого и не остается, как хвататься за щепки, которые вместе с ними погрязают в бездну.

Стих сорок восьмой

И воздвигох руце мои к заповедем Твоим, яже возлюбих, и глумляхся во оправданиях Твоих.

Четвертый и последний плод созревшего в душе упования — неуклонное пребывание на добром пути, или терпение в доброделании. Воздвигающий руки к заповедям то же, что возложивший руку свою на рало, по слову Спасителя. Как этот последний только тогда успешно обрабатывает землю, когда не озирается вспfive и не глазеет по сторонам, а проводит борозду за бороздою, несмотря на то, что трудновато и пот льет, —

так и делатель, воздвигший руки свои к заповедям, только тогда может преуспеть в исполнении их, когда вооружится терпением и ни труда не будет жалеть, ни препятствий устрашаться, а все дело за делом вести сообразно с заповедями. Что именно об этом речь у пророка, на это, кроме однообразности выражения с приточною речью[1] Господа, наводит еще и слово *глумляхся* — ηδολέσχουν, то есть приседел оправданиям и заповедям Божиим, терпеливо пребывал в доброделании.

Чем производится такое постоянство и твердость? — Любовию, которая *николиже отпадает*[2]. Но прежде чем придет любовь, чем воодушевлять себя и чем действительно воодушевляются делатели? — Ничем другим, как упованием.

В уповании приступают к делу спасения и богоугождения, в уповании и продолжают его. Какого ни возьмите предпринимателя, душа предприимчивости его есть надежда на успех; так и здесь. Надеются успеть — и трудятся. Это упование сначала бывает голое, одно, без всякой поддержки со стороны других духовных движений, кроме непоколебимой веры, которая все живит; но потом, когда посредством терпеливого приседения заповедям и оправданиям покажутся хоть слабые плоды успеха и сердце начнет входить во вкус этого рода жизни, — тогда упование имеет это вкушение сладости доброделания, как одежду от холода и прикрытие от зноя, и окрыляется еще более, как окрыляется идущий домой, когда увидит издали кров свой: и ног своих удержать не может они бегут сами собою. Такое самоохотное хождение в заповедях есть плод терпеливого пребывания в исполнении их.

---

[1] Речь притчами. — *Ред.* — [2] 1 Кор. 13, 8.

Святой Афанасий пишет: «Пророк называет здесь руками деятельные силы, потому что дело есть конец поучения в заповедях. По приятии слова о заповедях, всего лучше воздвигать руки к исполнению на деле того, что требуется в заповедях,— не с печалию или по принуждению, по с добрым расположением». Блаженный Феодорит прилагает: «Царство Божие не *в словеси*, но *в силе*[1]. Посему и пророк к научению присовокупил и деятельность. Чему научился, то и делом исполнил. *Не слышателие бо закона праведни пред Богом, но творцы закона оправдятся*[2]; потому-то он и сказал: *глумляхся во оправданиих Твоих*, так как непрестанно был занят ими».

«Прекрасный порядок! — взывает святой Амвросий. Прежде размышлять и поучаться в заповедях Божиих, чтобы тем расположить себя к усердному действованию по ним, а потом и действовать по ним. Как конец изучения, например, истории есть памятование о событиях ее, так конец поучения в Божественных словесах есть действование по ним,— труды, направленные к исполнению их. Надо руки поднять на дело по заповедям и делать их с любовию и радостию, чтобы не вынужденно было добро наше, не со скорбию и тяготою делалось, а доброхотно. Не с охотою делающий – раб. Кто друг, тот делает дело доброхотно. Постараемся же, заключает святой Амвросий, чтобы доброхотным исполнением заповедей и нам заслужить слова: *вас же рекох други*»[1].

---

[1] 1 Кор. 4, 20.— [2] Рим. 2, 13.

Святой Иларий идет далее: «И размышление с любовию недостаточно: надо приложить деятельность воли — воздвигнуть руки к заповедям, не на разорение их, а для смиренного исполнения, чтобы вере и упованию соответствовали дела. *Глумление* показывает непрерывность делания. Он себя представляет постоянным блюстителем оправданий, постановленных свыше, не столько взирая на настоящее их, сколько прозревая и услаждаясь будущим».

Это прозревание в будущее, подаваемое упованием, есть главная подпора терпению в делании должных дел и производитель их. Апостол заповедует, например: *в молитве терпите, бодрствующе в ней*[2]. Для чего же? — Для того, что *просяй приемлет, ищай обретает и толкущему отверзается*[3]. Святой Петр учит: *подадите... в воздержании*

---

[1] *Я вас назвал друзьями* (Ин. 15, 15).— [2] Кол. 4, 2.— [3] Мф. 7, 8.

терпение. Это для чего? — *Сия бо сущая в вас и множащаяся, не праздных ниже безплодных сотворят вы в Господа нашего Иисуса Христа познание*[1]. Далее: *и всяко, еже аще творите, от души делайте, яко Господу, а не человеком*. Для чего? — *Ведяще, яко от Господа приимете воздаяние достояния*[2]. Так без терпения в добpоделании — ни в чем не успеешь, а терпения этого негде почерпать, как в уповании. Это упование и должно посему возгревать всеусердно, вооружась верою.

СЕДЬМОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Седьмое восьмистишие идет под буквою *за́ин — маслина*.

Маслина — дерево, из плодов которого выделывается елей — символ милости Божией и всего утешительного и целительного. Ни один, может быть, предмет из мира вещественного не прилагается в слове Божием так часто и разнообразно к предметам духовным, как елей: то он елей радости[3], то помазания[4], то целительности[5], то светения[6], то елей жертвенный[7], то хлебный (в хлебе)[8], то благочестия[9], то мира (в песни: *милость мира* — Ἔλεον εἰρήνης).

---

[1] 2 Петр. 1, 5—8. — [2] Кол. 3, 23—24. — [3] Пс. 44, 8. — [4] Исх. 25, 6. — [5] Ис. 1, 6. — [6] Исх. 27, 20. — [7] Лев. 6, 15. — [8] Лев. 8, 26. — [9] Екк. 7, 2.

В настоящем восьмистишии святой Давид собирает изречения, выражающие то, о чем скорбела душа его и откуда брал он утешение для нее. То беспокоит его медленность исполнения обетований Божиих (стих 49), то смиряющие обстоятельства жизни (стих 50), то гордые враги и насмешники (стихи 51—52), то, вообще, размножение греха и нечестия (стих 53), то пребывание на земле — месте странничества нашего (стих 54). Во всех этих прискорбиях он ищет и находит утешение себе только в Боге и святом законе Его, всячески стараясь сохранять должное к ним отношение. Это последнее выражается разнообразно по фразе, но почти одинаково по мысли, как это мы увидим (стихи 55—56).

Стих сорок девятый

Помяни словеса Твоя рабу Твоему, ихже упование дал ми еси.

Словеса с упованием, на которые пророк питал утешительные надежды, были данные ему обетования. Он просит вспомнить о них, конечно, потому, что в текущих обстоятельствах было что-нибудь не соответствовавшее ожиданиям, возбужденным словами Господа, или потому, что впереди видел он нечто такое, что могло разрушить его надежды, или потому, что чувствовал в ту пору нужду в утешении и милости Божией; обетования же обещали всякую милость, потому он и говорит: «Помяни, что́ сказал, и даруй хоть малую часть из обещанного, потому что, в особенности теперь, я чувствую в том нужду». В основе такого прошения лежит непоколебимая уверенность в непреложности слова Божия.

Помяни... Но неужели и у Бога бывает забвение, как у человека? — Не может быть. Так почему же говорится — *помяни?* Слово это часто употребляется в Писании и в прямом, и в обратном смысле, как, например: *почто мя забыл еси?*[1], или: *вскую... забываеши нищету нашу?*[2] И Сам Бог говорит чрез пророка, что забудет все согрешения грешника, если он, обратившись, покается[3]. Забвение в Боге следует понимать не так, как понимается оно у нас, людей. Когда Бог, сверх ожидания человеческого, изменяет порядок вещей, не изменяя Совета Своего, *пребывающего во век*[4], то говорится, что Он *раскаяся*. Так говорится о Нем — *забы*, когда, по-видимому, Он замедляет Своею помощию или исполнением обетования Своего, или должным воздаянием грешникам, или другим чем-либо, как будто выпало из памяти у Него то, чего надеются или чего боятся, но что не сбывается, хотя Бог делает это по особенному промышлению Своему, не по оскудению памяти и не по изменению воли. Таким образом, когда говорится Ему: *помяни*, то этим выражается лишь желание молящегося получить обещанное, а не то, чтобы что-либо предлагалось Богу, как будто выпавшее у Него из мысли. *Помяни*, говорит, *словеса Твоя рабу Твоему*; это значит: исполни то, что Ты обещал рабу Твоему; *ихже упование дал ми еси* — значит: «положившись на слова Твои, выражавшие обетование, я, толкует блаженный Августин, стал питать надежду».

---

[1] Пс. 41, 10. — [2] Пс. 43, 25. — [3] Иез. 18, 21—22. — [4] Пс. 32, 11.

Святой Иларий видит в этом слове еще ту мысль, что как обетования Божии суть условные, даны то есть под условием верности того, кому они даны, то пророк, не надеясь исполнить этих условий сам, просит Бога помочь ему в этом, чтобы потом исполнить и обетование, ограниченное такими условиями. «Пророк молится, говорит он, да явится достойным того, чтобы Бог удостоил его помянуть о слове Своем, которым обнадежил его.»

Что это за словеса Божии к Давиду — определенно указывается в слове Божием. Так Бог говорил ему чрез пророка Нафана: *поях тя от пажити овчия на властелинство людем моим Израилю, и бех с тобою во всех, аможе ходил еси, и искорених вся враги твоя от лица твоего.* И далее: *и упокою тя от всех враг твоих*, и проч. Услышав такой ответ Божий, святой Давид воззвал: *Кто есмь аз, Господи мой, Господи, и что дом мой, яко возлюбил мя еси даже до сих? И мала сия пред Тобою суть, Господи мой, Господи, и глаголал еси о доме раба Твоего вдалеко.*

И ниже: *И ныне, Господи мой, Господи! Ты еси Бог, и словеса Твоя будут истинна, и глаголал еси о рабе Твоем благая сия. И ныне начни и благослови дом раба Твоего, еже быти ему во век пред Тобою, яко Ты, Господи мой, Господи, глаголал еси, и от благословения Твоего да благословится дом раба Твоего, еже быти в век пред Тобою*[1]. Обнадеженный этими словами, святой Давид не переставал ожидать сбытия их и, опираясь на неизменяемость слова, изреченного чрез пророка, приступает к Богу с молитвою, да помянет обетования, о которых необычно Ему забывать. «Не по горделивому какому-либо притязанию, толкует святой Амвросий, говорит он так, но в уверенности, что Бог истинный не может быть ложен в словах Своих. Он говорит как бы так: не по восхищению уповал я; напротив, Ты сам сделал то, что я стал питать надежды. Раб я — жду напитания от господина; воин я — жду оброка от царя».

Таков смысл этих слов в устах святого Давида. Но в каком смысле можем и мы обращать их к Богу? И нам всем даны в Господе Иисусе обетования, не о будущем только, но и о настоящем. Приводя посему на мысль эти обетования и не видя их исполнения на себе, молись, да помянет их Бог и исполнит в тебе, и если препона к исполнению их находится в тебе, то проси вместе с тем разрушить эту препону и сделать тебя достойным принятия того, что обетовано. Так, обещано всепрощение кающимся; но всепрощение приносит радость, а у тебя все та же туга и как будто нечаяние, — молись же, чтобы Господь изрек в сердце твоем обетованное всепрощение и ты ощутил радость от того, потому что *блажени, ихже оставишася беззакония и ихже прикрышася греси*[1]. Обещано, что крещеный водою и Духом или омытый слезами покаяния обновляется духовно и начинает жить новою жизнию: это же должно совершиться и в тебе; а между тем ты сознаешь, что деяния ветхого человека все продолжают прорываться с такою же будто бы силою, как и прежде, — и молись, чтоб избавил тебя Господь благодатию Своею от *тела смерти сея*[2] и чтобы не грех, а уже Сам Бог жил в тебе. Обещано, что все будут научены Богом, не внешне, чрез письмена, а внутренне, чрез написание невидимым перстом глаголов Божиих на скрижалях сердца: следует и в тебе этому быть; а ты видишь все неясно, и в сердце твоем никогда не изрекается всепросвещающее и животворящее слово, — и молись, чтобы Господь стал наконец для тебя светом, просвещающим всякого человека, грядущего в мир. Обещано, что истинные поклонники будут поклоняться Богу духом, — следует и тебе так поклоняться; а ты между тем видишь, что и телесное-то поклонение твое неисправно, а духовного и начатков нет,— вот и молись, чтобы *Дающий молитву молящемуся*[1] и тебя научил приступать к Нему в молитве достодолжно. Так поступай и в отношении ко всему другому. Но при этом, чтобы молитва твоя не была пустым словом, не забывай исполнять или обещаться исполнять то, что требуется от тебя самого, дабы смысл слов твоих всегда был таков: «вот я делаю, или буду делать по силе, что от меня зависит,— вспомни же, Господи, и Ты, что обетовано Тобою работающим Тебе, и исполни благ Твоих бедную душу мою». Когда потрудишься так в жизни, то и в конце ее можешь сказать с апостолом: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господь в день он, праведный Судия*[2]. Это верх обетований и надежд, опирающихся на слове Господа: *идеже есмь Аз, ту и слуга мой будет*[3].

---

[1] 2 Цар. 7, 8—29.

---

[1] Пс. 31, 1. — [2] Рим. 7, 24.

Стих пятидесятый

То мя утеши во смирении моем, яко слово Твое живи мя.

Прежде сего, пророк выражал мысль, что в жизни его есть что-то не соответствующее обетованиям Божиим, потому и просил воспомянуть о них; теперь определенно сказывает, что именно смущало его. Это — какие-то смиряющие, уничижающие, убивающие дух обстоятельства, и что среди их он оживляет убитую горем душу свою словом Господним.

---

[1] 1 Цар. 2, 9.— [2] 2 Тим. 4, 7—8.— [3] Ин. 12, 26.

Что же такое это «смиряющее?» — Могло быть и сознание нравственных своих недостатков, с которыми не справишься; «оживляющее» же в этом случае будет слово Господа о том, что тот, кто смиренно думает о себе, возвысится, а более всего то обетование, что восскорбевший об этом и взывающий к Богу всегда получит благодатное оживление: пошлет Господь Духа Своего и созиждется разорившийся нравственный строй его. Так учит блаженный Августин: «Можно здесь разуметь, говорит он, то смирение, которым смиряются, исповедуя грехи свои и горделиво не приписывая себе правды. Смиряющим себя таким образом дано такое утешительное слово: *Бог гордым противится, смиренным же дает благодать*[1]. И Сам Господь сказал: *возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется*[2]. Но, прибавляет блаженный Августин, хорошо разуметь здесь и то смирение, когда кто смиряется скорбию, посылаемою к сокрушению гордости и испытанию терпения. Живительное для таковых слово такое: в *терпении вашем стяжите души ваша*, и — *влас главы вашея не погибнет*[3]; и еще: *верен Бог, иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести*[4]. Такое же упование дал Господь и в молитве, которой научил нас, повелев говорить в ней: *и не введи нас во искушение*. Если Он хотел, чтобы молящиеся так говорили в молитве, то, конечно, этим дал и обетование, что исполнит просимое».

---

[1] Иак. 4, 6. — [2] Лк. 14, 11. — [3] Лк. 21, 18—19. — [4] 1 Кор. 10, 13.

То же разумеет и святой Афанасий о словах пророка: *то мя утеши во смирении моем*. «Это самое упование (о коем сказано в предыдущем стихе), порожденное во мне словом Твоим, утешало и успокоивало меня столько, что если постигало меня какое-либо бедствие или опасность, чаяние смерти, тяжкая болезнь, или потеря имущества, или гонение, или что-либо другое, по мнению людей тяжкое, — то утешением для меня было упование».

Святой Амвросий говорит также: «Упование, осенившее меня, воздействием слова Твоего утешало меня и воодушевляло к терпению неприятностей, встречаемых мною в жизни. А уповал он так потому, что верен был Господу: без этого не возымел бы он упования. Это видно на святом апостоле Павле. Когда Павел шел против имени Господа, то не имел утешения упования, а когда начал терпеть за имя его, то почерпал утешение из источника упования. Смотри же, как, сделавшись верным, и всех воодушевлял он к терпению и благодушию. *Кто ны разлучит от любве Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Якоже есть писано: яко*

Тебе ради умерщвляеми есмы весь день; вменихомся, яко овцы заколения. Затем прибавляет и то, как можно все это перенесть: *но во всех сих препобеждаем за Возлюблшаго ны*[1]. Итак, кто хочет препобедить противности, когда случится гонение, или беда, или смерть, или тяжкая болезнь, или набег разбойников, или отобрание имений, или другое какое бедствие, — удобно препобедит все это тот, кто преисполнен утешительною надеждою. Пусть встретится что-либо подобное — оно не может действовать подавляющим образом на того, кто в сердце носит убеждение, что *недостойны страсти нынешняго времене к хотящей явитися в нас славе*[2]. Кто чает лучшего, тот не может быть сокрушен чем-либо маловажным».

Еще и другое разумеет святой Амвросий под *смиряющим*, именно, внутренние искушения от греха и диавола, с которыми надо вступать в борьбу в надежде победы силою благодати Господней. «Во время смирения нашего, говорит он, утешительница наша — надежда. Временем же смирения души нашей я полагаю время искушения. Душа наша смиряется, когда бывает предаваема искусителю на испытание тягостными притрудностями, которые неизбежны, чтоб устоять в борьбе и препобедить, когда чувствуешь приступ противной силы. В этих-то искушениях и живится душа словом Божиим. Оно есть жизненная эссенция души нашей, которою она питается, возращается и управляется. И нет ничего, что могло бы так живить душу разумную, как слово Божие. Насколько вкореняется оно в душе нашей, когда, разумеется, оно приемлется и вкушается, настолько раскрывается и жизнь души. Напротив, по мере того, как оскудевает слово Божие в душе, — и жизнь души терпит ущерб и оскудение. Как союз между душою и телом поддерживается и живится жизненным духом, так словом Божиим и благодатию Духа животворится душа наша (поддерживается союз ее с Богом, источником жизни). Потому-то мы всячески должны стараться, чтобы, оставя все прочее позади, собирать словеса Божии и вносить их во владычественное наше (ум), в чувства (сердце), в начинания (волю), и во все дела наши, чтобы вся деятельность наша согласна была с изречениями Писания, и деяния наши нисколько не разнились с строем небесных заповедей. Тогда и ты можешь говорить: *слово Твое живи мя*».

---

[1] Рим. 8, 35—37. — [2] Рим. 8, 18.

Последнюю мысль святой Афанасий выражает так: «Ничто не дает разумной душе сил жить своею жизнию так, как Божие слово. В какой мере Божие слово возрастает в душе человеческой, постигаемое и приемлемое ею, в такой же мере возрастает и то, что составляет жизнь (а именно, чтобы жить здесь добродетельно) и что впоследствии даст жизнь вечную».

Святой Иларий все изложенные мысли совмещает кратко в следующих словах: «Упование утешало его *во смирении*, то есть когда терпел он презрение, насмешки и обиды, когда бесчествуем был поношениями. Зная, что борьба с искушениями такого рода неизбежна в настоящем веке, он утешал себя в ней надеждою, возбужденною в нем Самим Богом, и оживотворялся словом Божиим. Из него почерпал он удостоверение, что слава на небесах несравненно выше, чем степень нынешнего его уничижения за верность воле Божией. Знал он также, что душа, наполненная словесами Божиими, содержит в себе как бы некое пастбище вечной жизни. Кто живится словом Божиим, того не колеблет пустая слава счастливцев. Знает он, что его бедность богаче их богатства, его постность насыщается небесным благообилием, его смирение вознаградится преславною честию».

Стих пятьдесят первый

Гордии законопреступоваху до зела, от закона же Твоего не уклонихся.

«Гордые, говорит, преступали закон Твой в продолжение многого времени, но я не последовал их худому примеру и беззаконию; или так: гордые беззаконно поступали в том, что насмехались надо мною, как непрестанно поучающемся в законе Твоем, но из-за насмешек их я не оставил поучения в законе Твоем. Гордыми называет он презрителей и преступников Божественного закона, потому что такие преступники обыкновенно бывают горды». Так объясняет этот стих Зигабен.

В предыдущем стихе из неопределенно скорбного указал он на смиряющие обстоятельства жизни; а теперь и из этого круга скорбных случайностей выделяет он такие, которые исходят от гордых презрителей закона, хулящих закон, насмехающихся над исполнителями его и сбивающих всех с должного пути. Это — коноводы всякого зла, встреча с которыми наиболее болезненна для людей, преданных закону и искренно, всем сердцем, любящих его. Они-то и суть законопреступники *до зела*, то есть не только преступающие закон, но и восстающие на него, презирающие, ненавидящие и вооружающиеся против него злым словом своим. Против них-то пророк вооружался постоянством и твердостию в верности закону, не позволяя себе не только преступить его, но и подумать о чем-либо противном ему. «По закону, говорит, проводил я жизнь, соблюдая владычественную силу души моей (ум), чтобы не утаивать в сердце моем слово беззаконное»; «ибо, толкует это место святой Афанасий, когда преступают они закон *до зела*, я даже и в малом не преступал закона Твоего».

В этом стихе выражает пророк только твердость своего характера, но эта твердость не исключала и сердечного болезнования. Где же находил он целительный елей на такую рану сердца? — В воспоминании о судах Божиих. Вот и урок, как надо действовать, когда вокруг нас распространяются не преступники только закона, но и презрители и поносители его. Пусть их! Ты пребудь тверд: всех не переговоришь и не переуверишь. Есть на небе Судия всех, Который видит, как восстают на Его повеления, и сумеет воздать всем должное.

«Гордость, говорит святой Амвросий, в человеке есть великий грех. От нее получило начало и наше повреждение. Этою стрелою в начале уязвил и поразил нас диавол. Если бы человек, обманутый хитрою речью змия, не восхотел быть Богом и если бы, довольствуясь данными ему ограничениями, не коснулся запрещенного, то никогда не перешло бы к нам пагубное наследство падения. Да что говорю я о человеке! Сам диавол через гордость потерял благодать естества своего, когда сказал: *выше звезд небесных поставлю престол мой... буду подобен Вышнему*[1], — и ниспал из сонма ангелов. Будучи праведно наказан за такое преступление, он вздумал сделать причастным тому и человека и перелил в него яд свой. Что может быть хуже такого греха, который начало свое получил от восстания против Бога! Потому-то Писание и говорит: *Бог гордым противится*. Как отмститель оказанного Ему неуважения, Бог предпринял как бы специальную брань с гордостию. Он говорит как бы так: «гордый — это Мой враг; Меня он вызывает, Мне надо схватиться с ним». Потому-то пророк и говорит: *гордии законопреступоваху до зела*, то есть гордым свойственно не только делать неправду, но неправду *зельную*. Показав, какова сила зла в гордости, надо было научить нас и тому, как побеждать ее. Он это и делает: *от закона*, говорит, *Твоего не уклонихся*. Таким образом, один закон Божий может выжать сок гордости, научая богобоязненного и благоговейного человека осмотрительности, с которою он должен править собою. Многие, не только чуждые вере, но из тех, которые уже довольно вкусили от доброго глагола заповедей, бывают прельщаемы успехами гордых, видя, как нарушители закона, ходатаи нечестия, высокомерные презрители искренно верующих, превозносящиеся над теми, которые, по страху Божию и повиновению небесным заповедям, смиряют сердце свое, — видя, как такие обилуют в веке сем богатством, славою, почестями и властию, и как, чем тягчайшие они делают неправды, тем обильнейший получают приток мирских выгод, и как люди праведные большею частию терпят недостаток и другие невзгоды, — видя все это, возмущаются тем до омрачения ума и склоняются к тому, что будто в этом суд Божий некоторым образом погрешает, забывая ту главную истину, истину очевиднейшую, что воздаяние за труды богоугождения положено не в этом веке, а отложено на век будущий. Но редкие берут это во внимание. Вначале и сам Давид соблазнен был этим, как пишет: *се сии грешницы и гобзующии в век* (богатящиеся в веке сем), *удержаша богатство. И рех: еда убо всуе оправдих сердце мое и умых в неповинных руце мои, и бых язвен весь день?*[1] Нередко и среди нас, несовершенных, иные, видя подобное, говорят: где же провидение Божие, где правда? Вон горделивец обилует, высокомерный богатится, нечестивец счастлив и в силе; а этот праведный лежит, брошенный всеми, в такой бедности, что хлеба насущного не имеет, и к тому же терпит поношение от нечестивца, попирается гордецом. Конечно, это не легкое искушение, и ты не избудешь его, если не прозришь в грядущее, если не напитаешься обильнее небесными оброками. Давид думал прежде, что он знал эту истину; но когда пришло искушение, то оказалось, что не знает, потому-то и волновался и болезновал духом; потому и говорит: *и непщевах разумети: сие труд есть предо мною, дондеже вниду во святило Божие, и разумею в последняя их*[2]. Увидев в пророческом духе как гордые за то, что так возносятся, будут отвержены и уничижены, он говорит: *како быша в запустение? Внезапу исчезоша, погибоша за беззаконие свое, яко соние востающего*[1]. Так познал он, что успехи нечестивых в веке сем суть сновидение, а не действительность; их преимущества дотоле и видятся им, пока спят. Как только пробудятся они от сна сего, тотчас окажутся жаждущими те, кои видели себя доселе напоенными, — алчущими, которые видели себя обильно напитанными, словом, из сна того не вынесут они ничего твердого, что успокоило бы их в действительности. Да, крепким сном спят люди века сего... Пусть бодрствуют они для мира, но для Бога они спят; и хорошо говорит о них святой Иов, который прежде дивился их показности: *будут, аки плевы пред ветром, или якоже прах, его же взя вихрь*; умирают в горести души, ничего не вкусивши и не имея никакого блага[2]. А праведник, имея свидетельство доброй совести, утешает себя особенно тем, что ожидает его напоследок, зная, что с исходом из сей жизни он освободится от всех притрудностей и несомненно получит воздаяние за дела свои. Но это доступно только тому, кто может сказать о себе: *от закона Твоего не уклонихся*, — в ком не только сияет благодать доброделания, но и чистота искренней совести. Мы воинствуем Господу по закону не видимыми только делами, но и сокровенными чувствами.

---

[1] Ис. 14, 13—14.

---

[1] Пс. 72, 12—13. — [2] Пс. 72, 16 – 17.

---

[1] Пс. 72, 19–20. — [2] Иов. 21, 18, 25.

Закон и говорит: *да не будет слово тайно в сердцы твоем беззакония*[1], чтобы то есть не только делом не погрешал ты и не проговаривался словом, видя гордых в славе, но и в тайне сердца своего не принимал приражения неправды, когда помышляешь при этом о судах Божиих.

Изложим теперь кратко, какое настроение следует иметь мужу святому. Во-первых, ему должно памятовать небесные обетования; во-вторых, разуметь, какая участь положена для живущих, чтобы, когда встретятся беды и скорби, не падал он духом, но утешал себя надеждою, почерпаемою из цепи свидетельств Божественного Писания; в-третьих, не следует ему, как неверу какому, уклоняться от закона, когда увидит, что гордые нечестивцы и неправедники обилуют богатством в веке сем, но твердо тещи по своей стезе, избегая общения с гордыми, дабы избежать и заражения от них, так как *нечист пред Богом всяк высокосердый*[2].

Стих пятьдесят второй

Помянух судьбы Твоя от века, Господи, и утешихся.

Этот стих служит дополнением предыдущего. «Помянул я, Господи, говорит он как бы так, праведные суды Твои, от начала мира Тобою явленные, как Ты страждущих за добродетель чтишь и прославляешь, как тех, которые полны счастья со грехом, бесчестишь и посрамляешь, и воспоминанием этим утешился в скорбях и злостраданиях моих пред лицом гордых порицателей закона Твоего». Так толкует это место Зигабен. «Содержа, говорит святой Афанасий Великий, в памяти то, чем от века и до века воздается каждому, чем утешается праведник и пребывает беспечален; воспомянув суды, какие творил Ты древле над притеснителями израильтян, я утешился, зная, что и сам не буду оставлен в гонениях, и что с людьми все бывает по суду Божию». «Привел я себе на мысль, поясняет блаженный Феодорит, что было с Авелем, Авраамом, Исааком, Иаковом, Иосифом, Иовом, Моисеем, как попущено было впадать им в различные искушения и как соделал Ты их впоследствии славными и знаменитыми, я почерпнул в этом для себя достаточное утешение». «Гордые, пишет святой Амвросий, своими нападками на закон колебали мою преданность закону; но я помянул суды Твои и, утешась ими, возвратился к прежним убеждениям и решениям; ибо, если кто, будучи научаем законом и убеждаем примерами, не станет питать той глубокой уверенности, что слова Божии непреложно истинны, тот в опасности скоро уклониться от закона. Но собери в памяти прошедшее, пересмотри цепь древних событий, и увидишь, что как грешник не избегает кары за свои неправды, так и праведник не лишается воздаяния за свою правоту. Смотри, вон в самом начале Адам, за преступление небесной заповеди, изгоняется из жилища райского; вон Каин Божиим приговором осуждается оплачивать стенанием и трясением братоубийственное злодейство; вон Енох, за благоговеинство взятый на небо, избегает жала смерти; вон Ной, за богоугодную праведность победитель потопа, делается новым родоначальником рода человеческого; вон Авраам за веру приемлет обетование потомства по всему лицу земли; вон Иаков за терпение печатлеет народ верующих печатию нового данного ему имени (именем израильтян); вон Давид за кротость предпочитается старшим братьям и облекается честию царскою; вон Илия, за ревность Божию колесницею взятый на воздух, вселяется в нового рода жилище, в обитель небесную. Перебирая все это в памяти, найдешь, откуда взять утешение и чем подкрепить себя в верности Божиим повелениям. Хранящему заповеди сладки суды Божии, а небрегущему о них горьки, ибо в посрамлении грешных он предвидит готовящийся ему самому приговор Божий. У кого совесть чиста, тот не смущается ничем, прилагая к себе утешительное определение: *наследницы Богу, снаследницы же Христу, понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся*»[1].

---

[1] Втор. 15, 9. — [2] Притч. 16, 5.

Как естественно находящемуся в горести, особенно терпящему напраслину, обращаться в утешение себя к праведному суду Божию, это доказывает повседневный опыт. Обижаемый какое обыкновенно произносит слово, когда возьмет его за сердце? – «Бог тебе судья!» или: «Есть Бог праведный, Который все видит!» – и тем вполне облегчает свое горе и успокоивает свое сердце. С другой стороны, ничто так не остепеняет грешников и обидчиков, как воспоминание о судьбах Божиих и праведном окончательном суде Его, на котором ничто уж не укроется и ничто не останется без воздаяния. Кто хоть немного придет в сознание и чувство этого суда, тотчас опускает руки, простертые на беззаконие, и останавливает ноги, текущие на грех. Суд Божий есть постоянный проповедник покаяния, и внимающий этой проповеди не посрамится. Блаженный Августин замечает, что слово *утешихся* некоторые понимают, как «получил урок», принял наставление.

---

[1] Рим. 8, 17.

Святой Амвросий обращает ко всем такое слово: «Кто же из нас таков, чтобы мог утешиться воспоминанием судов Божиих? Для грешников страшны и человеческие суды,– насколько же страшнее должны быть для них суды Божии! Посмотрите, как бывает в обычном течении дел. Невиноватые с радостию идут в суд и, досадуя на медленность, требуют скорейшего решения, а виноватые боятся и бежат суда, и когда попадутся в чем-либо, то всячески стараются оттянуть подальше день суда, — и каким испугом поражаются они, когда наступает наконец час его! Подобное тому, но в необъятнейших размерах, повторится и на суде Божием. Блажен, кто с радостию может ожидать сего небесного суда!»

Стих пятьдесят третий

Печаль прият мя от грешник, оставляющих закон Твой.

Размножение нечестия и повсемственного[1] разврата — вот новый источник скорби для пророка! Впереди указал он на выдающиеся из этого круга личности, — на насмехающихся и на нападающих; теперь обозначает всю сплошную массу грешащих без страха Божия и страха суда Его, хоть и не нападающих, но видом своим и бесстыдством смущающих благочестивое сердце. В этом стихе он говорит только о скорби из-за того, а в следующем указывает, откуда приходило ему утешение в такой скорби.

Печаль брала его при виде умножения греха столь сильная, что он бывал близок к обмороку, как показывает греческое слово ἀθυμία и соответственное ему слово еврейское. Сердце, любящее Бога и ближнего, и не может иначе относиться к этому, ибо грехом и Бога бесчестят те, кои носят на себе имя Божие, и себя самих губят безвозвратно, если не покаются. Принимая то и другое к сердцу, искренно благочестивый мучится. О праведном Лоте святой апостол Петр пишет: *видением и слухом праведный живый в них* (среди беззаконных содомлян) *день от дне душу праведну беззаконными делы мучаше*[1]. То же испытывал и праведный Давид: *видех*, говорит он, *беззаконие и пререкание во граде. Днем и нощию обыдет и по стенам его, беззаконие и труд посреде его, и неправда. И не оскуде от стогн его лихва и лесть*[2]. Болезнуя о таком положении людей, он и говорит: *печаль прият мя.*

---

[1] Повсеместного. — *Ред.*

«Не многим обще такое чувство, говорит святой Амвросий. Большая часть печалятся, когда терпят от кого-либо обиду, или убыток, или бесчестие; но более совершенные и более крепкие духом печалятся не о своем унижении, а о грехе тех, кто унижает их. Им причинена обида, а они воздыхают о падении другого, оплакивая себя, как причину греха обидчиков. Так поступал и святой Павел: *от печали многия и туги сердца*, писал он к коринфянам, *написах вам многими слезами*. Но, скорбя сам, он не хочет, однако ж, опечаливать тех, которые достойны были обличения: *не яко*, прибавляет он, *да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имам изобильно к вам*[3]. Понятно, что он хочет того, дабы падшие пришли в сокрушение покаяния, уверяя их, что такого рода сокрушение будет для него источником радости: *аще бо*, продолжает он, *аз скорбь творю вам, то кто есть*

---

[1] 2 Пет. 2, 8. — [2] Пс. 54, 10—12. — [3] 2 Кор. 2, 4.

веселяй мя, точию приемляй скорбь от мене?[1] Таким образом, он хоть и обличает, но с тем, чтобы, причинив некую скорбь, привести ко спасению,— осуждает, чтобы разрешить,— отлучает, чтоб искреннее принять. Павел таков, между прочим, и потому, что, будучи сведущ в законе, знал поучительный пример того, кто говорил: *печаль прият мя от грешник.* Болезновал Давид не о том, что его презирали, не от того, что ему доставалось, а о том, что был оставляем и презираем закон Божий; болезновал о тех, которые это делали, потому что они погибали чрез то для Бога. Как добрый отец, когда помешавшийся сын бранит его, и злословит, и даже бьет, оплакивает не себя, но бедственное положение сына своего; так и добрый человек, когда видит, что какой-либо грешник делает недостойное, в присутствии даже старца, не уважая седин его и не сознавая в греховном обезумлении, как непристойно и нечестно поступает он, болит о нем, воздыхает, как о смертельно больном. Как добрый врач сначала предлагает советы, потом, взявшись лечить, не бросает уже больного, несмотря на то, что больной от нетерпения скажет что-нибудь и неприятное ему; так и праведник не отвращается от грешника, несмотря на презрение, которое терпит от него. Встречая даже обиды, приписывает их не ему, а неистовству смущающего его врага, и заботится не о вознаграждении себя, а об уврачевании души отчаянно больного духом».

---

[1] 2 Кор. 2, 2.

«Источник такой заботы о грешниках, говорит святой Иларий, есть любовь по Богу, в силу которой, когда страждет один член, сострадают ему и все другие». «*Печаль прият,* пишет святой Афанасий, то есть печаль о грешниках, из которых одни грешат, не изведав и начала законов, а другие хоть и знают закон, но преступают его. *Аще страждет един уд, с ним страждут вси уди: аще ли же славится един уд, с ним радуются вси уди*»[1].

Равнодушие к разливу нечестия и поголовного разврата обличает ослабление нравственно-религиозных чувств. Когда это случается, общество бывает в положении эпидемическом. Когда зайдет куда холера, все жители чувствуют припадки холерины в разных степенях; так и тут: расширяющиеся нечестие и разврат затрогивают понемногу всех. Иной и не участвует делом, зато смотрит; иной хоть и не смотрит, но молчит, и редко-редко кто подымет голос, да и то полушепотом. Таково и наше несчастное время! Это, однако ж, не оправдывает равнодушия, потому что ревновать о славе Божией и о царствовании добра и света есть долг всех сознающих, что в этом — истинное благо человека, человеческих обществ и человечества.

---

[1] 1 Кор. 12, 26.

Стих пятьдесят четвертый

Пета бяху мне оправдания Твоя, на месте пришельствия моего.

Пета — ψαλτὰ, — петельны, возбуждали то есть к пению. Кто занят чем-либо до воодушевления и с чувством удовольствия, тот готов петь, и поет, если умеет. От избытка сердца уста говорят. Так и пророк, углубляясь в оправдания Божии, восприяв их сердцем и увлекшись любовию к ним, пел о них, хвалил и выражал их достоинство, Божественную важность и обязательность для всех.

Поставляя эти слова в соотношение с предыдущим, мы видим, что там высказывалась печаль, а тут указывается источник утешения. Он как бы так говорит: «Грех и нечестие, размножившиеся вокруг меня, повергали в печаль душу мою, а я, углубляясь в оправдания Твои, согревал любовию к ним сердце мое и тем прогонял мрачное настроение в себе и то пагубное влияние, которое обыкновенно оставляет в душе окружающая нас греховность». Или так: «Скорбно было видеть разлив зла и нечестия вокруг себя, но я утешался оправданиями Твоими, размышляя о них и возгревая удостоверение в непреложности и спасительности их, в противоположность пагубе, наводимой нечестием».

Место пришельствия это — настоящая жизнь. Чувство, *яко странни и пришельцы есмы на земли*[1], обще всем искренно богобоязненным людям. У пророка оно возвышалось тем, что в окружающих он не видел никакого согласия с настроением своего сердца. Они замышляли и делали одно, а он — совсем другое, и потому был чужой между ними. В нем действовал иной дух жизни, не от мира сего. Потому-то, отделясь от всех, он прилеплялся к тому, что исходило из той же области небесной, из которой была и сила жизни, воодушевлявшая и услаждавшая его оправданиями, исшедшими от Бога. Они веяли на него родным воздухом Отечества духовного. И как весною, когда пробудившаяся новая жизнь охватывает вышедшего на простор поля из душного жилья, невольно исторгается песнь для выражения радости жизни, так пел и пророк, когда в оправданиях охватили его родные духу небесные стихии. Этим он и себя утешал, и отгонял навевавшийся на него дурной дух из грешного мира.

---

[1] Евр. 11, 13.

И в Церкви Божией затем установлено пение песней духовных еще святыми апостолами, чтобы души собравшихся благочестивых людей утешить в разнообразных прискорбностях и вместе с тем отвеять дух мира, который не может не влиять тлетворно на живущих в его среде. Вошедший в дом Божий не может вдруг стать пред Бога: его надо отпеть, а когда он отпоется, надо ввести в сочувствие с духовною областию. То и другое достигается духовным пением в храмах.

Без пения богослужение не будет в своем чине.

И вне храма ничем так легко не отвеешь дух мира, как пением духовных песней. Когда припадки его усилятся — начинай петь, и он отойдет. Для этого надо иметь заученные псалмы и песни. Святой Иларий пишет: «Пророк, восприяв однажды слухом псаломские песни, примером своим научает нас всегда хранить их в сердце, чтобы потом повторять их и устами, как бы службу справляя». «Гордые, говорит святой Амвросий, не уклонили его от закона; он находил утешение в судах Божиих. И печаль от грешников не поглощала его; против нее вооружался он пением об оправданиях Божиих. Что держится на сердце, о том обычно и поется; а что поется, то лучше запечатлевается в чувствах. Не следует нам поверхностно пробегать то, что читаем, дабы не во время только чтения содержать то в мысли, но и когда нет книги в руках. Оправдания Божии да будут для нас гимном, песнию, псалмом; воспоем духом, воспоем и умом[1], чтобы, если забудем о том во время нужное, не сказано было каждому из нас: *отвергл еси словеса Моя вспять*[2]. Чтобы прогнать забвение от святого дома, мудрый Соломон велел петь певцам, и они возвещали о дивных делах Божиих[3]. В собрании молящихся Богу всегда должны быть поющие, чтобы пением их отгоняем был дух нечистый, подобно тому, как пением святого Давида отгоняем был дух, мучивший Саула[1]. Случалось, что и пророки, пред тем как пророчествовать, приказывали искусным певцам петь, чтобы приятным сладкозвучием предрасположиться к наитию благодати Духа[2]. Сладко пение не то, которое нежит слух, но которое возвышает дух и сердце; и Новый Завет назван песнию, ибо Сам Господь благоволил изречь: *пискахом вам, и не плясасте*[3]. Воспел Он нам в Евангелии отпущение грехов. Должны были внять сему иудеи — не вняли, и заслужили укор».

---

[1] 1 Кор. 14, 15. — [2] Пс. 49, 17. — [3] 2 Пар. 5, 12.

«Но оправдания Божии не могут быть певаемы тем, кто не отрешился от всех забот земных. Посему пророк и прибавил: *на месте пришельствия моего.* Здесь — мы пришельцы, а у Бога — свои. Потому-то апостол говорит, что в доме Божием по призвании к вере мы уже не страннии и пришельцы, но сограждане святых и домашние Божии[4]; а кто домашний Божий, тот уже выходит из мира; кто вращается в небесных вещах, тот странник на земле; кто поет, у того отложены все тяготящие заботы или расчеты, сжимающие сердце. Не как опечаленный заботою о недоступных, но как свободный от всех телесных нужд и страстей пел тот же пророк: *воспою Тебе, Боже,*

---

[1] 1 Цар. 16, 23. — [2] 4 Цар. 3, 15. — [3] *Мы играли вам на свирели, и вы не плясали* (Лк. 7, 32). — [4] Еф. 2, 19.

в гуслех. Возрадуетеся устне мои, егда воспою Тебе, и душа моя, юже еси избавил[1]. Так пел он в радости, потому что был насыщаем лучшими благами. Дух его насыщался пищею благоговения к Божественному — и он пел».

Стих пятьдесят пятый

Помянух в нощи имя Твое, Господи, и сохраних закон Твой.

Последние два стиха представляют общий вывод из предыдущего, на чем то есть, главным образом, должно останавливаться при всех неприятностях, наводящих скорбь, или какой всеобъемлющий закон жизни нашей на земле, полной скорбей и бед. Этот закон словами сына Давидова можно выразить так: *помни Бога и заповеди Его храни*, взыскав их, конечно, всею душою, *яко сие всяк человек*[2]. Это есть содержание предлежащих стихов.

Помянух в нощи имя Твое. Ночь здесь означает или обыкновенную часть суток, или в смысле переносном — настоящую жизнь вообще, или скорбные обстоятельства жизни, или припадки забвения, нечувствия и восстания всяких недобрых помыслов, чувств и страстей.

В первом случае будет мысль такая: ночью, когда все вокруг меня погрузилось в глубокое молчание, когда и душа моя освободилась от гнета внешних впечатлений, я вспомнил имя Твое, живее сознал, что Ты и Творец, и Промыслитель, и Воздаятель милостивый и праведный, в руке Которого всё; следовательно, и я с бедною душой моей. Помянув это, я воодушевился большею решимостию хранить закон Твой. Или так: не ночью только, но и во всякое другое время я всегда поминал имя Твое; оно не выходило у меня из мысли при всех делах и обстоятельствах жизненных, и это подало мне удобство сохранить закон Твой. Если я хранил его доселе, то потому, что воспоминал о Тебе, что Ты вездеприсущ, — сознавал, вместе с тем, как неуместно при этом допускать что-либо неугодное Тебе, не только в словах и делах, но и в мыслях, и всегда оставался я верным закону Твоему.

---

[1] Пс. 70, 22—23. — [2] *Бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека* (Еккл. 12, 13).

Во втором смысле можно понимать это так: хотя неприятности, бедствия, напасти и всякого рода неудачи наводили мрак на душу мою и колебали верность закону Твоему; но, помянув в этой ночи имя Твое и сознав, что все от Тебя и все строится ко благу моему, я успокоивался и оставался верным закону Твоему.

Какую ни взять мысль, намерение у пророка при этих словах одно — внушить, что памятование о Боге есть источник всякого утешения и полной крепости нравственного характера, всегда верного Богу.

Блаженный Феодорит пишет: «*помянух в нощи...* Лик святых, всегда вставая ночью, и молится, и песнословит Бога всяческих. Но думаю, что ночью именуется здесь время искушений, потому что оно приносит мрак и подобно ночи постигает людей. В это-то время преимущественно необходимо памятовать о Боге всяческих: это утешает, ободряет и отражает противные помыслы».

Блаженный Августин подводит под это и все скорбности, о которых поминалось в сем восьмистишии: «Ночь, говорит он, есть и уничижение, в какое поставляет нас наша смертность,— ночь от гордых, законопреступствующих *до зела*,— ночь от печали из-за грешников, оставляющих закон Божий,— ночь, наконец, от места пришельствия сего, пока приидет Господь и во свет приведет тайные тьмы и объявит советы сердечные, и тогда похвала будет каждому от Бога[1]. В этой ночи должно человеку памятовать о Боге, *хваляйся, о Господе да хвалится*[2]; потому-то и написано: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу*[3], так как чрез это можно расположиться хранить закон не ради себя, а ради славы Божией, как это и делал Давид, по указанию настоящего стиха. Не сохранил бы он закона, если бы, понадеявшись сам собою сохранить его, не помнил об имени Божием; *ибо помощь наша во имя Господа*»[4].

---

[1] 1 Кор. 4, 5.— [2] 1 Кор. 1, 31.— [3] Пс. 113, 9.— [4] Пс. 123, 8.

Святой Амвросий говорит: «Праведному свойственно во всякое время устремляться на хваление Бога, не только днем, но и ночью. *Помянух*, говорит,— всегда, значит, помнил, не позволял ни одному моменту времени пройти без молитвенного обращения к Богу. Если занимающиеся светскими науками не поблажают сну, то во сколько раз больше желающие познать Бога не должны быть воспящаемы[1] в этом со стороны сна телесного, уступая ему лишь столько, сколько требуется естеством! Давид всякую ночь омочал слезами постель свою, вставал в полночь и исповедовался Господу; а ты всю ночь думаешь отдавать непробудному сну! Тогда-то наиболее и должен ты молиться Господу; тогда-то наиболее и просить Его помощи, наиболее опасаться греха, когда кажется тебе, что ты от всех сокрыт. Когда тьма вокруг и стены укрывают тебя, тогда наисильнее восстановляй мысль, что Бог видит все и сокровенное. Не говори: покрыт я тьмою,— кто меня видит и кого мне бояться, заключенному и спрятанному в стенах? *Лице Господне на творящия злая*[2]. Но пусть не видишь ты свидетеля, а сам-то себя разве не видишь? И разве не боишься ты свидетельства своей совести? Не знаешь разве, что мрак ночи — не обезопаситель, а возжигатель греха? Когда сном и пищею разгорячается тело, тогда ослабляется бодренность ума, и крепость его расшатывается сном, а затем нападает похотливость и возмущает сердце. И это бывает тем опаснее, что тогда не видится срамота нечистоты, не ценится светлость непорочности, не сознается слава целомудрия. Ночь была, когда Иуда предал Господа и Петр отрекся от Него. Особенно в это время надлежит памятовать о Боге, пересматривать оправдания Его, перечитывать увещательные наставления Его. Заповеди о чистоте да не отходят от мысли твоей; занятый ими ум отвратит воспламенение похоти, охладит разжжение плоти».

---

[1] Отвлекаемы.— *Ред.*— [2] Пс. 33, 17.

Стих пятьдесят шестой

Сей бысть мне, яко оправданий Твоих взысках*.

В этом стихе могут быть допущены две мысли: память об имени Божием была для меня причиною того, что я взыскал оправданий Твоих; и еще: память эта *бысть во мне*, образовалась и укрепилась в душе моей потому, что я взыскал оправданий Твоих.

---

* По нашему переводу, *сей* относится к закону, о котором пред сим упомянулось; но по-гречески αὕτη, не может относиться к закону, который, и по-гречески, мужского рода. Куда же отнести это? Впереди слово женского рода стоит только *ночь*; но нашли, что относить к ночи αὕτη неуместно, и положили относить его к подразумеваемой памяти. Так думают святой Амвросий, святой Иларий, блаженный Августин и Зигабен. Последний пишет: «Обычно святому Давиду во многих случаях глагол превращать в соответствующее ему имя, и разуметь его в речи, даже не ставя его. Впереди сказал — *помянух*... а теперь говорит: *эта память бысть мне*». — *Авт.*

В ходе жизни ревнующих о богоугождении и спасении то и другое совершается на самом деле. Вспомнит человек о Боге, о том, что во всем от Него зависит и что должен будет некогда во всем дать отчет Ему, — и приходит в себя; видя затем неисправности в жизни, решается исправить их и посвятить потом себя на хождение в воле Божией. Очевидно, что не иное что, а памятование о Боге заставило его взыскать оправданий Божиих. Так разумеет это блаженный Феодорит: «Это, говорит пророк, привело меня в состояние одержать верх над собою (переломить себя) и избрать для себя стяжание Твоих оправданий». Затем взыскавший такого рода жизнь не может обойтись без того, чтобы не памятовать о Боге, ибо всякая заповедь, какую предлежит ему исполнять, есть Божия заповедь, а ему предлежит исполнять их непрестанно, так как все дела и отношения наши обложены заповедями. Всякий шаг и напоминает ему о Боге, и жизнь, постоянно верная заповедям, неизгладимо напечатлевает память о Нем в уме и сердце. За такое дело образования памятования о Боге он и сам произвольно берется, и нудит себя к нему, в той уверенности и опытом изведанной пользе от сего, что при этом исполнение заповедей течет благоуспешнее и страсти преодолеваются легче и глубже.

Святой Иларий пишет: «ἅυτη haec, относится к памятованию, которым поминал он по ночам имя Божие, а словами *бысть мне* означает, что оно набежало не случайно, воспринято не на время, но всегда было и пребывало в нем, и навсегда укоренилось внутри его силою веры. *Бысть* же таким оно для него потому, что он взыскал оправданий. Чрез непрестанное взыскание их он достиг того, что стал содержать непрестанную память о Боге во Христе Иисусе, Господе нашем».

Этот стих, как замечено, вместе с предыдущим составляет заключение сего восьмистишия, в котором святой пророк, указав разные скорби и источники утешений в них, выражает, наконец, на чем остановиться и оставаться вернее. Он говорит как бы так: взыскав угождать Богу чрез хождение во святой воле Его, пребудь в непрестанной памяти Божией, всего себя предав Богу и от Него ожидая содействия всякому благому делу. Отсюда прибудет тебе неодолимое мужество в борьбе со скорбями и неколебимая верность заповедям Божиим.

Приводим на этот предмет несколько слов святого Исаака Сирианина:

«Человек, сомневающийся, что Бог помощник в добром делании, боится тени своей и во время достатка и обилия томится голодом, и при окружающей его тишине исполняется бури; а кто уповает на Бога, тот тверд в сердце своем, и всем людям явна достаточность его, и пред врагами его похвала его.

Заповеди Божии выше всех сокровищ мира. Кто стяжал их, тот внутри себя обретает Бога. Кто успокоивается всегда в Божием попечении, тот приобрел Бога домоприставником своим; кто вожделевает исполнения воли Божией, тот будет иметь путеводителями небесных ангелов; кто боится грехов, тот беспреткновенно совершает страшное шествие и во время сумрака пред собою и внутри себя обретает свет. Стопы боящегося грехов охраняет Господь, и во время поползновения[1] предваряет его милость Божия».

ВОСЬМОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Восьмое восьмистишие идет под буквою *хет — грех*.

Пророк говорит тут не о самом грехе, а о том, как грешник вырывается из уз его и какие употребляются приемы, чтоб устоять на добром пути. Он берет грешника в ту минуту, когда по пробуждении от греховного усыпления ему предстоит решить — или перестать грешить, или, отложив покаяние, опять ходить тем же путем греха. Перед ним мир со сластями и Господь с заповедями. Обсудив как следует ту и другую сторону, он решает: *часть моя еси, Господи; рех сохранити закон Твой* (стих 57). Решился хранить закон вперед — а с прежнею-то жизнию что сделать? — Ничего другого, как, припадши к человеколюбцу Богу, вопиять: *помилуй мя по словеси Твоему* (стих 58)! Покаяние принесено, разрешение грехов получено: за тем что же делать? — Надо обдумать новую жизнь, и в общем, и в частностях, подвесть ее под заповеди Божии,— и возвратить ноги свои на свидения Божии (стих 59). При вступлении в новый путь сколько препятствий! Но когда обдумывались порядки новой жизни, все они были предусмотрены, и на подъятие их и преодоление изъявлена готовность, чего бы это ни стоило. Оттого-то встреча с ними и не колеблет положившего намерение хранить заповеди (стих 60). Чувствительнее всего могли бы колебать это намерение товарищи греховной жизни и греховные навыки, но и они не заставят твердо решившегося забыть закон Божий (стих 61). Таким образом, все связи с грехом порваны. Но искушениям еще не конец: надо укреплять себя в добре и запасаться силами на противостояние злу. Пророк указывает три могущественнейших на это приема: ночные бдения (стих 62), общение в слове и молитве с людьми богобоязненными (стих 63) и особенно — предание себя милости Божией (стих 64).

---

[1] Искушения. — *Ред.*

Стих пятьдесят седьмой

Часть моя еси, Господи; рех сохранити закон Твой.

Часть моя еси, Господи. Кому прилично сказать это? — Прилично и оставляющему все и возжелавшему служить едину Господу, но прилично и оставляющему грех и возвращающемуся на добрый путь закона Божия. Оба они в сердце своем говорят: «Тебе, Господи, посвящаю всего себя», первый — чтобы всегда пребывать с единым Господом, избирая часть Марии, слушавшей у ног Господа только слово Его; а второй — чтоб угождать Господу исполнением заповедей Его в посильном служении братиям. На обоих их призирает Господь, так как и они полагают в сердце своем Ему угождать.

Мысль в этом стихе та, что душа в едином Господе полагает верховное свое благо, свое сокровище и источник всего желанного. Люди избирают себе разные предметы, в которых чают находить удовлетворение своим желаниям и которым потом посвящают все свои занятия и все свое время; находят ли искомое — им самим это лучше знать. Но те, которые, минуя все, в едином Боге полагают свое последнее благо, действительно находят его в Нем, так как ничто не может дать довольства духу нашему, кроме Бога: уж таково свойство его. Он-то и служит непрестанным призывателем душ наших. Зовет же он не гласно, а молча, изъявляя недовольство всем, чем из круга тварей думает напитать его человек. Слово Божие дает ясность и определенность Его зову, а благодать – силу. И вот когда, по милости Божией, сретят они человека, живущего или вдали от Бога, или в богозабвении, обымут и проникнут его; тогда, склоняясь на них и решаясь жить по их указанию, он отвращается от всего и говорит во глубине сердца своего: «*часть моя еси, Господи.* Отселе все прочь; Тебя единого буду искать, к Тебе единому стремиться».

Судя по заглавию восьмистишия, пророк имел тут в мысли именно этот момент, как это видно и из второго полустишия: *рех сохранити закон Твой*. Блуждал я доселе на распутиях греха; теперь полагаю твердое намерение хранить закон Твой, Господи, чтоб, угодив Тебе, стяжать Тебя и в Тебе обрести полное успокоение сердцу моему. Отселе Ты часть моя, и закон Твой – правило моей жизни! Это решение есть вывод, или следствие из предшествующих изменений, происходящих в душе грешника, ибо не вдруг он может сказать так. Какой грешник не сознает, что он грешник и что ему надо бросить, наконец, худой образ жизни своей! Это свойственно лишь ожесточенным и отчаянным. Большая же часть их думает так: погрешу еще немного, а потом брошу. Хотя чрез это они все больше и больше запутываются в сетях греха; но отрицать в них такой мысли нельзя, разве уж они дойдут до ожесточения и окончательно предадут себя греху и чрез грех сатане, к чему, впрочем, и идут они, отлагая свое обращение. Таким образом, все почти грешники думают только ныне погрешить, а завтра обратиться. Но иным приходит на ум не завтра, а ныне, сейчас, заняться своим обращением, и притом с тою серьезностью, какой требует самое дело.

Как это приходит на ум, как приковывается к тому внимание и как заинтересовывается этим человек до того, что, оставя все, один только этот предмет берется обсудить и решить окончательно, не отлагая ни на минуту, — это секрет нашей духовной жизни, которого никто объяснить не в силах. Говорим только, что благодать Божия, ей только ведомыми путями, проходит внутрь до глубины сознания и совести, и растревоживает там дух человека так, что он находит неотложным делом сейчас же заняться своим нравственным состоянием и исправлением его.

Но это только начало дела. Можно сказать, что редкий грешник не испытывает внутри такого поворота; но, побыв в нем несколько минут, или час-другой, или даже день-другой, отступает от него, не дошедши до должного решения, и опять предается прежнему «завтра». Уж это дело свободы, так как обращение производится не одною благодатию, а совместно с свободою. Благодать расшевелила дух, слово Божие прошло до разделения души и духа, сознание и совесть внятно услышали обличение прежней жизни и согласились с ним, — теперь предлежит самому человеку работа — обсудить, и одно отбросить, а другое принять. И это главное: тут начинается борьба внутри на жизнь или на смерть. На одной стороне — привычный грех с сатаною и миром; на другой — дух и совесть с благодатию, а сознание с свободою стоит посреди, с желанием, однако ж, отделаться от рабства греху, преодолев поработителей. Как и что происходит тогда в лаборатории духа — кто определит? И сам тот, в ком это происходит, не всегда припомнит все, бывающее в ту пору. Но, наконец, грех, мир, сатана обличаются в неправости, разоблачается их обманчивость; человек ясно сознает, что был прельщаем и увлекаем призраками на пагубу себе, и отвращается от них, как от врагов, переходя желанием и избранием на противоположный им путь заповедей и богоугождения. Благодать Божия закрепляет это желание за человеком, и в духе произносится решение: «*рех сохранити закон Твой, Господи.* Отселе — Ты, Господи, часть моя!»

Вот момент, который изображается пророком в этом стихе. Это есть первый, главный и источный порыв из области греха. После него и все прочее идет уже хотя не беструдно, но не безуспешно. Человек стал уже твердою ногою на землю обетованную.

Стих пятьдесят восьмой

Помолихся лицу Твоему всем сердцем моим: помилуй мя по словеси Твоему.

Человек-грешник положил намерение не оскорблять более грехами своими Господа и всегда хранить закон Его; ну, а с прежнею-то жизнию как быть? Куда девать это множество безобразных дел, которые в книге правды вечной числятся за грешником и должны быть изглажены, чтобы та же самая правда дала свободный доступ милостям Божиим к грешнику? К такому изглаждению грехов у самого грешника нет никаких способов. Осмотревшись кругом и ниоткуда не чая в этом отношении помощи, он прибегает только к милости Божией, и вопиет: *помилуй мя*! И не просто говорит это, но от всего сердца, и не как-нибудь неопределенно, но ясно сознавая Бога присущим пред собою и правосудящим неправды его, не предъявляя никаких прав на милость, которую оскорблял, греша в надежде на нее, а припоминает только обетование Божие, что Он готов принимать всякого кающегося: *помилуй мя по словеси Твоему!*

На этом пункте враг обык уловлять обращающегося от греха безнадежием помилования, ради множества грехов, и тем пресекать ему путь к обращению. «Куда, говорит, идешь? Нет тебе помилования! Видишь, сколько срамных дел ты наделал! С каким лицом предстанешь ты пред

Бога, Всесвятого и всеправедного?» Поразительно раздается этот голос в совести; и нет грешника, который не был бы им поражаем на пути обращения своего. Доселе враг выставлял только прелести царства своего, как у него все сладко, славно и всего вдоволь; но когда грешник, ощутив горечь сластей его, срамоту славы его, убыточность довольства его, решительно отринул все, — то он берется за другой прием: «Отсюда отстанешь, представляет он ему, а туда не пристанешь. Видишь, каков ты? Кто тебя примет? Уж оставайся так, как есть. Бог правды решил уже участь твою и положил, ради великих непотребств твоих, не принимать тебя более на лицо к Себе».

Искренно кающийся все это и сознает, и соглашается, что так и следовало бы поступить с ним; но вера удостоверяет его, что нет греха, побеждающего милосердие Божие. Он видит в Боге не милость, которую заслоняет правда, а правду, заслоняемую милостию, — и милостию не голою, а такою, которая ведет с правдою все расчеты праведно, удовлетворяя все ее предъявления. Он верует, что Господь Иисус Христос все грехи наши вознес на древо и крестом все рукописания их растерзал. Остается только усвоить себе этот акт экономии спасения нашего, что и делает он, прилагая к обету хранить закон обет спострадать Господу. Воодушевляясь этим, грешник говорит пред Богом в совести: «Я все готов перенесть, и внешно, и внутренно, измучу себя, преогорчу за греховные сласти и утехи, только помилуй!» Эта совестная епитимия, согреваемая верою и от ней получающая вес пред Богом, открывает вход благонадежности в сердце; и наперекор искусителю, устращающему, что Бог на лицо его не примет, обращающийся начинает лицу-то Божию и молиться от всего сердца: *помилуй мя,* живо сознавая, что он стоит пред Самим Богом, неисследимо великим и всеправедным, и притом так, что в оправдание свое ничего не может представить,— а все-таки стоит перед Ним, окриляемый благонадежностью, что давший ему бытие и хранивший его во дни беззаконий его не отринет его и не лишит участия во спасении, щедродательно устроенном для всех и всем независтно подаваемом. Сознание о Боге живо в кающемся, и наипаче с той стороны, что Он есть огнь поядаяй. Оттого и благонадежен он, стоя пред Ним и предавая участь свою в руки Его, потому-то от всего сердца и молится Ему: *помилуй мя!*

От всего сердца — не с холодным рассуждением, а с полнотою покаянных чувств. То стыд, что так унизился, то самоукорение, что мог, да не хотел, то сокрушение, что столь милосердого Бога оскорблял, то жаление, что так себя испортил, то страх — ну, если в самом деле Бог отвергнет, то опять благонадежность, что Тот, Кто Сына Своего не пощадил для нашего спасения, как же не даст прощения, испрашиваемого во имя Его? Все такие чувства проходят одно за другим и держат молящегося в напряженном состоянии, в котором он болезненно вопиет из глубины души: *помилуй мя по словеси Твоему!*

Доколе же так вопиять ему? — Начал, и пусть вопиет. Разве можно забыть, как много оскорблен Бог? — Если нельзя, то нельзя назначать и времени, когда совесть перестала бы вынуждать вопли сокрушенного покаяния. И это еще за прошедшее; а тут поминутно подбавляется и новое, хоть и не самоохотно; потому-то сокрушенному покаянию нет предела. Оно составляет фонд богоугодной жизни: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[1]. Путь сокрушенного безопаснее от падений, ибо смиренны *стопы его, и не поткнутся*[2].

Стих пятьдесят девятый

Помыслих пути Твоя, и возвратих нозе мои во свидения Твоя.

О грехах плачь, а жить все-таки надо, как обещался, по закону Божию. В сердце держи плач, а прочими членами делай дела правды, как прежде делал ими дела неправды. Не ходи уже там, где прежде блуждали ноги твои, а направляй их на пути Божии, во свидения Его и заповеди. Освободившись от греха, поработись правде, и как прежде представлял *уды свои рабы нечистоте и беззаконию*, теперь представляй уды свои *рабы правде во святыню*[1].

---

[1] Пс. 50, 19.— [2] Пс. 36, 31.

Благодарение Господу, мы не имеем надобности ломать голову свою над тем, как жить, чтобы более уже не оскорблять Бога делами своими. У нас есть Евангелие, есть апостольские Писания и Писания пророческие. Всюду пространно изображены *пути Божии* – пути, Им Самим определенные для нас. Приведи на мысль пути эти, приложи их к себе и к течению жизни твоей, приладь все так, чтобы тебе удобно было ходить по ним, и потом возврати ноги твои с путей недобрых.

Заповеди исполняются не одними ногами, но на всякий член есть своя заповедь. Не блуждай глазами, чтоб не встретиться с грехом, который осужден Господом; не открывай слуха своего на всякую речь, чтоб не раздражить похотных помыслов или не набрать материалов для пересудливости в осуждение себе; воздержи вкус от сластей и гортань от многоядения, чтоб от меньшей сласти не перейти к пагубнейшей и умножением тука[2] не добыть разленения, сонливости и болезней; свяжи язык молчанием и благоразумием в слове, чтобы словоохотливостию не забресть к пустословию и, растревожив улегшееся в себе зло на зло себе, и в других не засеменить подобного же зла; замени ненужные развлечения домоседством, чтобы, углубив внимание уединением, являться всегда крепким на борьбу с собою и со врагом; приучи руки к щедродательности и труду, чтобы за неимением праздного времени некогда было занимать их делом грешным и чтобы молитва облагодетельствованных тобою всегда покрывала тебя от невидимых стрел. Занимайся только Богом и вещами божественными; предприятия и начинания направляй лишь к тому, чтобы от них больше было добра во славу Божию; не ищи других утех и услаждений, кроме тех, кои о Господе. Собери все это и подобное сему и направь жизнь свою так, чтоб она вся шла по свидениям Божиим.

---

[1] Рим. 6, 19. – [2] Жира. – *Ред.*

Собирая свидения Божии и прилагая их к себе, в них же найдешь и нравственное подкрепление себе к хождению по ним. Вот что говорит святой Афанасий Великий: «Поелику всю мысль мою устремил я на заповеди Твои, то и вступил на путь свидений». Привлекательны Божии свидения; заповедь Господня светла и светоносна. Когда осветишь ею всю жизнь свою, то в каком привлекательном свете явится она, особенно когда сопоставляешь ее с мрачною жизнию в грехе и страстях! Вступил ты на путь сей, так имей же эту светлость и светоносность заповедей путеводною звездою и напрягайся достигнуть ее. Естество наше прекрасно, стройно и боголепно. Заповеди ничего лишнего не налагают, а только поставляют естество наше как ему следует быть. Кто всегда исполняет заповеди, тот сам становится светлым и светоносным, и это потому, что заповеди пролагают путь Богу в душу или, вернее, Сам Бог чрез них устрояет этот путь Себе к нам и, вселившись и возобитав в нас, преисполняет светом все естество наше. Крепись и мужайся! Сколько мрака, тревог и нестроений испытал ты, живя в грехе; столько же света, покоя и мудрой во всем стройности предлежит тебе, если пребудешь верен заповедям, которые познал ты, обдумал и нашел их приложимыми к себе.

Помышление о путях Божиих однажды на всю жизнь устанавливает стопы обратившегося от греха и сопутствует ему на всяком шагу. Обдумать и обсудить в начале можно только общее; между тем всякое дело, всякий шаг имеет свои особенности, которые тоже все должно определять при свете свидений Божиих. Но, коль скоро начала ведомы ясно, частности из них определятся почти сами собою. Однако ж внимать все-таки надо и непрестанно обсуждать и слова, и дела свои, чтоб не погрешить и не запятнать чем-либо совести своей. Опыты жизни потом приучат к этому так, что определение должного ни в каком случае не затруднит, как бы запутанным оно ни казалось. В этом смысле выводит отсюда такой урок для нас святой Иларий: «Пророк поминает, как он поступал, и дает урок, как и нам надлежит поступать. Он обдумывает каждый шаг свой и так полагает его, чтоб он был сообразен с свидениями Божиими. Ни языку говорить, ни ноге ступать, ни руке простираться к деланию чего-либо не позволял он прежде, чем обсудить все дело во всех подробностях, чтобы действие было потом лишь исполнением положенного в уме, при свете свидений Божиих». Оттого и тверд бывает человек в делах своих, и если встретит что-либо, то не останавливается, потому что все это большею частию вошло уже в его план. Такого уж не поразишь нечаянностью.

Стих шестидесятый

Уготовихся и не смутихся сохранити заповеди Твоя.

Уготовление, как и обдумывание путей Божиих, двояко: одно — в начале вступления в этот путь, при обзоре его всего; другое — каждодневное, при прозрении возможных случайностей дня. Еще премудрый Сирах советовал приступающему работать Господу, да уготовит душу свою *на искушения*[1]. Не на покой и утехи зовет и Господь вслед Себе, но говорит: *в мире скорбни будете*[2].

---

[1] Сир. 2, 1.— [2] Ин. 16, 33.

«Обращающийся от греха к добродетели, говорит святой Афанасий, для угождения Господу наперед это видит и, избирая этот путь, готовится на все неприятности, или, по слову Господа, берет крест свой и последует Ему. Оттого, что ни встретилось бы с ним, ничто не смущает, ничто не колеблет его мужества, потому что, поясняет блаженный Феодорит, «приведши себя в готовность встречать приражения бедствий, не подвергается обуреванию и при внезапном приражении. Так мужественный Даниил, так блаженные отроки, так досточудные Маккавеи, так все мученики Спасовы преодолевали злочестие».

Безуспешность препятствий или тех, кои стремятся поколебать благоразумно приступающего к Господу, зависит от того, что он в самом начале, когда еще решается на этот путь, отвергается себя, отвергается то есть жизни своей, и решением воли приносит ее в жертву Господу. Потому-то, хотя бы и смерть встретил, она не была бы для него неожиданностью. Как к борцу, который борется на отчаянную, приступа нет, ибо самое настроение придает ему поражающее мужество, так нет у врага приемов к преодолению того, кто, вступая на путь добродетели, наперед положил — умереть, но не отступать от нее.

Святой Павел видит источник несокрушимой крепости таковых в любви их ко Господу. С Господом сочетаваются они в начале, ибо чрез веру в Него возникают к благонадежности помилования, и не чрез веру только, но с приложением решимости и желания войти в сострадание с Ним. От того горят к Нему любовию, и любовь эта есть несокрушимая их сила. *Кто ны разлучит от любве* ко Господу, — *скорбь ли, или теснота, или гонение?..* Ничто, *ни смерть... ни настоящее, ни будущее... Все препобеждаем за Возлюбльшаго нас*[1].

Таково общее приготовление; но бывает у них, или должно быть у всех нас, приготовление частное. Каждый день с утренней молитвы обозри все возможные случайности и, соответственно тому, какие могут они, по свойству своему, возбуждать в тебе мысли и чувства, заготовь противомыслия и противочувствия и огради их благими помышлениями, чтоб они имели крепость в себе. Это же делай и всякий час, как скоро видишь что-либо приближающееся; поскорей окинь взором возможное и облекись в орудия противодействия. Нечаянность поражает и полошит душу, а всполошенная, она не может иметь ни силы, ни соображения.

Приготовление это состоит в том, чтобы загодя положить не поддаваться впечатлению и не допускать возбуждающегося движения до сердца. Там глаз, там слух, там слово, там движение, там другое что-нибудь падают на сердце, как камень на спокойно стоящую воду, — и пошли круги помыслов и движений. Борись с ними! А если не допустишь до сердца, если наперед противомыслием и противочувствием закрепишь поверхность сердца, так что она станет будто льдом покрывшаяся вода, тогда все эти камешки, совне внутрь падающие, будут отскакивать, свидетельствуя звуком своим лишь то, что они ударяли, но вглубь не прошли.

---

[1] Рим. 8, 35—38.

Пророк готовился и не смущался, а всегда хранил заповеди Божии, к исполнению которых обязывали его встречи. Иное возбуждало гнев, а он не гневался; иное возбуждало похоть, а он не похотствовал; иное приводило к осуждению, а он не осуждал; иное — к зависти, а он не завидовал; иное заставляло тщеславиться и выситься, а он не тщеславился, а смирялся. Так и во всяком случае, какая заповедь на него приходилась, ту и исполнял. И это шло у него всегда верно и правильно, потому что ко всему этому он готовился. Не в ту пору прибирал заповедь, когда действовать приходилось, а наперед заготовлялся; оттого и успех был добрый.

Стих шестьдесят первый

Ужя грешник обязашася мне: и закона Твоего не забых.

Ужя, по объяснению блаженного Феодорита, означает верви; ***обязашася*** — затянуты на мне; верви, какими чувствует себя затянутым обращающийся от греха к добродетели, суть или связи с грешниками — греховное сотоварищество, или свои греховные навыки, которые, действительно, суть верви, вяжущие всякого грешника туго-натуго. Порвать то и другое — труднее всего; даже и тогда, когда они бывают порваны, трудность эта не уменьшается, ибо при встрече или с прежними обстоятельствами, или лицами в голове подымается буря воспоминаний, и сердце отзывается на них сочувственно. Тогда они заслоняют собою, как туманом или облаком пыли, светлый лик закона, и безобразие свое преобразуют в заманчивую прелесть. Несмотря на это, я, говорит пророк, не забыл закона Твоего, не дал им затмить его в моем сознании или дать сочувствию к ним какой-либо перевес над сочувствием к закону.

Порвать эти верви необходимо бывает в первый же акт решимости, как это и бывает, ибо тогда все приносится в жертву Господу, несмотря ни на какие последствия такого шага. Затем, когда обдумываются порядки новой жизни (стих 59), имеется в виду и то, как противодействовать дурному товариществу, и то, как искоренять худые навыки и в самом себе. В таком порядке и идет потом самая жизнь обратившегося. Но он еще только исправляющийся; сочувствие к прежнему пробуждается в нем всякий раз, как скоро возбуждают их какие-либо случаи, а возбуждаясь, они как будто вновь вяжут и затягивают. Тут-то для противодействия им и восстает в сознании и совести память закона, которому положено следовать вседушно в час решимости. Эта память вновь разрывает те верви, как порвала их вначале решимость хранить уже закон. Хотя пророк говорит: *не забых*, но этим дает разуметь, что содержал в памяти закон и что память эта была ножом, обрезывавшим те верви, когда они вновь самодельно сплетались и покушались затянуть его.

Рассказывают об одном исправившемся, что, когда товарищи недоброй жизни, встретив его, звали на прежние дела, он сказал им наотрез: «Я уже не тот», и, отвернувшись от них, пошел своею дорогою. Так-то сильна и многозначительна первая, полная и неотступающая решимость! Она дает ту крепость и силу воли, которую не сильны поколебать даже и более нежные связи, чем сотоварищество.

Святой Иоанн Колов в «Достопамятных сказаниях» предлагает на этот предмет такую приточную историйку. «В одном городе жила красивая прелестница, имевшая много поклонников, понравилась она и правителю области. Раз он сказал ей: обещай жить целомудренно, и я женюсь на тебе. Она согласилась и поступила к нему в дом. Но прежние поклонники ее не переставали искать ее и, узнав, что она взята правителем, обдумывали, как бы выманить ее оттуда. Если, рассуждали они, мы прямо пойдем в дом, то правитель засадит нас в тюрьму, а мы сделаем вот что: пойдем позади дома и свистнем; она узнает наш свист, и выйдет к нам. Так и сделали. Но остепенившаяся прелестница, услышав свист, заткнула уши и, вбежав во внутренние покои, заперла двери». Притчу эту святой Иоанн Колов толковал так: прелестница — грешная душа; ее друзья — страсти и грешные люди; правитель — Христос; внутренний покой — сердце, преданное Христу; свистание — соблазны помыслов и встреч. Так обратившаяся ко Господу душа всегда убегает в сердце, чтобы в молитве предстать там Господу и тем разгонять восстающие соблазны.

Вот как греховные верви, порванные первою решимостию работать Господу, удобно разрываются потом и всякий раз, как враг замышляет снова опутать ими исправляющегося грешника.

Стих шестьдесят второй

Полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея.

Этот стих и два последние указывают, какие приемы берутся, дабы удобнее отторгнуться от уз греха. Многое и из сказанного доселе имеет тот же смысл, потому что и то, чтобы обдумать все порядки новой жизни и определить их заповедями, есть прием противостояния греху,— и то, чтобы наперед готовиться к возможным встречам, могущим соблазнить, есть тоже прием; прием и то, чтобы порвать все грешные связи и изменить обычаи, питающие грех. Но здесь указываются самые решительные приемы.

Полунощи востах. Разумеем это, как ночное бдение, проводимое в славословии и молитве. Святой Афанасий пишет: «Не только день, но и ночь, даже самую средину ночи, когда овладевает наиболее приятный сон, проводил я, песнословя Тебя и воспевая праведные определения Твои. Так поступал и божественный апостол вместе с Силою, когда, прияв на себя раны и бичевания, с связанными ногами растворял молитву с песнопением и пожал плод сего прекрасного бдения, потому что изведал на себе Божественную щедродательность».

К этому подходят и слова святого Амвросия: «Не довольно днем молиться,— надобно вставать и ночью, и в полночь. Сам Господь проводил ночи в молитве, чтобы Своим примером возбуждать и тебя к молитве. Прежде говорил пророк: *помянух в нощи имя Твое* (стих 55); а теперь говорит: *в полунощи востах*,— чтобы научить и тебя не ночью только, но в самую полночь вставать на молитву. Можно помянуть ночью Бога и не встать; можно встать и не стать на молитву,— а он говорит: встал в полночь и стал на молитву исповедатися Богу. В это наипаче время надо молиться Богу и оплакивать грехи свои; не только просить прощения в прошедших грехах, но молитвою отвращать грехи настоящие и предограждать себя от будущих, ибо в ту пору много подступает к нам искушений. Тогда наипаче горит похоть плоти, и враг строит свои приманки, цепляясь за нее. Тогда кровь бывает в большем движении, а ум, одолеваемый сном, теряет трезвенность свою. Враг и подступает свободно, и разбрасывает свои сети, чтобы запутать душу, отложившую осмотрительность. Нечистые духи обступают ее, окружают мраком и начинают внушать всякое непотребство, толкуя, что никто не видит: нет ни доносчика, ни свидетеля. Если ум воспротивится, то вступают с ним в спор, представляя в пример много святых, которые согрешали, но потом испрашивали себе прощение и покрывали прежние грехи. Такого рода исправления ненавидит враг, но, чтобы обольстить, обещает это исправление. Когда же успеет вызвать согласие на грех, тогда, видя, что от самого греха душа удерживается уже не любовию к добродетели, а страхом суда и наказания, натолковывает ей разные обманные мысли, так что она и сама себе начинает уже говорить: *кто мя видит? Тма окрест мене, и стены закрывают мя... кого убоюся?*[1] Не видит Вышний, не доходят до

---

[1] Сир. 23, 24–25.

Него грехи наши, не смотрит Он на наши гнусности. Так-то время это удобно для искушения. Рассмотри все это, и бодренно воспаряй тогда мыслию к Богу, чтобы враг, видя, что светом пребывания твоего с Богом заключен для него приступ к душе твоей, бежал от тебя, и ты без соблазна перешел полночное время. Вставай же в этот час на молитву, в который искуситель обык ввергать нас в непотребства. Чем больше опасность, тем большую надо привлекать и помощь свыше. Она и готова, но только бодрствующему и молящемуся. Вставай же и возбуждай ум свой. Не воздремлет и Хранящий тебя, если найдет недремлющим, но Сам восстанет, будучи возбуждаем бодренностию души твоей; повелит ветрам, и улягутся, и водворится тишина в груди твоей, взволнованной бурею вражеских приражений. Надо нам в эту пору вставать и потому еще, что Жених приходит в полночь. Смотри же, чтоб не застал он тебя спящим. Надо вставать для славословия Господа и воспевания благодарных Ему песней; надо исповедать судьбы Его вечные, восписуя Ему все доброе, бывающее с нами. Что ты на добром пути, это Его присуждение: он хранит предающих себя Ему. И во всякое время так надо поступать,— и ни днем, ни ночью, и ни в какое другое время не переставать славословить Бога». И все желавшие пресечь в себе худое и водворить доброе любили посвящать полночь молитве и, вообще, большую часть ночи проводить в беседе с Богом. Святой Исаак Сирианин приписывает этому подвигу весьма великое значение в преспеянии духовном.

Почему же пророк из всех подвигов поминает только об этом? — Потому, что он есть сокращенное представление всех других. Кто в полночь не дает покоя телу, тот будет ли покоить его в другое время? Даст ли ему пищи в сытость и пития вдоволь? Поблажит ли ему в лености на труд? Позволит ли ему омовения, курения и масти благовонные? Попустит ли гулянья и развлечения? Вставанье в полночь есть цвет на дереве всех телесных подвигов. Равно молитва полночная есть сокращение всех душевных подвигов — трезвения, бодренности, внимания, богомыслия, углубления в словеса Божии, созерцания таин Божиих и всех дел Его промышления, и всего прочего, что обыкновенно делает душа, в видах противления греху и страстям и насаждению в себе добродетелей. Об этом только и помянул пророк, зная, что, кто так поступает, тот видит, что за полунощным бдением у него стоят и все другие делания, свойственные подвизающимся; потому нечего было и поминать об них. По ходу же его наставительных молитвенных воззваний, надобно было коснуться сего предмета, как звена, совершенно необходимого в цепи его уроков.

Стих шестьдесят третий

Причастник аз есмь всем боящимся Тебе, и хранящим заповеди Твоя.

«Симмах, вместо *причастник*, говорит: «союзник», переводчик же Сирский: «друг». Отвращаясь то есть тех, которые избирают противное законам Твоим, я имел сообщниками и близкими к себе поставляющих выше всего страх Божий и вознамерившихся жить согласно с законом. То же сказал пророк и в другом месте: *мне же зело честни быша друзи Твои, Боже*[1]» (Феодорит).

Прежде выставляемы были греховные связи с грешниками, как самое крепкое вервие, влекущее ко греху; теперь, в противовес тому, предлагается благочестное общение с богобоязненными и добродетельными людьми. В полунощной молитве совместил пророк все труды, подъемлемые человеком в пользу добра в себе самом, в своем лице; в общении же с боящимися Бога и хранящими заповеди Его совмещает он все, чем можем мы пользоваться к победе над злом от других, идущих тем же с нами путем, разумея здесь взаимную беседу, совет братский или заповедь старческую и взаимную любовь. Становясь всеми этими способами причастником с другими ревнителями добра, подвизающийся делается столько же сильным, сколько сильны все они вместе, — и Бог посреди их. Если там Господь, где два или три собраны во имя Его, то тем более там, где их десятки и сотни, особенно когда никто из них не тянет куда-либо в сторону или назад, а все идут вперед и вперед, к почести вышнего звания. Вступившему в такое содружество и ослабеть некогда, и уклониться некуда. Пример и соревнование непрестанно и ревность возжигают, и представляют способы удовлетворять ей.

---

[1] Пс. 138, 17.

Один молодой подвижник спрашивал старца: «Как мне возыметь страх Божий?» — «Поди,— ответил ему старец,— прилепись к мужу, исполненному страха, и научишься, как иметь страх Божий».— Другому старцу говорили: «Что ты не учишь ученика своего и не толкуешь ему, как и что нужно делать?» — «Что учить? — отвечал он.— Пусть смотрит, как я делаю, и себе пусть так делает». И страху Божию и всякой другой добродетели пример — самый лучший учитель. Ни одного слова не произносит он, а все изъясняет и всему научает столько, что слову потом и дополнять нечего. А сколько имеет силы общая молитва! О скитских подвижниках говорили, что нет ничего, чего бы они не могли испросить кому угодно в молитве своей, когда все начнут молиться. Оттого, пока там держался тесный братский союз и пока все одинаково ревновали о преуспеянии,— и процветала духовная жизнь. Всякий с верою объявлял им: «Братия и отцы! такое и такое искушение томит меня,— помолитесь!»

Начиналась молитва, и искушение проходило. И во всякое время и во всяком месте общение людей богобоязненных, взаимная их любовь и доверие дают такую крепость их нравственному строю, которым всякий из них силен бывает противостоять всякому искушению, как бы оно сильно ни было. Вот почему и святой пророк, говоря о приемах, какие употреблял он против греха, в числе сильнейших поместил и братское общение с боящимися Бога и хранящими заповеди Его.

«Кто, говорит святой Григорий Великий, прилепляется к человеку, ревнителю добра, тот получает пользу от одного пребывания с ним, а не только что от его бесед и примера. Он возгревает тем в себе любовь к истине и добродетели, научается, как освободиться от тьмы греховной, воспринимает желание созерцать свет вечный; в нем уже не найдешь равнодушия или холодности к вещам Божественным».

Стих шестьдесят четвертый

Милости Твоея, Господи, исполнь земля, оправданием Твоим научи мя.

И подвиги, которые несет сам в себе ревнитель добра, и помощь, какую получает он от общения с людьми богобоязненными,— сами по себе только человеческие орудия и действенны только в меру сил человеческих. Если они являются мощными к преодолению зла, то потому, что Господу угодно бывает приложить к ним Свою силу. Привлекая благодать Божию, они рассеивают зло и укрепляют в добре. Потому-то при всех их внимательная вера не останавливается на них, но, минуя их, восходит горé и, при всех трудах своих и при всем пособии от других, ожидает помощи *оттуда.* Вот это самое и выражает пророк в словах: *оправданием Твоим научи мя.* И я, говорит, обучаю себя в подвигах душевных и телесных, и другие меня учат и словом, и примером, — но и то, и другое мало надежно и мало успешно. Ты Сам, Господи, научи меня всему, и укажи, что нужно делать, и дай уменье, как делать, и силу к тому подай. Как мастер, который берет к себе неуча и, обучив его, потом пускает от себя полным знатоком своего мастерства, настоящим мастером, так и Ты, Господи, возьми меня и обучи мастерству доброделания и угождения Тебе единому. Вот о чем просит пророк! Надежду же свою на умоление Господа и на получение просимого основывает на одной благости Божией. Вся земля, говорит, исполнена милости Твоей, Господи, — я ли один буду обделен ею? Уповаю, Господи, что не лишишь Ты и меня милости Твоей. Не богатства прошу себе, не чести и славы, а ищу только — научи меня, как благоугождать Тебе, верно исполняя все заповеди Твои. Если ты питаешь и неразумное животное, то усомнюсь ли я, что напитаешь и душу мою, созданную Тобою по образу и по подобию Твоему? *Милости Твоея, Господи, исполнь земля, оправданием Твоим научи мя.*

В деле преспеяния духовного это ненадеяние на себя и на других и чаяние истинной помощи только от Господа есть расположение первой важности. Приступающий работать Господу обыкновенно много загадывает делать сам, и делает; но это делание не простирается далее обучения себя внешним порядкам благочестивой жизни, и много-много если на удержание греховных в душе движений, настолько, впрочем, чтоб они не проторгались в слово и дело, как, например, гнев. Но надо еще насадить добродетели в сердце, а для этого исторгнуть оттуда страсти; надо поставить ум пред Господа и всегда пребывать с Ним; надо стать и душевно, и телесно во всем святым и непорочным, как подобает готовящемуся получить Царство Небесное, куда не войдет ничто нечистое. Кто же введет все это в ду-шу? — Никто, как Господь благодатию Своею! Усердно начавший работать Господу скоро сам научается опытно, что сам собою он ни к чему недоволен[1]. Дальнейшие опыты утверждают его более и более в этом убеждении, и дело кончается совершенною преданностию себя и всей участи своей в волю Божию, с воплем сердечным:

---

[1] Неспособен. — *Ред.*

ими же веси судьбами, спаси мя! Такой же смысл имеют и слова пророка.

Опытные в таком делании говорят: когда страсть возбуждается и помыслы смущают душу, не борись сам, а зови Господа на помощь, и Он защитит тебя. Так это и бывает. Но как в одном случае, так и в другом, и во всяком; как в один день, так и во все, всегда и во всем ищи защиты у Господа, и Он не даст тебя в обиду врагам. Так и идет борьба со страстьми. А добродетели как вкореняются? Я, говорит апостол, *насадил, Аполлос напоил, а возрастил Бог*[1]. Так было у коринфян; так бывает и со всяким. *Без Мене*, говорит Господь, *не можете творити ничесоже*[2]. Стало быть, нечего и браться. Становись, и взывай: *оправданием Твоим научи мя, Господи.*

Святой Амвросий пишет: «Пророк того ради желает быть от Самого Господа научен оправданиям Божиим, что на земле трудно найти такого учителя, который ухитрился бы научать тому, чего сам не ведает. Потому-то он внутренним желанием устремляется к Тому учителю, Который один есть истинный Учитель; да и как человек может учить чему-либо истинному, когда сам он — ложь? И праведно Господь не велел кого-либо на земле нарицать своим учителем, потому что настоящий учитель один для всех. И как Давид мог бы другого искать учителя, когда сам сказал о Боге: *учай человека разуму*[1]? Учит же Бог и души просвещает, вливая в них свет ведения, когда ищут Его и отверзают уста сердца своего для принятия светлости небесной благодати. *Ищите, и обрящете*[2]; толцы и в дверь Писания, и отверзется тебе, но опять не иным кем, как Богом Словом, о Котором читаешь ты в Апокалипсисе, что Он, яко Агнец, отверз книгу, запечатленную печатями».

---

[1] 1 Кор. 3, 6. — [2] Ин. 15, 5.

ДЕВЯТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Девятое восьмистишие идет под буквою *тет — брение.*

Брение, грязь, есть, между прочим, и уничижительное слово; так мы говорим иногда: с грязью смешать. Но есть и целительные грязи; и Господь, сотворив брение от плюновения, помазал очи слепому и исцелил его. Брение в руках скудельника дает в производстве разные изделия, годные на всякую потребу. Какую же мысль принять в руководство при размышлении о сем восьмистишии? — Можно взять и мысль о брении как о целительной грязи, и видеть в этом месте указание того, какие целительные средства употребляет Господь для уврачевания душ, недугующих грехами; можно взять мысль о брении как о материале, из которого скудельник выделывает разные сосуды, и видеть в этом месте то, каким образом Господь, взяв души как брение, делает из них сосуды в честь. Обе мысли прилагаются удобно; но, чтобы не путаться в наведениях, берем одну последнюю. В подобном значении слово *брение* употреблено и апостолом Павлом: *или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смешения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь?*[1] Как скудельник делает сосуды, подвергая брение разным операциям, так и Господь образует душу, подвергая ее разным воздействиям, внутренним и внешним. Эти образовательные в руках Господних средства суть духовные – благодать и слово Божие (стихи 65, 66) и внешние, по Божию устроению, – жизнь скорбная или счастливая (стихи 67, 68), и по Божию попущению, нападки людей небогобоязненных (стихи 69, 70). Указав это, пророк как бы сводит итог образовательных Божественных действий и обозначает, сколь успешно это действие (стихи 71, 72). Он говорит все о себе; но надо полагать, что в каждом отдельном случае он разумеет и особые лица. На себя же все сводит для того, чтобы читающий, поняв что к нему относится, тем же оборотом речи слово пророка мог относить и к себе. Восьмистишие это, очевидно, состоит в прямой связи с предыдущим. Там он показал, как грешник, все более и более вырываясь из уз греха, наконец, предает себя всецело в руки Господа, а здесь показывает, как Господь относится к такой душе, взяв ее, как брение. Пророк коротко коснулся духовного воздействия на душу, а раскрывает больше то, как *Господь внешнею участию прибегающих к Нему способствует их внутреннему преуспеянию.* Так можно и выразить смысл этого восьмистишия.

---

[1] Пс. 93, 10. — [2] Мф. 7, 7.

---

[1] Рим. 9, 21.

Стих шестьдесят пятый

Благость сотворил еси с рабом Твоим, Господи, по словеси Твоему.

Кому прилично такое слово? — Обращенному благодатию Божиею от греха к добродетели. В его лице и говорит пророк: «Изведал я опытом благость Твою». «Наставленному в Божественных заповедях, говорит святой Афанасий, преподается урок быть не бесчувственным к благодеяниям Божиим, так как он не освободился бы от греха и не был бы сопричислен к рабам Господним, если бы не была тому виною Божественная некая благодать. Таков был святой Павел, который никогда не забывал великой милости Божией, явленной ему в его обращении к вере во Христа, и который не пропускал ни одного случая прославлять благодать Божию, просветившую и хранящую его. Таковы и все надлежащим образом пользующиеся таковою благодатию, ибо непамятование о сем означало бы, что они испали от нее».

Кто идет путем погибельным, тот сам вступает на этот путь; никто не виноват тут, кроме его самого. По-нашему, и пусть бы шел; но благость Божия не может сносить того, что украшенный образом Божиим безобразит его чрез грех и чрез сообщество с врагами Божиими; потому Он разными способами открывает себе вход в душу его, чтобы внушить ей опасность такого пути и дать восчувствовать ее: то внутренно воздействует Он чрез ум и совесть, то внешно, чрез слово Свое, чрез дивные дела Своего промышления, чрез примеры людей богобоязненных и чрез многообразное сплетение вразумляющих обстоятельств жизни. Всем этим останавливается грешник на пути своем и погружается в раздумье. Но и тут, когда начнет раздумывать, благодать Божия блюдет возникающие добрые намерения и дает им перевес. Затем, когда выскажет человек решение: *часть моя еси, Господи: рех сохранити закон Твой* (стих 57), она воодушевляет его и преисполняет силою привесть в исполнение такое решение. Когда начавший действовать в этом новом порядке жизни обратится вспять и припомнит, как все устроилось, то ничего не может сказать, кроме того, что *благость сотворил еси, Господи, с рабом Твоим*; погибать бы мне, но вот благодать

Твоя пробудила меня от беспечности, просветила слепоту мою, и извела меня *из рова страстей из брения тины* греховной[1]. Слава долготерпению Твоему, Господи, не погубившему меня во время греховного моего безобразия! Слава милосердию Твоему, призвавшему меня на путь добродетели и научающему меня по силам моим угождать Тебе! Слава благоснисхождению Твоему, несмотря на малость усердия моего, не бросающему меня и не дающему врагам моим снова возобладать мною! *Благость сотворил еси с рабом Твоим!* Я не был рабом, или был и тогда рабом по долгу, но бежал от лица Твоего по своеволию и ходил в волях своих, свергнув благое иго Твое и совсем забыв о подработности Тебе. Но от лица Твоего куда убежишь?! Только враг до того ослепляет нас, что нам думается, будто не видит Бог; око же Твое все видит. Видело оно и меня на распутиях моих и во всех непотребствах моих; но не погнушалось снова возвратить меня на путь правый и из непотребного раба сделать потребным, хоть сколько-нибудь начавшим угождать Тебе и хоть малое что делающим в дому Твоем по воле Твоей. *Благость сотворил Ты, Господи, со мною*, сотворив меня снова рабом Твоим!

Благость сотворил еси, Господи, со мною по словеси Твоему. Какое же это слово? — *Живу Аз*, глаголет Господь, *не хощу смерти грешника, но еже обратитися*

---

[1] Пс. 39, 3.

нечестивому от пути своего, и живу быти ему[1]. И то уже благость, что есть такое обетование, ибо грешник, пока грешит, дерзости его и самонадеянности предела нет, а когда бывает пойман законным Владыкою своим, и глаз к Нему не смеет показать. Не будь такого сильного обетования, враг всех успевал бы ввергать в отчаяние. Только на него опираясь, наперекор страшливости своей, приступает грешник к Господу. К успокоительной же благонадежности восходит уже после того, как удостоится милостивой встречи и приятия от Отца Своего Небесного. Воспоминая это, пророк и исповедует, что точно Господь сотворил благость с рабом Своим по словеси Своему, совершенно так, как обетовал, вполне согласно с тем.

Стих шестьдесят шестой

Благости и наказанию и разуму научи мя, яко заповедем Твоим веровах.

Ты позвал меня от греха на путь заповедей Твоих; я уверовал, что действительно нет другого пути, кроме пути заповедей Твоих, и вступил на него. Дополни же дело благости Своей, научи меня как идти сим путем, чтобы шествие мое было благоугодно Тебе: ***благости и наказанию и разуму научи мя,*** — «благости, объясняет Зигабен, то есть любви к братиям моим, — наказанию, то есть искусству в деятельной добродетели (благоразумию), — разуму, то есть ведению Божественных вещей или совершенству созерцательному. Научи меня так, чтобы я обладал этими качествами».

---

[1] Иез. 33, 11.

В первом стихе сказано о принятии покаявшегося в школу Божию; здесь же представляется программа образования. Все показанные предметы указаны в слове Божием: изучай это слово и узнаешь их. Но пророк ищет от Господа научения, потому что обучение себя словом Откровения есть только внешняя наука; созидание же и образование внутреннего человека совершается под действием слова невидимою благодатию Божиею, потому он и молится: Сам, Господи, приди и привей к душе моей эти качества, чтобы, действуя по ним, я действовал не как по уставу написанному, а сам из себя, словно мне и свойственно было так действовать.

Научи: я готов все слушать и все делать, как внушишь, — только научи; так как я знаю, что ничему не научишься, если не станешь учиться; но знаю, опять, и то, что нельзя научиться, если не учат. «Может быть, толкует это место блаженный Августин, я окажусь и непонятливым в чем-либо, но Ты, как некогда ученикам Своим отверз ум разумети Писания, отверзи и мой ум. Может быть, и пойму иное, но не буду уметь делать, так

Ты научи меня *творити волю Твою*[1]. Может быть, будет и уменье делать, но не будет доставать усердия к деланию; так вдохни же Ты в меня благую любовь, источник усердия на всякое добро, чтобы земля сердца моего всегда износила благой плод в угодность Тебе. *Се душа моя, яко земля жаждущая*[2], жаждет поучения Твоего».

Научи меня *благости*. «Молится, продолжает блаженный Августин, чтобы Бог вдохнул любовь к добру, сладкую, охотную, или, говоря прямее, да даруется от Бога любовь к Богу, и ради Бога любовь к ближнему». Этим желается созидание внутри всего нравственно-религиозного строя, угодного Богу. Это верх обучения Божия. В ком водворится любовь, того уже нечему учить. Она сама далее все поделает.

Научи *наказанию*. Люди не наказанные[3], значит неразумные люди. Стало быть, наказание есть разумность действования, или уменье надлежащим образом действовать, мудрость практическая. Она определяет место, время, средства, соответствие лицам и всем другим соприкосновенностям дел, чтобы всякое дело являлось прекрасным, как прекрасное изделие искусного художника. Любовь — дух жизни, наказание — внешнее ее благообразие.

Научи *разуму*, то есть ведению таинств веры. Как взошедшее солнце освещает все на земле и всю атмосферу делает светлою, так и ведение Божественного освещает всю область ума и все сущее и бывающее делает ясно светлым. Светлость дает вкусить радость жизни, прогоняет сон и поднимает на дело и делание. Освещенные предметы сами манят к себе и сами же дают понять, с какой стороны подойти к ним. Оттого все видящий светло не может быть недеятельным. Умственная же темнота, напротив, подсекает энергию, и если она подвигается натуральным побуждением, то действует тогда, как нечто пришлое. Свет ведения в жизни так много значит, что без него жизнь не может быть успешною. Потому-то хоть это поучение стоит и позади других, но на деле оно всегда впереди.

---

[1] Пс. 142, 10. — [2] Пс. 142, 6. — [3] Не наставленные. — *Ред.*

Указанное здесь обучение происходит духовным образом. Оно почерпается из слова Божия, прививается Божиею благодатию к сердцу того, кто все познанное обращает и в дело. Основа же обучения — вера. Если ученик не верит учителю, то и азбуке не выучится. Тем более духовной жизни нельзя научиться, если приступишь к этому не с полною верою, что это заповеди Божии, что они ведут к Богу, делают благоугодным Ему и прямым путем приводят к наследию вечного блаженства. Только неколеблющаяся вера во все это поддерживает усердие к обучению и дает крепость и силу довести его до конца.

Стих шестьдесят седьмой

Прежде даже не смирити ми ся, аз прегреших, сего ради слово Твое сохраних.

С этого стиха и далее изображается Божие обучение со внешней стороны. Тут говорится об обучении чрез скорби, беды и лишения; в следующем же стихе — чрез счастливое течение жизни. «Здесь, как объясняет Зигабен, говорит пророк: прежде, чем подвергся я злостраданиям, грешил; но, нагрешив, привлек наказание и смирен им. Будучи же вразумлен этим, я образумился, и начал хранить закон Твой, и храню, чтобы, согрешив, опять не подвергнуться смирительному наказанию».

Святой Афанасий пишет: «Будучи предан бедам за прежние мною содеянные грехи, доведен я до смирения, претерпев это по праведному суду Божию. Посему-то, подвергшись врачеванию, прошу научить меня и привести в познание, что смирение, до которого доведен я, служит к пользе и к вразумлению моему».

Вот слово и блаженного Феодорита: «Сам я, говорит пророк, навлек на себя наказание; в определении о моем наказании нет ни малейшей несправедливости; за грехом последовало наказание, за наказанием хранение законов. Был я болен, потерпел от врача сечение, и стал здоров».

«Виждь благость Божию в непощадении, взывает святой Амвросий. Наказывание есть признак любви, а не отвержения. Благ Господь во всем, и когда прощает кающегося, и когда наказывает грешного: *егоже бо любит Господь, наказует*[1]. Пророк говорит как бы так: наказание на время казалось мне горьким, но оно принесло благой плод — воззвало меня от греха: *наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*[2]. Отсюда всякому, кого смирят обстоятельства, вот какой урок: «не стыдись сознать вину свою и исправиться, и затем блюдись, чтобы не согрешить опять».

Пророк указывает только на то, как скорби и лишения обращают на путь добродетели. Опыты того, что так действительно бывает, повсюдны. Но они же в руках спасающего нас Промысла Божия служат иногда верным, а нередко и исключительным средством и к тому, чтобы держать на этом пути и возводить исправляющегося к возможному совершенству. Пророк и не говорит, чтобы смирившие его обстоятельства изменились, когда он начал хранить слово Божие, а только указывает, какую произвели они в нем перемену. Для иного путь тесный и прискорбный есть самый надежный страж добродетели, да, может быть, и для большей части из нас. Недаром же ревнители нравственного совершенства, по зрелом обсуждении дела, находят, что гораздо лучше, оставя все, вести жизнь среди прискорбных лишений. Если человеческое благоразумие так находит, то не тем ли более Божественная премудрость? Или не потому ли человеческая мудрость так поступает, что следует внушениям Божиим, или примерам Божеских распоряжений в устроении участи усердно работающих Ему?

---

[1] Евр. 12, 6. — [2] Пс. 117, 18.

Послушаем на этот предмет наставление святого Павла: *Сын мой, не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказует: бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами; ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боимся их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить? Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней, а Сей для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостию, а печалию; но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности. Итак, укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колена, и ходите прямо ногами вашими, дабы храмлющее не сокрушилось, а лучше исправилось*[1].

---

[1] Евр. 12, 5—13.

Стих шестьдесят восьмой

Благ еси Ты, Господи, и благостию Твоею научи мя оправданием Твоим.

Для одного скорби вразумительны, а другого они могут ожесточить. Такого скорее образумит неожиданное счастие, чем какие-либо потери. Вот такого-то человека и берет здесь пророк и, как бы опасаясь, чтобы скоро не последовал удар свыше, молится: не наказывай, но, яко Благий, благостию Твоею научи меня!

И в медицине не все лекарства горьки и не все пластыри рвут или жгут: есть лекарства сладкие, есть пластыри, приятно действующие. Хороший врач, когда видит, что без ущерба лечению может пользовать без боли, всегда избирает последнее и сам по себе, а тем более когда о том его просят. Не тем ли более поступит так сердобольный Отец наш Небесный, Который лучше всех видит, что кому благопотребно? «Посмотри на врача, говорит святой Амвросий, то горькие употребляет он лекарства, резания и прижигания, то приятные и не производящие ничего болезненного. Но когда больной по своему темпераменту не может сносить болезненного лечения, то долг врача избегать горьких медикаментов или так составлять их, чтобы горькое было скрываемо в приятном. Так действует и Господь на нас, врачуя наши нравственные немощи».

Нас часто смущает вопрос: отчего неравна участь людей? — Никто еще не умудрился объяснить этого до осязательной очевидности в частностях. Но общий закон промышления Божия в этом отношении ясно открыт в слове Божием, и притом самый утешительный. Богатство и бедность, слава и безвестность, преобладающее господство и смиренное послушание, и все прочее, чем испещрен быт человеческий на земле, суть в руках Божиих нравообразовательные средства. Что кому лучше идет в этом отношении, то ему и подается. Лучше светлый быт — подается светлый; лучше низкий — подается низкий; лучше средний — средний и дается. И никак нельзя вступить в спор: вон тому как хорошо, а он между тем вовсе не так-то исправен. А почему ты знаешь,— может быть, если умалить его благосостояние, он станет еще хуже? Равно нельзя говорить: вот если б тому-то посчастливилось, сколько бы было от него добра! А знаешь ли, что если улучшится его состояние, он сам станет лучше? Всякому дана такая участь, в которой одной он и может делать наибольшую сумму добра. При другой участи он не может столько делать, а изменить ее на худшее или на лучшее — значит ввергнуть его в зло существенное. Цель бытия нашего на земле — нравственное совершенство, для должного приготовления себя к вечности. Все сюда и направлено Господом.

Полная разгадка разнообразия участей наших будет там. Там все увидят, как все хорошо было устроено, а здесь мы живем пока во тьме. Разумнее всех тот, кто, всецело предав участь свою и всех людей в руки Господу, держит себя спокойным в отношении ее неравностей.

Есть сказание, как один жил трудами рук своих и все, что вырабатывал, раздавал бедным, удерживая на свою долю лишь столько, сколько нужно на прожитие; на утро ничего не сберегалось. Кто-то из богоугодных людей, видя, как он благотворит, подумал: что если б ему достаток, сколько бы наделал он добра! — и стал молиться, чтобы Бог послал ему довольство. Послал Бог; но тот, сделавшись богатым, не только не стал помогать бедным, но и гнал их от себя с ожесточением. Увидев это, он опять помолился, чтобы Господь лучше возвратил его в прежнее труженическое житье. Господь и возвратил, и тот опять начал жить по-прежнему, делясь тем, что добывал, с бедными. В этом же роде были бы и все другие поправки участей людских, какие мы придумываем иногда с нашим благоразумием и правосудием.

То же и относительно изменений в участях: иному лучше постоянно ровное состояние, иному то повышение его, то понижение, а иному однократное изменение из лучшего в худшее или из худшего в лучшее. Иов то в высшей степени счастлив, то крайне несчастлив, то опять счастлив; Авраам всю жизнь живет в полном довольстве; Иосиф из раба делается правителем целого царства; Саул бедственно кончает жизнь и для всего рода своего полагает конец царскому величию.

Так действует Господь не потому, что имеет власть и силу изменять участи людей, а потому, что так действовать лучше всего для них самих, для их последних целей. А так как и счастием ведет Господь к добру, то очень уместна и молитва: ***благостию Твоею, Господи, научи мя оправданием Твоим.***

Стих шестьдесят девятый

Умножися на мя неправда гордых, аз же всем сердцем моим испытаю заповеди Твоя.

Стих этот и следующий показывают, как способствуют совершенству нравственному людские напраслины. В руках Божиих и они обращаются в орудия для образования человека и обучения его добру.

Спаситель сказал святым апостолам, а в лице их и всем верным, что Он изъемлет их из мира и что за это будет ненавидеть их мир. Если бы, говорит Он, вы от мира были, то мир любил бы вас, как свои исчадия; ныне же, поелику Я изъял вас из мира, то мир вас не перестанет ненавидеть. Так это всегда и бывает: входит ли в соприкосновение с людьми века сего ревнитель о богоугождении, или нет,— одна известность о том, что он таков, отвращает от него живущих в самоугодии. И это понятно: он обличает их собою. Они не могут отрицать, что и сами должны бы быть такими же, как и он; но терпеть не могут, когда напоминают им о том. Да и он хоть ничего не говорит им, но мысль о нем, а тем более присутствие его растревоживает их совесть, которая начинает их точить; значит, он и виноват. Без встреч неприязнь к нему глухо ходит по сердцу; но при первой встрече обнаруживается недоброхотством и желанием мешать во всем и вредить ему; желания обращаются в дела, и чем дальше, тем больше. Без вины виноватый богобоязненный человек со всех сторон осыпается укорами, напраслинами, обидами, оскорблениями. Не может этого он не видеть, и хоть благодушно терпит, но перед Богом праведно свидетельствует, что умножилась на него, и все более и более умножается неправда людская.

Умножися. Пророк не жалуется, а только свидетельствует о том с тем, чтобы сказать: они свое, а я свое. «Чем усерднее кто работает Господу, говорит святой Амвросий, тем более возбуждает к себе врагов, как тот мужественный борец, который вызывает против себя множайших соперников, чтоб, одолев их, стяжать светлейший венец правды».

Неправда. То-то и воодушевительно, что неправда. Что вы терпите скорби, говорит святой Петр, об этом не тужите много. Об одном только заботьтесь, чтоб это не было по вашей какой-либо вине. Если же страдаете только за то, что ревностно служите истинному Богу, то радуйтесь. *Аще укоряеми бываете о имени Христове, блажени есте: яко славы и Божий Дух на вас почивает. Понеже приобщаетеся Христовым страстем, радуйтеся, яко да и в явление славы Его возрадуетеся веселящеся*[1].

Гордых. Пророк называет гордыми вообще живущих в богозабвении, не хотящих знать заповедей Божиих, но вместе с тем сильных земли, держащих в руках своих какую-либо власть, или знатных и богатых. И в обыкновенных грешниках, при плохой внешней их обстановке, гордость есть главная причина греха, а тем более у таких, которые почему-либо выше других. Зазнается человек, и забывает Бога, и начинает презирать закон Его. Затем уже нелюбы ему и все люди богобоязненные и строгие исполнители заповедей Божиих. Но как бы они ни злились, а я *всем сердцем испытаю заповеди Твоя.* «Как бы ни множилась неправда, изъясняет блаженный Августин, любовь моя к заповедям Твоим не иссякнет. Так говорит тот, кто в сладость поучается в оправданиях Божиих. Сладки ему заповеди Божии, и он исследует их с любовию, чтобы познанное делать и делая познавать; потому что познанное совершеннее познается, когда исполняется делом».

---

[1] 1 Пет. 4, 13—14.

Испытаю — буду исследовать и углубляться в значение Твоих заповедей, чтобы понять их во всей широте воли Твоей, выраженной в них, не обсекая их и не сокращая потому только, что встречаю препятствия и что это противно сынам века. Как познаю, так и исполнять буду, то есть буду показывать опыты исполнения заповедей Твоих в совершенстве, пред лицом врагов Твоих и всякой правды, ненавидящих и меня. На то себя определяю, чтоб быть всегда верным заповедям Твоим, не принимая в расчет противодействия тому гордых; даже учиться у них буду, ибо то должно быть и есть настоящая воля Твоя, против чего они более восстают. И буду еще учиться из того, что стану придумывать, как бы, несмотря на их противление, всегда приводить в исполнение дела, угодные Тебе.

Стих семидесятый

Усырися, яко млеко, сердце их, аз же закону Твоему поучихся.

Что вышло из умножения неправды гордыми и из верности заповедям человека богобоязненного? — У тех сердце ожестело или отолстело, а этот вполне обучился закону Божию.

Усырися сердце, ожестело как сыр. Молоко, сгустившись и ожестевши, становится сыром, так и сердце гордых, по природе мягкое, жестеет от неправды. «До того простерли гордость, говорит святой Афанасий, что сердце в них стало, как сыр». «Это сходствует, пишет Феодорит, с пророческим изречением: *одебеле бо сердце людей сих, и ушима своими тяжко слышаша, и очи смежиша*[1]; сходствует и с тем, что в книге Исхода сказано о Фараоне: *ожесточися сердце Фараоново*[2]. Посему пророк и говорит: они имеют сердце упорное, и сами претворили мягкость его в грубость, подобно тому, как сгущают и усыряют молоко, а я таял, поучаясь закону Твоему». Значение этого одно и то же — упорное противление Богу и Божиим порядкам: *уты, утолсте, разшире, и забы Бога создавшаго его*[3]. «Сердце святых, говорит святой Афанасий, утончено, а сердце гордых утолщено».

Так бывает с бедным сердцем человеческим потому, что не в ту сферу вводит его неправда, в какой ему следует быть по естеству; вот оно и сжимается. «Молоко, пишет святой Амвросий, по природе своей чисто, приятно на вид и подвижно, а когда портится, то закисает. Так и сердце человеческое по природе чисто, мягко, тепло, но, когда примешается в него порок, оно хладеет, жестеет и мрачится. Молоко, окисши, сседается и уже не имеет свойственной ему приятности; так и человек, пока не поврежден неправдою, бывает приятен в словах и в обращении, но когда уклоняется в неправду — изменяется, ибо иным становится сердце его. Неправда сжимает его, и, вместо приятного доброхотства, оно исполняется горечью недоброжелательства. Так усыряется сердце гордостию и неприязнию, когда естественную его кротость, источающую доброту, повреждают закваскою злобы и лукавства».

---

[1] Ис. 6, 10. — [2] Исх. 8, 19. — [3] Втор. 32, 15.

Жестеет сердце с первых опытов неправды и потом все более и более ожестевает; конец этого — состояние ожестения. В противоположность сему у богобоязненного под действием неправд созревает обученность закону, подвижность на всякое добро и твердость в доведении начинаемых добрых дел до конца. А так как он не по чувству только долга стоял в добре, но всем сердцем, по любви к нему, и наипаче к Тому, Кто дал закон, то, чем больше он устаивает в нем, несмотря на ожесточенное сопротивление тому, тем теплее согревается сердце любовию, тем оно мягче, и человек сердечнее. Сам он всегда тепл и вокруг себя распространяет теплоту.

Пророк говорит: *поучихся*, научился, узнал, все обсудил, или делом изучил, и знаю твердо, содержа то в сердце. Что ни встретилось бы мне, нет нужды ломать голову, чтобы усмотреть, как лучше поступить: само сердце мне то скажет. Как из порочного сердца, по слову Господа, при разных встречах исходят помышления злые, так и из сердца доброго исходят помышления добрые, указывающие, какое добро и как следует сделать в тех или других обстоятельствах. *Поучихся* — напоминает слово апостола о чувствах, обученных в рассуждении добра и зла. Таким образом, оправдывается самым делом то, что неправда гордых, устремляемая, по попущению Божию, на боящихся Бога и хранящих закон Его, есть, по Его промыслительному устроению, школа для обучения сих последних в добре. И пророк, говоря, что научился, свидетельствует, что цель обучения достигнута, что школа эта действительно доводит поступающих в нее до того, что требует изучения и для чего они вводятся в нее.

Так-то в жизни все зависит от того, с каким духом встречают бывающие случайности. Ни одна из них, по природе своей, не ведет к злу: зло от произволения. Что вредного для Иосифа сделала жена Пентефриева? — Ничего. Она только в большем блеске явила его целомудрие, а другие сами напрашиваются на грех. Будь тверд; и внешние случаи, могущие ввести в грех, не только не повредят тебе, а, напротив, послужат к большему утверждению тебя в добре. Одна устойчивость проложит дорогу к другой, и так далее. В конце добудется стойкость в добре — не легкая, а любовная, сердечная, привлекающая.

Стих семьдесят первый

Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим.

Как успешно окончивший курс в каком-либо заведении изъявляет сердечную благодарность обучавшим его, так и пророк, прошедши Божию школу нравственного обучения горестями жизни и напраслинами людскими, благодарит Бога, введшего его в этот скорбный путь обучения и проведшего чрез него с успехом. Когда говорит: *яко да научуся*, то указывает не цель Божию в смирении его, а свидетельствует о достижении ее. Мысль у него такая: ввел меня Господь в эту школу, чтобы научить; я прошел этот курс, и теперь, слава Богу, научен; иначе не научиться бы мне.

Святой Афанасий пишет: «Пророк как бы так говорит: благодушествую в немощах, в оскорблениях, в нуждах, в гонениях, в теснотах, только бы явиться достойным оправданий Твоих, ища того, чему иначе и научиться невозможно».

«Пророк, говорит Феодорит, восписует врачу благодарность за жестокие врачевства, дознав, что ими возвращено здоровье». Господь мог бы обучить и не вводя в лишения и скорби, но того требуют правда и благость. Грешник, кающийся и исправляющийся, то есть обучающийся заповедям, идет из области греха противоположно тому, как погружался в нее. Возлюбив грех, набрал он себе греховных навыков и привязался ко множеству вещей, удовлетворяющих этим навыкам. Такие вещи ценны в очах его. Господь снимает с них эту призрачную ценность отнятием их, показывая делом, сколь они ничтожны и сколько грешат, действуя в угождение людям. За это и отплачивается он, покаявшись, перенося благодушно напраслины от людей,— иногда даже от тех, которым прежде угождал. Лишения и напраслины — это очистительный путь.

Припомним и тактику врага, который всюду встревает и с своим злоумышлением. Пока у кающегося и исправляющегося еще не испарились сочувствия к предметам страстей, до тех пор он надеется возвратить опять к себе бежавшего из его области, возбуждая злые помыслы и пожелания. Но когда сочувствие это иссякнет, и в сердце водворится трезвенность и чистота тогда этот способ соблазнения уже не подает ему никакой надежды на успех. Он обращается к другому: не успел увлечь в похоть, ну так устрою дела так, чтобы увлечь его в ненависть. Для этого он поднимает против своего нелюба людей, подручных себе; и вот начинают они осыпать его оскорблениями, насмешками, обидами, притеснениями, гонениями, всякими неправдами, даже сами не понимая иногда, для чего так делают. Но труженик, понимающий, откуда все это исходит и с какою целию, все терпит благодушно, и, как бы ни были чувствительны напраслины, всячески старается не впасть в неприязнь к кому-либо и не дать, таким образом, врагу восторжествовать над собою и не лишить его плода и всех прежних трудов, подъятых в борьбе с похотию. Сам Господь, попускающий такие искушения, помогает ему устоять. Тогда враг перестает бороть его и с этой стороны, видя, что нападения его готовят труженику только венцы, а его злоумышлениям не пособствуют. Когда враг отстает, тогда и людские напраслины прекращаются: иные примиряются с ним, иные оставляют его в покое, отстраняясь от него.

Такой ход дела повторяется всюду. Оттого мы видим в писаниях отеческих указания, что когда кто подвергается напраслинам от людей, то значит, что он возводится на высшую степень совершенства. Прошедший эти испытания является очищенным, как золото в горниле, и сияет светлостию боголюбезного нрава, смирением, сокрушением, кротостию, правотою, милостивостию, чистотою, миролюбием и миротворением. Он есть один из числа тех, о коих свидетельствует святой апостол: *иже Христови суть, плоть распяша со страстми и похотми... на таковых несть закона*[1]; потому что он не совне им предписывается, а является в них самих, водворенным в сердце их.

---

[1] Гал. 5, 23—24.

Стих семьдесят второй

Благ мне закон уст Твоих, паче тысящ злата и сребра.

Это и есть то совершенство, с которым труженик исходит из горнила искушений, как указано перед сим. Благ ему закон, потому что он весь им проникнут; ни мысль — движения, ни желание — стремления, ни сердце — сладости вне закона не имеют, а все в нем вращаются. Ум находит в нем удовлетворительное решение всех своих вопросов, сердце — удовлетворение всех вкусов, воля — достижение всех желаний. Вот потому-то он и благ, что дает высшее благо, какого только может желать человек, именно — покой духу. Апостол, в Послании к филиппийцам, объясняет, почему это так: *прочее*, говорит он, *братие моя, елика истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвална, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляйте... сия творите; и Бог мира будет с вами*[1].

Закон есть выражение воли Божией. Если законом полно все внутри, значит, волею Божиею полно; элемент Божеский принят внутрь и срастворен со всем существом человека. Он и служит проводником для вселения внутрь Бога, и приготовляет Ему достойное жилище. И вселяется любообщительный Бог; а где Бог, там все желанное и превожделенное.

---

[1] Флп. 4, 8–9.

И строгого обучения, о котором поминалось впереди, у Господа цель та, чтобы, очистив душу, приготовить себе жилище в ней. Еще в создании по образу и подобию Своему Он назначал ее для этой цели, но падение расстроило дело. Оно привнесло в нас нечистоту страстей, отдаливших Господа. Сделалось невозможным войти Ему в общение с душою, пока в ней страсти; надо прежде их изгнать, а изгоняются они принятием и сращением с душою противоположных им заповедей. Затем, как сделанная из железа вещь бывает мягка, ненадежна к делу, пока не закалится, так и душу, приявшую все заповеди, закаливает Господь в горниле всесторонних искушений, из которого выходит она уже не только хорошо обделанною во всех частях, но и твердою, прочною, — является то есть благонадежным сосудом для вмещения Господа. Он и вселяется. *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*[1], — узрят не вне, пред собою, а в себе, у себя дома. Это благо дает закон; оттого и благ он.

Паче тысящ злата и сребра. Под словами золото и серебро здесь представляются все блага мира сего, а *тысящи* — их количество бессчетное. Собери, говорит, бессчетное множество благ мира; они все ничто для меня сравнительно с законом уст Божиих. И не думайте, чтобы в этом выражении была какая-нибудь натяжка. У вкусивших посредством верности закону, колико благ Господь, все другие блага возбуждают не сочувствие, а отвращение. Есть вещи, которыми мерзит человек; и что испытывает он, встречаясь с такими вещами, то испытывает и вкусивший Господа при встрече с благами мира,— не как дела рук Божиих, а как предметов, предлагаемых в противовес закону Божию. Иной, может быть, подумает: ну, это уж слишком. Нет, не слишком; но и это сравнение еще мало для пояснения того, как относится сердце, вкусившее благо закона, к тысячам злата и сребра. Отчего иной с такою же жадностию раздает все, с какою никто другой не собирает? — Оттого, что он со всем рассчитался; все для него чуждо, все это сор, который надо разметать. А в заключение всего и жизнь, самое дорогое достояние свое, отдает он за закон уст Господних; и все оттого, что и сердцем, и мыслию, и сознанием он уже не на земле, а в другом мире, куда и стремится, сбросив эту бренную одежду, мешающую ему быть лицом к лицу с Господом. Это, впрочем, естественное течение развития духовной жизни; имеющие ее и в начатках легко понимают это, так как требование духа с самого начала ударяет на такое расположение. Но в совершенстве оно является на последних степенях развития духа, под действием Духа Божия.

---

[1] Мф. 5, 8.

ДЕСЯТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Десятое восьмистишие идет под словом *иод — рука.*

Рука — символ всемогущества Божия. Все сотворил, все и содержит Он в деснице Своей и о всем промышляет. Этому соответствует содержание сего восьмистишия. Помянув о сотворении себя Богом и даровании разумения к исполнению своего назначения (стихи 73, 74), пророк далее молится, чтобы Господь улучшил и внешнюю участь его к славе богоугодной жизни. Праведно, говорит, Ты, Господи, смирил меня (стих 75); но буди милость Твоя ко мне и щедроты Твои да приидут на меня, во-первых, по словеси Твоему (стих 76), во-вторых, да жив буду (стих 77), в-третьих, да постыдятся гордии (стих 78), в-четвертых, да обратятся ко мне боящиеся Тебя (стих 79). Но главное, устрой, да будет сердце мое непорочно в оправданиях Твоих (стих 80).

Это восьмистишие, по содержанию, очень сходно с предыдущим, ибо рассматривает жизнь нравственную в том же отношении.

Стих семьдесят третий

Руце Твои сотвористе мя, и создасте мя: вразуми мя, и научуся заповедем Твоим.

Пророк поминает о творении не затем, чтоб излагать этот предмет, а чтобы в сем действии Божием получить подкрепление молитве своей о помощи Божией к нравственному преуспеянию своему. Я Твое создание, Господи; а Ты создал меня не за тем, чтобы я погибал, но чтобы удостоился вечного блаженства. А так как для этого необходимо исполнять волю Твою, выраженную в заповедях, то вразуми меня и научи, как это сделать.

Поминанием о творении пророк приводит на мысль последнюю цель человека и в указании на нее дает побуждение к богоугодной жизни. Человек создан по образу Божию и подобию для того, чтобы жить богоподобно и чрез богоподобие стать в живое общение с Богом. Благ Господь — будь и ты благ; долготерпелив Господь — терпи и ты; праведен Господь — блюди правду и ты; истинен Господь — возлюби истину и ты; кроток и смирен сердцем Господь — будь таков и ты; милует Господь — прощай и ты; словом, каким благоволил явить Себя Господь, таким будь и ты. Потому-то и сказано: *будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть*[1]. Но если собрать все эти свойства Божии и, соответственно тому, выразить нашу обязанность подражать им, то получится весь круг заповедей Божиих. Таким образом, и выходит, что жить в богоподобии значит жить по заповедям Божиим. Пророк и говорит прямо: *вразуми мя, и научуся заповедем Твоим.*

---

[1] Мф. 5, 48.

Вразуми, и научуся. Ты дал мне разум, Господи; но разум не источник истины, а сила, приемлющая истину. Видеть все, чему как должно быть, он не может; но он способен уразуметь все, что откроет ему Твоя премудрость. Таким Ты создал его; таков он и у меня: вразуми же меня; вложи в ум мой разумение всего того, что нужно к исполнению заповедей Твоих, то есть вложи и самое познание заповедей с признанием их неотложности, и твердое намерение жить по ним. Тогда я самым делом научусь, как исполнять их и опытом познаю, сколько жизнь по ним блаженна и как прямо ведет она меня к последней цели моей.

«Пророк, рассуждает святой Амвросий, начинает речь, выставляя себя делом рук Божиих, чтобы удобнее приклонить благоволение Творца к творению Своему; ибо хотя материя для нашего тела взята из брения, хотя мы и плотию обложены, костьми и жилами сшиты, но никто не усомнится, что человек есть наилучшее творение Божие. Посмотри на одно устройство тела, и найдешь, что ничего не может быть красивее и благоустроеннее его. Впрочем, формы членов телесных превосходны и у других животных, но кроме того в них нечего похвалить; а человек превосходен не тем, что видимо, а тем, что невидимо, что, содержась в теле смертном, предназначено для вечности, что, пребывая и в земной гостинице, жительствует на небе и состоит в живом союзе с Богом. Посему Соломон праведно воззвал: *велика вещь человек*[1], ибо он есть истолкователь Божественного миротворения и подражатель Богу. Затем и сотворен был человек после того, как уже были благоустроены небо и земля, и притом не словом: *да будет*, но по некоем Божественном совещании: *сотворим человека по образу Нашему и по подобию*[2]. Бог начинал как бы особый некий труд не потому, чтобы для Него не то же было — сотворить великое, как и малое, но для того, чтобы показать особенность человека. *И вдуну в лице его дыхание жизни*[3]. Внемли же себе, человек, и устремляйся к Тому, дыханием Коего вдохновен ты. Познай, чем ты велик, и возревнуй быть в том великим. Земное в тебе не так велико, но велико то, что носит в себе образ Божий. Неизреченно велико это преимущество! Смотри же, блюди и не погуби великого дара сего. Как это сделать, учит тебя пророк, молясь и тебя поучая молиться: *вразуми мя, и научуся заповедем Твоим.* Сознавая себя духовным, он просит дара, первого между дарами Духа, — духа премудрости и разума, не для того, чтоб исследовать небо и землю, но чтобы точно уразуметь волю Божию и верно исполнять ее».

---

[1] Притч. 20, 6. — [2] Быт. 1, 26. — [3] Быт. 2, 7.

Стих семьдесят четвертый

Боящиися Тебе узрят мя, и возвеселятся, яко на словеса Твоя уповах.

«Я буду поводом к веселию для благочестивых, говорит пророк, потому что я на Тебя уповал и достиг конца, соответствующего сему упованию». Так объясняет это место Феодорит. «Пророк научает, говорит святой Афанасий Великий, что не один он примет сие дарование (то есть что, будучи вразумлен, научится заповедям Божиим), но что будет оно простерто на всех боящихся Господа; ибо (научившийся заповедям) одним только благочестивым приятен, ощутительно познаваемый ими и в слове, и в предначертаниях премудрости, которою он обладает; для других же тяжело и видеть его, потому что жизнь его не похожа на жизнь других и различна от стезей их. Потому он и говорит: *возвеселятся, яко на словеса Твоя уповах*».

Получив вразумление от Господа, пророк надеется, что, с помощию Божественной мудрости, хорошо научится жить по заповедям Божиим, явится то есть совершенным в нравственном отношении. Теперь говорит, что все богобоязненные, увидев его таким, возвеселятся. Чему же? — *Яко на словеса Твоя уповах*, или тому то есть, что хорошо я сделал, возложив упование на словеса Твои, вседушно предавшись им и в совершенстве их исполнив, — или тому, что я не напрасно уповал, но достиг того, чего надеялся. То или другое — все одно. Удар мысли не на этом, а на том, что богобоязненные, увидев его нравственное преспеяние, возвеселятся. Пророк Божий не особится, но сознает себя состоящим в союзе со всеми богобоязненными, которых обыкновенно интересует не свой только личный успех, но более всего — успех других, ревнующих об угождении Богу. Славу Божию и славу богоугодной жизни видят они в том, что жизнь богоугодная процветает, что число лиц, живущих по Богу, множится и что всякий, начавши дело свое, доводит его до конца, не останавливаясь на полдороге.

Но, выставляя это пред Господом для умоления Его о помощи себе, он дает разуметь, что и Самому Господу приятно видеть такое общее сорадование успехам в доброй жизни. Господь создал нас на радость; *нечестивому же несть радоватися*[1], радуется только богобоязненное благочестие. И вот Господь, видя, как расширяется такое радование, утешается тем, ибо это значит, что цель Его в творении достигается. На небе — лики ангелов присно радуются в общем своем составе; на земле по их примеру и общество людей богобоязненных так же радуется общею радостию. Радость жизни разливается всюду. Пророк умоляет Господа тем утешением, которое Он имеет, видя радость богобоязненных.

---

[1] Ис. 48, 22.

Из этого видно, что не одно сознание живого союза с Богом, но и сознание живого союза со всеми угождающими Богу входит в состав духа богоугодно настроенного как неотъемлемая черта. Один умник сказал: я не вижу этого союза. Неудивительно; потому что он невидим и устрояется без особых напряжений и исканий. В каждой местности одинаково настроенные по Богу естественно знаются друг с другом, ибо, видя одинаковые стремления, сходятся и сорадуются друг другу. «Чистый, говорит святой Амвросий, естественно располагается к чистому и сорадуется ему; милосердый располагается к щедродательному и сорадуется ему; постник — к постнику, молитвенник — к молитвеннику». Хоть они и не вместе телом, но духом всегда неразлучны. Случись побыть кому в другой местности, и там он скоро спознается с единодушными и становится с ними в один дух. Еще местность — еще общение. Так духовное общение расходится кругом. Сидящий в тесном уголку состоит в живом сердечном союзе со всеми знаемыми богоугодниками и в мысли их держит более, нежели иной, бывая с кем-либо лицом к лицу. В этом общении и крепость жизни. Кто сознает себя одиноким пред лицем Бога, тот да не хвалится, что достодолжно является пред Богом. Не хочет Бог и не благоволит к таким одиночкам. А пустынники? —

Пустынники весь мир носят в сердце: они не одиночки в духе.

Стих семьдесят пятый

Разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя, и воистинну смирил мя еси.

Предполагается, что пророк получил мудрость и научился заповедям, вступил в союз с богобоязненными и обвеселил их всех своим совершенством. Стало быть, эта сторона духовная светла. Теперь он начинает просить, чтобы Господь подвел в уровень с нею и внешнюю его участь. На первом месте ставит сознание, что если она доселе не светла, то в держании ее такою ничего нет неправого: сам я виноват; Ты праведно, Господи, смирил меня. «Пророк, толкует Феодорит, говорит это, преимущественно изъявляя благопризнательность свою. Знаю в точности, говорит он, что право и праведно произнес Ты приговор надо мною, и подверг меня всякого рода напастям».

Разумех... когда это? — После того, как покаялся, как стал жить исправно и, испросив вразумления, научился заповедям Божиим. А до тех пор что было? — До тех пор и на мысль не приходило посмотреть на жизнь свою с этой точки зрения, то есть как и почему так направляет рука Господня течение ее. Или если и приходило, то в основание и причину, почему она была такова, никак не ставилась своя грешность и виновность. Грешник, пока в грехе, — слеп и не видит перста Божия над собою, и хоть кругом во грехах, но не имеет того в мысли, что в изменениях своей участи несет наказание за грехи, а скорее склоняется к тому убеждению, что терпит напрасно, и готов отнестись с ропотом к распоряжениям Промысла Божия. Так искривлен у него ум! И недивно, потому что чрез грех получил к нему доступ враг — отец лжи, который и исполняет его своим кривотолкованием.

Но когда благодать коснется сердца грешника и он пробудится от своего греховного сна, тогда мгла, покрывавшая его ум, начинает рассеиваться. Когда завершится покаяние решимостию жить исправно — около него становится уже довольно светло. Жизнь исправная по заповедям усиливает этот свет. Когда нрав добродетельный совсем установится, тогда атмосфера умовая очищается, и ум ясно видит, почему что было в жизни его. Тогда говорит он с пророком: *разумех*, — теперь то есть ясно вижу, *яко правда судьбы Твоя, и воистину смирил мя еси.*

«Кто, пишет святой Амвросий, разумеет пути Промысла Божия, тот может употребить те же слова, какие здесь изрекает святой Давид. Без ведома Божия ничто не бывает; все, что бывает, бывает по Его суду. Но к познанию сего приводит то, о чем он выше молился, то есть чтобы Бог вразумил, как научиться заповедям. Получив такое вразумление, уразумел он и праведность судов Божиих. Это уразумение есть достояние мужа совершенного. Иное дело — веровать, и иное — разуметь. Вера — в том, кто восприял страх Божий; разумение — в том, кто умудрился уже во спасение... Смирен я был, чтобы это уразуметь, потому что те, кои высокосерды, не имеют очей, чтобы видеть такую истину. Когда же смиряемся, тогда познаем грехи свои, и самым смирением очищаем падения свои. *Смирихся*, говорит, и *спасе мя*[1]. Истинно смирен, кто смирен во спасение; не тщетно подвергся скорбям тот, кто направлен ими к покаянию. Но между уразумением означенной истины и страхом, приведшим к покаянию, есть расстояние. Господь говорит к уверовавшим иудеям: *аще пребудете в словеси Моем... уразумеете истину*[2]. Видите ли, не с самого начала, как только кто по страху Божию слушает слово Его, дается уразумение».

Стих семьдесят шестой

Буди же милость Твоя, да утешит мя по словеси Твоему, рабу Твоему.

Рабу Твоему относить можно и к *«по словеси Твоему»*, и к *«буди же милость Твоя рабу Твоему»*. Последнее лучше, ибо первое само собою разумеется. Так толкует святой Афанасий: «Умоляю, да будет, по слову Твоему, милость Твоя утешением и ободрением рабу Твоему; ибо многие, прияв утешение, предаются обольщению, будто бы приобрели его собственным благоразумием. Чтобы и мне не впасть в такое же заблуждение, да будет мне, рабу Твоему, по слову Твоему, милость Твоя».

---

[1] Пс. 114, 5. — [2] Ин. 8, 31—32.

В какой же связи состоит это с предыдущим? — Вот в какой: «Но время уже, говорит Феодорит, человеколюбию и утешению, ибо Ты обетовал кающимся благоволение Свое. То самое сказал Бог и устами Исаии: *егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися*[1], и устами Малахии: *обратитеся ко Мне и обращуся к вам*»[2]. Чего же, стало быть, просить? — Милости утешения, по слову Господа.

Можно, впрочем, разуметь это и так: измени смиряющие меня обстоятельства скорбные на утешительные. Пластырь произвел свое действие, сними же его. Хоть об этом далеко лучше нас знает Сам Врач душ и телес, однако ж молиться об этом не неуместно, только не безусловно, а с подразумеванием: если благоугодно Тебе, Господи, если это спасительно будет для меня; молиться то есть, не выходя из пределов преданности в волю Божию, которая составляет душу богоугодной жизни. Мы видим из опытов, что Господь изменяет иногда скорбное на утешительное, как, например, в Иове; а иногда до конца жизни держит в смирительном положении, как видим это на Лазаре, который с гноища взят и на лоно Авраамово.

---

[1] Ис. 30, 15. — [2] Мал. 3, 7.

Святой Амвросий полагает, что пророк молится только о милости утешения, не касаясь смирительных обстоятельств и предавая воле Божией изменить их на лучшее или так оставить. «Иной, говорит он, смиренный бедствиями, молится о том, да престанут искушения, да укротит Господь свирепствующую против него бурю бед; а пророк, как крепкий и мужественный борец, уразумевший, как бедствия и скорби возводят душу к совершенству, желает не скорбности удалить, не противности отклонить,— просит пресечь не все то, что причиняет утомление и труд, а молится, чтобы во время притрудной борьбы его против бури искушений подано было ему утешение, чтобы мужественным духом переносить наносимое, и чтобы не ослабеть от приражений печали и уныния. Таким образом, он умоляет благость Божию не попустить, чтобы, быв лишен помощи, подаваемой утешением, не прекратил он, не кончив, начатого им доброго воинствования. На небесах несомненно готово утешение всем терпящим за добродетели, и тем большее утешение, чем большие подъяты скорби; но и здесь, из опасения пасть под тяжестию бедствий, моли Господа, да дарует тебе утешение, как даровал святому

Павлу, который свидетельствует: *благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец щедрот и Бог всякия утехи, утешаяй нас о всякой скорби нашей, яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби, утешением, имже утешаемся сами от Бога*»[1].

Но нельзя не видеть, что, кроме душевного утешения, пророк чает и внешнего утешения, как дает разуметь и течение речи. Ниже говорит он, чтоб и враги увидели это и устыдились, и богобоязненные тоже обратились к нему (стихи 78—79). То и другое возможно лишь тогда, когда утешение не в сердце только влито, но и внешне оказано.

Стих семьдесят седьмой

Да приидут мне щедроты Твоя, и жив буду, яко закон Твой поучение мое есть.

«Пророк, говорит Феодорит, лишившись Божия благоволения, почитает себя мертвым; посему умоляет, чтобы ему как бы снова ожить, по Божию человеколюбию». «Да приидут, толкует Зигабен, Господи, щедроты Твои на меня, поглощаемого печалию, и я жив буду ими; да приидут же на меня потому, что предмет всегдашнего моего помышления и попечения есть закон Твой, а не какое-либо благо мира сего».

Щедроты — благоутробие, подающее благо, не только как благорасположение, но как показывающее щедрость самым делом. *Да приидут,* — *милость*, как выше сказано, *да будет, а щедроты да приидут,* — милость, как постоянный покров, а щедроты, как перемежающееся ниспослание нужных благ, которые отходят и приходят. *И жив буду* — и оживу. Как о том, кто был убит горем и потом обрадован, или как о том, кто, обеднев, опять богатеет, или, будучи обесчещен, опять входит в почет, говорят: «ожил», так и пророк просит щедрот, чтоб ожить в чувствах сердца. Это оживление здесь, как и предыдущая милость утешения, стоят у пророка в противоположность смирительным или уничижительным обстоятельствам, праведно посланным от Бога, как исповедал он выше. Потому по течению речи они относятся к поправлению внешнего быта покаявшегося и исправившегося. Что уместно просить и об этом, это видно из молитвы Господней, в которой, наряду с высокими духовными благами, стоит и — *хлеб наш насущный даждь нам днесь*[1]. Но при этом надо иметь в уме: если Господу так угодно. Если Ты видишь, Господи, что то и то полезно для спасения моего, то даруй мне. Безусловно прилично просить только духовных благ покаяния, сохранения решимости жить хорошо, разумения воли Божией, молитвы, терпения и проч. О внешних же благах всегда надлежит молиться условно, а еще лучше — предавая свою участь в волю Божию.

---

[1] 2 Кор. 1, 3—4.

---

[1] Мф. 6, 11.

И *жив буду* — можно, соответственно тому, как понимал святой Амвросий: *да утешит мя* в предыдущем стихе, понимать и как оживление терпеливого духа мужества. Тесные обстоятельства производят два рода действий: наводят печаль и подрывают энергию. В предыдущем стихе пророк молился о милости утешения, которым отгоняется печаль, а здесь молится об оживлении энергии. Пусть, как бы так он говорил, пусть все остается, как есть, — пусть буду состоять я под смирительным гнетом, но у меня опускаются руки, слабеет мужество: вдохни же в меня непоколебимую твердость и неустрашимую бодрость сердца, чтоб и я сам сознавал, и другие видели, что как ни тесно мне, но я нимало не слабею в нравственных силах, а все тот же, все так же бодро выступаю на борьбу с лишениями и скорбями.

Яко закон Твой поучение мое есть. Вот на чем основывает пророк упование на то, что молитва его будет услышана. Только и мыслей у меня, говорит он, что о законе Твоем; тем только и занят я, как бы лучше его исполнить; а по суду Твоему, блаженны те, воля коих в законе Твоем, и кои поучаются в нем день и ночь. Не Ты ли сказал: *Аз любящия Мя люблю, и ищущии Мене обрящут благодать?*[1] «Потому, прибавляет святой Афанасий, как обещал Ты утешение, так и сотвори, ущедряя служителей Твоих».

---

[1] Притч. 8, 17.

Милости утешения просил себе пророк, как рабу; а щедрот оживления просит, как ревнитель закона. То и другое научает, что приступать к Богу с прошениями в молитве благонадежно могут только те, кои усердно работают и всячески стараются благоугождать Ему. Мы часто жалуемся, что молитва наша не услышана: не работали Богу — и не услышана молитва.

Стих семьдесят восьмой

Да постыдятся гордии, яко неправедно беззаконноваша на мя, аз же поглумлюся в заповедех Твоих.

Гордыми пророк называет презрителей закона, которые, не любя закон, не любят и ревностных исполнителей его, презирают их, насмехаются над ними и не задумываются причинять им всякий вред. Видя ревнующих о богоугождении исполнением заповедей Божиих в смирительном положении, они еще более восстают на них и на правила их жизни. Это и значит неправедно беззаконновать на них. Пророк молится: отними у них, Господи, этот повод презрительно говорить о законе и относиться так же и к исполнителям его. Возврати мне светлое состояние и положи тем конец торжеству их. Пусть станет явно пред лицом всех, что не напрасно рабы Твои строго исполняют закон Твой, и эти гордые, пред лицом всех поносящие закон Твой, посрамлены будут. Все, видящие во мне перемену на лучшее, вместо того, что прежде недобрым оком посматривали на меня и на закон Твой, станут после сего презрительно относиться к тем самым гордым и смеяться над ними.

Пристыждение внешнее может и не сопровождаться стыдением пред собою и своею совестию, может оставлять без изменения прежнее отношение к закону и ревнителям его; но в словах пророка можно видеть и то еще желание, чтобы гордые устыдились того, что они были таковы, изменили и исправили и взгляд свой на закон, и жизнь свою по отношению к нему.

«Пророк, говорит блаженный Феодорит, не проклинает врагов, но молится за них, потому что стыд пролагает путь ко спасению. Сам воспользовавшись таким врачевством, он желает и им иметь его». Святой Амвросий продолжает ту же мысль: «Уврачевавшись, стал врачом и желает целить даже тех, которые уязвляли его, дабы, сознав неправость свою, они устыдились своих недобрых дел. Стыд большею частию служит к нашему исправлению. Когда человек начинает стыдиться какого-либо своего поступка, то тем самым побуждается оставить то, что причиняет стыд. Вот этого-то и желает им пророк, желает то есть, чтобы они сознали то, как худо поступали, и чтобы, сознавши то, устыдились, а устыдившись, отстали от прежних неправд». Святой Афанасий развивает также эту мысль: «Если, говорит, изменишь, Господи, мою участь на лучшую, то гордые постыдятся, а я не превознесусь тем, что они постыждены, но *поглумлюся в заповедях Твоих*». Это не ослабит моей ревности об угождении Тебе исполнением заповедей Твоих, а, напротив, усилит ее. *Поглумлюся* – приседеть буду, усугублю прилежание и труд, так неотступно буду заниматься им, как иной усидчиво занимается любимым делом. Когда отойдет теснота, то у меня словно развяжутся тогда руки. Силы, обращенные на то, чтобы нести лежащую на мне тяготу, я обращу на исполнение закона: больше буду изучать его, бо́льшие придумывать средства к исполнению его и приложению к жизни в моих улучшенных обстоятельствах. Пророк заготовляет решение на делание, чтобы, когда придет просимое, быть наготове так действовать, и не сказать душе: *имаши многа блага, лежаща на лета многа; почивай, яждь, пий, веселися*[1].

Стих семьдесят девятый

Да обратят мя боящиися Тебе и ведящии свидения Твоя.

Блаженный Феодорит читает это место так: *да обратятся ко мне*, и мысль текста выражает следующим образом: «Пророк умоляет о том, чтобы снова быть в единении и иметь общение с праведными. Яснее, замечает он, выразил это

---

[1] Лк. 12, 19.

Симмах: да возвратят меня боящиеся Тебя, да возвратят, конечно, к себе, да приимут то есть меня в братское общение».

Да обратят мя. Так как он представляет себя уже обращенным от греха к добродетели, и не только обращенным, но и преуспевшим на этом пути, то здесь уже неудобно разуметь такое обращение. Посему лучше понимать это слово так: *да обратят меня к себе.* Выгнали меня за грехи мои, как недостойного быть в сообществе их; смирительное положение мое обратило меня на путь добродетели, но оно же прикрывало и мое исправление, или, если не могло его прикрыть, потому что оно прозрачно, то не могло не наводить сомнения, принят ли я обратно в милость Твою. Праведные и готовы были бы вступить со мною в общение, но, полагая, по несветлой участи моей, что я состою под гневом и неблаговолением Твоим, не решаются на это. Когда же Ты изменишь участь мою на лучшую, то праведные увидят, что Ты возвратил мне благоволение Свое и обратил меня к Себя, позовут, примут, обратятся ко мне с распростертыми объятиями и заключат со мною опять братский сердечный союз.

Видимого общения праведные не прерывают и со впадающими в грех; напротив, входят в их положение и всячески стараются возвратить их на путь правды; но интимность между ними естественно прекращается, так как у тех стали уже не те речи, не те мысли, не те занятия. Праведным уже неудобно вести с ними беседу: у праведных беседа лишь о том, что у них на сердце, — о Боге и богоугождении, а у грешных — все о вещах мира. Им скучно бывать друг с другом, потому искреннее общение между ними само собою прекращается. Когда же обращается грешник, то праведники не могут этого не видеть, не радоваться тому и не содействовать утверждению его на добром пути. Но, наученные опытом отпадения его, держат себя несколько вдали от него, то есть не сразу начинают жить душа в душу и поведать ему тайны сердца своего, тайны духовной жизни. Когда он покажет уже верные доказательства того, что установился на добром пути, тогда и они обращаются к нему с открытым сердцем. Все это происходит по прямым законам соотношений душевных. Пророк признаком того, что он совсем исправился, поставляет возвращение ему щедрот Господних. Когда возвратятся они, то и праведные обратятся к нему, но не ради возвращения щедрот, а ради того нравственного совершенства, признаком которого служит его возвращение.

Боящиеся Тебе и ведущии свидения Твоя, то есть не только богобоязненные, но и искусившиеся в исполнении закона, и ведающие верно все тайны жизни по Богу. Тут намеренно прибавлено: *ведущии свидения Твоя*, чтоб означить пункт, на котором опять устраивается сердечное общение,— общение, основанное на том, когда взаимно поверяют тайны богоугодной жизни для взаимного созидания в духе и пособствования друг другу для преспеяния в жизни духовной.

Стих восьмидесятый

Буди сердце мое непорочно во оправданиих Твоих, яко да не постыжуся.

В нравственной жизни две стороны: благоповедение и непорочность сердца. Благоповедение немудрено направить и выдержать, а стяжать и сохранить сердце непорочным есть труд великий. Все, что устроено Господом во спасение наше, сводится к тому, чтоб сердце стало непорочным, а порочность его составляют привившиеся к нему страсти. Хоть они и неестественны, но глубоко вошли в нас и стали наряду с естественными потребностями, так что сделать сердце непорочным есть то же, что пересоздать его. Очевидно, что, кроме Творца, этого никто сделать не может. Он все для этого и сделал: устроил способ оправдания, даровал новую жизнь, исполнил силами, учредил освятительные и исправительные чины, установил отеческое руководство. Благодать приходит и полагает основу непорочности; потом труды самопротивления и самоисправления под руководством освятительных чинов изгоняют одну за другою страсти и на место их насаждают добрые расположения. В конце трудов сердце является совершенно непорочным, исполненным всех плодов Духа, о которых упоминает святой Павел: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*[1], или таким, каким изображает его Господь в блаженствах: сокрушенным и смиренным, кротким, правдолюбивым, милостивым, чистым, миротворным, терпеливым, уповательным. Непорочное сердце не только чуждо всего порочного, но и полно всякою добротою, — добротно.

Да не постыжуся. Пророк не упоминает, как и где да «не постыдится». Ближайшее непостыждение бывает во время восстания внутренних браней. Подымает враг бурю помыслов и недобрых движений, но, когда сердце непорочно и добротно, тогда эти приражения, подходя к нему совне, встречают в противоположных себе расположениях добрых, укорененных в сердце, сильное отражение: гнев отражается кротостию, гордость и тщеславие — сокрушением и смирением, нечистота — чистотою, корыстность — правотою и милостивостию, обиды — терпением, и какое ни подойди недоброе движение, оно найдет себе отпор в противоположном себе добром настроении сердца. Как ни ухитряйся враг, не одолеть ему того, у кого сердце непорочно: последний никогда не постыдится перед первым.

---

[1] Гал. 5, 22—23.

Второй момент непостыждения есть время смерти и прохождения мытарств. Как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения ими не миновать. Чего ищут эти мытники в проходящих? — Того, нет ли у них ихнего товара. Товар же их какой? — Страсти. Стало быть, у кого сердце непорочно и чуждо страстей, у того они не могут найти ничего такого, к чему могли бы привязаться; напротив, противоположная им добротность будет поражать их самих, как стрелами молнийными. На это один из немалоученых вот какую еще выразил мысль: мытарства представляются чем-то страшным; а ведь очень возможно, что бесы, вместо страшного, представляют нечто прéлестное[1]. Обольстительно-прелестное, по всем видам страстей, представляют они проходящей душе одно за другим. Когда из сердца в продолжение земной жизни изгнаны страсти и насаждены противоположные им добродетели, тогда, что ни представляй прелестного, душа, не имеющая никакого сочувствия к тому, минует то, отвращаясь от того с омерзением. А когда сердце не очищено, тогда к какой страсти наиболее питает оно сочувствия, на то душа и бросается там. Бесы и берут ее, будто друзья, а потом уж знают, куда ее девать. Значит, очень сомнительно, чтобы душа, пока в ней остаются еще сочувствия к предметам каких-либо страстей, не постыдилась на мытарствах. Постыждение здесь в том, что душа сама бросается в ад.

---

[1] Льстивое, коварное. — *Ред.*

Но окончательное непостыждение — на Страшном суде, пред лицем всевидящего Судии, пред сонмом ангелов и всех святых. Эту картину все Божии угодники непрестанно имели в мысли и всячески старались не отступать умом от того момента, когда из уст Судии изыдет: *отыди*, или *прииди*, чтобы в нем иметь побуждение беречь себя не только от явных грехов, но и от греховных мыслей и чувств. Это одно и попаляло у них все недоброе, и насаждало все доброе. Потому нет сомнения, что в словах пророка в настоящем месте имеется в виду преимущественно это последнее непостыждение, так как мысль о нем есть наилучшее средство к насаждению в сердце непорочности.

ОДИННАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Одиннадцатое восьмистишие идет под буквою *каф* — *ладонь*.

Ладонью дают пощечину, оскорбительную для того, кто ее получает; ладонью прикасаются к щеке любимой особы, чтобы слаще поцеловать. Таким образом, она есть и орудие обиды и оскорбления, и орудие любви самой теплой. Такое заглавие очень идет к этому восьмистишию, так как в нем пророк представляет лицо оскорбляемое, теснимое неправедно и обращающееся к Богу в уповательной молитве о помощи и заступлении. Он говорит как бы так: «бьют меня, приласкай же Ты меня, Господи!» Все, что здесь говорится, очень приложимо к Иову, к святым мученикам и, во многих чертах, к борющимся со страстьми и похотьми.

Стих восемьдесят первый

Исчезает во спасение Твое душа моя, на словеса Твоя уповах.

Исчезает во спасение, то есть сильно желает получить спасение от Тебя, и притом так сильно, что доходит до исступления. «Желающие чего-либо сильно, говорит блаженный Феодорит, но лишаемые желаемого говорят о себе, что они как бы исчезают. Так бывает с томимыми сильною жаждою и не имеющими воды; так бывает с теми, которые с часу на час ждут возвращения кого-либо из знакомых и, не видя его прибытия, исчезают от желания; так и борющиеся с какими-либо несчастиями и ожидающие Божия покрова, когда видят замедление его, как бы исчезают». «***На слово Твое уповах***, то есть на обетование», поясняет святой Афанасий.

Вот уже третье восьмистишие посвящает пророк изображению бедствующих и утесняемых за верность воле Божией и заповедям Его. И здесь под спасением разумеется избавление от смирительных и уничижительных нападков, скорбей и лишений за слово Божие. Что говорится здесь, то очень прилично Иову на гноище или какому-либо мученику, долгое время томившемуся в узах и почасту мучимому, а равно и всякому безвинному страдальцу. Но можно взять эти слова отдельно от других и видеть в них вопль души, жаждущей спасения в Господе Иисусе Христе от греха и пагубы вечной. Так думают святой Афанасий, святой Амвросий и блаженный Августин.

Святой Афанасий пишет: «Пророк учит нас вожделевать слова и исполняться любовию к спасению Божию; а какое же иное спасение, кроме пришествия Господня?» Святой Амвросий говорит: «*Исчезает*; — кто всею душою переходит в то, что любит, тот о том и думает, о том речь ведет, к тому привязан, в то впивается всею душою. Такое чувство испытывает мать, ожидающая возвращения любимого сына, как испытала это мать Товии. Что значит: *исчезает во спасение душа?* — Вот что: душа, прилепившаяся к Господу, как бы перестает быть душою, а бывает *един дух с Господом*[1]. Святой и богобоязненный ничего не желает, кроме спасения Божия, которое есть Христос Господь; только Его вожделевает он, Его желает, к Нему устремляется всеми силами, Его греет в лоне ума своего, Ему открывается и пред Ним изливает душу свою, и одного только боится, как бы не лишиться общения с Ним. В другом месте пророк говорит о себе: *возжада Тебе душа моя*, а немного ниже прибавляет: *прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя*[1]. Кто жаждет, тот желает быть при источнике и ничего так не домогается, как поскорее добраться до воды. Так устремляется и душа к Господу. И Господь, восприяв ее в десницу Свою и излив в нее Свою силу, делает то, что она будто перестает быть: *живу*, говорит она, *не ктому аз, но живет во мне Христос*[2]. Как исчезает душа во спасение Божие, хорошо изображает святой пророк Иеремия: *и бысть*, говорит он, *в сердцы моем яко огнь горящ, палящ в костех моих, и разслабех отвсюду, и не могу носити*[3]. Хорошо сказал: *на словеса уповах*, — прежде возгорается упование, и за ним уже следует исчезновение. Размышляя о том, что читал в слове Божием, и, видя, что, находясь в теле, как бы узами какими-либо жизни сей связанный, отстоял он от спасения Божия, вожделевал его, стремился к нему, исчезал в нем, изливался в него всем сердцем. Так исчезает дух и того, кто, отвергшись себя, весь прилепляется Христу Господу. Кто, исчезая в себе, прилепляется к Нему, тот теряет свое и восприемлет Божеское, вечное, вполне успокоивающее».

---

[1] 1 Кор. 6, 17.

---

[1] Пс. 62, 2, 9. — [2] Гал. 2, 20. — [3] Иер. 20, 9.

Стих восемьдесят второй

Исчезоша очи мои в слово Твое, глаголюще: когда утешиши мя?

«Здесь, толкует блаженный Феодорит, *словом* называется обетование Божие. Исчезает в него тот, кто ожидает исполнения Божия обетования и прекращения облежащих его зол».

И в обычной речи говорят иногда о том, кто долго ждет кого-либо с сильным желанием его видеть: «глаза просмотрел». Так тяготимый скорбию, молитвенно обращая очи свои к Богу, просит и ждет помощи,— ждет дни, месяцы и годы, а помощь все не приходит. Как же ему не возопить: *когда утешиши?* Этим выражается не оскудение упования, а сила желания. Прилично было взывать так тому мученику, которого двадцать восемь лет мучили; измучат — и опять в темницу; чуть-чуть оправится, опять мучат — и опять в темницу; прилично было и трицативосьмилетнему расслабленному, у которого каждое лето пред глазами получал кто-нибудь исцеление, после него заболевший и не столь долго лежавший при купели; прилично было иерихонскому слепцу, сидевшему при пути и насилу дождавшемуся того, чтобы мимо его проходило спасение его. И в слове пророка, и в этих примерах слышится сильный урок нам — не оскудевать упованием при нескором исполнении прошений об избавлении от гнетущих нас нужд и, взывая: *когда, Господи, утешиши?* — не терять упования.

Вышепоименованные святые отцы разумеют и это место о душе, ищущей спасения в Господе. Но когда душа прилепляется к Господу и имеет Его в себе, так чего же еще желать ей? — Одного: полнейшего исполнения того, чего ожидает она от Господа. Кающемуся изрекается всепрощение в таинстве покаяния; но чувство прощения, или внутреннее удостоверение, что грехи прощены, приходит не скоро. Сокрушающемуся о том духу прилично вопить: *когда утешиши?* Один старец заключил большую покаявшуюся грешницу в келлии и, по истечении трех лет, сказал ей: «Бог открыл мне, что прощены все грехи твои». В этот промежуток времени не уместно ли ей было взывать: *когда утешиши?* Что идет к покаянию, то и ко всякому дарованию духовному о Христе Иисусе. Ни одно не дается, или не присвояется, душе тотчас: всему свое время; и утверждение во всякой добродетели приходит в свое лишь время. Ничего не восхитишь самовольно из руки Господней: ищи, молись, жди, — отсюда и вопль: *когда утешиши?* Блаженный Августин пишет: «Словами — *когда утешиши* пророк показывает, как тягостно замедление получения желаемого. Но дающий замедляет дая-нием ради того, чтобы тем приятнее было получение и тем бдительнее соблюдаемо было полученное. Господь знает, что когда кому дать, ибо Он всегда все располагает мерою, весом и числом».

Святой Амвросий вопль — *когда утешиши* относит к душе, возжелавшей благодати созерцания. Деятельное совершенство есть первая ступень христианской жизни, а созерцание — вторая, высшая. На нее восходят по очищении души, но не сами собою, а возводятся Господом и благодатию Духа. Между тем возжелавший его и сам устремляет туда око ума своего; но, при всем напряжении, сам ничего не видит. У Господа же и благодати Его всему свое время. Отсюда вопль: *когда утешиши?* Все тайны Божии открыты в слове Божием, но постигаются только тогда, когда благодать дает их постигнуть. Внезапно узревает ум в слове то, чего прежде не видал в нем, хотя и несколько раз читал и обдумывал его.

Стих восемьдесят третий

Зане бых яко мех на слане; оправданий Твоих не забых.

В двух первых стихах пророк выражал только сильное желание помощи и скорбь, что не скоро получает чаемое; теперь выставляет причины, почему праведно было бы ускорить исполнением обетования и прекратить его страдания.

Первая причина та, что я, говорит, стал, как мех на слане, на морозе, на льду или на снегу;

и, однако ж, все-таки оправданий Твоих не забыл и не забываю. «Мех, рассуждает Зигабен, на морозе морозится, сжимается, портится, становится никуда негожим». Стал я, говорит, никуда негож, посмотреть на меня — хоть брось, и все это от горестей, лишений, нападков и притеснений. Состояния никакого, и силы тела истощились: ни кола, ни двора, голоден, наг и бос; к тому же и слеп, и хром, и расслаблен, едва движусь. К кому же уместнее поспешить за помощию? Ведь это все за оправдания Твои,— за то, что я верен Тебе и не отступаю от закона Твоего. Как пристала бы такая речь Лазарю на гноище его! И, однако ж, Лазарь оставлен, как был, до конца дней. Потому надобно всегда при словах пророка доразумевать, что он берет на себя лицо разного рода страждущих и, входя в их положение, от лица их простирает к Богу молитвенное слово, не устраняя, впрочем, преданности в волю Божию, которая составляет душу молитвы и есть неотъемлемое качество угождающих Богу как должно.

Святые отцы, толкуя это место в нравственном отношении, в сравнении — *яко мех на слане* видят указание на самоумерщвление, первое условие к преспеянию в духовной жизни, которое строго исполнял и святой Павел: *умерщвляю тело мое*, говорит он, и *порабощаю, да не како, иным* *проповедуя, сам неключим буду*[1]. Святой Афанасий пишет так: «Праведные еще в жизни от злостраданий делаются мертвецами; потому уподобляются более мехам, нежели людям, охладев, как отвердевший иней. Делается мехом на слане тот, кто истневает[2] плоть свою, не оставляет в ней ничего воспламеняющегося и похотного, но как бы оледеняет ее».

В том же смысле говорит и святой Амвросий: «Мех делается из кожи животного, переставшего жить; так надо и нам умереть греху и плоти, если желаем жить ради Бога. Тогда мы станем мехи новы, в которые надежно можно вливать и вино новое. Кто хочет и тело питать, и благодать сохранять, тот ищет невозможного. Мех на слане есть тот, кто всегда носит мертвость Господа на теле своем, кто не утучняет тела своего, как те, о коих сказано: наелись, напились, и пошли плясать[3]. Кто упивается не вином, а Духом, тот пусть хвалится, подобно Давиду, что он стал, как мех на слане». «При воспламенении духовных желаний, пишет блаженный Августин, желания плотские охладевают. Об этом и говорит здесь пророк. Под словом «мех» указывает он на похотливую плоть, а под «сланию» — небесный дар, которым, как морозом, убиваются плотские похоти. Следствием сего бывает то, что оправдания Божии не выпадают из памяти, потому что тогда и не думается о другом, когда *плотоугодие не творится в похоти*[1].

---

[1] 1 Кор. 9, 27. — [2] Сокрушает в прах. — *Ред.* — [3] Исх. 32, 6.

Стих восемьдесят четвертый

Колико есть дней раба Твоего? Когда сотвориши ми от гонящих мя суд?

Пророк говорит как бы так: идут дни за днями, годы за годами; жду заступления Твоего, а оно не приходит. Вот уж и жизнь на закате, а я все под гнетом, враги же мои торжествуют. Когда же, Господи, сотворишь Ты суд над гонящими меня, когда посрамишь их и поднимешь меня из уничижения?

Как естествен такой вопль тому, кругом кого ликуют враги его и Божии! Того и гляди, что грянет смерть, — неужели же враги эти останутся ненаказанными? Конечно, он болит и за себя, но не отделяет себя от интересов Божиих. Воодушевляемый на такое дерзновенное слово чувством правды Божией, он как бы так говорит: ужели Ты попустишь правде Твоей быть ненаказанно оскорбляемою? Вот тут кроется и вторая причина, почему следовало бы ускорить помощь страждущему.

Блаженный Августин уподобляет этот вопль воплю апокалипсических избиенных: ***доколе, Владыко святый и истинный, не судиши и не мстиши***

---

[1] Рим. 13, 14.

крови нашей от живущих на земли?[1]. И в том и в другом — свидетельство, что неправедные обидчики отмщаются еще на земле, что не всем дается до смерти доживать в неправдах, без земного за то воздаяния. Если бы так было, то люди забыли бы, что есть Судия. Полное за все воздаяние отложено до всеобщего суда; но и здесь иногда воздает Господь во свидетельство того, что путь неправды — ненадежный путь. Иные доживают и до гроба в счастии, для того, как показала притча о богатом и Лазаре, да восприимут благая за некоторые добродетели в животе своем.

Вопль этот имеет свой смысл и в нравственном отношении. Преуспевающие в борьбе со страстьми и похотьми, поддерживаемыми тайными воздействиями врага нашего спасения, видя, что жизнь на исходе, а страсти между тем все еще в силе, и боясь, как бы не перейти неочищенными в другую жизнь, праведно взывают о суде над непрестающим гнать и угнетать их, чрез возбуждение страстей, сатаною. Смысл молитвы такой: отрази и прогони его от меня; тогда мне легче будет управиться с остатками во мне греха в оставшиеся для меня дни; и я, может быть, хоть под конец жизни вкушу сладость сердечной чистоты. Святой Афанасий пишет: «Малы дни человеческие на земле; посему пророк молится, чтобы в продолжение их скорее сокрушен был сатана под ноги его и чтобы ему самому покорить душу снисшедшему в нее Божественному Слову».

---

[1] Апок. 6, 10.

Пространнее об этом говорит святой Амвросий: «Утвердившись на твердом основании добродетели, пророк молится, чтобы дана была ему сила попрать не человека, но того, кто привык захватывать для себя в человеке владычественное место. И апостол учит, что чрез суд над грехом в человеке (во время покаяния и отвержения греха) совершается суд над сатаною и что его глава сокрушается чрез преодоление греха: *Бог*, говорит он, *да сокрушит сатану под ноги ваша вскоре*[1]. Таким образом, пророк просит, чтобы Бог дал ему стопами веры своей стереть врага и попрать, как прах,— чтобы еще в этом теле, несмотря на краткость дней жизни, восторжествовать над ним. Это торжество над врагом получается тогда, когда дается ему восчувствовать над собою власть и силу человека, которого прежде держал он в узах греха и страстей. Это бывает, когда благодать Божия возрождает и преобразует человека. Господь дает такой душе власть наступать на врагов своих и сокрушать главы их верою, делами и подвигами своими. Так всякий может побороть врага. Когда творим дела непотребные, враг гордится над нами; но когда ревнуем о делах чистоты, правды и воздержания, тогда мы попираем этого змия и скорпия».

---

[1] Рим. 16, 20.

Стих восемьдесят пятый

Поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой, Господи.

Тут представляется третья причина, по которой нельзя не услышать вопля пророка, или вопля того, от лица кого говорит он. Законопреступники, говорит, сбивали меня с пути, предлагая следовать правилам их жизни. Конечно, послушав их, я избавился бы от их нападков и обид; но я не согласился на это, потому что то, что предлагали они, было очевидными баснями и глумлениями над всякою правдою. Не таков закон Твой. Стало быть, не праведно ли будет пощадить меня и избавить от гнета врагов правды? Как не соблазняли мучители святых мучеников? И правость своего зловерия выставляли, и веру во Христа Господа Распятого уничижали, и предлагали счастие и довольство, — святые мученики, не все словом, но все делом ответствовали им: «Все это глумления, все это ваши собственные измышления и ложь, коими вы и себя обманываете, и других хотите прельстить. Не таков закон Божий; не такова воля Божия о спасении нашем!» И во всякое время немало бывает лиц, которые подвергаются лишениям и притеснениям со стороны не любящих правду за то только, что они не хотят участвовать с ними в их неправде. Следовательно, во всякое время эти слова встречают людей, которым прилично обращаться с ними к Богу в молитве своей.

В нравственном отношении приложение этих слов обширно и повсюдно. Под именем законопреступников разумеются здесь и прямо грешники, которые речами своими иногда покушаются сбивать с доброго пути ревнителей добра, и страсти с греховными привычками, которые, вместо слов, предъявляют свои требования под видом закона, а более всего — духи нечистые, которые всюду встревают с своими предложениями и вну-шениями, склоняя оставить закон воли Божией и жить по своей, то есть по их воле. Все эти враги истины никогда не предлагают грех, как грех и беззаконие, а всегда прикрывают его как бы облаком, под коим он кажется сносным, позволительным, а иногда даже и неизбежным. Любитель закона Божия, привыкший ходить путями его, имеет чувства, обученные в рассуждении добра и зла, и легко разоблачает льстивые прикрытия и обличает ложь: все это, говорит он, хоть и походит на закон, но на самом деле есть *не яко закон Твой, Господи,* — и отвращается от того. Никто из верно идущих путем Божиим не свободен от таких обольщений; следовательно, всякий из таковых может в слова молитвы своей влагать и эти слова пророка.

Но не у всех такой разум, и не все могут сами разузнавать скрытую прелесть. Потому неопытным следует обращаться к опытнейшим для разъяснения дела и указания, что право. Враг иногда за сто верст начинает, чтобы довесть иного до худого дела. Неопытный ничего пока не видит, кроме обычных дел; но дальше и дальше, и сам не замечая того, спотыкается и падает в грех. Злые духи участвуют в делах наших больше, нежели сколько мы думаем и догадываемся. Шагу нет, чтобы они не встревали во что, и все в тех видах, не удастся ли схватить кого и посмеяться над ним. Потому Господь так настойчиво и говорит: *всем глаголю — бдите*[1]. Бдеть надо, отревая худое; но не менее надо бдеть, рассматривая и не худое, что приходит на ум, как дело пригожее и полезное.

Стих восемьдесят шестой

Вся заповеди Твоя истина, неправедно погнаша мя, помози ми.

Пророк подтверждает этим то, почему он не послушал глумлений законопреступников и остался верным закону: потому, говорит, что *закон Твой — истина*, и затем делает из этого вывод: следовательно, они неправедно стали гнать меня; гнать за истину — какая тут правда? Потому и молится он: *помози* же мне, Господи, Покровитель всякой правды, неправедно гонимому! В этом заключается четвертая причина, почему следует оказать ему помощь. «Предпочитаю, пишет Феодорит, закон Твой, потому что вижу все заповеди Твои украшенными истиною; а в том, что они гонят меня — великая неправда».

---

[1] Мк. 13, 37.

На убеждении, что путь, которым мы идем, истинен, стоит твердость решимости неуклонно идти им, несмотря ни на какие препятствия. Оно дает мужество и воодушевляет, но при всем том не отнимает чувства скорбности гонений и не прикрывает неправедности их. Посему и при таком убеждении уместна молитва: *помози ми*; оно даже дает наибольшее дерзновение к молитве о помощи. Терпящий праведно не гонение терпит, а наказание[1] несет, — как же ему молиться: *помози ми?* — Это возможно для него лишь под условием покаяния. Но и при этом уместнее молитва: «праведно терплю; прости и помилуй!» Святой Амвросий пишет: «Не сказал пророк: поелику гонят меня, помоги мне; но *неправедно погнаша мя, помози ми.* Ведь иной может и гонение терпеть, но праведно; есть праведное преследование порока. Но когда кто терпит гонение за правду, за чистоту, за веру, такому прилично говорить слова пророка: *неправедно погнаша мя, помози ми*».

В словах *помози ми* можно видеть и молитву об избавлении от гонений, и молитву о помощи к перенесению скорбностей гонения. У ревнителей добродетели напереди стоит убеждение, что Бог лучше нас знает, что нам полезно во внешней участи нашей. «Как добрый воин, говорит святой Амвросий, пророк не бежит от битвы и не боится схваток с врагом, привыкнув к войне; но, как верный и испытанный, молится о ниспослании свыше помощи и благоговейною молитвою оживляет свое мужество. Не просит, чтоб улеглось преследование, но молится о помощи к перенесению его. Знал он, что хотящие благочестно жити не могут обойтись без гонений, посему охотно встречает их, чтобы только стоять в благочестии. Много у нас гонителей, и видимых, и невидимых; преследуют нас нечистые духи, преследуют еретики, язычники, иудеи. Все те, которые хотят благочестно жить, непременно бывают под гнетом гонений, так что и минуту, свободную от гонений, трудно улучить ревнителю благочестия. И, пожалуй, можно даже заключить, что когда не терпим гонений, то верно потому, что живем не совсем благочестно; ибо если верно изречение, что *вси хотящии благочестно жити о Христе Иисусе гоними будут*[1]; то верно и то, что, кто не терпит гонения, тот еще не начинал жить истинно благочестно о Христе Иисусе. Когда нет борьбы, то, я боюсь, не потому ли это, что нет желающего вступить со мною в борьбу? Господь сказал: *аще Мене изгнаша, и вас изженут*[2]. Святой Давид в духе слышал это слово прежде еще воплощения Господня и, будто ученик Христов, не уклонялся от воевания, но смело вступал в борьбу; ибо знал, что это утвердит его в благочестии, обезопасит ему спасение и принесет венец славы.

---

[1] Учение. — *Ред.*

---

[1] 2 Тим. 3, 12. – [2] Ин. 15, 20.

Стих восемьдесят седьмой

Вмале не скончаша мене на земли, аз же не оставих заповедей Твоих.

«Едва, толкует святой Афанасий, не лишился я жизни от гонений». «Уж они, прибавляет Зигабен, свалили меня наземь; еще немного, то и жизни бы лишили; но я и в такой крайности не оставил заповедей Твоих; в них поучаюсь и их храню». Сначала подходили враги со льстивою речью, желая склонить меня на свою сторону; но так как я не поддался им, то они взялись за другое и сравняли меня с землею, лишив всего и доведши до того, что хоть умереть. Но я перетерпел и эти смертельные страдания, а все-таки не отступил от заповедей Твоих. Точь-в-точь исполнялось это на святых мучениках.

В этом пятая причина, почему справедливо подание помощи и избавление от угнетений. Вот доведен я до последней крайности, а все стою. Если Ты испытываешь меня, Господи, то, кажется, испытание уже состоялось полное и пора положить ему предел; а так как, несмотря на крайность смертельную, Ты хранишь еще жизнь мою, то из этого я заключаю, что Ты, наконец, готов ущедрить меня покоем, потому и молюсь: избавь.

В нравственном отношении здесь можно видеть указание на самые сильные возбуждения греховности и устояние против них. Тут последний предел, до которого простирается и дело произволения человеческого в борьбе со страстьми, — не соглашаться на худое. Согласие и несогласие — всегда дело свободы; его никто насиловать не может, ни Сам Бог всемогущий. Но дальше этого успех уже нейдет, поколику он зависит от произволения. Укротить страсти, отсечь их от естества нашего, сделать их нечувственными, или, что то же, возвесть в чистоту, есть дело благодати Божией. Пророк и говорит в лице боримого: о, как сильны были возбуждения! Как бурный ветер наклоняет слабое растение до самой земли, так было и со мною; но я не поддался. Теперь я все сделал, что от меня зависело, доверши же, Господи, дело Своею благодатию и укроти борющие меня страсти. А пожалуй, выражает и опасение: устоять-то я устоял, но кто знает, устою ли после? Лучше возьми от меня, Господи, эти страсти!

Святой Амвросий выражает последнюю мысль: «Не напрасно прибег он к Божественной помощи, зная, что брань у него идет с сильными врагами и много предлежит ему схваток с ними: то нападают нечистые духи, то плоть восстает с своими приманками. Хоть и противостоишь им, а все боишься, как бы не пасть. Научимся же из сего опасаться более всего своего домашнего врага, которого всегда носим с собою. Не столько силен он, сколько льстив и разнообразен в приражениях. Он воспламеняется вином, горит похотию, возжигается от взора на мимоидущую случайно женщину, питается надеждою, но и от безнадежности не слабеет, возбуждается приманками, но не кончается и удовлетворением. А вот и поразители его: его надламывает страх, измождает труд, а страдания сокрушают его голову».

Стих восемьдесят восьмой

По милости Твоей живи мя, и сохраню свидения уст Твоих.

Цель жизни настоящей есть исполнение заповедей Божиих. Кто этого держится, тот носит в самом себе основу того, на чем, по промышлению Божию, может держаться жизнь его. «Но, замечает блаженный Феодорит, пророк слово свое украсил смиренномудрием, потому что просил жизни не как воздаяния за правду, но как дара милости, обещаясь хранить за то свидения Божии».

Как в предыдущем восьмистишии, молил-молил и наконец сказал: пусть будет так, как Твоей воле угодно, только да будет сердце мое непорочно, — так и здесь: просил-просил и в заключение говорит: ну, пусть торжествуют враги; только жизнь мне сохрани, чтобы мне больше преуспеть в хранении свидений Твоих,— заключает то есть преданностию в волю Божию, которая составляет существо молитвы.

В нравственном отношении эта молитва должна быть молитвою о благодатном оживлении. Святой Амвросий толкует этот стих так: «Страсти восстают и мешают мне верно исполнять заповеди Твои,— пошли же благодать, или усугубь благодать, оживляющую дух мой. Тогда святые духовные движения будут заглушать движения обессиленного греха, и я беспрепятственно буду хранить свидения Твои. Я воздерживаюсь от дел греховных; но отсеки самые страсти, чтобы мне, воззревая, например, на жену, не похотствовать на нее даже в сердце моем».

Или можно и так: *живи мя*, соблюди меня для вечного живота. Пусть эта жизнь идет уж тесно, но не лиши меня вечного блаженства; а я обещаюсь хранить свидения Твои, верность которым есть неотложное условие к получению блаженства в вечности. «Словами: *живи мя*, говорит святой Амвросий, пророк просил, конечно, не того, что имел, то есть жизни, ибо жил, но того, чего желал, то есть, чтобы жить в вечности, разумея блаженную жизнь. Зная, однако ж, что в этом многоволнующемся теле трудно сохранить неизменным доброе настроение души, он просит милости, чтобы непрестанно быть оживляему Духом и чрез то всегда жить для Бога и быть мертвым греху. Ибо когда мертв будет грех в нас — будет жива жизнь для Бога, и хранение заповедей продолжится непрерывно и постоянно, и проложит путь к вечной жизни в Боге».

ДВЕНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Двенадцатое восьмистишие следует под буквою или словом *ла́мед — учить*. Учить означает и то, чтобы других учить, и то, чтобы самому учиться, заучивать. К настоящему восьмистишию приложимо только последнее значение. В нем говорится о поучении в законе Божием, чтобы то есть уразумевать волю Божию и действовать сообразно с нею. Предмет этот многообъятен, и пророк неоднократно уже обращал на него внимание. В настоящем случае он показывает, к какому убеждению привело его поучение в законе Божием и какие блага оно доставило ему. Изучив закон, убедился я, говорит он, что если кто хочет истинно жить, то ему нельзя иначе сего достигнуть, как сообразуясь с законом Божиим, выражающим волю Божию о нас. Посмотри: на небе невидимом и на небе видимом, и на земле, и во всех явлениях ее, — все покорствует воле Божией. Если хочешь жить среди тварей, так устроенных, то направляй себя и ты по воле Божией; иначе будешь затерт таким общим движением, если пойдешь наперекор ей (стихи 89—91). Я так положил себе действовать, и вот что получил: при всех смирительных обстоятельствах, не погиб (стих 92); действуя по оправданиям Божиим, я ожил (стих 93); взыскав их, присвоился Богу и чувствую себя спасенным (стих 94); враги расставляли мне сети, но погибели моей не устроили, потому что уразумение свидений Божиих научило меня разгадывать их козни и миновать их (стих 95); наконец, вступив на путь воли Божией, я чувствую, что вышел на простор и свободу, вступил в область, которой нет предела (стих 96). Приступая к объяснению сего восьмистишия, святой Амвросий молится так: «Прииди, Господи Иисусе, отверзи нам дверь сего пророческого учения, так как она для многих затворена, хотя с первого раза и представляется отверстою».

Стих восемьдесят девятый

Во век, Господи, слово Твое пребывает на небеси.

В стихах 89—91 изображает пророк, как все в творениях покорствует воле Божией. В настоящем стихе говорит, что слово Бога живого непреложно исполняется на небе мысленном и вещественном; в следующем скажет, что и на земле все пребывает потому, что так устроил Бог по премудрой воле Своей; а потом прибавит, что все явления на земле, от великих до малых, каково, например, преемство дней и ночей, все совершается по воле Божией, чтобы из всего того вывесть: *яко всяческая работна Тебе.*

Во век, Господи, слово Твое пребывает: Какое слово? — То, которое изречено Богом, когда Он творил мир. Рече Бог: да будет свет — и бысть; рече Бог: да будет твердь — и бысть; рече Бог: да будет солнце, луна и звезды — и явились. И все, к чему тогда изречено: *бысть*, так то и пребывает. Воля Божия о бытии мира осуществилась бытием его; но и пребывает он потому, что пребыванием своим осуществляет волю Божию о своем пребывании. Хочет Бог, чтобы все пребывало, — и пребывает, и притом пребывает так, как Ему угодно. Слово Божие, Совет Божий и определения Его неизменны.

Во век тоже значит, что «испокон века», с самого то есть начала бытия вселенной. Но оно может означать и весь век сей, с начала бытия до преставления света, после коего явится *новое небо.* Потому-то и не сказано: во век века, или во веки веков, а только *во век.* Так объясняют слово святой Иларий, Анфим и проч. Во весь период настоящего образа бытия мира, как начало все быть на небе, так и пребывает и пребудет до скончания века.

Блаженный Феодорит пишет: «Тебе, Владыко, говорит пророк, все удобно и возможно, потому что повеление Твое хранят неподвижные своды небес». То же сказал он и в псалме 148-м: *постави я в век: повеления положи, и не мимоидет*[1].

Святой Амвросий делает из этого такой вывод: «Видишь, и в тебе должно пребывать то, что пребывает на небеси. Храни же слово Божие в сердце твоем, и храни так, чтоб оно не забывалось. Храни закон Божий и поучайся в нем. Если хочешь познать силу пророческого речения, вознесись от видимого к мысленному и бери из него нравственные уроки. Если слово Божие пребывает на небеси, будем подражать небу, где оно пребывает. С неба возьми пример для своей жизни. Есть ли какое-либо нарушение закона в солнце? Не всегда ли оно соблюдает обычный бег свой? И луна не всегда ли в одинаковом порядке умаляет или увеличивает диск свой? И звезд соотношение и движение (видимое) по небу не всегда ли одинаково? Так все на небе хранит свой закон и пребывает в своем чине. Так неизменно да пребывает и в тебе слово Божие, определяющее образ действования твоего».

Когда пророк говорит, что слово Божие пребывает на небеси, то прямо разумеет видимое небо; но при размышлении ничто не мешает от видимого неба вознестись и к невидимому —

---

[1] Пс. 148, 6.

сонмам ангелов и святых. «Этим же изречением, говорит блаженный Феодорит, пророк дает разуметь и то, что сонмы ангелов, обитающие на небе, хранят закон Божий и свободны от всякого преткновения». К подобной мысли приходят и святой Амвросий, святой Иларий, Анфим, Зигабен. Впрочем, и на этом небе показался было нарушитель воли Божией, но он скоро свержен был оттуда со всеми, кого успел увлечь; и теперь умное небо пребывает чисто, светлеясь в ангелах словом Божиим, пребывающим и составляющим неизменную норму всех их движений, и внутренних, и внешних. Воля Божия там исполняется в таком совершенстве, что Господь поставил нам в заповедь всегда молиться, да будет она и в нас так же, как и на небе ангельском.

Останавливаясь на этой мысли, святой Амвросий побуждает нас к ревнованию устроить и на земле подобное же небо. Как же это? — А вот как: слушай, говорит он, что пишет апостол: *якоже облекохомся во образ перстнаго, тако да облечемся и во образ небеснаго*[1]. Вот и небо! Такие люди имеют полное дерзновение говорить: *наше жительство на небесех есть*[2], ибо тут качествуют вера, воздержание, отрешение от всего, — жизнь небесная. Как землею назван тот, кто отпал от небесной благодати чрез нарушение заповеди и стал связанным земными страстями, так справедливо небом назвать того, кто отрешением от всего земного ревнует ангельскому житию. Небо там, где присущи небесные добродетели, хотя бы это было и на земле. *Небо Мне престол*, говорит Господь у пророка. Это не вещественное, полагаю, небо, а скорее то, в которое входит Христос и в котором вечеряет Он, постучанием раздражив наперед любовное желание принять Его. И не один Он входит, но с Отцем, как Сам сказал: *Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим*[1].

---

[1] 1 Кор. 15, 49. — [2] Флп. 3, 20.

Продолжая то же наведение, святой Иларий говорит: «Когда сказал пророк, что слово Божие пребывает на небе, то есть в мире ангельском, не следует думать, что его нет уже на земле, то есть в сердцах разумных тварей. Из нас (крещеных) нет никого, кто бы лишен был дара небесной благодати и кто не имел бы пребывающего в себе слова Божия, когда трезвится, со всеми живет мирно, воздерживается, милосердствует, вообще, когда покорствует заповедям Божиим, исполняя возлагаемые ими на нас дела. В тех слово Божие пребывает как на небе, в которых оно не нарушается ни гневом, ни похотию, ни лукавством, ни человекоугодием».

Стих девяностый

В род и род истина Твоя; основал еси землю, и пребывает.

---

[1] Ин. 14, 23.

После указания неотступности неба от велений Божиих следовало бы указывать неотступность от тех же велений и земли; но пророк вставляет в среду[1] одно крайне знаменательное изречение: *в род и род истина Твоя.* С какою мыслию?

Можно слова эти поставлять в соотношение с предыдущим стихом: против *во век* станет — *в род и род*, а *истина Твоя* будет стоять против — *слово Твое.* В таком случае они будут служить объяснением того стиха. И *истина Твоя* будет означать те же непреложные законы бытия неба, какие выражаются и словом: *слово Твое...* Смотрю на небо, и оно внушает мне, что слово Твое вовек пребывает; то же видел и предшествующий нам род, и запредшествующий. Из рода в род переходит истина непреложности учрежденных Тобою порядков на небе.

Но можно полагать, что в словах этих содержится нравственное приложение всего сказанного в первых трех стихах этого восьмистишия (89—91) о неизменности порядков мира физического. Указал он эту неизменность на небе, укажет и на земле: *основал еси землю и пребывает. Учинением Твоим пребывает день.* Следовало бы потом приложить: так в мире вещественном, но не иначе деется и в мире нравственном; и здесь — *в род и род* пребывает *истина* Божия. Рассудил же пророк поместить это не в конце, а выше, чтоб эту, по высоте небесной, высокую истину не отдалять от указания неизменности порядков Божиих на небе. Таким образом, пророк учит, что как в мире видимом неизменны положенные Богом законы бытия, так и в мире нравственном в род и род пребывает истина Божия. Какая же это истина? — И та, о которой всем поведают небеса, что есть Бог, Творец, Вседержитель, Промыслитель и Судия вселенной, Которому разумные твари должны угождать верным следованием законам, положенным в совести. Эта истина всеми исповедуется; во всяком роде и роде она заправляет главным образом жизнию народов, и нет силы, которая могла бы заглушить голос ее. Она пребывает в род и род и пребудет во все роды и веки веков. И особенно та истина, которая сообщена людям чрез Откровение. Бог открывал волю Свою Адаму, Ною, патриархам — родоначальникам избранного народа, особенно же Моисею на Синае. Но и после него не переставал Он вразумлять народ Свой чрез святых мужей, которым являлся Сам или посылал к ним ангелов Своих. Пророк Давид и сам на себе испытал такие откровения.

---

[1] Средину. — *Ред.*

Но эти откровения нередко касались частных случаев. Какая же истина из откровенных пребывает в род и род? — Та, что имел прийти Избавитель и спасти род наш. Эта истина составляла душу всех откровений и всех учреждений Божиих в народе Своем. Ее принял святой Давид от предшествовавших родов и передал последующим, живописуя в богодухновенных псалмах своих имеющего прийти Избавителя так, как бы видел Его воочию. В род и род исповедуема была эта истина до святого Давида; а он провидел, что ее будут исповедовать и в последующие века также в род и род. Всякий род приемлет эту истину от предшествовавшего, передает последующему и, исповедав, что она пребывала до него в роде и роде, ручается за то, что она пребудет неизменно и во все роды после него. И нет силы, которая могла бы пресечь шествие этой истины из рода в род.

Для пророка эта истина была только чаемая, для нас же она – совершившийся факт. Но вместе с тем как скоро она совершилась, то уже перестала быть достоянием одного народа Божия, а сделалась достоянием всех народов. И, однажды утвердившись в одном известном народе, она уже пребывает из рода в род и пребудет во все роды во веки веков.

Наши толковники при этом изречении пророка преимущественно останавливаются на переходе богооткровенной истины от одного народа в достояние всех других народов. Так, блаженный Феодорит пишет: «*В род и род истина Твоя.* Ее сохранил Ты иудейскому роду и другому, наставшему после него. Разумеем же народ из язычников, улучивший спасение от Спасителя нашего Иисуса Христа». Святой Афанасий говорит: «Два суть рода приявших истину Божию: иудейский народ, у которого есть закон и пророки, и Церковь. Посему истина Божия не в роды, но в род первый и в род второй. Прочие же народы пребывают в заблуждении. Но когда род первый отринул истину и сказал: ***возми, возми от земли таковаго***[1]; тогда истина от рода первого перешла к роду второму». «Итак, заключает святой Амвросий, во всех народах царствует ложь; истина только в Церкви, ибо все верующие составляют один род. Церковь всех объединяет, и она одна обладает истиною».

Стих девяносто первый

Учинением Твоим пребывает день, яко всяческая работна Тебе.

Конец предыдущего стиха: ***основал еси землю*** и ***пребывает***, соединяется в толковании с настоящим стихом, так как они вместе выражают одну мысль, именно ту, что и на земле, и на небе все совершается и движется по воле Божией.

Бог основал землю, назначил то есть ей место в цепи планет солнечной системы, и установил отношение ее к солнцу, луне и другим телам; и как Он установил, так все это и пребывает доселе, и пребудет, пока угодно Богу, чтобы пребывало так.

---

[1] Деян. 22, 22.

И на самой земле все основал Бог. Он расположил в стройном соотношении воздух, воду и землю, земные пласты, соли, металлы, — все дело рук Его, и где чему назначено лежать, там оно и лежит. Не сами собою являлись и разные роды растений, а вышли из земли по повелению творческого слова Божия; равно и животными наполнились воздух, вода и земля потому, что так повелел Господь всяческих. Так основал Бог землю со всем, что в ней и на ней, и как основал, так все и пребывает.

Учинением Твоим пребывает день. «Земле, говорит блаженный Феодорит, дал Ты долговечность, и она пребывает, как повелел Ты. День отделил Ты от ночи, и идут они по законам Твоим».

Вращание земли вокруг самой себя, при определенном отношении ее к солнцу, дает перемену дня и ночи. Но поелику Бог определил земле и вращаться вокруг себя, и быть в таком отношении к солнцу, то и перемена дней и ночей входила в план основания земли. Мы привыкли к этой перемене, и потому она не кажется нам чемлибо великим; но на деле эта перемена, от которой зависит и перемена времен года, условливает круговращение жизни всех тварей, сущих на земле. Когда говорит пророк, что *учинением Божиим пребывает день*, то хочет привесть нам на мысль, что порядки изменений на земле все определены Богом так, чтобы твари могли жить на ней, и если живут, то потому, что, по Божию учинению, пребывают неизменными те порядки.

Яко всяческая работна Тебе. Это вывод из всего сказанного и подтверждение того. Все рабски покорствует Богу, да иначе и быть тому нельзя. Творец есть и Вседержитель, и держимое держит, как Ему благоугодно. Когда говорит пророк: *всяческая работна Богу*, то не исключает ничего. Облако движется и несет дождь туда, куда Бог повелевает, чтоб одни поля оросить, а другие оставить палящему зною солнца. Буря несется, куда Бог ее направляет, и исполняет суды правды или милости Его. Огонь воспламеняется и иногда поедает грады и села, потому что так повелел ему Бог. И ничто не бывает случайно; все движется по законам милости Божией и правды, премудро и целесообразно.

Так и на небе, и на земле все покорствует Богу; но покорствует потому, что не может не покорствовать, не имея свободы. Одни разумные твари получили свободу и среди общего рабства тварей ходят независимо, как цари, не стесняясь узами неизменных законов. Бог почтил их самовластием, но не затем, чтоб они своевольничали, а затем, чтобы свободно и самоохотно подчинялись той же воле Божией. Дал и им Бог законы и начертал их в сердца их; но свободы их не связал, а оставил им на произвол — исполнять их или не исполнять, предупредив только, что если будут исполнять, то будут блаженны, а если нет, то страдать будут.

Рабство же всех тварей пред глазами их поставил для того, чтоб имели они в нем побуждение и напоминание. Если всяческая работна Богу, то и вам не пристало уклоняться от общего порядка. Подклоните же свою свободу под иго воли Божией самоохотно.

Когда в какой-нибудь многосоставной машине,— положим, на мельнице, где действует множество колес,— одно какое-либо колесо не захотело бы подчиняться общему движению, все другие колеса, не переставая действовать под влиянием движущей их силы, сотрут его и сомнут. Так и с свободною тварью: хотя свободно, но все же необходимо подчиняться обще со всеми тварями воле Божией, чтобы жить блаженною жизнию. Возымела она смелость отступить от воли Божией — и вот трут ее и мнут все твари, поучительно напоминая ей об ее отступлении от общего чина и попечительно призывая возвратиться в общий строй, чтобы вместе со всеми работать Богу всею душою, всем сердцем, всеми силами и всем помышлением.

Стих девяносто второй

Яко аще бы не закон Твой поучение мое был, тогда убо погибл бых во смирении моем.

Изъяснив, как все в мире работно Господу Богу, пророк умалчивает о том, что вследствие такого положения дел и он положил твердое намерение всегда ходить в воле Божией,— умалчивает потому, что это уж неизбежное дело для всякого, у кого есть разум, а говорит только о том, какие благие от того были для него последствия. Первое то, что в смирительных обстоятельствах только поучение в законе Божием избавило его от пагубы.

Мы видим, что пророк Давид с детства прилеплялся всем сердцем к Богу и всячески старался угождать Ему. За то и избран в цари народа избранного и по одолении Голиафа пошел счастливыми путем к возвышению. Вот уже он зять Саула; но враг возбудил в тесте зависть к нему, и Давид принужден был бежать из царских чертогов и скитаться среди ежеминутных опасений за свою жизнь. Один Бог хранил его в этих обстоятельствах. Пророк осязательно видел это и не переставал исповедать то, когда возвратились к нему счастливые дни.

За что же Бог являл ему такую милость? — За то, что он пребывал верен Ему и ни в чем не позволял себе отступать от сознанной воли Божией. Что с ним ни случалось, он смотрел не на то, чтобы было так, как бы ему самому хотелось или как бы сделать выгоднее и лучше, а на то, чего хотел от него Бог в том или другом случае; смотрел он в закон и в нем поучался, какой предлежит ему избрать путь, так чтобы это было благоугодно Богу. Чего бы лучше и сподручнее, как умертвить Саула, когда он лежал пред ним без защиты? Но ему и на мысль не приходило это, потому что лицо помазанника Божия считал он неприкосновенным. Страх Божий, всегда присущий сердцу его, удерживал его от злых не только дел, но и помышлений. А поелику он всегда был так настроен и имел всегдашнее удостоверение в своей совести, что не нарушал воли Божией в угодность себе, то сердце его полно было упованием на Бога, а такое крепкое упование всегда привлекает милость Божию и покров Его. Воспоминая об этом, он исповедует теперь, что тогда, в смирительных обстоятельствах, погиб бы непременно, если бы закон Божий не был наставником, которому он во всем следовал. Не будь этого – не было бы и покрова Божия над ним; а над кем нет покрова Божия, того подавляет злоба людская и козни исконного врага нашего спасения.

Так спасались от пагубы и все праведные. Что помогло Иосифу не затеряться в Египте и не пропасть без вести? – То, что он учился из закона Божия, как вести себя в нежданных и негаданных обстоятельствах жизни своей. Страх Божий был причиною того, что он сохранил целомудрие, а отсюда пошли уже и все милости Божии. Что спасло отроков в Вавилоне? – То, что, поучаясь в законе Божием, они имели его единственным руководителем, как действовать среди неверных, в руках которых была жизнь их. Отсюда мудрость их и спасение даже в пещи огненной. Что раньше всех их спасло Иова в крайне крутом перевороте жизни его? — То, что он всегда поучался в законе Бога своего и пребыл ему верным, несмотря на всякие соблазны.

Блаженный Феодорит пишет: «Это можно сказать всякому из благочестивых, впадающему в бедствия: и Иосифу, избегшему рабства, прелюбодеяния и клеветы, и Даниилу, получившему запрещение молиться, и трем отрокам, принуждаемым поклониться истукану, и победоносным мученикам, претерпевшим все роды казней. Так имел право говорить и Давид, изгнанный Саулом и принужденный жить с иноплеменниками и с людьми злочестивыми. Может быть, и он приобщился бы нечестию их, если бы не поучался непрестанно в Божием законе».

То же может исповедать и всякий подвижник, когда минует его буря страстей и сильные смущения от бесов. Блюдет его от падений страх Божий и непоколебимая верность закону Божию. Потому-то по миновании искушения и они всегда от сердца говорят словами святого Афанасия Великого: «От приражения лукавых помыслов и нападения сопротивных сил погиб бы я, если бы закон Твой не стал для меня опорою».

Стих девяносто третий

Во век не забуду оправданий Твоих, яко в них оживил мя еси.

Прежде пророк сказал о том, что спасительного испытал он от поучения в законе Божием и от верности ему; теперь говорит о своей решимости вследствие того: так как Ты соблюл живот мой, *оживил мя еси*, оставил в живых за то, что я поучался в законе Твоем и следовал ему во всем, то и вперед я никогда не забуду оправданий Твоих, следуя коим, человек является правым пред Тобою. «Дознав опытом, поясняет блаженный Феодорит, что оправдания Твои дают жизнь, я сохраню неизгладимое памятование о них». *Не забуду*, не памятию только и помышлением, а делом и жизнию, — не забуду то есть ходить в них, исполнять их. Опыты благих последствий от исполнения заповедей и оправданий Божиих воодушевляют решимостию навсегда оставаться верными им. С этим сладостным оживлением, которое дает жизнь по воле Божией, ничто не может сравниться. Желая оставаться навсегда в таком оживлении, я уж не хочу ничего знать, кроме оправданий Твоих. «Как оздоровевший, говорит Дидим у Зигабена, от какой-либо тяжкой болезни при пособии известных лекарств не забывает никогда про них, так и пророк, будучи оживлен Богом в оправданиях, какие имел от Него, говорит, что вовек не забудет их, выставляя побуждением к тому оживление свое в них».

Слово пророка указывает не на одно сохранение жизни телесной, ради верности оправданиям Божиим, но более того — на оживление души, которое всегда бывает в силе, хотя бы и не последовало сохранения жизни. Потому-то и говорит он: *яко в них оживил мя еси.* Это то же, что сказать: я чувствую в себе жизнь, которая качествует во мне чрез посредство оправданий Твоих. И действительно, где нет обличений совести, где нет предпочтения себеугодия богоугождению, несмотря на сопровождающие такой образ жизни произвольные и непроизвольные лишения, там только и есть настоящая жизнь; и, как настоящая, она не может не намащать души елеем радования, проникая все составы ее и всюду оставляя следы довольства и умиротворения. Посему святой Афанасий и пишет касательно этого места: «Буду взирать на Твои законы, потому что в них обретаю жизнь, как и сказал Ты мне, что *сотворивый та человек жив будет в них*[1]. Следовательно, жив один праведник, хотя, по-видимому, и умирает; а неправедные — мертвы, хотя и кажутся живыми, потому что первые в себе самих имеют основу жизни — правду, а последние, не имея этой основы, подобны неодушевленным вещам, которые не сами собою, а отвне приводятся в движение».

---

[1] Лев. 18, 5.

Таким образом, можно сказать, что если иные бывают неверны заповедям Божиим, то потому, что не успели испытать, сколь животворно действует на душу исполнение их. Испытать же не допускает их неверие: не верят, что так есть, и не делают опытов самоотверженного исполнения заповедей; тогда как противоположная тому жизнь представляется им предлагающею испытанные удовольствия, хоть удовольствия эти всегда отзываются горечью. Надобно поверить и вступить на путь заповедей. Сладость жизни по заповедям не тотчас дается вкусить для того собственно, чтобы посредством сего испытать веру и дать ей окрепнуть. Но она есть и ожидается теми, кои вступили на этот путь. Когда испытание пройдет, тогда дается ощутить и сладость жизни такой, как свидетельство того, что началось оживление души под благотворным действием верности заповедям, и чем дальше, тем ощутительнее это оживление. Наконец, вселяется в сердце и полнота жизни. Это уж тогда, когда приходит Господь со Отцем и Святым Духом и творит себе обитель в душе, ради долгой, постоянной и терпеливой ее верности заповедям.

Стих девяносто четвертый

Твой есмь аз, спаси мя, яко оправданий Твоих взысках.

Сам Бог присвояет Себе верно исполняющих волю Его, называя их Своими рабами, Своими верными слугами, друзьями, сынами и дщерями; и вступающие на путь заповедей чувствуют, что вступают как бы в некое свойство с Богом, становятся Своими Ему. Так бывает и между людьми: когда кто верно служит кому, то не считает себя чуждым ему и верует, что и тот, кому он служит, не считает его чужим себе.

Так и в деле Божием. Это взаимоприсвоение составляет духовный союз Бога с верными душами и душ верных с Богом. Вот это-то родство с Богом и исповедует здесь святой пророк: я Твой, говорит он, потому что *оправданий Твоих взысках*; взыскал я оправданий Твоих, и стал Твой. Верую, что и Ты имеешь теперь меня Своим; спаси же меня, как Своего. *Твой аз, спаси мя!* «Твой я раб, говорит святой Афанасий Великий, Твой я по благодати сын, Твой я служитель». «Не все, прибавляет блаженный Феодорит, могут говорить так: кто раб греху, тот лжет, именуя себя рабом Божиим: *имже кто побежден бывает, сему и работен есть*[1]. Посему, если мы, освободившись от греха, положим намерение следовать Божиим законам, то и мы можем говорить о себе словами пророка».

О, какого великого дара, какого неизреченного преимущества лишает нас грех!.. *Божий* — такое звание дается исполнителям заповедей Божиих, и не звание только, но самое существенное свойство и родство с Богом! Кто посвящает себя на служение Богу, взыскав оправданий Его, того Бог, благодатию Святого Духа, претворяет в нового человека, и бывает он Божий, как рожденный от Бога. Что значат пред этим все титла и все преимущества земные!.. А между тем мало кто помышляет об этом, беззаботно предаваясь греху в самоугодии плоти, тогда как грех не только ничего не дает, но расточает даже и то, что человек имеет от щедродателя — Бога. От того-то мы и не имеем права говорить: *Твой есмь аз*. Какие же мы, в самом деле, *Его*, когда совесть громко говорит нам, что мы только и делаем, что творим плотоугодие в похоти?

---

[1] 2 Пет. 2, 19.

Увлекаясь преимуществом такого титла, иной, пожалуй, и рванулся бы сказать: «Твой я, Господи», — но восстают ближайшие его господа, которым он работает, и зажимают ему уста. «Приходит похоть, разъясняет эту мысль святой Амвросий, и говорит: мой ты, потому что плотоугодничаешь, ты продал себя мне за любовь к такой-то; я заплатила за тебя твоим падением с такой-то блудницею. Приходит любостяжание и говорит: мой ты; серебро и золото, которое ты имеешь, цена рабства твоего; то, чем ты владеешь, есть уплата за твое самовластие (с моей) и продажа свободы (с твоей стороны). Приходит роскошество и говорит: мой ты; однодневное пирование есть цена за всю жизнь твою; эти роскошные яства есть уплата за твою голову; я купило тебя за чаши вина, стяжало за дорогие блюда. Приходит честолюбие и говорит: мой ты; разве не знаешь, что за то я доставило тебе власть над другими, чтобы ты мне покорствовал? Ты раб мой за то, что я подчинило тебе других. Приходят и все другие пороки и страсти, и каждая из них говорит: мой ты, — и тот, кому говорят они это в правду, не смеет и языка поворотить против них. Как же такому осмелиться сказать Христу Господу: «Твой я»? — Нет, ответит Он тебе: *не всяк глаголяй ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное*[1]. Не всякий, говорящий Мне: «Твой я», есть Мой. Ты Мой, если только совесть твоя не обличает тебя в лживости слова твоего, если речи твоей не противоречат дела и помышления сердца твоего. Не отрицаю, что тот Мой, кто сам не отвергает сего или, лучше, кто отвергается сам себя. Не хочу иметь рабом того, кто рабствует многим господам; ибо как будет Моим тот, кто языком говорит: *Твой есмь аз*, а делами опровергает это и жизнию своею показывает, что предан диаволу? Не Мой тот, кого разжигает похоть, ибо у Меня чистота; не Мой тот, кого возмущает скородвижный гнев, потому что Я — кротость; не Мой тот, кто услаждается пиршествами, потому что у Меня строгая во всем воздержность. У Меня мир, и вздорливости Я не ведаю. Что Мне до того, о ком диавол может сказать: «Он мой; он передо мною преклонил выю свою, и я нахожу в нем много своего? Имя-то он носит Твое, а служит мне». Святой пророк Давид праведно сказал: *Твой есмь аз*, потому что всегда предан был Господу, *яко оправданий Твоих взысках*, то есть я ничего не искал чуждого Тебе, но всегда желал одного того, что Твое есть: *оправданий Твоих взысках.* Они — единственное достояние мое; а чрез них и Сам Ты — часть моя еси, Господи».

---

[1] Мф. 7, 21.

Стих девяносто пятый

Мене ждаша грешницы погубити мя, свидения Твоя разумех.

Грешники — ненавидевшие меня, враги мои, — составили засаду, чтоб я попался в их руки, дабы погубить меня. Но так как я ничего не знал и знать не хотел, кроме свидений Твоих, то благость Твоя благоволила принять меня под Свой покров, и я избавлен был от рук их; грешники ждали благоприятного случая, и не дождались. Если искусный лоцман умеет провести судно среди подводных камней, то не тем ли более знает, как провести Своих, Господь среди всех окружающих и сретающих их опасностей? Тут как будто пропущено: Ты взял меня под Свой покров; но мысль эта прямо вытекает из предыдущего: *Твой есмь аз, спаси мя*; здесь же доразумевается только услышание сей молитвы. Святой Афанасий пишет: «Надлежало бы сказать:

внял я разумом (свидениям Твоим) и помышлением о Тебе (молитвенным), привлекшим помощь Твою, привел в недействительность злоумышления их». Или, пожалуй, такая здесь мысль: грешники строят ковы[1] мне, надеясь погубить меня; но я, оставаясь всегда верным заповедям Твоим и по ним одним направляя шаги мои, миную их ковы и бываю спасен. Я и не знаю, что там или здесь у них творится; но поелику я стараюсь всегда поступать только так, как внушают свидения Твои, то и прохожу безопасною дорогою и делаю тщетными покушения их.

Слова эти можно приложить к мученикам. Чего-чего не употребляли мучители, чтоб отклонить их от веры и таким образом погубить душу их! Но и ласки, и козни их оставались тщетными пред твердыми духом верующими, потому что они ничего не хотели знать, кроме явной воли Господа, завещавшей им исповедать Его пред человеками. То одно, то другое мучение употребляли мучители, ожидая, что вот-вот отвергнутся мучимые Господа Христа; но ожидания их не оправдывались. Святой Амвросий говорит: «Святой, вышедши из судилища, где изречен ему смертный приговор, мог сказать: *мене ждаша грешницы погубити мя*, — употребляли то есть все роды казней и мучений; но от исповедания моего отвлечь меня не могли. Вера победила приманки жизни и терзания тела. Ожидали грешники восторжествовать надо мною; но благодарение Христу Господу, даровавшему мне восторжествовать над мучителями моими! Оставайтесь побежденными, чаявшие одержать победу! *Где ти, смерте, жало?*[1] Не твоя, но наша уже начинает быть победа, потому что мы теперь побеждаем в тебе, в которой прежде были побеждаемы. Итак, прилично мученику сказать: *мене ждаша грешницы погубити мя.* Чрез минуту (по усекновении) видит он хоры ангелов и говорит в радости: меня ждали те, которые радуются о спасении всякой души, чтобы взять меня от земли,— видит там славу святых и говорит: меня ждали праведные восприять меня в сожительство свое,— видит Господа Иисуса и говорит: меня ждал Христос Господь, чтоб увенчать меня».

---

[1] Злоумышления, козни. — *Ред.*

Прилично говорить так и всем подвизающимся в богоугождении. Против них вооружается мир и с прелестями своими, и с своею ненавистью; им строят скрытые ковы исконные враги нашего спасения; и тот и те ожидают успеха, но когда человек, с которым вступают они в борьбу, всем своим умом занят лишь свидениями Божиими, то все покушения их погубить его остаются безуспешными. Как паутину разрывает он все сети врагов, и все стрелы их отскакивают от него, как от несокрушимого утеса. Другим полна душа его, в ином мире витает ум его, к иным предметам питает сочувствие сердце его; потому и искушения не увлекают его, а порождают неприязнь против себя, всеваемую духом молитвенным. Святой Амвросий влагает в уста подвизающегося следующие слова: «Грешники расставляли мне сети, чтоб увлечь меня на грех и заразою его погубить меня; но приманки греха не отвратили меня от созерцания предметов Божественного ведения и не отклонили внимания моего от углубления в заповеди Твои, Господи. В свидениях Твоих был я всем умом моим и только их разумел. Если бы я не был так предан им, то, может быть, грех и увлек бы меня, и я погиб бы: но *се* благодатию Твоею *есмь, еже есмь*[1]».

---

[1] 1 Кор. 15, 55.

Стих девяносто шестой

Всякия кончины видех конец: широка заповедь Твоя зело.

Кончина — συντελέια, окончание дела, может означать и самое дело, предприятие и начинание. *Конец* — πέρας — предел. Пророк говорит: всякого дела или предприятия и начинания видел я предел; начинается оно, продолжается и приходит к концу своему. Заповедь же Твоя широка зело, то есть не имеет конца; начни ее исполнять и никогда не дойдешь до того, чтобы сказать: кончил, больше не требуется. И еще: всякое начинание и дело занимает известный круг, в котором действует и дальше которого влияние его не простирается. Заповедь же Божия безгранична и так широка, что и предела нельзя ей назначить.

---

[1] 1 Кор. 15, 10.

В каком смысле можно говорить так о заповедях? — **Во-первых**, в том, что преуспеянию во всякой заповеди нельзя положить предела. Степени восхождения или совершенствования в каждой из них не имеют конца. Каждая заповедь обязует к свойственной ей добродетели; но на какую высокую степень ни стань в какой-либо добродетели, никогда не можешь сказать: «довольно», потому что есть еще степень ее, выше той, на которой ты стоишь. Возьмите милосердие: можно ли думать, чтобы кто-либо дошел в нем до последнего предела совершенства, когда пределом этим назначено милосердие Отца Небесного, в Котором все беспредельно? И какую кто ни возьми добродетель, последним пределом ее будет совершенное Богоподобие. А так как этот предел никогда не достижим для твари, то она вечно будет восходить до него и никогда не дойдет. Когда сказал Господь: *будите совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть*[1], то этим указал Он на обязанность созданных по образу Божию — стремиться к бесконечному совершенству во всякой добродетели. Если же обязательно достигать этого, — а никто не может сказать о себе, что уже достиг, — то отсюда само собою вытекает, что смирение есть самое естественное чувство у всех преуспевающих в добродетелях, и, чем кто выше по добродетелям, тем бывает смиреннее, ибо пред ним открывается бесконечный путь, который предлежит еще ему пройти. Если же бесконечный, то все пройденное — ничто; путь как бы еще и не начат. Потому-то такие люди, при всех усилиях и стремлениях, обыкновенно говорят: *не у достигох... гоню же, аще и постигну*[1]. Святой Афанасий пишет: «Это — слова со всяким преуспеянием восшедшего на самый верх добродетели, достигшего совершенного блага, многому положившего и начало, и конец. Ибо окончание первого усовершения служит началом последующего, по сказанному: *егда скончает человек, тогда начинает*»[2].

---

[1] Мф. 5, 48.

Во-вторых, широка заповедь потому, что вступивший на путь ее вступает в область воли Божией, которая объемлет все сущее и бывающее. Мысль эта стоит в согласии с мыслию первых трех стихов сего восьмистишия, то есть что все и на небе, и на земле покорствует воле Божией. Так как заповедь есть выражение воли Божией, то начавший ходить по заповедям вступает в беспредельную широту, где царствует воля

---

[1] *Не потому, чтобы я уже достиг, но стремлюсь, не достигну ли* (Флп. 3, 12). — [2] Сир. 18, 6.

Божия. Тогда как живущий не по заповедям, выходя чрез то из пределов воли Божией, подвергается утеснению и давлению со стороны всего, что покорствует воле Божией, — живущий по заповедям Божиим состоит в гармонии со всем, а благоприятное отношение его ко всему дает ему беспрепятственный простор бытия и действования.

Отсюда вытекает, **в-третьих**, то, что заповедь широка потому еще, что исполняющему ее дает широту, или полную свободу. Только ходящий по заповедям и собою обладает, и всеми делами своими и всеми отношениями своими распоряжающийся по-Божьему, не подчиняется внешнему, а, напротив, внешнее подчиняет себе. Каждая страсть и страстная привычка есть связка свободы, по которой человек становится рабом ее. Это всякий знает и испытывает на себе. Заповеди даны в противоядие страстям: навыкший исполнению какой-либо заповеди убивает противоположную ей страсть. А пошедший, или направившийся по всем заповедям, убивает все страсти; если же убивает, то уничтожает в них и свойство вязания; а если уничтожается это свойство, то, стало быть, человек получает полную свободу. Вот это именно и есть, как говорит святой апостол, *свобода чад Божиих*; в этом и состоит таинство искупления.

ТРИНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Тринадцатое восьмистишие идет под буквою или словом *мем — пятно.* Пятно — то же, что порок или недостаток в вещи, а равно нравственный недостаток какой-либо и, наконец, грех.

Рассуждая с этой точки зрения, встречаем вопросы: в чем состоят недостатки или пороки, пятнающие человека, и откуда они, какими следствиями сопровождаются и как поправить их?

В настоящем восьмистишии пророк показывает, как исправляются главнейшие пороки душевные: слепота ума, неправость воли и огрубение сердца, нечувствие. Все они исправляются поучением в законе Божием и верным ему последованием. Жизнь по заповедям открывает очи ума, и тогда он уразумевает все ясно (стихи 97 — 100), возвращает правость воле, упорядочивая все начинания ее (стихи 101, 102), восстановляет в сердце забытое чувство ко всему святому и божественному (стихи 103, 104).

Стих девяносто седьмой

Коль возлюбих закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть.

Коль возлюбих закон Твой, Господи, то есть как любезен мне закон Твой! Так взывает душа, испытавшая благотворные действия жизни по заповедям Божиим. Приступающий к исполнению заповедей может приступать к сему по страху наказаний, по стыду порока пред людьми, по убеждению ума, что так должно, еще не чувствуя влечения к ним, не зная, какой вкус сокрыт в них; тут он ведется, как ведомый, и трудится, как подъяремное животное. Но потом мало-помалу начинает ощущать благо от такого образа жизни и входить во вкус ее, и чем дальше, тем больше; наконец, удостоверяется, что ничего нет блаженнее, как удаляться от зла и творить благое, поучаясь в законе Господнем день и ночь. Тут уже прилежит он закону не по сознанию долга или другому какому-либо побуждению, а по сердечной любви к нему, ибо благого нельзя не любить. Блаженный Феодорит пишет: «Не всякий исполняющий закон Божий исполняет его по любви, но иные исполняют его из боязни и страха наказания, а иные – домогаясь славы от людей; искренние же любители добродетели стараются исполнять Божии повеления из расположения к добру».

Святой Иларий говорит: «Можно бы сказать: как точно исполняю я закон Твой! Но так как больше цены, когда кто делает что любя, а не страшась, то пророк и говорит: *коль возлюбих закон Твой!* Последование воле Божией по любви далеко отстоит от исполнения долга по страху.

Пророк и свидетельствует, что его покорность закону происходит от преданности и любви, а не от чего-либо другого. Многие соблюдают пост потому только, что боятся укора за то от пастырей; иные подают бедным потому только, чтобы не подвергнуться обличению в скупости; другие ходят в церковь из-за того лишь, чтобы избежать стыда, когда сделают им замечание за такое нерадение. Все такие делают не потому, что любят. В любви качествует самоохотное усердие к делу, делаемому с радостию и удовольствием. Кто что любит, тот того охотно и желает».

Кто что любит, тот о том непрестанно и помышляет. И пророк, возлюбивший закон, поучался в нем весь день; поучался при всяком деле, чтоб дело его было Богу угодно, не оскорбляло Его; поучался и на свободе от дел, заготовляя образчики для дел, чтобы при встрече с ними не затрудняться, как поступить; поучался и по тому одному, что такое поучение питает душу небесными Божественными стихиями помышлений добрых и чувств благих. Последний образ поучения чаще может иметь место, да он и удобоисполнимее. Есть в правилах отцов — с утра читать слово Божие с углублением, пока нападешь на такое место, которое падет на сердце. Такое место будет потом занимать тебя целый день, как ключ какой, заводящий играющую машинку. Иные для того, чтоб ум был занят весь день

Божественным, советуют заучивать псалмы на память и потом перечитывать их. Иные, посильнее умом, утвердив с утра ум в богомыслии, не отходят помышлением от Бога весь день. Все это, хоть и разное занятие, но одинаковое исполнение того, что говорит пророк: *весь день поучение мое есть.*

Для того, кто так поступает, и ночь как день или, лучше, для него нет ночи, а все день. Потому-то, может быть, и сказал пророк: *весь день*, не поминая о ночи, как делал в первом псалме: *в законе Господни поучится день и нощь.* Святой Афанасий пишет: «У преуспевающего день — когда живет он по закону, и ночь — когда не поучается в нем всем сердцем своим и не делает того, что должно делать по закону. А для преуспевших, которые соделались святыми, нет уже ночи, а все день». То же говорит и святой Иларий: «Что возлюбил пророк, тем и занят непрестанно: возлюбил закон, и поучается в нем беспрерывно весь день. Не отвлекают его другие занятия и не наводят забвения заботы и суеты века сего. Всегда он один и тот же, и всегда в одном и том же. Весь он в поучении в возлюбленном ему законе, что и делает из всей жизни его один непрерывный день».

Стих девяносто восьмой

Паче враг моих умудрил мя еси заповедию Твоею, яко в век моя есть.

Пророк начинает объяснять то, как преданность его заповедям отогнала слепоту от очей ума его. Враги нашего спасения чрез обаяние прелестей мира или чрез смятение помышлений, всеваемых ими, часто омрачают ум, так что он, как слепой, ничего не видит и действует наобум. Враги же в эту пору направляют его на худое; он и падает. Пророк уверяет, что он избавлен был от таких бед заповедию Божиею. Она умудряла его, раскрывая козни врагов и делая безуспешными все покушения их погубить его или сделать ему какую-нибудь пакость.

Кто знает заповеди, у того сама собою воображается в голове одна общая норма жизни. Она освещает все пути жизни и все соплетения обстоятельств. Недоумения не смущают его, и вопрос — как же быть, не ждет разрешения: все решается сразу. Но само собою разумеется, что не одному знанию принадлежит такое благо, а знанию, утверждающемуся на жизни. Умудрил, говорит, Ты меня, Господи, заповедию Твоею, то есть тем, что научил, как ходить в заповедях, предписав и дав мне силы исполнять их. Опыты жизни по заповеди умудрили меня, и врагам не удастся более обмануть меня: я стал мудрее их; не столько они хитры в устроении зла, сколько я мудр в делании добра, по воле Твоей.

Блаженный Феодорит пишет: «Пророк, исповедав, что пламенно любит закон Божий, приписывает все Божией благодати и говорит: от Тебя прияв премудрость и ведение, возлюбил я закон Твой, потому что Ты дал мне познание большее, нежели врагам моим».

Одна из хитростей вражеских состоит в том, чтобы внушить: однажды только согреши, а там, покаявшись, опять примешься за добрые дела. Против этого пророк выставляет нераскаянную решимость, высказанную однажды навсегда: ни за что не отступать от заповеди Божией; хоть умереть, а заповеди Божией не нарушить. Это и выражает он словами: *яко в век моя есть.* Такая решимость держит мысль всегда нераздвоенною, не допускающею раздумывания — уж не послабить ли себе? Такие пагубные внушения всячески старается всеять враг; но в том, кто держит на сердце: *в век моя есть* заповедь, они не оставляют следа, а как приходят, так и отходят.

Решимость такая: *в век моя есть,* — не иначе возможна, как при готовности и на смерть, если б без нее невозможно было остаться верным заповеди. Отсюда и сила ее непоколебимая. Кто обрек себя на смерть, того что уже может поколебать? А кто выступает на дело с саможалением, тот сам в себе носит изменника, который в час битвы предаст его врагам. Такой уж не перехитрит врагов своих, а бывает в руках их, как мячик, который они перебрасывают куда и как им угодно, на забаву себе и посмеяние ему. Святой

Исаак говорит о таких: «Поелику в самом начале не решились они предать себя на смерть, то во всех бранях оказываются последними и немужественными. Такие боязливы и более всего щадят свое тело. И враг, как бурею, гонит их, ибо не видит в них силы душевной, какую обык видеть во святых».

Стих девяносто девятый

Паче всех учащих мя разумех, яко свидения Твоя поучение мое есть.

Нет ничего дивного оказаться умудренным заповедию Божиею паче враг, но то дивно, что пророк, поучаясь в законе Божием, стал сведущее и разумнее всех учителей своих. Кто эти учители и как пророк превзошел их разумением?

Первого не сказывает пророк. Но кто бы они ни были, а все же люди, и пророк лучше их разумел, потому что после них взял его к Себе под науку Свою Господь, как сказал он пред сим. Так как Господь умудрил его заповедию, то он стал не только мудрее врагов, но разумнее и самих учителей своих — людей. Посему в этих словах выражается не какое-либо самовозношение или гордое мнение о себе пророка, а исповедание милости Божией в том, что Он, по благодати Своей, дал ему разуметь полнее и совершеннее волю Свою, нежели как передавали ее ему учители. Святой Амвросий говорит: «Слова сии могли бы показаться неуместным притязанием, если бы пророк не предпослал им сказанного пред сим, что умудрил его Господь. Тому, кого учила сама Премудрость, и нельзя было не разуметь паче всех. Потому-то и в другом месте говорит он: *блажен человек, егоже аще накажеши, Господи, и от закона Твоего научиши его*»[1].

Когда Господь поучает кого-либо, то разверзает ум и влагает в него сокровища ведения, или берет дух человека и вводит его в непосредственное созерцание открываемых ему вещей. Ум под действием Божиим видит, что угодно Господу показать ему, так же определенно и ясно, как глазами чувственными видит человек днем находящиеся пред ним в известном расстоянии вещи. И все это может совершиться мгновенно, и мера открываемого и созерцаемого может быть так велика, что его не вместит никакое человеческое слово. Так видел святой Павел, восхищенный до третьего неба; так зрели апостолы, когда Господь, явясь по воскресении Своем и дуновением сообщив им Духа, разверз *их ум разумети Писания.* В одно мгновение ум их узрел все, сокрытое в ветхозаветном Писании о совершившихся новозаветных событиях. И Господь вслед за тем только сделал общий вывод из того, что узрели апостолы: *тако подобаше пострадати Христу и внити в славу Свою*[2]. Так мгновенно и полно открывает

---

[1] Пс. 93, 12. — [2] Лк. 24, 45—46.

Господь небесное и всем, кого считает того достойным.

Но такие просветления ума необычайны. Обычный порядок обогащения ума ведением Божественным, и при непосредственном содействии тому Господа, есть просветление ума при изучении откровения, уже данного. Пророк и говорит, что он разумел паче учащих, *яко свидения Твоя поучение мое есть.* Трудился над изучением свидений Божиих с верою и молитвою, и Господь, видя усердие его и любовь, влагал в ум его такое постижение написанного, какое недоступно для своеличных усилий ума. Некто сказывал, что иногда, в час молитвы, ум его входит в созерцание Божественных истин, такое ясное и определенное, какого дотоле не давало ни свое исследование, ни прочитывание исследования других. Отсюда можно заключить, что истинное ведение откровенного и бывает только то, которое вселяется в ум именно этим путем. Труд исследования и углубления в свидения подготовляет, а благодать, в час молитвы, завершает ведение, просветляя ум созерцанием и печатлея зримое им в сердце. Всякое другое учение есть внешнее: одно это внутренне, духовно, Божественно и многоплодно.

Стих сотый

Паче старец разумех, яко заповеди Твоя взысках.

Во всяком народе старцы почитаются людьми, умудренными не только учением, но и опытами жизни,— лицами, составляющими твердыню общества, которые руководят советом своим вступившее в дело новое поколение и сочетавают собою прошедшее с будущим. Были такие и во время святого пророка в Иерусалиме, и, конечно, он нередко пользовался их советами при заведении благотворных порядков в своем царстве по всем отраслям управления. Но эти же опыты дали ему познать, что он разумел всякое дело гораздо лучше и вернее старцев.

И этому причина та же, какая и превосходству его над учителями,— именно, что Сам Господь умудрил его. Святой Амвросий говорит так: «И это не трудно,— чтобы то есть тот, кого учит Господь, разумел паче старец. Благодать восполняет лета, и мудрость старческая делается достоянием нестарого летами. Так как *возраст старости — житие нескверно*[1], то научение нескверному житию представляет старческое разумение. Когда святой Иеремия отказывался, за молодостию, от пророческого служения, то ему сказано было: *не глаголи, яко отрок аз есмь*[2]. Божий суд не почитал его отроком потому, конечно, что он имел сединную мудрость, которая сияла в нем всеосвящающею Божиею благодатию».

Так Божия благодать просветила и пророка Давида, потому и он разумел дела Божии паче старец. Но за что же такая благодать? — За то, что он взыскал заповеди Божии. Так как с детства поставил он законом всей жизни своей — благоугождение Богу неуклонным исполнением заповедей Его, то представлял в себе сосуд крепкий для вмещения токов Божественной премудрости. Она и излита была в него. *В злохудожну* же *душу не внидет премудрость*[1]. Если люди драгоценных ароматов не влагают в сосуды нечистые или дырявые, то вложит ли Господь премудрость небесную в душу, служащую страстям и потому нечистую и разбитую? И если бы, по преизбытку благодати, Он снизошел до того, то злохудожная душа не имела бы чем принять эту мудрость. Ум у нее набит понятиями ничтожными, низкими и ложными,— как же вместить ему высокие истины Божественные? Расположения сердца ее все обращены к предметам земным, чувственным,— как же оно постигнет доброту чистых неземных благ, чтоб одобрить их и поставить выше всего? Сжилась она с землею, и иной жизни представить себе не может,— как же уразуметь ей уроки, последняя цель которых в другой жизни? Между тем гордости ее меры нет, и она не задумается Самому Господу сказать: «Отойди, путей Твоих я ведать не хочу!»

---

[1] Прем. 4, 9.— [2] Иер. 1, 7.

Пророк именует себя взыскавшим заповеди не в том смысле, что всячески старался узнать, какие это заповеди Божии, а в том, что всячески заботился преуспеть в исполнении каждой из них и приобресть такой навык в этом, чтоб они все казались не предписаниями только совне, а естественными расположениями сердца. Сердце и по естеству настроено на всякое добро, но прившедшие страсти обезображивают его и извращают. Когда деятельное взыскание заповедей подавит страсти и восставит добрые расположения, тогда они сами становятся указателями того, что требуется по заповеди в том или другом случае. Как искусный художник, какое ни представься дело по его части, тотчас разумеет, как начать его, какие употребить материалы и какими инструментами действовать, так и взыскавший заповеди и навыкнувший в исполнении их сразу понимает, как в каком случае поступить: мудрость деятельная приседит сердцу его и толкует это. Оттого, что для другого составляет предмет многотрудного рассуждения, то для него не представляет никакого затруднения. Как естественно человеку дышать, так у него естественно исходят из сердца всегда благовременные уроки мудрости.

---

[1] Прем. 1, 4.

Стих сто первый

От всякаго пути лукава возбраних ногам моим, яко да сохраню словеса Твоя.

Слепота ума прогнана; вместо ее стали качествовать ведение и мудрость, подобных которым нет среди людей, долженствующих отличаться ими, и все это достигнуто поучением в заповедях и верностию им в жизни. Теперь пророк указывает, как исправилась и неправость воли; и это, говорит, совершилось тем же путем. Стал я возбранять ногам моим от всякого пути лукавого и от судеб Божиих не уклоняться, и воля моя исправилась, навыкла хранить словеса Божии и установилась в том.

Совесть наша и всегда внушает нам бегать зла, но не достает воли следовать ей. Приманки самоугодия пересиливают ее, и человек идет на злое. А сделав злое однажды, не удержится и в другой, а потом скоро образуется и привычка к известному роду самоугодия наперекор совести. Так образуется одна привычка, потом другая, третья, десятки, сотни. Когда опомнится человек и задумает шествовать право, угождать Богу, тогда он находит себя со всех сторон связанным и опутанным. Как же быть?

Блюди твердую решимость хранить словеса Божии, всячески подогревай и поддерживай ее, содержа в сердце своем страх Божий, память смерти и суда Божия и затем возбраняй ногам своим от всякого пути лукавого. Нельзя тебе вдруг возлюбить доброе, чтобы по этой любви держаться его. Начинай с неделания худого, и хоть привычная воля будет порываться на худое, держи ее в пределах должного силою решимости твоей. Зло началось в сердце, а окрепло в привычных делах. К уничтожению его иди обратным путем: прекрати дела, и чрез них дойдешь до пресечения зла в сердце.

Не ходи туда, где привык ты удовлетворять дурной привычке; пресеки сношения с товарищами греха и измени все порядки жизни, питавшие грех. Это значит возбранить ногам. Когда случай ко греху перед глазами, как удержаться от него тому, кто привык к нему? А когда случаи отдалены, то хоть и придут мысли на грех — пошумят-пошумят в голове и отойдут. И прогнать их тогда удобнее, чем тогда, когда не мысли только, но и глаза, и уши, и осязание, и обоняние будут обдавать тебя паром греховным. Святые отцы того, кто стоит пред соблазном, уподобляют стоящему на краю пропасти: как только вздумается врагу, он даже легким толчком может низринуть его туда. А того, кто удаляется от соблазнов, уподобляют они находящемуся далеко от пропасти: когда враг повлечет его в пропасть, он имеет еще время отбиться от него или воззвать о помощи и избавиться от беды.

Уклонение от путей лукавых отставляет зло и восстановляет добро в душе. Но это внешний труд; к нему надо присоединить внутренний — возбранение мысленным ногам от мысленных же путей лукавых. Мысленный путь лукавый таков: начинается злая мысль, привлекает сочувствие, возбуждает желание и склоняет на дело. Когда кончится этот мысленный путь ко греху, тогда следует путь внешний к совершению греха делом. Прекратил ты эти внешние хождения ко греху — доброе дело. Но не думай на этом остановиться, а старайся пресечь и внутренние пути к нему; ибо, несмотря на внешние уклонения от путей лукавых, мысленные странствования не тотчас прекращаются, а часто заходят туда и блуждают там. Итак, возбрани и мысленным ногам от путей лукавых, чтобы они не повели туда и телесных ног. Прогоняй мысли худые, уничтожай сочувствия, а более всего берегись склоняться на зло. Пока этого нет — ты все еще безопасен; но когда это появится — ты уже в опасности. Хотя и при этом можно еще миновать ее, но лучше не подвергаться тому, ибо предлежит борьба. Пропасть еще далеко, но враг уже уцепился и тащит туда. Главное в этом деле — уклонение от злых помышлений; они, как комары, жужжат: гони и не ослабевай. Если поспешишь заменить злые мысли добрыми, то дело твое во сто раз успособится и облегчится.

Стих сто второй

От судеб Твоих не уклонихся, яко Ты законоположил ми еси.

От лукавых путей возбранял я ногам моим, и от судеб Божиих не уклонялся, исполнял то есть то, что сам советовал другим: *уклонися от зла и сотвори благо*[1]. Это следовало уже само собою. Без дел нельзя быть; но если от злых дел уклонялся, то, конечно, от добрых не уклонялся. «Невозможно, говорит блаженный Феодорит, вдруг идти двумя путями — путем непотребства и целомудрия, правоты и неправды. Но должно избегать путей противоположных и идти путем правым. Только таким образом можно сделаться хранителем Божиих законов».

Судьбы Божии — это присуждения, как следует нам жить, определения воли Божией, или то же, что заповеди. Поэтому не уклоняться от судеб Божиих есть то же, что не уклоняться от исполнения заповедей Божиих. Для этого нет нужды за море ходить, чтобы сыскать случай к исполнению заповедей: случаи к тому всегда перед глазами. Как только возбранишь ногам ступать на путь лукавый, в то же время имеешь случай ступить и на путь правый. Просят милостыню, — путь лукавый состоит в том, чтобы не подать ее, а Божие присуждение — подать: подай, и возбранишь пути лукавому, и от судьбы Божией не уклонишься. Обидел кто, — лукавый путь ведет тебя к отмщению, а Божие определение — к прощению: когда простишь, возбранишь ногам от пути лукавого, от судеб же Божиих не уклонишься. Так и во всем. Посему неуклонение от судеб Божиих, можно сказать, состоит в следующем: смотри зорко кругом и под ноги себе и не пропускай ни одного представляющегося тебе случая сделать добро.

---

[1] Пс. 33, 15.

Случай на добро, какой у тебя пред глазами, есть то же, что прямое Божие повеление тебе сделать это добро. Уклонишься — Богу воспоперечишь. Пророк побуждением к неуклонению от таких судеб Божиих и поставляет: *яко Ты законоположил ми еси.* Сознание того, что в том или другом случае, как бы устно, Бог законополагает сделать такое и такое добро, есть самое сильное побуждение для богобоязненных к неуклонению от того добра. Когда кого посетит это сознание, тогда из него источается непреодолимая нравственная сила к покорности велению Божию. Кто живет в страхе Божием, тот не уклонится от него, хотя бы это стоило не только имения всего, но и жизни. Источник такого настроения — крепкая вера в Промышление Божие, определяющее все случайности нашей жизни, направляющее их все к тому, чтобы самым благонадежным образом содевалось спасение наше.

Ныне у нас много благотворительных учреждений. Не подумай, чтобы, сделав обычный взнос, ты мог считать себя уже свободным от частной благотворительности. То своим чередом, а это своим. Хоть и то устрояется не без воли Божией, но ближайшая и прямая воля Божия — случай на добро, который у тебя перед глазами. Если опустишь, то воспоперечишь Богу. У Бога много рук подающих, и без тебя найдутся такие, которые помогут; но Бог тебе сделал честь, чтобы ты помог и в своем лице представил благодеющую десницу Божию. Смотри же, не уклонись от этой чести, как в притче позванные на брак. Почаще поминай самарянина, который, нашедши на пути избитого разбойниками, не стал раздумывать, а тотчас сделал все, что мог, и за то похваляется Владыкою всяческих и предлагается в пример всем.

Стих сто третий

Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим.

Остается еще отогреть сердце, хладное ко всему святому и Божественному. Человек создан по образу Божию; стало быть, все Божественное должно находить в нем теплое чувство. Но когда человек ниспал от своего чина и вкусил от благ чувственных,— вкус к духовному закрылся, и область та стала для него землею неведомою; совсем забыл он, что это за блага духовные и божественные. Как слепой не понимает, что такое цветы, о красоте которых ему рассказывают, как глухой смотрит даже на инструменты, гармонические звуки которых чаруют всех, и ничего не может понять, что такое деется вокруг него, так и тот, у кого закрылось чувство к духовному, видя, не видит его, и слыша, не слышит, ибо *одебеле сердце*[1] его.

Кому неизвестна эта дебелость, огрубение и нечувствие сердца? Знают его и все боящиеся Бога и путем заповедей Его идущие. Но это временами лишь находящее замирание сердца; а где в силе страсти и разные пристрастия, там нечувствие и холодность к Божественному есть уже постоянное состояние. Тут душа мертва; воскресение ее начинается оживлением чувства духовного.

Первые удары в это чувство бывают очень болезненны. Оно поражается страхом смерти, суда и мук вечных. Отсюда обычным путем рождается страх Божий, который оживляет совесть и вместе с нею доводит до покаяния и решимости — оставить путь злой и прилепиться к Господу угождением Ему чрез исполнение заповедей Его. Но и тут полагается только начало оживлению духовного чувства. Больной встал, но он еще не имеет ни к чему аппетита: ест и пьет по убеждению, что надо есть и пить, чтоб не умереть. Таков и тот, кто вступил на путь Божий покаянием: нудит себя на добро и противится злу, но вкуса еще не находит в делах своих, делает по убеждению, что нельзя иначе, по обету и решимости делать все по заповедям.

---

[1] Деян. 28, 27.

Постоянство в самопринудительном делании начинает потом понемножку оживлять и чувство. Душа начинает ощущать приятность и сладость в том, в чем прежде не находила вкуса. И молитва начинает услаждать, и селения Божии (храмы) становятся возлюбленными, и милостыня доставлять утешение, и всякое воздержание радовать. Тут бывает то же, что при окостенелости холерной: трут больного без жалости и мало-помалу возвращают теплоту в охлажденные члены его. И в душе, пораженной холерою греха, делается то же: начинает тереть себя человек самопринужденным доброделанием — милостынями, постами, молитвами, — и понемножку оттирает свое замершее духовное чувство. Отсюда выходит наконец то, что он только и удовольствия находит, что в делах, угодных Богу; туда только его и тянет, на чем есть печать воли Божией; там только ему и приятно, где может он быть с Богом и в делах Божиих. Кто достиг сего, в том чувство духовное, значит, ожило. Вот это-то состояние и выражает пророк словами: *коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим.* Словеса означают заповеди Божии. Не такую, говорит, сладость оставляет в гортани мед, какую в душе — исполнение заповедей.

Стих сто четвертый

От заповедей Твоих разумех, сего ради возненавидех всяк путь неправды.

Чувство имеет две стороны. Если в одном находит сладость, то в другом, противоположном тому, — горечь, и сколько располагается к первому, столько же отвращается от второго. Пока живет человек в самоугодии и чувственности — духовное для него невкусно; когда же, покаявшись, оставит он самоугодие и пойдет по воле Божией, тогда, наконец, чувственное и самоугодное делается для него невкусным. Это самые решительные указатели нравственного состояния человека. Смотри, в чем находишь вкус, к чему сердце являет сочувствие, и по тому определяй — на добром ли ты пути или на недобром.

Надо заметить, что сочувствия к плотскому, страстному, самоугодному долго еще прорываются из сердца и по обращении, и после опытов трудничества над очищением сердца. Можно сказать, что на первых порах сочувствие все лежит на стороне прежней страстной жизни; оно только удерживается в пределах силою решимости. Потом начинает являться сочувствие к добру; далее оно уравновешивается с противоположным сочувствием к страстному; после берет верх над сим последним; затем сочувствие к страстному умирает, а наконец и все страстное, плотское, самоугодливое становится неприятным, душа начинает мерзить им. Это уже есть, как замечают святые отцы, свидетельство очищения сердца от страстей. Об этом и говорит здесь пророк: *возненавидех всяк путь неправды.* А как он дошел до этого? — *Разумех*, говорит, *от заповедей Твоих*; уразумел, что шествие по заповедям Твоим есть *едино на потребу*[1], и вступил на путь их; шествуя же ими, возлюбил их, так как они производили сладость в душе моей; а эта любовь и сладость дали мне возможность ощутить горечь неправды и возыметь к ней ненависть. Вот и конец врачевания души и предел искоренения недостатков ее!

Святой Василий Великий на вопрос: «Какой признак очищения сердца?» — не раз ответствовал: «Тот, когда человек возненавидит грех». Тот же ответ давал он и на вопрос, какой знак того, что прощены человеку грехи. И у святого Варсонофия такие же ответы. Последний говорит, что пока еще есть хотя малое сочувствие к чему-либо страстному, то значит, что душа еще нечиста. Если страстное назовем гноем, то эта мысль оправдывается сравнением с врачеванием ран. Рана не заживает, пока весь гной не вытянут; так и рана души еще не зажила, пока прорываются в ней сочувствия к греховному.

Отсюда выходит такой урок: опасно почивать на той уверенности, что я не делаю худых дел. Ибо, может быть, обстоятельства так сложились, что тебе лучше не делать худого, и не делаешь, а в сердце-то оно живет. Если Бог смотрит на человека по настроению его сердца, то и смотри, чего ты при сем стоишь и чего тебе должно ожидать. Не хвались исправностию внешнего поведения, а вникни в то, куда сердце лежит. Святой Макарий говорит: если ты сошел в глубь сердца и умертвил кроющегося там змея, то хвались; делами же одними видимыми нечего хвалиться. Как много на суде Божием окажется таких, которым Бог скажет: *не вем вас*[1], несмотря на то, что они сами себя и другие считали их усердными боговедцами!

---

[1] Лк. 10, 42.

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Четырнадцатое восьмистишие идет под буквою *нун*, что означает *племя*. Племя — отец, дед, прадед, сын, внук, правнук, со всеми прочими ветвями отрождений.

Есть своя племенность и в проявлениях духовной жизни. Святой Иоанн Лествичник допрашивает всякую добродетель и всякую страсть: кто у них отец и мать, кто дети и дочери и кто прочие родные? Значит, он представляет каждый вид добродетелей, а равно и всю добродетельную жизнь в виде доброго племени с родоначальниками и отрождениями их. Не другое что делают и святые апостолы, когда обозревают разом всю совокупность добродетелей. Святой апостол Петр пишет: получили вы дары благодати; теперь, *тщание все привнесше, подадите в вере вашей добродетель, в добродетели же разум, в разуме же воздержание, в воздержании же терпение, в терпении же благочестие, в благочестии же братолюбие, в братолюбии же любовь*[1].

---

[1] Лк. 13, 25.

Что это, как не перепись племени добродетелей? То же племя описывает и святой Павел, когда исчисляет плоды Духа: *плод духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*[2]. И в словах Спасителя о блаженствах не то же ли видится? Какие добродетели вводят в рай? — Смирение, сокрушение и плач о грехах, кротость, правдолюбие, милостивость, чистота, миротворство, терпение, странничество для всего[3]. Вот райское племя! Подобно сему и в настоящем восьмистишии пророк изображает племя добродетелей своим образом, в каждом стихе указывая на одну или две из них, существеннейшие в духовной жизни. Не перечисляем их предварительно: рассмотрение каждого стиха даст каждому видеть, какую добродетель восхваляет он в нем, а равно и то, в каком отношении поставляет ее к другим, сопредельным ей, добродетелям или, вообще, к духовной жизни.

---

[1] 2 Пет. 1, 5—7. — [2] Гал. 5, 22—23. — [3] Отстраненность от всего. — *Ред.*

Стих сто пятый

Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим.

Кто может так говорить, кроме веры, истинной, несомненной, не допускающей никакого раздвоения мысли? Принимая без раздумывания закон Божий, или волю Божию, выраженную в Откровении, вера стоит и идет твердою ногою по указываемому там пути, как твердо и с уверенностию идет путник по дороге, о которой знает, что она ведет прямо к его родному жилищу. Так ведет нас вера к Небесному Отечеству нашему. Для нее все ясно, и не бывает, чтобы какое-либо облако затемняло стези и чтобы она принуждена была обсуждать, как ступить и где поставить ногу. Вот вам неотложное условие благонадежного шествия!

Представьте себе человека, который идет по перегибающейся и трясущейся доске через глубокий овраг, — какой страх, какое замирание сердца, какая поминутная опасность упасть! Шаг-другой — и человек или падает, или возвращается назад, не находя возможности идти по такой перекладине. Представьте еще, что по какой-либо случайности все предметы, окружающие человека, начнут кружиться, земля покажется движущеюся, — он непременно упадет. А кто идет по твердому мосту и видит, что все окружающие его предметы стоят на своих местах, в обычном порядке, тот не испытывает ничего подобного. Таков и верующий. Как глаз видит все предметы вещественные, так вера видит предметы духовные, каждый на своем месте, в своем порядке и в своих отношениях к другим; оттого шествие при свете такой веры, исполняющей душу уверенностию, дающею шествующему смелость ступать небоязненно по предлежащему пути, никогда не сопровождается колебаниями, страхами и кружениями мыслей, потому и совершается благоуспешно. Напротив, шествующий без веры не может быть свободен от страхов; идет иногда и он, но словно по ножам. Оттого и не может продолжать шествия, а попытавшись, бросает.

Вера есть дар благодати, но семя ее положено в естестве нашем. Уму нашему следовало бы ясно зреть духовное и передавать его в руководство душе. Ум — естественное окно в духовный мир. Но так как грехом он закрылся, а жить человеку без ведения о духовном невозможно, то милосердому Господу благоугодно было дать внешнее слово в откровение сокровенных духовных и божественных вещей. Когда слово это принимается живою верою, тогда выходит то же, что если бы сам ум видел те предметы. Вера протирает это потускневшее окно, обращенное к духовному миру. Шествие путем веры очищает ум и возвращает ему действием благодати потерянную им способность зреть духовное и божественное.

Тогда и он, срастворившись с верою, силою Духа Божия, опять делается окном в Божественный мир. Другого пути туда нет. Суемудренная философия сколько ни пыталась разгадать ту область, всегда порождала только призрачные представления, иногда очень красивые, но всегда ложные[1].

Стих сто шестой

Кляхся и поставих сохранити судьбы правды Твоея.

Решимость угождать Богу и постоянная о том ревность есть первая дщерь веры. Что говорим мы в крещении? — Отрицаюся сатаны и всех дел его и всего служения его, и сочетаваюся Христу Господу, с обетом во всем всегда исполнять волю Его. Не то же ли повторяем мы и в покаянии, когда возымеем несчастие пасть горьким падением по крещении? Все это то же, что *кляхся и поставих сохранити судьбы правды Божией.*

Кляхся и поставих, то есть с клятвою положил себе закон правилом всей жизни моей. «Пророк, пишет Феодорит, *клятвою* наименовал твердое решение души, так как большая часть дел подтверждается клятвою». *Сохранити судьбы правды Твоея: судьбы правды* — присуждения, определения правды Божией, то же, что воля Божия, выраженная в откровенном слове Его. Кто скрепил себя таким решением и ревнует быть верным данному слову, тот скорее умрет, чем нарушит клятву свою. Отсюда — мученики, отсюда — подвижники и все, преуспевшие в святости жизни. Эта ревность составляет душу святой и богоугодной жизни.

---

[1] См.: Исаак Сирин. Слово 55.

Она то же, что паровоз на железных дорогах или паровик в пароходах. Пока она жива — движения жизни духовной не прекращаются и преспеяние в ней растет и растет.

Святой Исаак Сирианин во многих местах, касаясь веры, говорит, что она в первоначальном своем зарождении производит страх, напечатлевая в уме и проводя до сердца мысль, что грешнику непременно предлежит ответ пред праведным Судиею, у Которого не бывает на суде никакого лицеприятия. Страх этот пробуждает совесть и вместе с совестию приводит грешника к покаянию. Смысл же покаяния таков: согрешил — прости; не буду, хоть умереть. Это и есть решимость угождать Богу, крепкая, как смерть, с неугасающею ревностию о том. Так рождается перворoдная дщерь веры!

Породив ревность, вера освещает потом и весь путь ревнителя. Она сказывает, что должно делать вообще, как поступить в каком-либо частном случае, когда дорога разветвляется и дает многие стези; она же внушает, как держать себя, когда все благоприятствует делу нашему; она учит, как действовать при повсюдных противлениях ему. Таким образом, кто ходит при свете веры, восприяв без размышления всю Богооткровенную волю Божию, тот ходит как при свете ярко светящего солнца и ни за что не поткнется. И мощно шествие такого человека; вера его, отревая всякое раздумыванье, сосредоточивает силы на едином и делает действующего многосильным. Вера истинная и не замечает препон; она ходит выше всего, и ничто не поражает ее страхом. Пресекла ли отрокам путь, которым они шли, пещь огненная, и Даниилу — ров, полный зверей? Возмутили ли стопы ног святых мучеников предлежащие им страшные мучения? Отклонили ли от шествия вслед Господа подвижников ужасы пустыни, воздвигаемые исконными врагами спасения? *Во всех препобеждаем*[1], говорит святой апостол. Такова ревность, порождаемая и воодушевляемая верою! Хочешь ли преуспевать? — Молись: Господи, приложи мне веру, сильную, и не колеблющуюся!

Стих сто седьмой

Смирихся до зела, Господи, живи мя по словеси Твоему.

Ревность, порождаемая верою, ревнует сильно, но без самонадеянности, без присвоения себе чего-либо. Она может говорить, что *вся* может, но не иначе, как *о укрепляющем* ее *Господе*[2]; потому и исповедует: *благодатию Божиею есмь, еже есмь*[1].

---

[1] Рим. 8, 37. — [2] Флп. 4, 13.

Смирихся до зела: и слеп, и нищ, и наг, и прокажен, и расслаблен, и не знаю, что мне делать; а если б узнал как-нибудь и что-нибудь, то не умею как приступить к делу; желания мои разбегаются на разные вещи помимо воли моей, и сочувствия сердца моего обращаются к тому, что не благоугодно Тебе. Мертв я духом для все-го духовного: *живи же мя, Господи, по словеси Твоему.* Сам же Ты сказал: *живу Аз... не хощу смерти грешника, но еже обратитися... и живу быти ему*[2]. И я хочу обратиться — обрати же меня! И я, изъязвленный и обмерший, ищу оживления — живи же и меня по словеси Твоему! Если не Ты поможешь, *вмале* — и *во ад вселится душа моя*[3].

«Пророк, пишет блаженный Феодорит, не просто сказал: *смирихся*, но *смирихся до зела*, и говорит это, будучи царем и пророком, имея приобретенное добродетелию дерзновение к Богу и к людям, обилуя богатством и покорив всех своих врагов. Но и тут не хотел он возлагать надежду ни на мудрость, ни на мужество, ни на правду свою. Прося жизни у Могущего дать жизнь, он просит не жизни безусловно, но жизни разумной, сообразной с законом, обретающей славу свою в Божием законе».

---

[1] 1 Кор. 15, 10. — [2] Иез. 33, 11. — [3] Пс. 93, 17.

Так чувствуют, так мыслят и все ревнители спасения и богоугождения. Знают они, что это должно совершиться взаимодействием свободного произволения и благодатной помощи; но, испытав многократно, что *еже хотети прилежит им, а еже содеяти доброе не обретают*[1], они ни во что ставят свое произволение и ожидают всего от единой благодатной помощи. Потому-то исключительно ее испрашивают в молитве; ей приписывают всякое дело свое, ничего не присвояя себе, и всегда ни во что вменяя себя и не придавая себе никакой цены, какими бы совершенными ни считали их люди. Смирение — отличительная черта преуспевающих. Чем кто больше преуспевает, тем более смиряется. Когда ты стал считать себя сколько-нибудь праведным, то знай наверное, что ты пошел назад.

Сюда же относятся предписания старцев — не мерять себя, и понятно: кто вменяет себя ни во что, тому нечего мерять; а кто стал мерять, тот, значит, чувствует, что он что-нибудь значит. Потому у старцев первая молитва, повторять которую они советуют и другим: даруй мне, Господи, видеть грехи мои и оплакивать их всегда с сокрушением сердца, себя вменяя ни во что, чувствуя себя хуждшим всякого человека, достойным всякого презрения *здесь* и всяких мук *там*. Только в благодати Твоей научи меня искать помощи и надежду спасения полагать в единой благости Твоей, не хотящей, да кто погибнет.

---

[1] Рим. 7, 18.

Стих сто восьмой

Вольная уст моих благоволи же, Господи, и судьбам Твоим научи мя.

Вольная уст, то есть что самоохотно изрекают уста мои, то *благоволи* принять, Господи. *И судьбам Твоим*, тому то есть, что присуждено и определено волею Твоею, что составляет прямую Твою заповедь, *научи меня*, научи узнавать то во всяком случае, и исполнять с умением, во благоугождение Тебе.

В Ветхом Завете были жертвы, определенные законом, и были жертвы произвольные, которые всякий, по желанию сердца своего, давал обет приносить Богу. Так и в кругу нравственных дел: одни прямо определены законом, а другие оставлены на произвол, для засвидетельствования пламеннейшего усердия к богоугождению. «Большую часть преспеяний в добродетели, говорит блаженный Феодорит, предписывают Божественные законы, но присовокупляет нечто от себя и доброе произволение. Так и жертвы: были и узаконенные, были и произвольные. Жертвы о грехе и преступлении, жертвы о неведении повелевал приносить закон; они, как бы некоторый долг, воздаваемы были Богу; а жертвы, приносимые по доброму произволению, именовались дарами. Так и ныне: целомудрие и правду предписывает Евангельское слово, а девство и воздержание от брачной жизни, нестяжательность, отшельническая жизнь, пребывание в пустыне, это — дела доброго произволения, не состоящие в пределах закона. Пророк такого рода дела назвал *вольными*, потому что они не подлежат законной обязательности, а составляют плод боголюбивого произволения, и потому справедливо называются *вольными*».

Плод боголюбивого произволения может иметь место и при всяком добром деле. Так, когда представляется случай помочь другому, то иной делает это в мере, определенной апостолом, то есть не так, чтоб тому было довольство, а нам скорбь; а иной может превзойти эту меру и все отдать другому, лишив себя всего и оставшись ни с чем, с одним крепким упованием на покровительство Божие. Кто так делает, тот приносит произвольный плод боголюбивого произволения. Молиться Богу тоже надобно, и кто не молится, тот преступает заповедь Божию; но мера молитвословия зависит от боголюбивого произволения: всякий, с совета своего духовного отца, берет себе молитвенное правило и потом всякий раз может сокращать его или длить свое молитвословие. Так, положивший себе стоять на молитве по четверти часа или по часу, когда, вместо этого, по движению усердия промолится полчаса, час или два, то приносит *вольный* плод боголюбивого произволения. Так и во всех других делах.

Движения боголюбивого произволения надлежит оживлять при всяком деянии. Есть у нас недобрая случайность — обращать все в форму. Дела, предпринимаемые с живым усердием, без всяких посторонних побуждений, с одним желанием делать угодное Богу, — такие дела в первый раз совершаются со всею живостию чувства и внимания, во второй — эти внутренние движения бывают слабее, в третий — еще слабее и, наконец, дела такие начинают быть совершаемы без всякого участия души, и выходит одна форма внешняя. Кое-что доброе и делается, но все одно, как бы и не делалось оно, потому что Бог смотрит на то, что происходит в сердце, а если там нет делаемого дела, то Бог его и не видит. И сколько от этого гибнет бесплодно дел и трудов! Это похоже на то, как если бы кто сеял и без разбора бросал семена и за межу, и на дорогу, где они пропадают даром. Чтоб избежать такой случайности, опытные отцы советуют всегда действовать так, как бы ты делал дело в первый раз: всякий день лишь начинай. Так и о доброй жизни вообще, потому что она и вся может обратиться в форму, так и в отношении к каждому делу. Сколько бы ни шел ты по доброму пути, держи себя так, как бы ты только сейчас вступил на него; сколько бы раз ни делал доброе дело, всегда делай так, как бы делал его в первый раз. Этим способом ты всегда будешь приносить Богу жертву боголюбивого своего произволения, жертву живую, приносимую от полного сердечного усердия, а только это и многоценно в очах Божиих.

Стих сто девятый

Душа моя в руку Твоею выну, и закона Твоего не забых.

Верующий ревнитель о богоугождении предает себя всего в волю Божию. Забота его только о том, чтобы ни в каком случае не преступать Божиих заповедей; а о себе, о своей участи вследствие того, он и думать не думает, потому что душа его всецело в руце Божией. Обидел ли его кто – он порывается не на то, как бы отстоять себя и взыскать за обиду, а на то, как бы не рассердиться, не допустить движения мести, не почувствовать неприязни к обидевшему и расположить себя простить ему со всею охотою.

Но скажут: если всем прощать, то и жить будет нельзя – заколотят. Верующий предает это в волю Божию. Мое дело, говорит он, простить от души, а что будет дальше – это не мое дело; обо мне заботится Сам Бог: душа моя в руце Его. Такое предание себя воле Божией дает ему воодушевление на дела благие и исполняет нравственною силою. Всякое дело, какое ни возьмите, окружено опасностями или возможными неприятными последствиями. Возьмите пост: сколько опасений посевается при наступлении его! И желудок-то расстроится, и болезнь схватит, и дела остановятся, и чего-чего не наговорят! Но кто сказал однажды навсегда: душа моя в руце Божией, того не потревожат подобные опасения. Так и во всяком деле, и во всей жизни. У кого нет преданности в волю Божию, для того что ни шаг, то лев на пути, а по сторонам разбойники[1]. Вот он и отклоняется от пути правого, думая, что уж избежал этим от бед, а между тем этим-то и ввергает он себя в них. *Праведный же, яко лев уповая*, ходит[2], ибо знает, что Всесильный Покровитель его всегда при нем.

Опасения из-за добродетели тревожат обычно тех, которые сами думают устроять свою судьбу. Как все, что ни придумал бы человек в ограждение себя, есть не более, как сеть паутинная, и это знает он по многократным опытам, то и не может наверное полагаться на свои способы обезопашения себя. И придумывает их, и вводит в дело,— а все трясется, как осиновый лист. Такова участь всех надеющихся на себя. Да и Бог за то, что они не предают Ему душ своих, не оказывает им Своей помощи. Он как бы говорит им так: «Ты сам своими способами хочешь улаживать все в жизни твоей,— ну и улаживай! Я тебе не помощник». Так делает Господь для вразумления самонадеянного, чтобы опыты безуспешности своих способов побудили его поискать благонадежнейших опор. Но где их найдешь, если не в промыслительной деснице Божией? Итак, предай лучше участь свою Господу, и сам всю заботу обрати лишь на то, чтобы во всяком случае верно исполнить предлежащую заповедь. Действуя так, и покой найдешь, и благоуспешность будешь иметь, если Господь благоволит осчастливить тебя ею.

---

[1] См.: Притч. 26, 13.— [2] Притч. 28, 1.

Стих сто десятый

Положиша грешницы сеть мне, и от заповедей Твоих не заблудих.

Протянули, говорит пророк, сеть передо мною, а я все-таки не заблудил. Это прямое следствие преданности в волю Божию. Кто положил душу свою в руце Божии, тот не по земле ходит, а витает горе. Сети разостланы по земле, а он летает поверх их, не зацепливаясь. Потому-то как ни хитро сплетаются сети, а он все продолжает неуклонно идти путем заповедей.

Но эта неспутанность сетями вражиими и летание поверх их только сравнительно легки; на самом же деле — это дело притрудное, и не поддающаяся им сила есть терпение. Сети грешников — это приманки и устрашения со стороны мира и миролюбцев, и со стороны демонов.

Влечения ли страстной и греховной стороны, возбуждаемые приманками, или неприятности, гонения, лишения, опасности жизни нападают на шествующего путем богоугождения, дабы отклонить его от заповедей Божиих, — в том и другом случае, чтобы устоять на пути, нельзя обойтись без терпения. Терпение преодолевает напасти, терпение устаивает и против соблазнов. Оно — основа беспрекословной, постоянно верной заповедям Божиим жизни. Не будь его — шага нельзя сделать на этом пути. Блаженный Феодорит так же передает мысль пророка: «Много и люди, и демоны соплетают всякого рода козней, но я решился (с терпением) идти неблазненным[1] путем заповедей Твоих».

Мать терпения — тоже вера. Вера верует, что все, встречающееся в жизни, идет от Бога, и все направляется к вечному нашему спасению. Бог ничего не посылает такого, что могло бы ввергнуть нас в грех и послужило бы нам в пагубу; а если, по попущению Божию, и бывает какое-либо искушение, то для того, дабы, преодолев влекущее нас на грех, получить нам венец правды за твердую верность заповедям Господним. Следовательно, выдержи только это время искушений, и то, что представляется таким тяжелым, принесет отраду *здесь* и заготовит елей для вечной отрады *там*. Верующие так и терпят, и нет силы, которая превозмогла бы терпение их. Терпение от веры — это сила Божия, действующая в сердцах терпящих. Терпение дает постоянство в добре, а постоянство это делает бесплодными все усилия врагов и разрывает все их сети. Постоянство и само есть плод силы Божией, вселившейся в сердце ради верности его Богу. Как в мыслях наших бывает бурление, пока не осенит ума свет Божий, так и в воле происходит изменчивость желаний, пока не срастворится с нею сила Божия и не установит ее. Легкая нитка и на легком ветре качается туда и сюда, а повесь на нее тяжесть какую-нибудь — не покачнет ее довольно сильный ветер. Вот вам образчик постоянства в добре! От благодатной силы приходит некое тяготение к одному добру и делает желания наши недвижными с этого направления. Одно в ней — все направлять к богоугождению, во славу Пресвятого имени Божия. Когда это в душе созреет, тогда расставляй какие хочешь сети — соблазняемый не пойдет от Божиих заповедей. Он скорее согласится умереть, чем хоть сколько-нибудь уклониться от того, что угодно Богу.

---

[1] Чуждым соблазна, чистым. — *Ред.*

Стих сто одиннадцатый

Наследовах свидения Твоя во век, яко радование сердца моего суть.

Терпение предполагает нечто суровое, безотрадное. По внешнему виду оно, действительно, представляется таким; но внутри его движется отрада, столь сладостная, что с нею не может идти в сравнение никакое утешение мирское или житейское. Радость духовная есть неотложное достояние тех, которые с терпением постоянны в добре. Это самое и выражает здесь пророк: *наследовах*, говорит, *свидения Твоя*,— принял их, как принимают богатое наследство, усвоил их себе и ввек не расстанусь с ними, ибо они радуют сердце мое, не в будущем только обещая радость, но теперь исполняя сердце радостию,— и потому суть *радование сердца моего.*

Подумайте, в самом деле, чего мы все до единого желаем? — Счастия. А что такое счастие? — Состояние, радующее сердце. Счастлив, кого радует все, что есть в нем, у него и около него. Вот же вам и средство к тому: примите свидения Божии, определения воли Божией, засвидетельствованные Самим Богом, со всею любовию и желанием, и пребывайте в них, с твердым намерением вовеки быть верным им,— и это изольет в сердце ваше радость, которая и не отойдет от него вовеки, так что переход от сей жизни в другую будет для него не чем иным, как переменою радости здешней на радость нескончаемую и неописанную. Что это так, в этом уверяет нас пророк собственным опытом. Не что другое внушает нам и Господь в проповеди Своей о блаженствах. Все содержание Его беседы в кратких словах таково: хочешь быть блаженным, то есть всесторонне счастливым,— будь смирен, сокрушен сердцем, кроток, правдолюбив, милостив, чист сердцем, миротворен, терпелив и благодушен. А что это, как не «восприими свидения Мои как наследство и не расставайся с ними вовек»?

Нечестивому же несть радоватися[1], не только тому, кто прямо восстает против Бога и святых свидений Его, но и тому, кто хоть и исправен во внешнем поведении, но в сердце поставляет последнее благо свое не в Боге и не в общении с Ним.

У всех таких не бывает истинного радования сердца, а только минутные порывы на радость, сменяющиеся сильнейшею тугою сердца, как после молнии ночью минутная светлость сменяется густейшим мраком. Не то дают сердцу — оно и не радуется; рванется на иное, полагая, что это-то и может истинно обрадовать его, но, отведав, тотчас отвращается от того, тугою своею давая знать, что это не то, что ему нужно. Туга эта обща всем миролюбцам и греxолюбцам. Они заглушают ее немного, гоняясь без перерыва за радостями, но совсем заглушить не могут. Мало-мало, и она восстает со всею силою. Милость Божия так устроила, чтоб удаляющиеся от заповедей Его внутри себя всегда слышали голос, призывающий их на путь свидений, могущий истинно их осчастливить.

---

[1] Ис. 48, 22.

Скажут: а мученики, а подвижники? Сколько страдания у первых, и сколько лишений у последних! Но то-то и дивно, что ни страдания, ни лишения не отнимали радования от сердца, верного свидениям Божиим, а, напротив, усугубляли его, и не надеждою только в будущем, а действительным вкушением радости в настоящем. Не верить сему нельзя; когда сами страдавшие и терпевшие лишения не на словах только изъявляли радование сердца своего, а являли его делом.

Стих сто двенадцатый

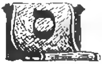
Приклоних сердце мое сотворити оправдания Твоя в век за воздаяние.

Приклонил я, говорит пророк, сердце мое вовеки к исполнению оправданий Твоих: чем же побужден приклонить? — Надеждою на воздаяние. Ощущаемое здесь радование сердца от верности свидениям Божиим не исчерпывает всего блага, подаваемого исполнением оправданий Божиих. Здешнее радование есть только начаток и ручательство за неописанное радование в вечности. Правда, оно и одно сильно поддерживать верность заповедям Божиим; но, чтоб от непривычки оно не ослабело или, явясь в малой мере, не подало повода удовольствоваться тем и ослабить ревнование об исполнении заповедей, в той мысли, что цель уже сполна достигнута, Господу угодно было объявить, что ревнителей об исполнении оправданий Его в будущем ожидает радование, перед которым здешнее и в сравнение идти не может. То радование неописанно; между тем и оно имеет свои меры, и меры сии зависят от трудов в соблюдении оправданий здесь. Чем больше кто потрудится *здесь*, тем большего радования сподобится *там*. В этой-то мысли пророк и решил в себе: если так, то я вовек буду блюсти определения Божии, и потом объявляет всем о таком решении своем, то есть что он приклонил сердце свое творить вовек оправдания в надежде воздаяния.

Очевидно, что надежда здесь обращена на будущее, но и земное пребывание длится немало и, следовательно, имеет свое будущее в пределах своего продолжения. Юноша ждет возмужалости, возмужавший — старости. Так и в нравственной жизни: новоначальный ищет стать в ряды преуспевающих, преуспевающий — в ряды совершенных. Вот тут-то силою, движущею вперед, и есть надежда, которая, обещая лучшее, манит все далее и далее и вызывает напряжение сил. Достижение того есть своя мера воздаяния. Вступающий на путь добродетели вступает сначала по страху Божию и требованию совести. Хоть и с самого начала чает он сего ради жизни истинного благобытия, но самое это чаяние держится лишь верою в Бога, неложного в обетованиях Своих, а из самой жизни он еще не получает подкрепления себе. Это подкрепление приемлется уже тогда, когда, после некоторых опытов жизни в этом роде, душа начинает ощущать плоды того. Ощущение плодов есть получение воздаяния, но это не прекращает надежды, в силу того, что если получил, то чего еще надеяться? Потому что, сколь бы ни было сильно ощущение благобытия от шествия путем заповедей, никогда не войдет оно в меру того, что обещает надежда, которая, по мере того ощущения, и сама возвышает свои обетования. Так по всем степеням совершенства духовного; а кто взошел на самый верх совершенства, пред тем уже она отверзает врата вечности и оживляет чаянием тамошних нескончаемых и неописанных благ. Вот какую оживительницу и утешительницу даровал нам Господь Бог в надежде!

Надежда – от веры; но когда ощущение это делается частым, тогда оно подкрепляет и самую веру. Таким образом, надежда воздает вере дань, как родоначальнице своей. Под взаимным их влиянием спеется святая жизнь, имеющая последнею целию созидание любви в сердце. Вера, окрыляемая надеждою, учит верно ходить в заповедях и оправданиях Божиих. Этот труд хождения и есть прямое их дело; но из него вырождается, наконец, любовь, полная, чистая, всепоглощающая. Сама пламень, она обращает в пламень и веру, и надежду; тогда весь дух человека становится пламенем. Это и служит свидетельством того, что он стал чист, и Бог, в Троице покланяемый, начал почивать в нем, благоволением Отца, святынею Духа и креплением крови Иисус Христовой.

ПЯТНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ



Заголовка к этому восьмистишию *са́мех — подпора.*

Есть нравственные расположения и решения воли и Божии устроения, относящиеся к сему, которые служат подпорою всей богоугодной жизни, проводимой в верном исполнении заповедей. О таких расположениях и Божиих устроениях и говорит в этом восьмистишии святой пророк. Первою подпорою тут выставляется решение воли любить закон — со стороны человека (стих 113), и всегда готовая для этого помощь — со стороны благодати (стих 114). Ни благодать без такого решения воли действовать не станет, ни такое решение воли без благодати сделать ничего не может. Когда же они соединятся, тогда действование человека и немощного становится мощным. В чувстве этой мощи он с дерзновением выходит на путь богоугождения (стих 115), не на свою, однако ж, надеясь силу, но на Божию помощь, уповая успеть во всем, при ее содействии (стих 116). Таков внутренний строй действующего по Богу. Далее пророк указывает, чем поддерживать эти самые опоры богоугодной жизни, именно: молитвою (стих 117), припоминанием Божия непощадения грешников (стих 118), усмотрением того, как жизнь их безотрадна (стих 119), и особенно страхом Божиим, который возбуждается представлением страшных судов Божиих (стих 120). И племя добродетелей в жизни по Богу, изображенное в предыдущем восьмистишии, есть того же свойства. Посему настоящее восьмистишие можно назвать продолжением предыдущего.

Стих сто тринадцатый

Законопреступныя возненавидех, закон же Твой возлюбих.

Под словом *законопреступныя* разумеются тут люди или совокупность людей — мир, и злые помыслы, возбуждаемые миром и всеми обычаями его; возненавидел, говорит, не только преступление закона, но и все, соприкосновенное с тем и ведущее к тому; *закон же твой возлюбих.* От того отвратился сердцем, а к этому прилепился. Не одно прекращение греходелания есть исправление нрава, но и сердечное отвращение от него; и не одно делание дел законных есть обращение на путь добра, но и сердечная любовь к ним. Такое настроение и есть полное начало богоугодной жизни, и вместе самая прочная опора ее. Пока есть сочувствие к чему-либо греховному и страстному, до тех пор нельзя считать состояния своего безопасным. Чуть что-нибудь,— и слабое сочувствие возрастет в чувство, раздражит влечение, вызовет желание,— вот уже и край рва падения. Тут то же бывает, что с искрою, тлеющеюся в пепле. Чуть ветерок сдует покрывающий ее пепел и пригонит что-либо горючее — тотчас задымится; не погаси — вспыхнет, не подави вспыхнувшего огонька — и пожар. Час-другой, и дом исчез, как бы богато ни был убран.

Так бывает и с нравственными пожарами и погибелью домов сердечных. Пересмотри же потщательнее — не кроется ли у тебя в сердце какое-либо сочувствие ко греху и страсти; и если найдешь, не поленись истребить его. Пробою сего да будет тебе то, чтобы, когда будет у тебя на глазах или в мыслях предмет страсти, ты не только бы относился к нему холодно, но имел желание оттолкнуть его ногою, как нечистое животное.

Не вдруг, как только обратится человек от греха к добродетели, уже является такая ненависть к греховному. Правда, есть она и тут, но еще слаба. Период борьбы со грехом растит и питает ее, потому что только эта борьба дает чувствовать всю враждебность к нам греха и злость начaловождя его — диавола.

Почувствование этой злорадной вражды со стороны, противной добру, даст, наконец, силу и ей отплатить тем же. А что грех будто — ничего, не враг, а приятель, — такое помышление не даст восстать и ненависти к нему во всей силе.

Ненависть ко греху растет вместе с любовью к добродетели. Опора доброй жизни есть собственно эта любовь, а ненависть ко греху проявляется только в минуту появления греха с целию приманить к себе. Тогда любовь к добру обнаруживается ненавистью к злу и опаляет зло при первом его появлении. Против этого движения любви не может устоять и сама злоба сатанинская.

Стих сто четырнадцатый

Помощник мой и заступник мой еси Ты, на словеса Твоя уповах.

Пророк не молится: будь Ты мне помощник, а исповедует, что Бог есть уже его помощник на добром пути. Полагая начало доброй жизни, начинающий молится: «Я постараюсь делать добро, только Ты, Господи, не оставь меня Твоею помощию» — и, веруя, что Бог не оставит его, вступает на путь добра. Но опыты жизни, в которых Божия помощь и Божий покров бывают осязательно видимы, укореняют в сердце убеждение, что точно так и есть, что Господь близ есть всем призывающим Его и хранит вхождение и исхождение их. Отсюда человек становится уверенным во всегдашней готовности Божией помощи и Божия заступления, как в своем собственном бытии. И сам в себе говорит он, и пред другими исповедует: Господь мне помощник, не убоюся, что сотворит мне злоба врага! Кругом меня полчища его, а я ложусь спать и спокойно засыпаю, сплю и встаю, не испытывая никакой тревоги, ибо знаю, что не воздремлет, ниже уснет храняй меня Господь, по благости Своей.

На словеса Твоя уповах, то есть на обетования, данные людям от Бога, с уверенностию в непреложности их: «ты только начни, а Я уж не оставлю тебя». Уповая на сии обетования, человек вступает на путь добра. Но потом, когда опыты жизни удостоверят его во всегдашней благости Бога и готовой помощи от Него, он исповедует пред Богом: теперь я совсем возложил упование мое на словеса Твои. Сначала еще могли быть кое-какие колебания; а теперь нет более им места.

Без помощи Божией нельзя преуспеть в добре. *Без Мене не можете творити ничесоже*, говорит Господь[1]. На эту-то помощь и надо возложить упование, а возложив, возжелать ее и взыскать. Первые движения добра возбуждает

---

[1] Ин. 15, 5.

Господь независимо от произволения человека, но потом, когда вступит человек на путь добра, Он является на помощь к нему не иначе, как по взыскании, хотя и близ есть. Господь Бог благоволил устроить так для того, чтобы человек не зазнался и дела благодати не стал считать долгом, ибо отсюда исходит ропот — пагуба душ. Упование есть уже взыскание помощи Божией. Это без слов — слово, сильно взывающее к Богу, так как Бог смотрит на то, что в сердце.

Упование на помощь Божию есть самая живительная сила на добром пути. Потому-то враг всячески старается не дать ему вселиться в сердце и, когда вселится — заботится ослаблять его. На первых порах внушает: станет тебе помогать Бог, Которого ты столько оскорблял! — и потом, на пути добродетели, чуть какое искушение, он не пропускает случая набросать помыслов: видишь, бросил тебя Бог! Так и идет человек с упованием, то возвышающимся, то слабеющим. А между тем оно все-таки растет и растет. Опыты Божией помощи питают его и возращают. Когда же оно окрепнет, тогда уже от всего сердца исповедует человек: *помощник мой еси Ты, Господи, на словеса Твоя возуповах.* Тут то же бывает, что с человеком, плывущим к берегу и бьющимся среди волн, когда он выбьется и станет на твердую землю. По другому сравнению, — уповающий истинно и совершенно то же, что дитя на лоне матери:

и тепло ему, и покойно, и бояться никого не боится. Но до такого состояния надо доходить.

Стих сто пятнадцатый

Уклонитеся от мене лукавнующии, и испытаю заповеди Бога моего.

Кто чувствует в себе силу, тот смело говорит тем, кои преграждают ему путь: подите прочь! Так и возлюбивший закон Божий и возвысившийся до крепкого упования на Бога, в чувстве силы не своей, а Божией, говорит и бесам, и злым людям, и злым обычаям и помыслам, словом — всему, что может мешать ему идти избранным от него путем: *уклонитеся от мене!* В этом выражается мужество и дерзновение, с коими возлюбивший заповеди идет путем их. Так и должно; иначе нет надежды, чтоб этот путь был совершен благополучно. Кто, пошедши в какое-либо неблизкое место, с первых же шагов начинает покряхтывать и побаиваться, тому не дойти до конца пути. Когда выступающий на бой, чуть только завидит противника, уж и начинает трястись от страха, — такой прежде схватки уже побежден. Так и вступающий на путь добродетели для борьбы со всеми врагами спасения, если не воодушевлен с самого начала мужеством или не воодушевится им по вступлении на путь, не в состоянии совершить его.

Такое мужество не есть необдуманная смелость или молодечество, свойственные неопытной юности, которая задорничает, не взвесив как следует сил своего противника. Нет, оно до малейших подробностей видит все трудности пути, исчисляет все силы врагов, но не отступает перед ними, а в надежде на помощь Божию готово все их подъять и преодолеть. Оно наперед уже поднимает их, примеряясь, как пройти ту или другую трудность и преодолеть того или другого врага. Оно готово на всякие труды, на всякое утомление и измождение, на всякие раны и поражения, даже на самую смерть. Оно переживает все это в чувстве, прежде чем испытает на деле, и если в сердце такого человека не закрадывается при этом страх, он мужественно вступает на путь, жаждая противностей, борьбы и трудов. Потому-то когда встречает их, то встречает не как что-либо неожиданное, а как нечто давно желанное: отчего они и не производят на него того действия, какого хотели бы устрояющие их. Мужественный идет так, как корабль, рассекающий волны.

Мужество нравственное свойственно человеку по естеству, ибо он обладает богоподобным духом, который мощнее тех сторон нашего существа, в которых заседает грех со страстями и чрез которые действует враг. Вступающий под действием страха Божия и совести на путь добродетели, переходит на сторону духа, потому он причастник и мощности духа, и свойственного ему мужества. Но так как дух, хотя и есть, бывает иногда сокрыт, так и мужество хоть и присуще бывает иному, но не проявляется, не будучи вызываемо. Говорят иногда в общежитии: откуда что берется. В жизни по Богу всего чаще можно встречать приложение этой поговорки, равно как и другой: не из тучи гром. Слабенький человек иногда являет такую нравственную силу, которая удивляет самых мощных. Может быть, не несправедливо будет сказать всякому вступившему на путь добродетели: *мужайся и да крепится сердце твое*[1]; иди, не робей, ты сильнее всех врагов твоих и мощнее всех преград. Воодушевись; враг расслабляет тебя страхованием, но только выступи смело, и его не станет.

Стих сто шестнадцатый

Заступи мя по словеси Твоему и жив буду, и не посрами мене от чаяния моего.

Мужественно вступающий на путь добродетели говорит помыслам и демонам: *уклонитеся от мене.* Я положил себе ходить и буду ходить только в заповедях Божиих; никакие ваши лести и козни не собьют меня с пути; я буду испытывать заповеди Бога моего и делом проходить их. «Не просто, поясняет блаженный Феодорит, буду следовать им, но испытаю их во всей точности, чтобы ничто в них не укрылось от меня и чтобы исполнено было мною все, что заповедал Господь всяческих».

---

[1] Пс. 26, 14.

Если взять эти слова вне связи с целым, то они отзываются как будто самоуверенностию, которая никогда никого ни к чему доброму не приводила. В связи же они означают только дух, дышащий мужеством, черпающий его из крепкого упования на Бога, к Которому и обращается в молитве: *заступи*; «сподоби, говорит блаженный Феодорит, заступления Твоего меня, принявшего намерение идти путем заповедей Твоих, чтобы, обманувшись в надежде, не быть мне исполненным стыда». Так говорит непосрамляющее упование, привлекающее к себе силу Божию и опирающееся на ней. *Вся могу*, говорит оно, но только *о укрепляющем мя Господе*[1], и верует, что Господь близ. Но так как Он Сам законоположил, дабы и мужающиеся, и дерзающие о Нем взывали к Нему, то и пророк взывает: *заступи*, хоть и уверен, что заступление Божие уже ограждает его, по неложному обетованию Его. *И жив буду*, разгоню то есть врагов, и останусь цел во всем моем нравственном устроении. А так как Господь, помогая уповающему, действует чрез душу на одоление врагов ее, то она не может не чувствовать сего притока силы Божией, а следовательно, и оживления чрез Него. Если Господь не берет назад данного, то данное, по случаю оживления, остается в душе; и по преодолении врагов она не может не сознать себя более живою, нежели каковою была она до наступления их. Кто испытал это однажды, тот в другой раз, прося помощи, не может не иметь в мысли и того, чем она сопровождается. *И жив буду*, большую то есть восприиму жизнь от Тебя.

---

[1] Флп. 4, 13.

Не посрами мене от чаяния моего. Не за себя стоит пророк, а за славу Бога, на Него же уповает. Все знают, что он уповает на Бога, и уповает по слову Его. Если Бог попустит врагам одолеть его, то покажется, что он напрасно уповал на Бога, и еще более — что Бог неверен в обетованиях Своих. Потому-то пророк часто повторяет в псалмах своих, когда обращается к Богу с молитвою о помощи: *да не постыжуся, яко уповах на Тя*[1], не как на бессильного и не могущего помочь.

Мужающийся потому мужается, что уповает на силу Божию. В нем совершается сочетание силы человеческой с силою Божиею. От человека, с его стороны, требуется воодушевление; но так как при этом истощается сила его, то, когда она совсем истощится, тогда начинает действовать сила Божия. Из сего следует, что и мужающийся испытывает полное чувство бессилия и взывает: *время сотворити Господеви*[2], — время Тебе действовать, Господи; *воскресни, востани!*[3]

---

[1] Пс. 24, 20. — [2] Далее, стих 126. — [3] Пс. 3, 8; 34, 2.

Итак, сколько бы ты ни был поражаем, и хотя искушения сильно колебали бы тебя и клонили долу, как сильный ветер клонит к земле гибкие стебли, не допускай мысли, что ты оставлен Богом: Господь близ и ждет лишь момента действования. Наступит этот момент, и враги рассеются, как рассеивается от ветра туман или дым. *Потерпи Господа, и Той сотворит*[1]. Закон воли Его таков, чтоб не давать никому быть искушаему выше силы его, а всегда в силу. Знай же это, и не робей, а смело смотри врагам в глаза.

Стих сто семнадцатый

Помози ми, и спасуся, и поучуся во оправданиих Твоих выну.

«Хотя, так объясняет этот стих святой Афанасий, и сказал пророк: *заступник мой еси Ты*, но чувствует нужду и в непрестанной помощи, ибо пока человек еще здесь, то не может сказать утвердительно: спасусь». Упование не отменяет молитвы, равно как и мужество — упования. Молись — придет помощь и увенчает успехом мужественное воодушевление твое. Так как ты не можешь знать, когда подступят враги и поднимут бурю помыслов и страстных движений, то непрестанно молись: *Боже, в помощь мою вонми! Господи, помощи ми потщися!*[2]

---

[1] Пс. 26, 14; 36, 5. — [2] Пс. 69, 2.

Уповающего и молящегося в уповании вражеские нападения никогда не застанут врасплох, или даже и подступить к нему не посмеют. Уповательная молитва прикрывает душу некоторого рода осенением; оттого врагам и не видно, куда метить стрелами своими. Есть сказания, что на иных святых нападали злые люди, но Бог прикрывал их, делая невидимыми. Враги такие поищут-поищут, и уйдут без всего. Так и от невидимых врагов прикрывает Бог душу, так что они не видят ее. Может быть, свет молитвенный поражает их зрение, как свет вещественный поражает зрение некоторых птиц, которые потому и не видят среди белого дня.

Случается, что иные злодеи являются обокрасть дом, а в это время хозяин с кем-либо долго разговаривает; злодеи не начинают своего дела до тех пор, пока не услышат, что умолк разговор. Продлись он всю ночь — всю ночь и простояли бы они, опасаясь приняться за свое злодейское дело. Так и ты, если хочешь, чтобы враги отходили от тебя без дела, не прекращай беседы своей к Богу: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!* Эта речь, хоть и молчком, мысленно будет совершаться в душе, но врагам она слышится гласно, и, пока будет она идти, ни за что не посмеют они подступить к тебе, потому что знают, о чем и с кем ты ведешь речь, и что им крепко достанется за дерзость нападения.

Иной скажет: вот я и молюсь, а страсти все же одолевают меня. Молитва молитве — рознь. Настоящая молитва никогда не даст в обиду; напротив, если по невниманию иногда в душе и раздражатся страсти, то прибегни только к молитве и совершай это дело как должно, — тотчас улягутся воздвигнутые недобрые движения. Хоть и не тотчас это последует, особенно когда страсти восстают по нашей вине, но всячески они не устоят. Молитва никак не допустит, чтобы занятый ею был одолен ими. Если же с кем и случится что-либо подобное, то верно оттого, что у него тогда молился язык, а душа лукаво посматривала на страстное. Тут уж не было молитвы, а одна форма ее. Настоящая молитва, по словам святого Иоанна Колова, вот на что похожа. Сижу я, говорит он, под деревом и вижу, что издали подходят звери. Не имея сил бороться с ними, я взлезаю на дерево. Подойдут звери, постоят-постоят и отойдут. Это взлезание на дерево есть предание себя молитве в часы приближения страстных искушений.

Молящийся то же, что птица, высоко парящая в воздухе. Ни сетью ее не поймаешь, ни стрелою не достанешь. Но когда она, заметив лакомые зернышки, слетит сверху и станет клевать их, тут и в сеть впутаться может, и подстрелить ее удобно. Так и молящийся неуловим для врагов, ибо высоко возносит его дух молитвенный. Но если он, оставив горнее, ниспадет на дольнее и начнет соуслаждаться то тем, то другим, то немудрено, что уловят его и увлекут на непотребные дела. А кто виноват? Не оставлял бы молитвы, так она и не допустила бы до падения.

Стих сто восемнадцатый

Уничижил еси вся отступающия от оправданий Твоих, яко неправедно помышление их.

В чем тут опора доброму нравственному настроению? – В помышлении о судах Божиих над грешниками, отступающими от оправданий Божиих. Когда искушает враг, то внушает, что грех – ничего: Бог милостив, не взыщет. Это он внушает даже ревнителям добродетели, расслабляя таким образом решение их быть всегда верными исполнителями святых заповедей Господних. Чтобы рассеять такое внушение, пророк и сам приводит, и другим советует приводить на память, как Бог карал и посрамлял тех, которые зазнавались и не хотели знать заповедей Его. Действительно, Бог многомилостив, и многомилостив до того, что если смотреть на одни Его милования грешников, то может показаться, что Он как будто поблажает греху. Чтобы не блазнило[1] кого-либо такое неправедное помышление, Бог Сам чрез того же пророка учит, чтоб из милостей Его не заключали о поблажке греху.

---

[1] Не вводило в заблуждение. – *Ред.*

«Я молчал, говорит Он грешнику, и не наказывал тебя, ожидая твоего обращения; а ты подумал, что Я подобен тебе, что поблажаю греху; нет, обличу тебя, и тебе самому представлю пред очи, сколько ненавистен Мне грех»[1].

А чтобы не подумали, что Бог грозит только на словах, угрозы Свои Он приводит иногда и в самое дело. И поразительные суды Его над грешниками переходили и переходят из рода в род, отрезвляя расслабляющихся и пробуждая предающихся нерадению. Вот об этом-то действии судов Божиих и упоминает здесь пророк: «Буду же,— как бы так говорит он, по истолкованию блаженного Феодорита,— буду иметь усердие к исполнению заповедей Твоих, зная, что нарушители их были уничижаемы и посрамляемы Тобою».

Итак, пусть каждый из нас почаще проходит в уме своем суды Божии и пусть старается, с одной стороны, возгревать ими усердие к добру, а с другой — отревать приманки греха. Сколько заботы и попечения явил Господь Бог в создании и устроении быта наших прародителей! А когда согрешили они, не посмотрел ни на что; изгнал их из рая, а с ними и весь род наш подверг уничижительному состоянию, в котором мы теперь и находимся. При Ное весь род человеческий предался нечестию, и когда не послушал вразумлений Божиих, то Бог не посмотрел на то, что их много, а всех погубил потопом. Не пощадил Он Содом и Гоморру с другими городами, и все попалил огнем и залил водою, которая и доселе своими особенностями внушает всем, как грозны суды Божии. Жена Лотова только оглянулась, чтобы посмотреть на истребительное пожарище, но так как это было нарушением воли Божией, объявленной с глазу на глаз, то она в то же мгновение и стала *столп слан.* А суды Божии над фараоном, над народами, занимавшими землю обетованную, над самими израильтянами, при многократных их отступлениях от воли Божией, их ассирийский и особенно вавилонский плен, и потом рассеяние их за богоубийство, что другое означают, как не то, что у Бога всегда готовы карательные меры для грешников и что если не всегда Он приводит их в действие вслед за грехом, то потому только, что ждет покаяния или оставляет людей дополнять меры грехов, чтоб полнее затем поразить их. Приводи все это на память в размышлении с самим собою, и отрезвляй сердце свое от расслабляющих помышлений. Если осмотришься, то и в своей жизни, и в жизни знаемых твоих найдешь, что, кроме милостей, коими покрывал тебя и других Бог, немало бывало и таких случаев, которые очевидно представляют характер праведного суда Божия для вразумления. Если так было тогда, то почему же можно думать, что не последует того же и теперь? Ограждай же себя страхом судов Божиих.

---

[1] Пс. 49, 21–22.

Обрати внимание и на последующие слова пророка: *яко неправедно помышление их*; может быть, это то помышление, которое он выставляет в других местах: не взыщет, не видит Бог. Но лучше видеть здесь указание на всякое неправедное помышление, на всякий злой помысл, противный воле Божией и склоняющий на грех и страсть, и помня, что не дела только карает Бог, но и помышления сердца, лелеемые втайне. За что поражены смертию Анания и Сапфира? — За неправедное помышление, что можно солгать Духу Святому. За что отвержен Симон? — За неправое помышление, что можно купить дар Духа Святого. Да, Бог зрит в сердце твое и готов наказать тебя за то, что и там есть неправого. Смотри же ты туда, и прежде Божия суда сам изгоняй оттуда все неправедное.

Стих сто девятнадцатый

Преступающия непщевах вся грешныя земли, сего ради возлюбих свидения Твоя.

Перебрал я, говорит пророк, в мыслях моих всех грешников земли, преступающих волю Твою, — и *сего ради возлюбих свидения Твоя.* Это значит вот что: достаточно и одного взгляда на состояние грешников, чтобы возгореться усердием к исполнению заповедей Божиих. Пророк не говорит, что увидел он в грешниках, а только — пересмотрел их и возлюбил чрез это закон Твой,— «обратил, прибавляет блаженный Феодорит, все усердие к исполнению Божиих словес, как познавший вред преступления закона».

Стало быть, вред преступления закона печатлеется на лице преступающих его. Внешнее положение их не всегда бедственно; оно бывает цветуще, и даже лучше, чем у верных закону Божию; но внутреннее их всегда бедственно. Яд греха, не истощаясь внешним злом, весь обращается во внутрь, и там производит полное разрушительное свое действие. Как моль точит платье, ржа съедает железо, так и грех истнивает и измождает душу во всех ее силах.

Все это, однако ж, происходит внутри и не видно не только для сторонних, но и для самого грешника; и это потому, что хотя зло это и в человеке, но человек-то никогда не бывает внутри себя, а весь всегда вовне, и потому не знает себя. Если бы пришлось ему взглянуть в себя и увидеть, что он такое,— то с ужасом отскочил бы он от греха, как пожирающего его чудовища, и сильнее пророка прильнул бы любовию к свидениям Божиим, чтоб избавиться от такого злодея.

Читайте у святого Павла изображение грешника, и увидите, что такое грех, как зол этот льстец, льстящий всю вселенную, привлекающий к себе обманом и потом безжалостно мучащий свою жертву. Посмотрите, как, по показанию апостола, ходят грешники: *ходят в суете ума, помрачени смыслом, суще отчуждени от жизни Божия, за невежество сущее в них, за окаменение сердец их: иже в нечаяние вложшеся предаша себе студодеянию, в делание всякия нечистоты в лихоимании*[1]. Куда как красиво такое лицо души грешной! А всякая грешная душа действительно такова.

Что говорит пророк — *несть радоватися нечестивому*, то испытывает над собою всякий грешник. Хоть он все почти смеется и хохочет, но это отнюдь не доказывает душевной радости, а одни лишь порывы заглушить внутреннюю тугу. Если хотите знать, сколько у него радости на душе, посмотрите на него, когда он во тьме ночной остается один с самим собою. Как гора, давит его тягота душевного состояния и выжимает из сердца тяжкие вздохи.

А каковы начинания его? — Лихорадочные. Не помню, где-то сказано: грешник всегда находится в состоянии парения. С виду это как будто умовое состояние, но плод его весь обращен на практическую сторону. Это парение роит предприятия; одно за другим возникают они в душе, вызывают планы, влекут к усвоению средств и началу дела. Одно дело не кончено, замышляется другое, третье и так далее. Хлопоты непрерывные, до упаду. У него нет времени; ему всегда —

---

[1] Еф. 4, 17—19.

некогда. Это истощает силы и между тем не дает опомниться. Вот так-то грех забивает грешника!

Кто не знает, что есть Бог, что Он о всем промышляет, что Ему должно угождать исполнением воли Его, что вот-вот смерть, а по смерти отчет, и по отчете решение? — Да, знает это и грешник и, пожалуй, расскажет вам все преисправно; но никогда не помнит об этом и не извлекает из того никакого приложения к жизни своей. Такую-то слепоту напускает на него грех, или, точнее, враг, начальновождь греха. Живет грешник так, как будто нет ни Бога всемогущего, ни смерти, всегда готовой взять его, ни суда, на котором уж никак не оправдаться ему. Далеко вперед, — ну, он и не засматривает: ныне, завтра, а дальше нейдет. Большею же частию даже и этого не бывает, и взор его ограничивается одним настоящим.

Слепота, неустанная хлопотливость и туга — вот что в душе грешника, в большей или меньшей мере. Оттого душа его покрыта мраком. Пишет некто, что если бы просветились взоры душ наших и дали бы нам узреть души других, то души грешников представились бы нам мрачными тенями, возбуждающими ужас. Такими всегда и видят их небесные силы и святые Божии. По такой темности узревают их и бесы как своих, входят в них и совершают в них свойственные им злодейства. Все это зрел пророк, и *сего ради возлюбил свидения Божии.*

Припоминай же почаще и себе, сколь пагубны последствия греха в душе, и возгревай чрез то усердие — скорее претерпеть смерть, нежели поблажить греху.

Стих сто двадцатый

Пригвозди страху Твоему плоти моя, от судеб бо Твоих убояхся.

Из указанных помышлений рождается страх Божий; а если страх уже есть, то он поддерживается и питается ими, и потом уже сам поддерживает и питает усердие всегда угождать Богу исполнением святых Его заповедей. Страхом Божиим зачинается спасительная жизнь по Богу, как поет и Святая Церковь: «страха ради Твоего, во чреве прияхом и родихом дух спасения». Но и потом, во все продолжение шествия путем заповедей, он не оставляет душу, и как верный страж блюдет ее, и как мудрый руководитель ведет ее незаблудным путем к последнему совершенству, научая делам и подвигам, прямо ведущим к преспеянию. Страх этот, вместе с преспеянием в жизни по Богу, изменяется, но всегда остается страхом, отрезвляющим, остепеняющим, учащим вниманию и бодрости, чтобы не допустить чего недолжного.

Блюди же страх Божий, возгревая его помышлениями о судах Божиих, как это делал пророк. Посмотри, о чем собственно молит он: *пригвозди*, говорит, *страху Твоему плоти моя.* Есть в нас высшая сторона — духовная, и есть низшая — душевная, животная, плотская. Та назначена для Бога, а эта — для жизни на земле; та лежит к Богу, а эта холодна к Нему. Когда там страх, эта не трогается страхом; а не трогаясь, может буйствовать, восставать на дух, и не только беспокоить, но и побеждать его. Зная это, пророк молится, чтобы страх Божий проник и эту низшую часть его существа: *пригвозди*, говорит, *страху Твоему плоти моя*, чтобы как дух благоговеинствует пред Тобою, так и низшие силы мои, проникнувшись страхом Твоим, не смели восставать против заповедей Твоих, а безмолвно покорствовали им. Блаженный Феодорит влагает в уста пророка такую речь: «Душа моя облечена в страх Твой, но так как тело и члены тела противятся душе, то умоляю пригвоздить и их сим страхом, чтобы, став мертвыми для греха, следовали они руководству души. Это то же самое, что изречение апостола: *умертвите уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоимание, еже есть идолослужение*[1]; и еще: *Христови сораспяхся: живу же не ктому аз, но живет во мне Христос*»[2].

Таким образом, пригвождение плоти гвоздями страха Божия, или, что то же, умерщвление плоти и всех удов, *яже на земли*, есть последняя и, должно сказать, самая надежная опора доброй нравственности. Плоть — седалище страстей; поблажка ей, даже малая и необходимая, приводит в движение страсти, как дождь приводит в движение уже иссохших, заморенных червей. Не ленись же умерщвлять плоть, и для того не переставай носить знамя страха Божия в сердце своем. Плоть — злая раба; она не может слушаться разумных внушений; ее надобно остепенять бичом страха Божия.

---

[1] Кол. 3, 5. — [2] Гал. 2, 19–20.

А как воспринять страх Божий, учись у пророка. Помышляй о судах Божиих, помышляй о неумытной[1] правде Божией, о смерти готовой, и о суде, имеющем решить вечную участь твою. При таком помышлении молись Господу, чтоб Он осенил тебя страхом и дал ему силу сокрушить все похотения плоти твоей. Капля пробивает камень, падая на одно место; так и молитва. Если часто будешь упражняться в ней — она пробьет окаменелость сердца твоего и введет в него страх; вошедши же в сердце, он начнет делать дела уже по роду своему. Не было еще человека, который не поддавался бы спасительному действию страха Божия. Когда он действительно установится в нем, тогда останется только поддерживать этот спасительный страх, не давая погаснуть ему. И это делается тем же путем, каким рождается страх. Пребывай в этом учреждении духовного своего строя, и пребудешь в страхе Божием, а страх сей научит тебя всему доброму. В этом и вся наука святой жизни. Если бы мы не попускали ослабнуть в себе страху — грех не посмел бы явиться в нас, и душа не посмела бы принять его в объятия свои, оставив Бога, Творца, Благодетеля, Спасителя своего.

---

[1] Неподкупной, беспристрастной. — *Ред.*

ШЕСТНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Заголовка к этому восьмистишию *аин — глаз.*

Глаз есть окно, чрез которое душа видит все, находящееся и происходящее вне ее. Но есть в нас и духовное око, чрез которое созерцается мир духовный, божественный.

Это — ум или дух, ведающий Бога, исповедующий Промысл Его, научающий покорности Ему во всем, стремящийся к Нему и видящий в Нем последнее благо свое. Это первоначальные естественные указания духовного нашего ока. Но в естественном состоянии око это помрачено и не зрит ясно. Отверзается же оно к яснозрению благодатию Святого Духа в верующем христианине, и только после этого начинается настоящее действование зрения духовного. Кто пойдет по его указанию, у того кругозор духовный все более и более расширяется, и мир невидимый раскрывается пред ним в большей ясности. Состояние это есть состояние созерцания. К нему предназначены все христиане, и христиане истинные действительно достигают его[1]. Тайны, какие видит духовный созерцатель, суть те же, которые открыты нам и в слове Божием, но с тем отличием, что он видит их существенно, а не мысленно только.

Впрочем, много распространяться об этом нет большой пользы; полезнее знать строй духа созерцающего.

Вера представляет все содержание его, любовь обнимает все движения его, надежда составляет основу или опору стояния его. Всеми ими определяется жизнь в Боге, сосредоточенным проявлением которой бывает преданность Богу. Преданный Богу живет в Боге, пребывает то есть в Нем неотлучно своим сознанием и вниманием. Так, когда кто, отворив окно, встретит занимательные предметы и прилепится к ним всем вниманием своим, то впивается в них очами и забывает все окружающее его, как будто, кроме того, ничего нет. Таков и преданный Богу. Оком ума прилепляется он к Богу и забывает все стороннее, словно его нет и не было. В этом одном сладость и рай его; сюда стремятся все желания его;

---

[1] См.: Исаак Сирин. Слово 55.

отсюда исходит всякая энергия его, в этом состоят все цели его. О таковом устремлении умных очей к Богу очень часто говорит святой пророк: *очи мои выну ко Господу*[1]; *яко к Тебе. Господи, очи мои*[2]; *возведох очи мои в горы* (горе, на небеса)[3]; *к Тебе возведох очи мои*[4]. Так выражает он «любительное» устремление умных очей к Богу. Но еще чаще говорит пророк об устремлении очей к Богу «уповательном», в преданности в волю Божию: *исчезосте очи мои от еже уповати ми на Бога моего*[5]; *очи всех на Тя, Господи, уповают*[6]; *се яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея, тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедрит ны*[7]. О сем-то последнем у святого пророка идет речь и в настоящем восьмистишии. Сокращенным выражением содержания сего восьмистишия можно назвать стих 123: *очи мои исчезосте во спасение Твое.*

Пророк указывает некоторые обстоятельства, с особою силою вызывающие упование и одолеваемые только им одним, выясняя при этом главное условие действенности упования, состоящее в верности воле Божией чрез исполнение святых Его заповедей. По существу дела бывает так: когда совесть нечиста, упованию нет места. Правда, пробивается оно и в состоянии греховном, но не иначе как после того, когда грешник решит в сердце своем не грешить более и положить начало богоугождению. Таким образом, уповающий одно око устремляет в руце Божии, в чаянии получить милость Господню, а другое – на заповеди, чтоб изменою им не заставить правду Божию сжать готовую ущедрить руку Его. Об этом во многих местах говорит святой Давид, равно как и в этом восьмистишии: *сего ради возлюбих заповеди Твоя* (стих 127).

---

[1] Пс. 24, 15.— [2] Пс. 140, 8.— [3] Пс. 120, 1.— [4] Пс. 122, 1.— [5] Пс. 68, 4.— [6] Пс. 144, 15.— [7] Пс. 122, 2.

Стих сто двадцать первый

Сотворих суд и правду, не предаждь мене обидящим мя.

И преданного Богу окружают неприятности, иногда видимые, но всегда невидимые. Бог – Покровитель тем, которые Свои Ему, и работающие Богу сознают это, исповедуя пред всеми и пред самими собой, что если они еще живы, то потому только, что десница Господня покрывает их. Отыми Господь десницу Свою, и враги живых их пожрут. В чувстве сей-то всегда грозящей беды они и взывают: *не предаждь мене.* Но при этом совесть может заграждать уста иному: взываешь ты – *не предаждь*, говорит она ему, а сам себя предаешь тому, что ненавидит Бог, – предаешь греху и всякой неправде. Пророк уверяет, что этого нет за ним, что он не сознает за собою ничего неправого и потому с дерзновением говорит: *сотворих суд и правду*, или так: «Тебе, Господи, не за что предавать меня врагам моим, не за что отнимать от меня защищающую меня десницу Твою».

Но, однако, кто же чист пред Господом? — *Никтоже, аще и един день житие его на земли*[1]. Как же можно сказать: *сотворих суд и правду?* — Можно, но в таком смысле: все, зависящее от меня, я делаю, дабы быть верным правде; сознательно нейду против заповедей Твоих и против воли Твоей: совесть моя не уличает меня в этом. Я всегда хочу и стремлюсь быть верным правде. Есть грехи, но грехи немощи, неведения, нечаянностей; а чтобы задумать грех и злонамеренно привесть его в дело, этого со мною не бывает. Так могут говорить очень немногие. Блаженный Феодорит спрашивает: «Кто имеет столько душевной чистоты, чтобы с дерзновением повторить слова пророка? — Тот, кто, подобно апостолу, может сказать: *похваление наше сие есть — свидетельство совести нашея*[2]. Вот по этому-то свидетельству и говорит так пророк. Правда, и он имел тяжкий грех, но очистил его искренним покаянием. Покаяние смывает нечистоту греха и после греха дает совести дерзновение свидетельствовать: *сотворих суд и правду*, особенно когда прямо от Самого Бога изречено прощение».

Итак, если желаешь, чтоб упование осеняло душу твою и ты мог с дерзновением изрекать к Богу: *не предаждь мене*, — будь верен правде, или заповедям Божиим. Упование есть самый нежный цветок в саду духовном, но и самый крепкий. Лишь только повеет на него тлетворное дыхание греха, он увядает; но когда нет этого, никакая сила не может сокрушить его; напротив, сам он укрепляет все благоуханием своим. Береги же этот цветок, храня себя самого от греха. Если же согрешишь, спеши очиститься искренним покаянием с тем, чтоб и от Бога совестию твоею услышать прощение. Давиду изрек его пророк Нафан, а тебе изречет облеченный властию вязать и решить отец твой духовный. И опять оживет в тебе цветок упования и, благоуханием своим проникнув все части естества твоего, сообщит ему несокрушимую крепость. Так действует соль на вещества, сами по себе вялые и удобрастлевающиеся.

---

[1] Иов. 14, 5. — [2] 2 Кор. 1, 12.

Стих сто двадцать второй

Восприими раба Твоего во благо, да не оклеветают мене гордии.

Враги не всегда явно нападают и причиняют человеку обиду; нередко делают они это и скрытно. Самое обычное для этого у них средство — злословие и клевета. Распускается дурная молва, и человек невиновный видит себя всеми оставленным и терпит всякого рода неприятности. Падает в общественном мнении, падает в своем благосостоянии, затем — бедность и беда за бедою, а откуда все такое — не видно. Главным деятелем в этом случае сатана-клеветник. Он сеет между людьми клеветы, подозрения, пересуды, клевещет даже пред Богом, как, например, на Иова.

Клевета есть наичувствительнейшее зло. Против обидящих пророк говорит: *не предаждь*; а против клеветников: *восприими*, то есть возьми меня на руки, подними на такую высоту, чтобы стрелы клеветы не досягали до меня, точно как будто на земле, среди клеветников, даже и Божие ограждение не в состоянии защитить от поражения этими стрелами, пропитанными ядом.

Восприими во благо, то есть в Твое благорасположение, в Твое благоволительное внимание, так как поднятие выше того уровня, до которого могут досягать стрелы клеветы, означает не тела поднятие, а того, что противоположно клевете — поддержание доброго мнения, и даже возвышение его. У Господа Бога много средств к тому, и Он нередко являет это делом; но Ему не всегда угодно бывает отражать клевету, хотя все же Он приемлет оклеветанного *во благо.* Бывает это так, что, оставляя клевету в ее злом среди людей действии, Он дает оклеветываемому ощутить благоволение Свое к нему и вместе с тем благо от самой клеветы. Клевета в таком случае и не поражает сердца; стрелы ее летят мимо, или хоть приражаются, но отскакивают, не причиняя раны.

Такое благо есть прямой дар Божий оклеветываемому; его не внесешь в сердце никаким напряжением воли, никакими соображениями в утешение себе.

Вот о чем молит пророк. Но основание той надежды, что он будет услышан, и здесь то же, что выше, то есть усердное работание Богу в исполнении святых Его заповедей. Потому-то и говорит он: *восприими раба Твоего.* Усердное работание Богу, безукоризненное свидетельство совести, — вот что дает дерзновение прибегать к заступлению Божию при клевете и что источает в сердце сладостное утешение! Невинному и богопреданному клевета причиняет не боль, а усиливает устремление умных очей его к Богу и разжигает более и более ревность оставаться верным Ему. А знающий за собою грехи бывает как будто пойман клеветою на месте преступления. Может и к нему прийти утешение, но только после немедленного и искреннего раскаяния, дающего дерзновение к Богу.

Стих сто двадцать третий

Очи мои исчезосте во спасение Твое и в слово правды Твоея.

Исчезосте означает усиленное желание — плод любви и приискренней веры в Бога защитителя. «Нимало не колеблюсь, говорит пророк, в уповании на Тебя, надеясь всецелым упованием привлечь заступление Твое. *Исчезосте очи мои во спасение Твое*, которое уповаю я получить не от кого иного, а от Тебя единого, Господи».

Слово правды, по Феодориту, означает «или обетование, в той мысли, что непрестанно ожидаю от Тебя спасения и исполнения обетования», или, по мнению святого Афанасия Великого, указывается этим, что очи уповающего устремлены не на одну всезащитительную и щедродательную десницу Божию, но и на слово правды, то есть на заповеди Его, *еже творити я*. Он говорит как бы так: «Хотя иные, живя беззаконно и не имея пред очами своими страха Твоего, отринули закон Твой, но я во всякое время только его исполнял, непрестанно поучаясь в нем». Из сего явствует, что стих этот есть полное изображение истинно уповающего на Бога. Истина непреложная, что неверный заповедям Божиим не может возводить к Богу уповательных очей ума своего. И Спаситель говорит, что Отец услышит всякого просящего во имя Его, но только тогда, когда при этом он любит Его и сохраняет заповеди Его[1].

Нельзя пропустить без внимания наведение из этого стиха, делаемое святым Афанасием Великим, который говорит: «*очи мои исчезосте во спасение Твое*, то есть в Божественное пришествие, от которого я ожидаю спасения и себе, и всему роду человеческому». Верность заповедям есть основа упования; но крылья восхождению упования пред лице Отца Небесного подает вера в Господа Спасителя. Посему Господь и сказал, что молящийся Отцу услышан будет не ради только того, что заповеди Его исполняет, но если при исполнении заповедей просит еще во имя Его. Вера в Бога — дверь пред лице Божие, а шествие к этой двери и прохождение чрез нее есть исполнение воли Божией и хождение по заповедям Его. То и другое: и веровать, и заповеди исполнять — необходимо.

---

[1] Ин. 14, 14—15.

Стих сто двадцать четвертый

Сотвори с рабом Твоим по милости Твоей, и оправданием Твоим научи мя.

Пророк выразил пред сим полную преданность свою Господу и полную готовность пребывать в воле Его; теперь, и по преданности такой, и по готовности, молится: *сотвори с рабом Твоим по милости Твоей.* Исповедуя рабство свое Богу, он не скрывает, что ходит в воле Его; но вместе с тем сознает, что в этом нет никакого твердого основания к получению благ, ожидаемых от Него, потому что сама совесть удостоверяет его, что хотя бы он и все повеленное сотворил, то все-таки был бы не более как раб неключимый: сделал то есть только то, что должно, и не подлежит лишь взысканию, а не то, чтобы получил право на воздаяние. Притом положим, что ты и все повеленное сотворил; да так ли оно Богу угодно, как тебя думается? Ты думаешь, что в делании твоем все хорошо, а Господь всевидящий может все сделанное тобою видеть недобрым. Где же тут похвала? Потому-то и апостол говорит: *ничесоже в себе свем, но ни о сем оправдаюся*[1], — как Бог то есть взглянет на нас. Может быть, во всем добре нашем Он не увидит ничего доброго. Потому лучше прибегать всегда к милости Божией, а не вступать с Ним в состязание по законам правды. Такую мысль в предложенных словах пророка видит блаженный Феодорит: «Делатель толикой добродетели (то есть святой пророк) желает сподобиться милости и просит по милости улучить спасение; не награды требует, но ищет человеколюбия». То же говорит и святой Амвросий: «И в другом месте то же чувство выражает пророк, говоря: *не вниди в суд с рабом Твоим*[2]. И в самом деле, сознавая себя грешными, мы должны прибегать более к милости, а не по праву требовать: милость всегда снисходительна, а правда взыскательна. Какая надежда людям вступать в состязание по законам правды с Богом, от Которого и сокровенное не ускользает, от Которого не сокрыт ни один грех наш? Зная это, пророк исповедует: *Тебе единому согреших*[3]. Не отвергая того, что может согрешить и праведник, потому что нет человека без греха, он и молится:

---

[1] 1 Кор. 4, 4. — [2] Пс. 142, 2. — [3] Пс. 50, 6.

сотвори с рабом Твоим по милости Твоей. Хотя и сделал, может быть, что-либо доброе, но обязан был сделать более как раб. Таким образом, хотя бы мы все повеленное сотворили, не пристало нам тотчас возноситься, но уместнее смиряться; ибо коль скоро мы сделаем что-либо, это не значит, что уже сделали все, лежащее на нас как на рабах».

Сотвори по милости — можно разуметь как молитву о благодатной помощи. При всем желании быть верным Тебе, не надеюсь явиться таковым; посему и прошу у милости Твоей помощи себе. «Пророк, пишет святой Иларий, сказал: *сотвори с рабом Твоим*; но так как рабствование наше, чтобы пребыть в чине своем, имеет нужду в милостивом вспомоществовании Божием, то прибавил: *по милости Твоей.* Естество наше немощно к достижению благих целей. Может оно желать и искать домочадства Богу, но совершить это есть дело Божией милости. Она хотящим помогает, начинающих укрепляет, приступающих приемлет. Но начинать надобно нам, чтоб она доводила дело наше до конца».

С этою мыслию согласуется и последующая мольба: *и оправданием Твоим научи мя.* Тут как будто ответ на вопрос: какую тебе сотворить милость? — Никакой, говорит, другой не хочу, кроме той, чтобы Ты научил меня оправданиям Твоим. Горю желанием быть Тебе во всем угодным, но не знаю хорошо, что Тебе угодно; а если бы и узнал, то не сумею сделать так, чтобы дело мое было благоугодно Тебе. Научи же меня и тому, и другому, — и знать, и делать. Но разве нет у тебя в руках писаного закона? Читай и узнаешь. «Так-то так, говорит святой Иларий, да не все, что читается, тотчас и понимается. В законе глубина премудрости, и простое слово его содержит великие тайны. Где мне дойти до того? Просвети же ум мой, введи его в созерцание сокрытого, и уразумею чудеса от закона Твоего».

Оправданием научи. Тому, кто не может не провиняться почти на каждом шагу, наибольшая потребность знать, как избыть[1] от вины и оправдаться. В законе прописан на всякий грех свой способ оправдания; но сила всех их не в них самих, а в Том, Кто есть Творец закона. Он дает настоящее оправдание, не только снятие вины, но и самую праведность, святое нравственное настроение. Его-то прозревать сквозь сень законную и молится пророк, чтоб, оправдавшись в Нем, всегда пребывать в Нем праведным. Христиане, пребывая всегда с Господом, от Него черпают оправдательные силы и влияния. Существо их — слезное покаяние, которое составляет подкладку всей жизни. Нет минуты, чтобы не каялся христианин, нет поэтому момента, чтоб не осеняло его оправдание. Но и этому надо учиться. Потому-то и нам прилично молиться: научи нас, Господи, оправданиям Твоим!

---

[1] Спастись. — *Ред.*

Стих сто двадцать пятый

Раб Твой есмь аз: вразуми мя, и увем свидения Твоя.

Когда раб, то значит — работаешь; если работаешь как раб, то конечно знаешь, что и как работать. Чего ж еще просить — *вразуми?* Казалось бы, работать, и только. Так нет, — *раб Твой есмь аз*, говорит, выражая тем всегдашнюю готовность верно работать Господу, а знания и уменья еще не видно. Я вседушно Тебе предан; ничего больше не желаю, как только ходить в воле Твоей, как ходят рабы по воле господ своих; только укажи, что сделать, и я тотчас сделаю, не щадя сил и живота моего. В этом случае он представляется воином, стоящим во всеоружии, готовым на битву и ждущим только команды. Как воин после команды уже не рассуждает, а немедленно бросается туда, куда ему приказано, таков и раб Божий по отношению к объявленной ему воле Божией: только бы познать ее — а там он тотчас принимается за исполнение, не задумываясь. Вот это самое настроение и высказывает пророк: *раб Твой есмь*, говорит он; скажи только, что сделать, и я сделаю. Остановка не за мною, а за приказом; как только приму к сознанию приказ, тотчас и за дело.

Блаженный Феодорит пишет: «По естеству все люди — рабы Божии, а по расположению — рабы те, которые охотно предают себя владычеству Божию. Пророк именует себя рабом, как принадлежащего к числу последних, и умоляет сподобить его разумения, чтобы познать Божии свидения». Продолжением этой речи можно признать слова святого Илария: «Не найдется никого из нас, кто в молитве или в обычной беседе не называл бы себя рабом Божиим, — что же особенное выражает пророк, говоря о себе то, что и всякий смело приписывает себе? Но иное дело сказать о себе, что раб, а иное — быть рабом. Наше слово выражает только сознание в совести необходимости быть рабами, а не то, что так оно и есть у нас. Пророку можно было исповедать себя рабом Божиим — и он истинно был таким во всех отправлениях жизни своей: ходил ли или сидел, спал или бодрствовал, вкушал ли пищу или постился, голодал или насыщался, — никогда не отступал он от познанной воли Божией. Посему без смущения свободно и исповедует он: *раб Твой есмь аз*».

Вразуми мя. Он просил уже: *научи*; теперь указывает, как бы он хотел быть наученным. Можно изложить учение письменно и дать в руки книгу законоположений. Когда нужно, обращайся к этой книге, там и найдешь требуемое указание. Но такое научение есть внешнее, а с ним никогда не окажешься наученным как следует. Пророк хочет не такого научения, а чтоб изображение воли Божией или одновременно все было написано в разуме его, или оказывалось написанным в нем всякий раз, как то потребуется. *Вразуми*, говорит, вложи то есть в разум, чтоб я носил то всегда с собою и всякий раз сознавал исходящим из разума моего начертание воли Твоей. Когда это совершится, тогда законоположение явится начертанным не на каменных скрижалях, а на плотяных скрижалях сердца. Предзрел пророк то, что имела даровать благодать Христова, и чаяниями сердца своего обнимал это дивное благо. Святой Афанасий пишет: «Просить разума, дарованного Богом и как бы хранящегося у Него в сокровищнице; потому что дух *премудрости и разума* и прочие блага суть Божии дарования».

Вразуми, и увем. Вложи в разум, и буду знать, — и не просто знать, а знать с удостоверением совести, что такова именно есть святая воля Твоя. Потому и говорит он: *увем свидения Твоя*; уразумею то есть, что в этом состоит прямо от Тебя исходящее свидетельство о воле Твоей. Самое драгоценное благо, сообщаемое только истинным рабам Божиим, состоит в том, чтобы неложно знать святую волю Божию, благую и угодную, во всех обстоятельствах и всех запутанных взаимноотношениях. Уменье неложно видеть для себя и определять для других волю Божию святые отцы называют даром «рассуждения помыслов». Сколько бывает помыслов, как будто и добрых, но следование которым может привести к очень недоброму концу! Получающий вразумление свыше тотчас разберет, где скрыта засада и уловка,— и избежит зла. Для нас же, немощных, какое руководство? — *Вопроси старцев, и рекут тебе*[1]. То великая милость Божия, когда Он воздвигает в среде нашей таких мужей; а когда не бывает их, это — кара Божия. Тогда уместно вопиять: увы! *оскуде преподобный*, ибо с этим оскудением соединено *умаление истины среди сынов человеческих*[2]. Всякий идет тогда по воле сердца своего, уклоняясь от истинных намерений Божиих.

Стих сто двадцать шестой

Время сотворити Господеви: разориша закон Твой.

Ревнитель богоугодной жизни не о том только ревнует, чтобы самому быть всегда во всем исправным, но и о том, чтоб и все, с кем живет он, отличались верностию заповедям Божиим. Славу Божию видит он в процветании добрых нравов. По силам своим он и старается содействовать сему процветанию, движимый к тому любовию к Богу и преданностию Ему. Успех в этом радует его, а неуспех заставляет скорбеть и мучиться, как мучился, по уверению апостола,

---

[1] Втор. 32, 7.— [2] Пс. 11, 2.

Лот среди содомлян,– мучится, но не остается в бездействии: то собственным примером, то словом убеждения во время благопотребное он старается повлиять на сокращение зла и возвращение силы началам добра. Имея такую заботу, он ревностно молится, чтобы Сам Господь Своим воздействием, внутренним ли то или внешним, привзошел в среду разливающегося зла и, разорив гнездо его, развеял, ослабил и уничтожил его. В таком именно положении и представляет себя святой пророк в этом стихе. С сокрушенным печалию по Бозе сердцем видел он, как небоязненно все и всюду разоряют закон Божий, и, видя безуспешность своих усилий противодействовать злу, взывает уповательно к Богу: «Разорили закон Твой, Господи! Время Тебе Самому действовать; человеческие усилия тут уже не помогут».

Слово *время* он употребляет, прозревая в планы Промышления Божия. Бог терпит грехам; но когда уже зло усиливается чрезмерно, Он карательно поражает людей для пресечения зла. Таких опытов было немало. По этому закону был потоп, была погибель Содома и Гоморры, поражение египтян, истребление хананеев. Приводя это на память, пророк взывает: *время*. Так понимает это блаженный Феодорит: «Бог, говорит он, распоряжающий все весом и мерою, весьма долго терпит грехи человеческие; но, когда видит, что при долготерпении Его возрастает лукавство, тогда налагает наказание». Посему и пророк говорит здесь как бы так: «Время, Владыко, восстать на помощь обиженным, ибо враги совершенно попрали закон Твой». Взывать таким образом побуждает и ревность о славе Божией, и любовь к людям, как к братьям, и, в некоторой степени, стыд, что так оно есть. Когда несколько русских сделают что-либо нехорошее, всем русским бывает стыдно, в сознании того, что те немногие срамят весь русский народ; так и пророк, объединяя в своем сознании всех людей и видя, как они нечестиво поступают пред Богом, стыдится за всех их и молит Самого Бога отъять этот стыд, словно боязно ему стоять пред Богом, пока на людях, среди которых живет он, лежит то пятно, что они разорили закон Божий. Такое чувство обнаруживал и пророк Исаия, когда, выражая страх от видения славы Божией, говорил, между прочим: «среди людей, нечистые уста имеющих, живу я».

Наши толковники полагают, что святой Давид изрек это, стоя в пророческом духе пред явлением Сына Божия чрез воплощение на спасение наше, когда повсюду господствовали нечестие и разврат. Молитва его есть молитва о пришествии Избавителя. Болезнь созрела; время прийти Тебе, всемощному Врачу, и исцелить от нее больное человечество. Святой Амвросий пишет: «Хорошо сказал: *время сотворити; ибо есть время молчати и время глаголати*[1]. Пришло ему время говорить — он и заговорил, напоминая, что пришло время пришествия Господа. Так как закон разорен, то да приидет наконец совершение и исполнение закона — Господь Иисус, и дарует нам отпущение грехов и, разодрав, еже на нас, рукописание, спасет всех грешников. *Время*, вопиет, *сотворити.* Так бывает, когда усиливается болезнь и подвергает опасности жизнь болящего, тогда бегут к врачу и просят его поскорее идти, чтоб не опоздать и не допустить до того, что и помочь уже будет нельзя. Врач тогда особенно желателен, когда больного душат тягчайшие припадки болезни. Так и пророк: видя, как все люди разболелись нравственно, как размножились всюду грехи,— бежит ко Христу, Единому Врачу таких болезней, и понуждает Его молитвою поспешить, так как нельзя уже более медлить: *время сотворити*».

Слова *время сотворити Господеви*, вне контекста, можно употреблять пред началом всякого дела, посвящаемого Богу, особенно молитвы. Приступая к ней, может всякий говорить себе: делал ты житейские дела, теперь время начать и дело Божие, делать для Бога. В таком смысле употреблены эти слова в нашем служебнике пред началом литургии.

---

[1] Еккл. 3, 7.

Стих сто двадцать седьмой

Сего ради возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия.

«Это, говорит святой Афанасий, согласно с сказанным в стихе 72: *благ мне закон уст Твоих, паче тысящ злата и сребра*, и еще: *приимите наказание, а не сребро, и разум паче злата искушена... Лучши бо премудрость камений многоценных, всякое же честное недостойно ея есть*»[1]. «Они, поясняет блаженный Феодорит, пренебрегли закон Твой, а я почитаю заповеди Твои более достолюбезными, нежели золото и драгоценные камни».

Разливающаяся вокруг греховность раздражила и без того не спавшую ревность по Богу и возжгла вящшую любовь к заповедям Божиим. Забыт Бог; померкла слава Божия среди людей, предавшихся всякому греху. Но истинный боголюбец не увлекается общим потоком, а воодушевляется ревностию восстановить эту славу своею верностию заповедям, напоминая окружающим, что есть Бог, ревнитель правды и отмститель за беззакония. Некрепкого духом увлекает недобрая среда, а крепкого вооружает к противодействию.

Сего ради, то есть ради всего сказанного, ради того, что верность заповедям приближает к Богу, вводит в сродство с Ним и преисполняет благонадежностию, верный заповедям открытым лицом взирает к Богу, благонадежно предается Ему и дерзновенно изрекает Ему свои потребности, и духовные, и вещественные, с уверенностию в том, что он будет услышан. Поелику все в Боге и от Бога, то эта верность, очевидно, приводит к источнику всех благ, всегда открытому и неистощаемому, и дает вкушать их. Вкусивший сего не может не преисполняться чувством благобытия, а это и есть последняя цель всех исканий человеческих. Как не любить заповеди, когда они вводят в такое состояние!

---

[1] Притч. 8, 10 – 11.

Вот это и есть единое на потребу! Естество наше многосложно. Каждая часть состава его и каждая сила в составе имеет свою потребность, удовлетворения которой требуют они самим присутствием своим в естестве. Но верх всех потребностей составляют те, которые устремляют человека от тварей к Богу, от земли на небо, от времени к вечности. Вот это собственно и есть человеческие потребности, они-то и указывают на норму человеческой жизни. По силе своей и всеобъятности они таковы, что, быв удовлетворены полно и истинно, притупляют остроту всех прочих потребностей, не дают ощущать жгучести их, заглушают докучливость их. Вот почему удовлетворение их есть единое на потребу! Достигший этого состояния бывает доволен, хотя бы все другие потребности и не были удовлетворяемы или удовлетворяемы не вполне.

Напротив, не имеющий этого удовлетворения предан бывает неприятному и докучливому воздействию всех других потребностей, и терзаем бывает ими в разволоку. Потеряв единое, теряет он норму, куда и как направлять со всех сторон беспокоящие его требования, и неизбежно вдается во многое. Тогда открывается у него множество целей, к целям — множество средств к тому и другому, в действии — разнообразное стечение благоприятствующих и неблагоприятствующих обстоятельств, пособий и препятствий. Попавши в этот круговорот, мечется он, сам себя не понимая, что и почему делает. Вот это и есть суета суетствий, сознать которую дается, однако ж, только тому, кто вышел из нее.

Паче злата и топазия будут вообще означать — более всех других предметов, коими удовлетворяются другие потребности. Сердце отклонилось от них, испытав на деле, что они не насыщают, а только разжигают алчбу и жажду. Испытав, напротив того, делом, что хождение в заповедях успокоительно действует на все естество, сердце предается им и прилепляется к ним любовию, паче всяких других привязанностей. Нельзя обойтись и без таких предметов, как пища, одежда, кров, для иных — семья, книги, картины, связи; но все это не занимает настолько сердца, чтобы слишком настойчиво заботиться о стяжании или скорбеть много о лишении их. И сами они, и забота о них — приделок, а не главное дело. И им уделяется время и силы, но в мере их цены пред тем *единым*, которое занимает все сердце.

Отчего бывает время, когда являются лица, недовольные своим состоянием? — Оттого, что потеряли *единое*; переиспытав же все прочее, убедились, что оно не дает удовлетворения, — и стали посреди: от того отстали, а это стало, как трава, — вкус притупился. Отсюда туга и самоубийства.

Стих сто двадцать восьмой

Сего ради ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех.

Пророк продолжает высказанную мысль и излагает подробнее то, чего потребовала от него любовь к заповедям Божиим и в чем она выразилась.

Возлюбих, говорит, *заповеди*; но чем же свидетельствовал эту любовь? Мыслями, словом? — Нет, я свидетельствую это не словом, а делом, ибо все действия мои направляю по заповедям Твоим и ненавижу всякий путь неправды. Как, научая страху Божию, он всякому хотящему живота и желающему видеть дни благи внушал: *уклонися от зла и сотвори благо*[1], так теперь и о себе свидетельствует, что он не сидел сложа руки, а направлялся ко всем заповедям Божиим, и не равнодушно смотрел на пути неправды, но от всей души ненавидел их. Любовь к первым рождала, возбуждала и поддерживала ненависть к последним.

---

[1] Пс. 33, 15.

Откуда такая сила? — От сосредоточения всех сил естества в «едином». У нас, грешных, ум с образом мыслей идет в одну сторону, сердце с чувствами и сочувствиями в другую, воля с своими желаниями и начинаниями в третью. От того нет у нас стройности ни в чем — ни во внутренней жизни, ни во внешних проявлениях ее. Один и тот же является на разных поприщах, и трудно бывает определить характеристику его. У святых же Божиих, посвятивших себя Богу и заповедям Его, нет никакого разделения: внутри все направлено на одно, а затем и все внешнее бывает проникнуто одним духом, как однородные бисеринки, нанизываемые на одну нитку.

Отчего там так, а здесь иначе? — Оттого, что там человек не в своем чине, а здесь в своем; находящийся же не в чине, естественно, бесчинен, не в порядке, тогда как пребывающий в чине — всегда в порядке. Причиною первого — грех, а другого — богоугождение.

Возьмем во внимание наше естественное устроение. Человек состоит из духа, души и тела. Дух, живущий в Боге, властвует над душою и телом и всеми их деяниями, объединяет все в себе, единясь и сам с Богом. Грех отделяет дух от Бога и лишает его власти над душою и телом. Тогда эти многосоставные, многими силами снабженные и многие потребности обнаруживающие части естества нашего устремляются в разные стороны, как стадо без пастыря, и тиранствуют над человеком, властно направляя его то туда, то сюда, — и живет он в смятении и нестроении. Но приходит благодать Божия и оживляет дух. Тогда для духа снова отверзается окно в мир Божий. Идущие оттуда лучи возбуждают в нем страх Божий, движут совесть и приводят к решению снова неутомимо работать Господу. Это решение запечатлевается благодатными средствами; дух вводится в таинственное богообщение, начинает ревностно ходить в воле Божией и трудами доброделания и подвижничества опять восходить в ощущаемое богообщение. И вот опять он силен, опять объединяет все в себе, единясь с Богом. Видимое же выражение такого состояния одно: стремление к исполнению всех заповедей и ненавидение путей неправды.

СЕМНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Заголовка к этому восьмистишию *пе* — *уста.*

Уста Божии изрекают повеления и заповеди; уста людей богобоязненных, исповедав полную покорность свою Богу, молят Его научить и дать силы в точности исполнять все, что изречено устами Его, изъявляя сокрушение и раскаяние, если случится когда отступить от того. Все это и составляет предмет настоящего восьмистишия, в разных оттенках и выражениях.

Стих сто двадцать девятый

Дивна свидения Твоя, сего ради испыта я душа моя.

Свидения, или свидетельства Божии, обнимают все Божественное откровение и о Боге всесовершеннейшем, и о свойствах и делах Его, о Его творении, промышлении, а наиболее об устроении нашего спасения во Иисусе Христе, которое созерцалось верою и до пришествия Его во плоти. Но так как настоящий псалом рассуждает все о заповедях Божиих, то есть не о Боге, а о том, как угодить Ему, то в настоящем стихе под свидениями надлежит разуметь заповеди Божии, правила жизни. Да и все Божественное Писание преимущественно учит, как жить, о прочем же поминает как бы мимоходом, ибо задача его приготовлять не мудрецов, а святых людей.

Почему же эти свидения, эти заповеди — *дивны?* Что дивен Бог, дивны все совершенства Его, дивно творение и промышление Его, и особенно спасение в Сыне Божием, это очевидно само собою: но как дивны заповеди? — Дивны потому, что полны и совершенны, что обнимают в совокупности все, и каждая не имеет ни малейшего недостатка. Так говорим мы о вещах, прекрасно устроенных: «Дивно хорошо, не хотелось бы глаз от них оторвать!» Дивны *свидения* Божии по плодам, ибо поставляют верно исполняющего их человека в свой чин и возвышают его над всем сотворенным, облекая в богоподобие. Дивны потому еще, куда они приводят: облекши богоподобием здесь, они по смерти вводят в область вечного покоя и блаженства. Дивны и потому, наконец, что во многом непостижимы. Кроме предписаний нравственных, свидения Божии определяли весь чин богопочитания. Чин этот был и прост и таинствен, ибо служил сению грядущих благ. Пророческий дух прозревал это грядущее сквозь сень, и не мог не дивиться высоте его, не постигая, впрочем, его. Блаженный Августин говорит: «Дивно, что дан закон, не могший животворить, но составлявший, однако ж, неминуемый путь к животу истинному».

Если отвлечемся от ветхого и обратимся к новому, то дивность свидений Божиих печатлеется тут на каждой черте их. Что это такое, что Сыну Божию и Богу надлежало прийти, воплотиться и пострадать? Что это такое, что без веры в пришествие, воплощение и искупление смертию Сына Божия и думать нельзя явиться угодным Богу и приблизиться к Нему, как ни живи хорошо? Что это такое, что, несмотря на такую жертву, надлежало Господу по воскресении вознестись на небо и вместо Себя послать иного Утешителя? Что это такое, что без этого вознесения, как бы проложения пути, Духу Божию нельзя было и низойти и вселиться в нас? Что это такое, что хотящий угодить Богу и спасти душу свою должен приять Духа Божия в себя, и притом так, что, кроме веры, возжелания Бога и всецелого предания себя Его вседействию, необходимо приобщиться тайнодействиям, в коих одних сообщается невидимый Дух, чрез посредство видимого вещества? Что это такое, что без вседействия Духа благодати невозможна настоящая нравственная жизнь, и притом так, что Дух сей не действует без вседействия свободы и собственных сил человека? Что это такое, что для того, дабы облечься новою духовною жизнию, надо умереть, хоть и не телесно? Что это такое, что без действительного приобщения кресту Христову, чрез скорбное самоумерщвление, лишения и болезненную борьбу до гроба, не дается жизнь в духе?..

Это все дивности в общем строе жизни христианской, но и в частности сколько дивных заповедей! Ударит кто тебя в ланиту, подставь другую; хочет кто взять у тебя верхнюю одежду — отдай и исподнюю; тянет кто тебя насильно пройти с ним поприще едино — иди с ним два; врага люби, злодею благотвори, обидчику спускай всякую обиду; кто что ни попросит, давай, не требуя и не ожидая отдачи, и проч. И все это внушается как совершеннейший образ действования, скорее и прямее ведущий к цели, как очевиднейшая печать истинного христианства. Соображая все это, как не воскликнуть: *дивна свидения Твоя, Господи!*

Сознание дивности свидений Божиих располагает дивиться им, то есть смотреть на них, углубляться и исследовать их, с любовию и желанием осуществить их потом в жизни своей. Это занятие стоит на переходе к исполнению их делом. Посему пророк и говорит, что, дивясь свидениям Божиим, душа его принялась исследовать их, и не как-нибудь, а со всем усердием: *сего ради испыта я душа моя.* Испыта — ἐξηρεύνησεν — усиленно стала исследовать, по толкованию Зигабена и Анфима. Такое исследование держит память и внимание все на том, как жить; а постигнув красоту правил жизни, располагает к ним и возгревает ревность жить по ним. Потому-то поучающийся в законе Господнем день и ночь бывает, *яко древо насажденое при исходищих вод, еже плод свой дает во время свое*[1]. Писание не знает научного исследования в видах голого знания: у него речь все о жизни и об устроении ее. Ученое исследование порождено беспечностию о жизни, чтобы прикрыть этою видимостию праздное свое безделье.

Стих сто тридцатый

Явление словес Твоих просвещает и умудряет младенцы.

Что такое *явление* (δήλωσις) *словес?*

Когда царь в покоях, никто его не видит; а когда он выходит на балкон, то всякий может его видеть. Так и свидения Божии, пока остаются в уме Божием, пребывают невидимыми, а когда изыдут из уст Его, становятся явными. Об этом-то явлении словес и говорит здесь пророк. Это все равно, как бы он так сказал: словеса, исходящие из уст Твоих, просвещают и умудряют младенцев.

Можно доразумевать тут еще вот что: только явление словес Твоих просвещает. Не будь этого явления, не было бы и просвещения. Совесть хоть и свидетельствует о том, что следует, но не всегда ясно, не всегда полно, не всегда убедительно и действенно; оттого и не определяет к делу и остается бесплодною. Слово же, исходящее из уст Божиих, ясно, полно и действенно. Оно падает на совесть и, возбуждая ее, проходит до разделения души и духа, членов и мозгов.

---

[1] Пс. 1, 3.

Просвещает и умудряет... Когда восходит солнце, оно все освещает, и все предметы, все стези среди их, со всеми разветвлениями, бывают тогда явны. Весело и небоязненно идти тогда путнику. Так и слово Божие, исходя из уст Божиих, освещает все пути богоугодной жизни, и возревновавший идти по ним ясно видит, куда идти, и идет смело, не боясь, что оступится. Как велико это благо, можно видеть из сравнения состояния не имеющих просвещающего слова Божия с теми, которые имеют его и живут по нему. Блеск очей и светлость лица свидетельствуют, что за ними есть душа, просвещенная словом уст Божиих.

Просвещение указывает порядки и правила жизни, а умудрение научает, как по ним жить и действовать. Это нужнейшая сторона для делателя. Уменье жить и совершать дела добродетели всегда в свое время, в своем месте и в своей мере, сообщающее делам привлекательное благообразие и плодотворность,— такое уменье есть великий дар Божий. Вселяется же он чрез словеса уст Божиих. Они и прямо нередко указывают, как что делать должно; более же настраивают силою воздействия своего ум и совесть к тому, чтоб они в нужный час определяли всесторонне образ действования так, как хочет ему явиться всеправящий Господь. До этого всегда доходит тот, кто пребывает верным слову Божию.

Но слово Божие просвещает и умудряет *младенцы*. Можно думать так: слово уст Божиих так приспособительно к нашему понятию, что его может уразуметь и поучаться ему и малосмысленное дитя. Можно разуметь вместо дитяти и простых, неученых людей. Но прямее тут понимаются простые сердцем, хотя бы они и высоко были образованны. Слово Божие просвещает и умудряет тех, которые бесхитростно принимают его, не пытают, почему и для чего, не колеблются раздумываньем: да полно, так ли? — а прямо, как слышат, так и последуют ему, что ни заповедало бы оно. Прившедшее мудрование не оставит без повреждения простоты слова Божия и возмутит лишь шаги хотящих следовать по указанию его. Его нужно подклонять под слово Божие; и тогда младенческое приятие слова сердцем сделает его плодоносным, как плодоносит земля, беспрекословно разверзающая недра свои для принятия семян.

Стих сто тридцать первый

Уста моя отверзох, и привлекох дух, яко заповедей Твоих желах.

Слова эти буквально выражают то же, что обычный у нас оборот речи, когда кто, долго и усиленно ища и домогаясь чего-либо, наконец достигает желаемого. «Слава Богу, говорят тогда, наконец-то я свободно вздохну; достиг того, чего желал!» Применительно к этому и святой Давид описывает свое внутреннее состояние, которое испытал он, когда обрел заповеди и вступил на путь их. Сильно желал он знать и, имея их в сердце, жить по ним, чтоб угодить чрез то Богу и пребыть в любви Божией. Но кто скажет, что он сам собою может дойти до того? Не дерзал на это и святой пророк, но искал. И вот, когда услышал он из уст Божиих исшедшие заповеди, дивные, просвещающие и умудряющие, когда возлюбил их всем сердцем и устремился на путь их, тогда не мог удержаться, чтоб не воззвать: «Слава Богу! Свободно вздыхаю, ибо достиг того, чего желал: узнал заповеди и вступил на них; теперь я на пути к цели. Нечего больше желать, только бы не сбиться с этого спасительного пути». Какая свежесть духовной жизни! Какое живое и сердечное отношение к заповедям! Не холодно относится он к данному образу жизни, усвояя только форму ее, а всею душою устремляется к тому, не видя иного блага на земле, кроме того, чтоб быть верным заповедям и воле Бога Вышнего. Это — корень, источник истинно нравственной жизни, крепкий, обильный, неистощимо бьющий.

Но все наши толковники: Афанасий Великий, Феодорит, святой Амвросий, Августин, Иларий, Анфим, Зигабен и приводимые у сего последнего Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский, преподобный Нил,— не останавливаются на букве, а видят в этих словах более глубокий смысл. Они разумеют под отверзением уст отверстие ума и сердца,— выражение жажды духа человеческого, а под привлечением духа — желание и приятие Духа благодати, утверждающего и пособствующего в исполнении заповедей, возлюбленных всем сердцем. «*Устами*, говорит святой Афанасий Великий, называет здесь пророк сердечное усердие, потому что, поясняет блаженный Феодорит, оно привлекает благодать Духа, как и в другом месте он говорит: *разшири уста твоя, и исполню я*[1]. «Уразумей же, учит святой Амвросий, что такое уста. Это — сердце, или устремление внутреннего человека. И душа имеет свои уста. Их и открывай Христу, чтобы привлечь Дух Его». «Сердце, отверзшееся верою, жаждет напитаться небесною истиною, рассуждает святой Иларий; но ее пишет на скрижалях сердца Дух[2]. Привлечь его и ищет пророк, так как Дух приходит не иначе, как тогда, когда его ищут. Следовательно, надобно желать, искать, привлекать его, чтобы напитаться от Него духовною пищею, как питается невинное дитя молоком от груди матери». «Чего, пишет блаженный Августин, так усердно желал пророк? — Исполнения заповедей Божиих. Желал, но достичь желаемого не надеялся. Потому и отверз уста, чтобы привлечь то, чрез что мог бы достигнуть того, — отверз, прося, ища, толкая; и в жажде напоился Духом благим, чтобы силою Его совершить то, что сам собою не мог совершить, исполнить то есть заповедь *святую, праведную и благую*[1]. Ибо если мы, *зли суще,* умеем *даяния блага даяти чадом* своим: *кольми паче Отец, иже с небесе, даст Духа Святаго просящим у Него*[2]. Не те, кои своим духом действуют, но те, кои *Духом Божиим водятся, сии суть сынове*[3]. И тем более соделываются благими сынами Богу, чем обильнее дается им от Отца Дух благий».

---

[1] Пс. 80, 11.— [2] См.: 2 Кор. 3, 3.

Стих сто тридцать второй

Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя Твое.

Уже возлюбил заповеди, вступил на путь их, сознал безопасную верность этого пути, привлек и Духа благодати, — чего же он еще желает? — Непрерывности Божия покрова и Божия благоволения. В жизни духовной ни на минуту нельзя предаваться беспечности: всюду препоны, отвсюду враги, и не увидишь, как подкрадутся и сокрушат. Только око Божие все зрит; только покров Божий от всего обезопасит. Отсюда и вопль: *призри на мя и помилуй мя. Помилуй*, яви то есть милость и благоволение, *по суду*, или по чину *любящих имя Твое.* «Пророк, говорит блаженный Феодорит, умоляет о том, чтобы сподобиться ему Божия благоволения, но не просто, а как обычно Тебе — Богу, оказывать милость Свою любящим Тебя. Умоляю дать и о мне то же определение, что и о них». «Как, изъясняет святой Афанасий, определил Ты призирать любящих имя Твое и сподоблять их великого Твоего посещения, так сподоби и меня той же милости!» Так сознает себя постоянно держимым на руках Божиих усердно угождающий Ему исполнением заповедей; а все-таки, видя бездну под собою, молится, чтобы не отнимал от него Господь десницы Своей.

---

[1] Рим. 7, 12. — [2] Лк. 11, 13. — [3] Рим. 8, 14.

Истинная жизнь в духе держится непрестанным, так сказать, взаимодвижением Бога к духу и духа к Богу. Когда есть живое устремление духа нашего к Богу и действенное привтечение Духа Божия к нашему духу, тогда жизнь духовная в движении. В этом и состоит то духовное дыхание, которым поддерживается жизнь духовная, точно так, как дыханием телесным поддерживается жизнь телесная. Нет жизни в телесном организме без дыхания; нет жизни в духе без сказанного Богообщения. И в этом ничего нет невероятного. Бог везде и все исполняет. Когда сердце отверзается верою, исканием, богопреданностию, Бог входит и исполняет его. Вот и жизнь духа! Дивиться надо только тому, что не все мы живем этою жизнию. Многие даже не знают, что это за жизнь, ибо она невидима и как бы неосязаема, хотя и вседейственна. Другие разумеют под нею совсем не то, что она есть такое. А это еще более жалко: сами себя обманывают, полагая, что имеют, тогда как вовсе у них ничего нет. В том-то и премудрость, чтобы попасть на истинную тропу. Но кого влечет Отец Небесный, тот всегда находит ее.

Слова: *по суду любящих* — указывают и на Божию любовь. Так обетовал Сам Бог: *Аз любящие Мя люблю*[1]. Любовь Божию приемлет сердце любимого и ощущает теплоту ее. И своя любовь к Богу есть теплое чувство. Теплота с теплотою, сливаясь, возгнетают горение духа внутри человека, горение не потребляющее, а животворящее. Так бывает у всех тех, которые идут настоящим путем. Так как Бог есть свет, то любимые Богом бывают осенены облаком света, который делает их видимыми для всех любящих Бога и Богом любимых и сокрывает от врагов и богоборцев, ослепляя их. Любовь Божия есть естественный покров любимых Им и любящих Его. Таков чин любящих имя Божие. Об этом-то и молится пророк: *помилуй мя, по суду любящих имя Твое.* Покровом света, источаемого любовию Твоею, да будет всегда одеваема душа моя, чтобы, согреваясь теплотою ее, жить ей радостно в себе и, озаряясь светом ее, отражать врагов, пребывая как бы в некоей несокрушимой крепости.

---

[1] Притч. 8, 17.

Стих сто тридцать третий

Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие.

Пророк продолжает выражать, что нужно ему после того, как он обрел, возлюбил и положил творить заповеди, изреченные устами Бога живого, зримого и любимого им: *стопы моя наραви по словеси Твоему.* Уж он идет, а все боится, как бы не сделать неверного шага, ибо много есть такого, что кажется достодолжным, не будучи таковым. На этом строится самая опасная сеть врага, которою уловляет он ревнующих, но еще не искусившихся. Подставляет он им для делания добро, которое или не к месту, или не ко времени, не к лицу действующего или к лицам соприкасающимся. Неопытный делает; а так как такого рода дела сопровождаются смятением мыслей и чувств, то, вследствие того, он и подвергается сильнейшему нападению врага, который великий мастер ловить в этом смятении, мутящем светлость сознания. Приражаются затем внушения уже недобрые, но только такие, нечистота которых за смятением не так ясна. Сделай шаг по ним — уж и полупадение, а там недалеко и до падения. Вот почему у всех богобоязненных людей всегда теплится самая искренняя молитва: *стопы моя* *направи по словеси Твоему.* «Сам Бог, говорит святой Афанасий Великий, направляет шествие тех, кои, оставя порок и неведение, вступили на путь добродетели и ведения». «И только те, прибавляет блаженный Феодорит, кои сподобляются такого руководства и предаются ему, идут безопасно и верно. Предавший себя Богу не бывает оставляем Богом, а когда мы привносим еще усердие к тому, Бог подает помощь и направляет наше шествие». Как святые апостолы говорили о себе, что они и подумать ничего целесообразного не могут сами собою в делах своего апостольского служения, так исповедует это и всякий ревнитель о деле спасения своего, которое, вместе с тем, есть и дело Божие, первое и желательнейшее Ему. Как подается указание, как приемлется, сознается и одобряется, этого никто не может знать и изъяснить, кроме того, кто сподобится сего. Но и тут все совершается так, как это бывает в обычных делах, то есть после некоторого расследования, и затем — решения; иначе не избежать подсад. Бывает, что и чувство прямо определяет, но ему прямо последуют только стяжавшие уже обученные чувства в рассуждении добра и зла.

И да не обладает мною всякое беззаконие. Это еще откуда молитвенный вопль, при такой ревности, при такой близости к Богу, при таком дивном водительстве? С какой стати может тут иметь место обладание беззаконием? — Точно, оно не имеет места, но может возыметь. Опасаясь этого, пророк молится, чтобы не подпасть такому насилию. Грех не отстает от вступившего на Божий путь добродетели, и грешное, как стая комаров, вьется вокруг головы шествующего так, жужжа и покушаясь уязвить его. Это — помыслы, соблазны, влечения. Кто от них свободен? Но у верного своему решению они как приходят, так и отходят — ни с чем; манят, но не увлекают, ибо гуляют лишь вокруг, вьются над головою. Но есть и такие, которые и внутрь проходят, и из этих иные — старые друзья; они могут так охватить и с такою силою влечь, что испытывающий это ведется, как на поводу, не к доброму. Не приди помощь свыше — долго ли до падения? Потому-то пророк и молится: не допусти, Господи, чтобы грешные возбуждения, противные Тебе, когда-либо возобладали мною, одолели меня и увлекли к недоброму, в оскорбление Тебе.

Стих сто тридцать четвертый

Избави мя от клеветы человеческия, и сохраню заповеди Твоя.

Святой пророк поминал пред сим о внутренних искушениях, влекущих ко греху, и молился, да не возобладают они над ним; теперь молится об избавлении от искушений совне, выставляя самое чувствительное из них — клевету: *избави мя от клеветы.* И видимая напасть и напраслина горька, но горше невидимая, когда, не нападая видимо, причиняют зло скрытно, распространяя клевету. Клевета, дошедши до слуха оклеветаемого, прежде чем причинит какое-либо видимое зло, уже сжимает сердце, ослабляет энергию к доброделанию и охлаждает к нему. Шествующий известным путем, получив нечаянно удар в грудь, хоть и не падает, но останавливается в недоумении. Так поражает шествующего путем добродетели и клевета. Конечно, свидетельство совести есть сильный отпор клевете, но и оно несколько колеблется и на время уступает пред злым воздействием клеветы. Сочувствие окружающих, хотя не есть производительная сила добродетели и не должно быть таковою, но оно есть очень благоприятная атмосфера для ее расцветания и плодоношения. Отсутствие же его и тем паче присутствие противоположного кривого истолкования дел действует на произведение их, как мороз на растения в пору весеннюю. Понятно после сего, почему с избавлением от клеветы соединяется у пророка обет: *и сохраню заповеди Твоя*, то есть как бы так: и буду беспрепятственно хранить заповеди, или: и мне легче и удобнее будет тогда хранить заповеди Твои.

В отвращение такого злого влияния клеветы на делателей добродетели и Христос Господь, воодушевляя ревнителей ее, в конце прибавил: *блажени есте, егда поносят вам... и рекут всяк зол* *глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех*[1]. Клевета обособляет от других и убивает чувством одиночества среди многих. Это испытал и пророк, выразившись в другом месте так: озираюсь кругом, и никого не вижу знакомого, словно все чужие мне. И что же? Ноги, говорит, подломились: *погибе бегство от мене.* Куда обратиться человеку, всеми оставленному? — Некуда, кроме неба. *Воззвах к Тебе, Господи, рех: Ты еси упование мое*[2]. Оставя мир и все, что в нем, надо переселиться такому человеку надеждами своими горе, и там успокоиться, веруя, что неложно слово Господне: *блажени есте, егда поносят вам.*

Соображая текст этот с предыдущим, где пророк молится, чтоб не возобладали над ним внутренние искушения ко греху, можно думать, что и здесь, молясь об избавлении от клеветы, он молится об избавлении от пагубного действия ее на душу, то есть чтобы клевета не возобладала над ним, не сжала сердца, не поразила и не охладила его к добру. Бог силен заградить уста клевете, но не всегда делает это. Вместо этого, оставляя клевету жить и ходить, Он ниспосылает утешение в сердце оклеветаемого и тем избавляет от опасности, какой подвергается душа, поддавшаяся скорбным от того чувствам.

---

[1] Мф. 5, 11—12. — [2] Пс. 141, 5—6.

Стих сто тридцать пятый

Лице Твое просвети на раба Твоего, и научи мя оправданием Твоим.

По лицу угадывают, в каком расположении тот, кого встречают, к тому, кто встречает, — в добром или недобром, благоволительном или неблаговолительном. Мрачное лицо означает неблаговоление, лицо светлое — благоволение, отношение любовное, а в высшем — и покровительственный, и защитительный взор, с желанием сделать всякое добро. Потому говоря: *просвети лице Твое*, пророк молится о Божием к себе любительном благоволении.

Лице Божие невидимо, но созерцается умом. При этом совесть дает знать — в каком отношении состоит созерцающий Бога к созерцаемому, всевидящему Богу, и в чувстве отражается Божие благоволение или неблаговоление к нему, смотря по свидетельству совести. Это не что-нибудь воображаемое, а то, что действительно происходит в духе от действительного воздействия Божия на него. Бог везде есть и все содержит; Он держит и дух человека. Это держание отражается в духовном чувстве, соответственно строю духа. Посему *просвети лице* — может означать еще: даруй мне, Господи, всегда воззревать на Тебя умными очами без боязни и смущения за свою неисправность пред Тобою. Даруй *выну предзревать*[1]

---

[1] Пс. 15, 8.

Тебя пред собою и никогда не дерзнуть оскорбить Тебя чем-либо и понудить благостыню Твою омрачить светлое лице Свое. В мирном, несмущенном, дерзновенном воззревании к Богу — отрада и крепость ревнителей о богоугождении. Оно преисполняет дух сладостною теплотою и держит все силы в напряженной готовности тотчас приступать к делу в угодность Господу, как только укажут его текущие обстоятельства. Это есть самое спасительное состояние — светлым лицом воззревать на светлое лице Божие. Оно одно может заменить все подвижнические приемы, хотя без них трудно ему установиться и стоять, если даже не невозможно.

Но кто чист? И помимо сознания нашего, сколько может быть неисправностей и нечистот! Господь снисходит немощам и покрывает их милостию Своею. Но ревнитель богоугождения, дыша любовию к Нему, не может равнодушно относиться к этому и желанием желает быть совершенно во всем чистым пред Богом. Потому он и молится: *научи оправданием Твоим*, научи быть всегда правым пред Тобою в делах, словах, помышлениях, чувствах и начинаниях, и притом не в проявляемых только, но и в самых сокровенных, Тебе единому ведомых и видимых. Молящихся так искренно Господь постепенно вводит в познание сокровенных их неисправностей и научает исправлять и заглаждать их, чтоб они могли, наконец, явиться совершенно чистыми и безукоризненными пред лицем Самого Бога и были засвидетельствованы таковыми в день Господень.

Стих сто тридцать шестой

Исходища водная изведосте очи мои, понеже не сохраних закона Твоего.

Пророк подал пред этим мысль о несознаваемых неисправностях, а здесь поминает он о неисправностях сознаваемых, с засвидетельствованием, что такого рода сознание изводит из очей его два источника слез. Этим означает он искреннее раскаяние во всем, что сознательно допущено им во внешней жизни и во внутренних движениях неугодного Господу, противного явной воле Его, выраженной в заповедях.

Путник или человек, занятый работами, поневоле запылится и загрязнит одежду свою; потому ему бывает надобно и умыться, и одежду переменить. Так и идущий путем жизни духовной при всех трудах доброделания нередко погрешает, то по недальновидности, то по невниманию и случайному рассеянию мыслей, а иногда и по вырывающемуся сочувствию и увлечению. Все это в разных степенях — нечистоты, тяготящие совесть,— тяготящие, говорю, но не подавляющие. Сознав их, ревнительный человек приходит в движение и спешит очистить нечистое,— чем же? — водою слез. Он не довольствуется тем, чтобы сознаться только в неисправности и положить намерение вперед не допускать ее; но скорбит о том и сокрушается так глубоко и искренно, что от томления сердца очи становятся *исходищами водными.* Слезы сокрушения — это духовное омовение. И оно не есть что-либо мечтательное, а совершается действительно. Поплакавший обновляется. Но это обновление печатлеется лишь за тем, кто по исповеди получает разрешение. Вот и стал опять чист человек. Снова загрязнишься — снова употреби то же омовение, и так всю жизнь. Есть такие любители телесной чистоты, что каждый день переменяют белье и употребляют омовение. Если же это делается для тела, то насколько усерднее должно быть совершаемо то же для души!

Что изводит такую воду из очей кающегося? — Не страх и не опасение за себя, а любовь. От страха и опасения за себя может произойти только решение исправиться и остерегаться вперед неисправностей, а слезы, омывающие нравственную скверну, изводит любовь. Любовь не может сносить выступления из воли любимого. Между людьми подобные случаи нередко прикрываются тем, что любимый не узнает об отступлении от его воли, это утешает и успокаивает любящего; но в отношении к Богу такое прибежище неуместно. Ему ведомо всякое нарушение воли Его. Сознавший это за собою сознает вместе с тем и то, что оно ведомо Господу и не может не оскорблять Его. Любовь, всегда видящая лице Господа, не может не видеть, как омрачается оно от того или другого оскорбления, а видя это, не может не сокрушаться; сокрушаясь же, не может не проливать слез. Так святой Петр по отречении от Господа в каком-то непонятном забытьи, встретив очами своими обличительный взор Господа, *изшед вон со двора архиереова* — места оскорбления Господа, *плакася горько*[1].

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Восемнадцатое восьмистишие идет под буквою *ца́де* — *бок, сторона*.

Так как у пророка дело идет все о заповедях, то в этом восьмистишии надо искать указания разных сторон или самих заповедей, или отношения их к нам. Здесь указываются стороны сего последнего. Можем себе представить в средине корпус заповедей, к которому можно подходить с востока, запада, севера и юга. С каждой стороны отношение к ним выражается особым расположением. С востока станет *вера* — уверенность, что заповеди Божии суть правда и истина непреложная (стихи 137—138); с запада — исходящая из этой уверенности *ревность* об исполнении всех этих заповедей и своя к ним любовь (стихи 139—140); с севера — *смирение с надеждою* (стихи 141—142); с юга — *терпение* всего находящего из-за верности заповедям (стихи 143—144). Таково содержание сего восьмистишия.

---

[1] Лк. 22, 62.

Стих сто тридцать седьмой

Праведен еси Господи, и прави суди Твои.

Пророк исповедует праведность Господа, восставляя убеждение, что ничто неправое не может исходить из уст Божиих: *праведен еси, Господи*; но исповедует это не в виде отвлеченного созерцания, а как основание правости судов Божиих. Суды Божии означают и присуждения вообще, то есть все, чему быть, присуждает Бог: это вводит в область промышления Божия и исполняет успокоением в преданности воле Божией. Но поелику здесь речь идет о заповедях, как это видно из нижеследующего стиха, сходного по содержанию своему с настоящим, то ближе будет под «судами» разуметь присуждения, коими Бог определяет, как должно нам жить, определяет то есть не участь нашу, а то, как надо нам действовать, независимо от нашей участи. К этой мысли приводит нас и греческое слово, отвечающее слову *правы*: εὐθεῖς — *прямы*, прямы то-есть пути, которые указывают нам заповеди Твои, Господи, — прямо ведут они к цели.

В двух этих стихах (137 и 138) пророк выражает уверенность в правости и истине заповедей. В первом почерпает он эту уверенность из созерцания праведности Божией, а во втором — из уразумения свойств самих заповедей. Прямы, говорит, указания заповедей Твоих, Господи, потому что Ты Сам праведен и ничто неправое и непрямое не может получить от Тебя одобрения. Когда Ты сказал: живи так и так, и когда я не сомневаюсь, что это точно Тобою сказано, то и на мысль мне не может прийти, чтобы была какая-либо непрямота в путях заповедей Твоих. Сколько уверен я в том, что Ты праведен, столько же уверен и в том, что прямы пути, указываемые Тобою в заповедях. Прямы они, и суть всегда вернейший и ближайший путь, как прямая линия между двумя известными точками. Удостоверение в этом почерпаю я из уверенности в Твоей правде. Созерцаемые мною лучи правды Твоей упираются на заповеди и ярко оцвечивают их правотою Твоею.

Если пророческое воззрение на дело заповедей таково, что уверенность в правоте их должна исходить из веры в праведность Божию, то каким же образом иные думают построевать прочные законоположения для истинной нравственности человеческой помимо веры в Бога и Святое Откровение Его? — Как ни напрягайтесь, не дойдете даже до того, чтобы построить свою систему, а не то чтоб привлечь к ней уверенностию в истине ее указаний. Сколько разных путей указывают нравы и обычаи, укореняющиеся среди людей! Сколько распутий видится от раздвоения зрения по влиянию своих страстей и неправых влечений! Как тут узнаешь прямейший путь и как удостоверишься, что избираемый нами есть вернейший? Как на море в местностях, скрывающих многие подводные камни, провести безопасно корабль может только искусный и многоопытный лоцман, так и в море жизни указать среди разнообразных тропинок и столкновений путь прямой и безопасный может только всевидящий, всеведущий и всеправедный Бог. Только от веры в Него может истекать уверенность и в правоте путей, избираемых нами, когда то есть видишь, что их указал Сам Бог.

Стих сто тридцать восьмой

Заповедал еси правду свидения Твоя, и истину зело.

С высоты созерцания праведности Божией нисходя к заповедям, засвидетельствованным словом уст Его, пророк исповедует, что они, будучи и сами по себе праведны и истинны *зело,* дают нам прямейшее, вернейшее и непреложнейшее правило жизни. Мысль та же, что и в предыдущем стихе, но там пророк вниманием своим стоял на праведности Божией, а здесь стоит на правде и истине заповедей, впрочем так, что как там видел он в праведности Божией правоту заповедей, так и здесь в заповедях видит правоту Божию, исповедуя, что они так же непреложно правы и истинны, как непреложно праведен Сам Бог, утвердивший свидетельством Своим столь высокое их достоинство. Святой Афанасий Великий пишет: «Ты заповедал свидения, как сущую и самую очевидную истину. В высшей степени прямые правила судов Твоих показывают правду Твою. Свидения Твои суть Божественные Писания: они – правда по нравственным заповедям, и истина по смыслу, заключающемуся в самих словах».

Правы и зело истинны заповеди потому, что они совершенно соответствуют естеству нашему, нашему настоящему состоянию и разнообразным обстоятельствам и положениям жизни нашей; вследствие сего на исполняющего их они низводят глубокий внутренний мир, дают ему твердость при неприятностях, незаметно выводят из запутанностей, ведут прямо к цели и вводят в блаженную вечность. Такие убеждения о достоинстве заповедей Божиих носил пророк в сердце своем, и такие хочет он поселить в сердце нашем, ибо в этом убеждении основа прочности нравственной жизни и мужество к неуклонному шествию путями ее. Как всякий предприниматель, уверившись в верности своего плана, идет к цели и прилагает к делу придуманные средства, не смущаясь никакими препятствиями, в уверенности, что достигнет искомого, так мужественно идет путем заповедей тот, кто глубоко в сердце содержит убеждение, что путь их есть единственно верный путь и что, шествуя им, несомненно придет он к вожделеннейшей цели — вечному блаженству.

Стих сто тридцать девятый

Истаяла мя есть ревность Твоя, яко забыша словеса Твоя врази мои.

Что следует делать уверенному в высоком достоинстве заповедей? — Возлюбить их и ревностно жить по ним. Это и свидетельствует пророк вслед за предыдущим стихом. Но ревность о заповедях не может ограничиваться одним своим личным исполнением заповедей; она ищет, дабы и все другие так ревностно исполняли их, чтобы славилось имя заповедавшего их Господа и жизнь по воле Его являлась господствующею не в той только среде, где живет ревнитель, но и повсюду. Эту-то сторону ревности выражает пророк в настоящем стихе. *Истаяла*, говорит, *мя ревность Твоя.* Ревность истинная — огненна; питающий ее горит духом, горит, но не сгорает. Это чувство не разрушительно, хотя многовозбудительно; и, будучи многовозбудительным, не требует неукротимых действований. Все это выражает пророк мягким словом: *истаяла мя ревность Твоя*, то есть та, которую Сам Господь имеет, так как Он есть *ревнитель. Пророк* в этом случае выражает подражание свое Господу. Как Господь ревнует о заповедях Своих, желая, чтобы все исполняли их, так и я, так и все старайтесь делать. Или так: *ревность Твоя* есть ревность по Тебе. Пророк говорит: любя Тебя, Господи, я ревную о Тебе, — о том, чтобы всеми всюду исполняема была воля Твоя и славилось чрез то Пресвятое имя Твое. И то, и другое есть неотлучная принадлежность истинно благочестивого духа.

Ревнующий ревностию Божиею там, где неведома воля Божия, старается распространить ведение о ней, а где она должна бы быть ведома и бывает видимо забыта, скорбит и сокрушается. Прискорбно, говорит, мне видеть, как дерзают забывать волю Твою *врази мои.* Может быть, пророк указывает этим на личных врагов своих; а может быть, хочет выразить, что забывающие словеса Божии и заявляющие таким образом неприязненное расположение к Богу, являясь врагами Божиими, суть и его враги. Ревность по Тебе, Господи, раздражает ревность против них, как бы они лично против меня враждовали.

Такова любовь. Она не может считать чуждым себе ничего из того, что касается любимого. Оттого ревнует о всем, угодном ему. Святой Афанасий Великий так описывает состояние пророка, изображенное в этом стихе: «В какую ревность приходил я, как скоро видел кого-либо забывающего словеса Твои! И не просто приходил в ревность, но истаявал от ревнования по Тебе, если видел забывающих словеса Твои. Об этой ревности, от лица Господа выраженной в псалме, *помянуша ученицы, яко ревность дому Твоего снеде мя*»[1]. Блаженный Феодорит приводит и другие примеры такой ревности: «Пророк оплакивает и живущих в беззаконии и, видя, как пренебрегают Законоположником, справедливо приходит в негодование. Такая ревность прославила Финееса; она великого Илию соделала присночтимым; воспламененный ею Стефан обличил неверие иудеев; храня ее в себе, божественный Павел взывал: *кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся*[2]? И блаженный Лука говорит о нем, что *во Афинах стенал дух его в нем, зрящем идол полн сущ град*»[3].

Стих сто сороковой

Разжжено слово Твое зело, и раб Твой возлюби е.

Поставив впереди ревность, заставляющую его истаявать от забвения словес Божиих другими, пророк мог ожидать возражения: «Да что тебе до других! Сам-то ты каков?» Поэтому и говорит: люблю, люблю слова Господа моего и как раб покоряюсь Ему. Но он ведет речь об этом не к беззаконнующим, а беседуя с Господом: *разжжено слово Твое. Разжжено* — чисто, беспримесно, как говорит он о том и в другом месте: *словеса Господня — словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли, очищено седмерицею*[1]. Чисто и совершенно слово Господне, потому и привлекательно; а будучи привлекательно, оно возбуждает любовь к себе. Я, говорит, и возлюбил его; но возлюбил не потому только, что оно чисто, а более потому, что оно от Господа. Сознавая себя рабом Господним, я покорствую слову Его, и тем охотнее, что слово Его всегда есть полная и беспримесная истина, любезная и привлекательная для сердца моего. У богобоязненных услаждение словом — не отвлеченно или только умозрительно, но всегда сопровождается чувством обязательности к нему и любовию, движущею на дела по указанию его.

---

[1] Пс. 68, 10; Ин. 2, 17. — [2] *Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?* (2 Кор. 11, 29). — [3] Деян. 17, 16.

Слово *разжжено* подает и такую мысль, что оно огненно, — πεπορωμένον — проникнуто огнем. Как огненное, оно согревает, и не только согревает, но и разжигает, а разжигая — очищает; оно не только само чисто, как прочищенное огнем, но и приемлющих его очищает огненным своим действием. На это действие слова указывает и святой Павел: *живо слово Божие и действенно*, говорит он, *острейше паче всякого меча обоюдуостра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным*[2].

---

[1] Пс. 11, 7. — [2] Евр. 4, 12.

Человек — смесь добра и зла. Слово Божие, приемлемое верою, входит внутрь его, как огнь, и, воздействуя на добро, оживотворяет его, а зло опаляет; и восставляются тогда в духе все добрые созерцания, движения и чувства. А так как чрез это он вступает в свой чин, то не может не чувствовать себя хорошо в таком состоянии. И чувствует, и услаждается тем, и, любя такое состояние, возлюбляет и слово Божие, доставляющее ему то. Как отрадно тому, кто из душной комнаты выйдет на чистый воздух, так отрадно бывает и духу, высвобождаемому словом Божиим из духоты худых мыслей, чувств и пожеланий в отрадную свежесть богомыслия и добролюбия.

Стих сто сорок первый

Юнейший аз есмь и уничижен, оправданий Твоих не забых.

Как же это так? Какой же он юнейший, когда уже был в старости? Что за уничиженный, когда был всеми чтимым царем? А может быть, он вспомнил то время, когда Самуил пришел в дом отца его и велел показать ему всех своих детей и когда отец, показав всех старших, сказал: «вот и все», а о нем и забыл, как не стоившем того, чтобы показать его пророку. Так думают блаженный Феодорит, святой Амвросий и Иларий. А может, и то обстоятельство, как он, вызвавшись на единоборство с Голиафом, услышал от соотчичей своих: «Куда тебе, птенец! Он тебя сразу раздавит». Воспоминая, рассуждает святой Амвросий, то и другое, он и говорит теперь: «И смотреть-то на меня никто не хотел, ради юности моей. Я видел это, но заповедей Твоих не забыл; или так: те ни во что ставили меня, а Ты меня превознес за то, что я заповедей Твоих не забывал». Или и так еще: Ты меня превознес; потому я никогда не забуду заповедей Твоих, видя, как верность привлекает Твое благоволение и облекается силою Твоею. Это — мысль блаженного Феодорита.

Но не лучше ли положить, что он говорит так о себе в чувстве смирения, как думает святой Афанасий. Никакого-то во мне нет толку, будто в маловозрастном, и ничего-то нет во мне, за что можно было бы хоть мало-мало похвалить меня, я ничего не стою; не стою — но заповедей Твоих все же не забываю, зная красоту и величие их, все же уклоняюсь под сень их, чтобы достоинством их прикрыть мое ничтожество. Я облекся в них, как в одежду, чтоб из-за их светлости забыли о моем ничтожестве. Или пожалуй так: я забыл о себе, как о ничтожнейшем, но оправданий Твоих никогда не забывал. А то и так еще: я ничто, несмотря на то, что никогда не забывал оправданий или заповедей Твоих, ибо, при всем моем старании всегда их помнить и ходить по ним, не могу сказать, что совершенно их выполнил, так как *широка заповедь Твоя зело* (ранее, стих 26). В этом смысле он выражает здесь то же, что заповедал Господь чувствовать всем, творящим заповеди Его: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы; яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом*[1].

Стих сто сорок второй

Правда Твоя, правда во век, и закон Твой истина.

Мысль здесь та же, что и в первых двух стихах этого восьмистишия. Лишнего здесь только слово: *во век.* Мысль святого пророка, начав с юности и прошедши всю жизнь, перенеслась в вечность и узрела на всем этом протяжении неизменно пребывающею одну лишь правду Божию. *Правда Твоя — правда во век.* Почему? — Потому, что она одна дает закон, который не только истинен, но сам есть истина. Питаясь этою уверенностью, как бы так говорит пророк: «Воодушевляюсь надеждою, что, идя путем закона Твоего и пребывая верным правде Твоей, я держусь того, что есть едино истинно, не обманчиво и безошибочно. Там, за пределами жизни, я вижу венец, которым увенчается верность закону Твоему и правде Твоей». Святой Афанасий пишет: «Правда у людей на малое время приписывается тем, кто судит праведно; правда же Божия дает вечное оправдание». Блаженный Феодорит прибавляет к сему: «Следующий заповедям Божиим наградою за труды имеет вечную жизнь».

---

[1] Лк. 17, 10.

Смирение (предыдущий стих) ничего не видит в себе такого, чем могло бы оправдаться, а между тем истинно смиренный не падает духом, — отчего? — Оттого, что его окрыляет надежда на то, что премилосердый Господь не покарает его. На чем же коренится такая надежда? — На сознании, что он искренно верует и всегда, всеусильно старается быть верным тому, во что верует. Совесть не обличает его в леностѝ, оплошности и сознательном уклонении от закона Божия. Посему хотя он и находит себя ничтожным, сравнительно с тем, чем бы ему быть следовало, но не теряет надежды быть спасенным, ибо все делал и делает зависящее от него. Таков был святой апостол Павел. *Время*, говорит он, *моего отшествия наста... течение скончах, веру соблюдох; прочее убо соблюдается мне венец правды*[1]. Скажете, не самонадеянно ли это? — Нет. *Ничесоже в себе свем* (ничего худого за собою не знаю), исповедует он, *но ни о сем оправдаюся*[2]. Оправдывающий нас есть Господь; а если Господь кого оправдает, то кто же его осудит? Что же привлекает Господнее оправдание? — *Вера, любовию поспешествуема*[3]. Будь же верен Господу и, при смиренных чувствах, воодушевляйся надеждою, что ради этой верности не будешь пренебрежен Господом.

---

[1] 2 Тим. 4, 6–8. — [2] 1 Кор. 4, 4. — [3] Гал. 5, 6.

Стих сто сорок третий

Скорби и нужди обретоша мя, заповеди Твоя поучение мое.

При светлости внутренней, внешняя несветлость — вот четвертая сторона верности заповедям! Скорби и нужды почти всегда, словно мраком, покрывают верного заповедям. Заповеди Твои, говорит пророк, поучение мое. Я держу их в уме моем, лелею в сердце, исчезаю в них всем вниманием моим и по ним, как по шнуру плотничьему, направляю жизнь мою. И между тем что же встречаю на пути? — Скорби и нужды, непрестанные столкновения, которые уязвляют сердце мое и тяготят меня. Отчего ж это так? — Оттого, что так Богу угодно. А почему Ему так угодно — Ему одному ведомо. Подклони же голову под крепкую руку Божию и молчи. Ты кто, противоотвещаяй Богу? Будь доволен одною верою, что если Бог есть твой Бог, а ты — Божий, то все твое. Завещание об этом уже написано и законно скреплено. Еще немного — и будешь введен в наследие, а теперь ты состоишь пока под искусом. Минет срок, и вступишь в чин и славу сына, на что право, конечно, и теперь за тобою, но не дается тебе, потому что ты еще недоросль.

Святой Антоний Великий однажды в ответ на то, зачем светлость жизни о Христе Иисусе покрывается внешними скорбями и внутренними воздыманиями разных нечистот, ответил: затем, чтоб ты не засмотрелся на эту светлость и не сгубил себя. Засмотришься — возмечтаешь о себе; возмечтавши — возгордишься; возгордившись — благодать Божию отгонишь от себя. Тогда наскочит враг и сокрушит кости твои. Тебе самому следовало бы укрывать себя от себя, но так как поло-житься на тебя нельзя, а Господь хочет спасения твоего, то и положил Он скрывать тебя от тебя особым устроением жизни твоей, при котором в себе ничего ты не видишь доброго, ибо живущий в тебе грех часто восстает и все закрывает, а совне только скорби и нужды обретают тебя. Благослови же Господа, так дивно спасающего тебя, и смиренно иди путем своим, не вдаваясь в пытливость и не покушаясь развеять слабым дуновением ума облегающий тебя мрак. И в примраке веры ты видишь впереди светлую точку; туда и направляй путь, не обращая внимания на то, что вокруг тебя.

Стих сто сорок четвертый

Правда свидения Твоя в век: вразуми мя, и жив буду.

Все находящее должно благодушно терпеть, заботясь только о том, чтобы неуклонно идти путем заповедей, веруя, что это есть единственно верный путь. Скорби и нужды покушаются омрачить светлость этой веры, а ты разгоняй такое омрачение и восстановляй светлость веры своей, твердя себе: нет, заповеди — вечная правда. Сам Бог засвидетельствовал их непреложность. И вместе с тем, обращаясь к Самому Господу, молись: *вразуми мя, и жив буду*; дай мне, Господи, всегда держать в разуме убеждение в непреложности заповедей Твоих, — *и жив буду*; то есть и жить буду по ним, или: и никакие искушения не возмутят ровности той жизни, какая, по милости Твоей, установилась в духе моем, или: неуклонно от заповедей Твоих проживши век сей, перейду верным Тебе в другую жизнь. Там Ты наделишь меня вечно блаженною жизнию — и я вечно буду жить с Тобою и в Тебе. Такими помышлениями и воззваниями подкрепляет себя терпящий, и жизнь его течет ровно и невозмутимо, хотя снаружи кажется и утлою ладьею, которую волны жизни бросают туда и сюда, и готовы раздробить и разметать по пространству вод.

Сведем теперь воедино все стороны жизни по заповедям. Верою верь и светло будет; ревностию ревнуй, и жить будешь, оживляемый любовию; смирением смиряйся, не теряя надежды, и никогда не скажешь ревности своей: «довольно»; терпением терпи благодушно, прозревая сквозь мрак и тьму настоящего светлое будущее. Программа краткая, но притрудная. Воодушевись; ибо не написано: наслаждающиеся покоем восхитят Царствие Божие, а *нуждницы восхищают е*[1].

---

[1] Мф. 11, 12.

Нуждницы, то есть те, кои себя нудят и напряженно действуют, не жалея себя, как иной, кряхтя под ношею, притрудно поднимается на гору. И хлеб жизни духовной снедается, не менее телесного, в поте лица. Так судил милосердый Бог. Конечно, это было бы легко, если б грех не возмутил пути наши. Но пусть его! Светлостию надежды осенил нас Господь. Потрудись немного, и внидешь в светлость Господа твоего. «Где Я, говорит Господь, там будет и слуга Мой». А слуге этому сказано: «Возьми иго Мое на себя и работай». В вечер, в час отхода на покой, получишь то, чего не чаешь. Сам изумишься, и изумятся все свидетели воздаяния тебе. Только не ленись, не унывай, не колеблись, и благословенно будет шествие Твое.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Девятнадцатое восьмистишие идет под буквою или словом *каф*, что значит *обезьяна*.

Обезьяна дала повод назвать обезьянством все и между людьми похожее на ее нрав. Понятно, что под этим разумеется подражательность, но подражательность не разумная и не в добром духе. Оставляя, впрочем, в стороне, что есть в этом недоброго, и оставляя во внимании только то, что есть в нем доброго, мы получаем от обезьяны урок об усердном подражании, к которому нельзя относиться безразлично. Подражание и во всех делах бывает нужно, а в деле нравственно-религиозном оно возводится в совершеннейшую норму жизни. *Подражатели мне бывайте*, говорит святой апостол Павел, *якоже и аз Христу*[1]. А Спаситель возводит нас к Самому Отцу Небесному и Его дает в образец для подражания: *будите милосерды*, говорит Он, *якоже и Отец ваш милосерд есть*[2]. *Будите совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть*[3]. Подражать Богу значит образовать нрав свой по тем Божиим свойствам, какие угодно было Ему проявить пред нами. Если б оставить решить это свободному нашему определению, мы могли бы разойтись в этом понимании. Господь освободил нас от сего, начертав нам образец достодолжной жизни в заповедях Своих. Они стали для нас нормою жизни, и притом такою, что, образуя по ним нрав свой, мы не можем не быть уверены, что подражаем чрез то Самому Господу, не можем чрез заповеди не воззревать к Богу. Это, главным образом, пророк и внушает в настоящем пространном псалме, возбуждая при том непрестанно воззревать к Богу и как к образцу, а еще более, как к Подателю сил для подражания Ему.

---

[1] 1 Кор. 11, 1. — [2] Лк. 6, 36. — [3] Мф. 5, 48.

Сокращенно же эти внушения можем видеть в настоящем восьмистишии. Пророк представляет очам нашим Господа, близ сущего, и от лица Его исходящие заповеди, как неотложный вечный закон жизни нашей (стихи 151—152). Сказать это — значит все сказать, ибо ясно, что этим требуется. Пророк и не прибавляет ничего, а только предлагает образцы воззваний к Богу духа, возжелавшего быть верным сему закону и не находящего в себе сил к тому. *Воззвах всем сердцем... предварих ко утру... Услыши, спаси.* А сам что предлагает? — *Оправдания Твоя взыщу... сахраню свидения Твоя.* Усердие есть, помоги, Господи, — и дело будет (стихи 145—148). Склонить же Господа на услышание чает милостию и судом (стих 149), совершенно предавая это дело в руки Божии. Поскорее только, Господи, яви, говорит, помощь, ибо вот — враги (стих 150).

Стих сто сорок пятый

Воззвах всем сердцем моим, услыши мя, Господи, оправдания Твоя взыщу.

Воззвах — не на ухо сказал, не сквозь зубы проговорил, а так, как говорится, всей полной грудью. Впрочем, он желает обозначить здесь не то, что громко сказал, а силу духовного устремления к Богу. Так толкует блаженный Феодорит. Не голосом, говорит, воззвах, но сердцем, и не какою-либо частью сердца, а всем сердцем, от всей глубины сердца, во всю широту и высоту моего чувства и мысли,— воззвах всем существом моим, так что ничего во мне не осталось, что не взывало бы к Тебе, Господи. Вот какова должна быть молитва наша! Не то, что громогласна, а глубоко-сердечна и умно-напряженна. Так молился Моисей, и Бог сказал ему: *что вопиеши ко Мне?*[1], хотя он молчал устами,— молчал, но вопль сердца его был так силен, что прошел небеса и взошел пред Самого Бога.

Так взывать заставляет нас крайность положения внешнего или крайняя нужда духовная. Ни того, ни другого не высказывает пророк. Может быть, это было вследствие сильной и неудержимой жажды, которую обычно питает богопреданный дух. Не докучает: дай то, возьми это, а только молится: *услыши мя, Господи.* Господь видит, о чем болит сердце наше, и не только видит, но, говоря по-человечески, даже чувствует эту боль. А что сделать в отношении к этой боли, то знает один Он. Потому-то пророк и учит нас молиться: лишь услыши, а что далее — указывать не дерзает. Буди воля Твоя!

Услыши... я же оправдания Твоя взыщу. Оправдания Божии суть заповеди, взыскивать кои значит верно и усердно исполнять — выискивать и высматривать, где какая заповедь приложима, и немедля исполнять ее со всем усердием. Не это ли и предмет усиленного взывания? Усердно взываю к Тебе, помоги, — и желание мое будет делом. Он, конечно, искал уже, и ищет этих оправданий; но когда привзойдет помощь свыше, то искание пойдет успешнее, пойдет прямейшим путем и станет совершаться образом, благоугоднейшим Богу. Тут же сокрыто и то указание, что, кроме этого, ничего не ищу и искать не хочу. Поставив законом образовать себя по заповедям, он глаз с них не сводит. Так обыкновенно поступает живописец, желающий написать верный портрет. Как сей последний прикован взорами к лицу, которое срисовывает, так и тот прикован к заповедям, которые желает отобразить в нраве своем.

---

[1] Исх. 14, 15.

Стих сто сорок шестой

Воззвах Ти, спаси мя, и сохраню свидения Твоя.

И еще вопль, и в такой же, разумеется, силе; только вместо: *услыши*, говорится определенно: *спаси мя*; а в виду имеется опять все то же: *и сохраню свидения Твоя.* Очами ума и желаниями сердца обнял он эти свидения и к одному стремится, чтобы перевесть их в жизнь свою и по ним образовать нрав свой так, чтобы между ними как первообразом и его собственным внутренним и внешним строем не было разности, и последний представлял верную копию первого. Дело это сколько желательно, столько же и затруднительно.

Если бы для успеха в нем достаточно было одного желания, то оставалось бы только возвысить такое желание, напрячь соответственно тому силы — и цель была бы достигнута. Но так как чрез море не перенесешься без корабля, сколько ни желай и ни напрягай сил; так не сможешь стать полным осуществителем заповедей Божиих без помощи свыше, как бы ни было сильно желание твое и напряженны усилия. Потому пророк прежде говорит: *спаси*, а потом — *сохраню*.

Из совместного выражения желаний: *спаси, и сохраню*, очевидно, что в слове *спаси* он совмещает получение всего, что необходимо для сохранения свидений Господних. Он говорит как бы так: даруй мне спасительные силы, и сохраню свидения Твои, так как без этого я не смогу сохранить их, не смогу совершить дела, которое и Ты от меня требуешь, совершить которое и я всем желанием желаю. Блаженный Августин пишет: «Спасение (то есть получение того, что означается здесь словом *спаси*) дает душе возможность делом совершить то, что сознает она для себя обязательным и достодолжным, а где нет этого спасения, там душа падает в изнеможении». Что именно такое есть это спасительное, вымаливаемое здесь, пророк не указывает, но его хорошо узнает и твердо знает тот, кто приступает к делу. Хоть мысленно и можно об этом гадать, но существенно узнается оно на деле. Часто одно и то же нужное у одного бывает таково, у другого иное; потому, может быть, он и не определил этого точно. Словом: *сохраню* пророк не самонадеянность выражает, а то, что как скоро получится оное спасительное, то необходимым следствием того будет хранение свидений. Не он будет хранящий, а та сила спасительная сама уже будет хранить, коль скоро получится.

Стих сто сорок седьмой

Предварих в безгодии, и воззвах, на словеса Твоя уповах.

Безгодие — ἀωρία, от ὥρα — час с отрицательною частицею α; стало быть, выйдет так: *предварих* не в обычный час. Еще все спят, а я, упреждая всех, встаю и становлюсь на молитву, взывая к Тебе. Делает же он так потому, что возуповал на словеса Божии, на обетование слышать молитву молящихся: *воззовет ко Мне, и услышу его*[1]. В этом смысле здесь выражается напряженность искания, с указанием того, чем оно воодушевляется. Искать, не щадя сил и не жалея себя,— искать, окрыляясь упованием,— это настоящий строй духа, желающего угодить Богу и молящегося о том. Блаженный Феодорит пишет: «Пророк был царь, обремененный тысячами забот; кроме того, нес военные подвиги, а все-таки приносил молитвы Богу, и не только с рассветом дня, но даже среди ночи, не дожидаясь пения петухов. Так любил он Творца Бога; так усердно испрашивал у Него помощи». Предмет искания и уповательного взывания тот же, что выше, — получение спасительной силы на образование себя по заповедям, чтобы стать благоугодным Богу. Вседушно искать этого и искать более всего надлежит каждому из нас, подражая пророку, который ради того не давал сна очам своим. Горение духа жаждущего отгоняло его сон. Но если в ночи так, что же днем? В ином же месте выражено: я сплю, а сердце мое бодрствует. Таково истинное искание! Оно непрерывно.

---

[1] Пс. 90, 15.

Но *безгодие*, как и у нас *безвременье*, может означать безуспешность трудов, недостаточность необходимо нужного, стесненность положения. Так разумеет это слово святой Афанасий. «Безгодием, говорит он, пророк называет тьму, или смутность обстоятельств». В таком случае выйдет вот что: находясь в крайности, *предварих*, то есть прежде всего поспешил обратиться к Тебе, Господи, как и в другом месте говорит он: *предварим лице Его*[1], поспешим то есть обратиться к Нему. Какая же это крайность? Что за тьма и смутность обстоятельств? Может быть, он разумеет и тесноту внешнего положения; но так как речь идет о вернейшей сообразности с заповедями, то, по мысли святого Амвросия, лучше думать, что здесь разумеются те крайности, которые внутри случаются с ревнующим о нравственно-религиозном преспеянии. Находит тьма помышлений и омрачает светлость сознания; восстает буря нечистых похотений и отгоняет трезвенность сердца; незнать откуда находит расслабление и подрывает всю энергию; бодут остны[1] беспокойных чувств скорби, уныния, боязней, и заставляют метаться туда и сюда, подобно ужаленному. Все это, совокупляясь вместе, колеблет самое коренное намерение и ревнование — быть неуклонно верным Господу и заповедям Его. Куда обратиться в таком крайнем и томительном безгодии? — Спеши предварить лице Господа. *Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет*[2]. Терпи и не переставай молиться, уповай — и Господь все уравнит, умирит и успособит, как ведает.

---

[1] Пс. 94, 2.

Стих сто сорок восьмой

Предваристе очи мои ко утру, поучитися словесем Твоим.

Рано, говорит пророк, спешу я открывать очи мои, заставляю себя просыпаться *ко утру*, чуть свет, затем, чтобы поучаться словесам Господним. *Поучаться* — читать на память или по книге слово Божие и размышлять. Блаженный Феодорит пишет: «Не только в продолжение дня, но и по утрам поучался он в Божиих законах. А мы, живя в бедности, избавленные от всех забот, проводим ночи, покоясь на ложе, и с наступлением дня не приносим песнопения Подателю благ». Святой Амвросий внушает: «Как сладостно начинать день созерцанием, например, блаженств, о которых пишется в Евангелии! Как благоспешительно из уст Христа Господа, изрекающего сии блаженства, воспринимать возбуждения к добродетелям, какие там указываются, и полагать намерение осуществлять их в продолжение дня!»

---

[1] Колют острия. — *Ред.* — [2] Пс. 33, 19.

Положившему образовать себя по норме, начертанной Богом в слове Его, необходимо изучать это слово, дабы видеть, что перенимать, и научиться, как в этом успеть. Общий первообраз, каким себя следует представить, хотя и носится в умном созерцании, но такова участь помышлений наших, что, не будучи повторяемы и возочищаемы в сознании, они тускнеют, помрачаются и забываются, а чрез это теряется нить, могущая руководить в лабиринте жизни. Значит, не полагаясь на себя, надо возочищать этот первообраз, чтоб оживлять и ревность, и уменье ревновать. К тому же единую по духу жизнь надо разнообразить в ее проявлениях, чтобы не увяла живость ее. На это разноображение деяний нигде нельзя так удобно найти благопотребных внушений, как в слове Божием. Дух Божий, присущий слову Своему, отлагает, при поучении в нем, в сердце, отверстое для него, семена спасительных начинаний, которые, быв приняты сочувственно, приводятся потом в дело с соответственным усердием и среди других дел оказываются и уместными, и многоплодными.

Стих сто сорок девятый

Глас мой услыши, Господи, по милости Твоей, по судьбе Твоей живи мя.

Высказав стремления сердца своего образовать себя по воле Божией, выражающейся в заповедях Божиих, постенав о немощи своей достигнуть сего, пророк возносит молитву о помощи свыше и оживляет начертавшийся в уме его первообраз жизни поучением в слове Божием. Сознавая затем, что все от Бога, — и начинания, и дела, он молится: *услыши Господи*; видишь, чего хочу, к чему стремлюсь, о чем вопию, — услышь же и поспособствуй!

Услыши — *по милости*, а *живи*, ниспосли то есть живительную силу, или даруй жизни моей раскрыться, — по *судьбе Твоей*, по присуждению Твоему, как находишь то благопотребным и спасительным для меня. «Просит, толкует блаженный Феодорит, милости, и не просто просит милости, но согласно с определением, имеющим в виду пользу». Прося милости, он выражает упование, понуждающее на милование; предавая же дарование оной Божию присуждению, выражает смирение, которое есть глубокий и широкий сосуд к приятию даров милости, раздражающий, так сказать, щедродательность Божию.

Слова: *по судьбе Твоей живи мя* — означают не одну меру живоносных дарований, но и всю участь приемлющего их. Но так как неисследованы пути каждого из приемлющих, то благопотребно молиться так: *имиже веси судьбами, спаси мя*. Не ко всем все идет, и не всякому всякий путь пригоден. Иной с большим умом гибнет, другой и с посредственным спасается; одному счастие — препона, другому благопотребнее тесная жизнь; тот льготностями оживляется, а этого притрудности приводят в напряжение. Мы не можем наверное знать, что для нас лучше. Потому разумнее, молясь, не вопить: дай то, возьми это, а, предавая все Божию усмотрению, смиренно взывать: *по судьбе Твоей живи мя*; то есть как присудишь лучше, так и устрой мою жизнь. Отобразить в себе норму жизни нравственно-религиозной, как она начертана Самим Господом, можно во всяком состоянии и при всякой мере дарований, ибо та сторона существа нашего, в которой отображается эта норма, независима от той, которою зиждется состояние и раскрываются дарования. Она позади этой или выше ее, и, по причине сей высоты своей, может безопасно *благоспетися и хранитися*, при всей невзрачности внешнего положения и скудости ценимых людьми житейских проявлений жизни.

Стих сто пятидесятый

Приближишася гонящии мя беззаконием, от закона же Твоего удалишася.

Гонящие меня, говорит пророк, беззаконием, или беззаконно, приблизились; к кому, или к чему? — К нему же, готовые схватить его. Беда — как бы так говорит он — над головою, вот-вот поразят меня враги мои; помоги, спаси, — можно доразумевать тут. А почему это так, объясняется следующими словами: потому что они удалились от закона Твоего. В лице моем они преследуют закон Твой; потому-то они враги не мои только, но и Твои. Заступись же, не меня ради, но ради закона Твоего.

Зигабен пишет, что иные читают — не *беззаконием приближишася*, а *к беззаконию.* Это и к составу стиха лучше идет, ибо вторая часть прямо будет отвечать первой: к беззаконию близки, а от закона Твоего далеки, — и течению речи более соответствует. Во всем восьмистишии говорится о приближении к норме жизни, указуемой заповедями. В этом же стихе пророк возымел намерение оттенить эту светлую сторону жизни противоположением. Я, говорит, ищу, как бы нрав свой образовать по закону Твоему, как бы приблизиться к нему жизнию; а гонящие меня, люди противоположного направления, заботятся о том, как бы больше и больше преуспевать в беззакониях, сближаться с ними, стать сущим беззаконием. Но чем больше они в этом успевают, тем больше отдаляются от закона Твоего, от той нормы, по которой Ты определил людям образовать нрав свой, удаляются от главной цели человека, и чрез то делаются как бы не человеками.

Зачем пророк поминает здесь об этом? — Для возбуждения ревности своей. Я, говорит, к закону Твоему, Господи, льну, а те — вон куда пошли. Вижу, куда ведет путь их и чем кончатся замыслы их. Отобразят они в себе беззаконие и станут ходячим грехом, а чрез это примут образ отца всякого греха и беззакония, безобразнейшего противника всякому добру, — образ сатаны. Вижу это, и не только отвращаюсь от пути того, но и ужасаюсь его. Уклонение от закона Твоего считаю самым бедственным шагом в жизни. Это то же, что покушение на жизнь, ибо не в теле центр жизни, а в душе; душа же, удаляющаяся от закона Твоего, а чрез то и от Тебя, мертва. Каждый акт удаления такого есть нанесение смертного удара душе. Сознавая это, я и ревную о законе Твоем, и докучаю Тебе о помощи, не обращая внимания на то, каково будет внешнее мое положение.

Стих сто пятьдесят первый

Близ еси Ты, Господи, и вси путие Твои истина.

Господь близ всех и всюду, как вездесущий. Но не все сознают это, а сознавши, не все держат в постоянном внимании. Вина этого не в Господе, а в нас. Когда тело здраво, оно с приятностию ощущает окружающую его теплоту, а когда оно расстроено (в лихорадке, например), то случается, что не только не чувствует теплоты, а напротив, обдается холодом. Так и здесь: Господь близ, и всех обнимает. Есть, которые чувствуют объятия Его, а есть, которые не чувствуют или хотят вырваться из них. Чувствуют те, которые живут по заповедям Божиим. Заповеди Божии, обращаясь в нрав чрез постоянное их исполнение, чрез добродетели, образуют в душе стороны богоподобия и чрез то точки соприкосновения к ней Бога, Которому уподобилась она добродетелями, не внешнего только, каково содержание всяческих вседержительством, а внутреннего, каково вселение Божие, наподобие проникновения железа огнем. Кто стал таким, тот носит Бога, и не может не исповедать, что близ Господь; а сознавая, что это дано ему ради верности закону, не может не свидетельствовать, что этот закон есть истина.

Так соделывается Господь близ — делом, живою близостию. Но этому предшествует наша к Нему близость — мыслию, созерцанием, исканием. Понуждающий себя приближаться к Богу привлекает живую близость Господа к себе. Это понуждение простирается на все силы человеческого естества. Нудящий себя умом быть близ Господа хранит память о Нем и ходит в присутствии Его, подражая пророку, который говорит: *предзрех Господа предо мною, яко одесную мене есть*[1]. Нудящий себя сердцем приблизиться к Господу отрывает себя от всякого пристрастия, чтобы сердце его не было занято ничем, кроме Господа. А созерцая всегда умом Господа и обращая лик Его в сердце своем, он старается подражать Ему во всем, чтобы быть подобным и благоугодным Ему. Черты Господа отображены в законе Его; потому-то от созерцания их он естественно переносится к созерцанию заповедей и, видя, что они совершенно одни и те же, исповедует: и здесь, в законе Твоем, то же, что в лике Твоем, созерцаемом мною умственно. Закон Твой есть истинное отображение Тебя Самого и есть истинен, насколько Ты Сам — Истина. Тебе ли стану подражать, или закон Твой исполнять, — тем и другим я буду близ Тебя и удостоюсь того, что и Ты будешь близ меня. Это и есть единственно истинный путь.

Стих сто пятьдесят второй

Испервa познах от свидений Твоих, яко в век основал я еси.

Закон образования себя по заповедям Божиим состоит в том, чтобы сначала созерцать в них близ сущим Господа Законодателя, а потом иметь Его близ себя и в себе. Закон этот вечен; он положен на вечные времена и не может быть ни отменен, ни изменен. Об этом и говорит здесь пророк, прилагая к сему, откуда и когда он это узнал.

---

[1] Пс. 15, 8.

Исперва, с первого то есть раза. Лишь только сознал себя, лишь только приступил к жизни по заповедям, тотчас и познал, что они навек основаны. Откуда ж он это познал? — *От свидений.* Если свидения принять только как доказательство, то будет: познал из Твоих свидетельств и удостоверений, Господи. Сам Ты, давая заповеди, сказал, что они вечны и неизменны. Если же под свидениями, как и во всем псалме, разуметь прямо заповеди, данные Богом и скрепленные Его авторитетом, то будет: познал из самых заповедей, из свойств, из содержания, из действия их, что они вечны. Печать неизменности лежит на челе их; только взглянул я, и увидел, что так оно и есть.

Таким убеждением скрепляет он все употребленные пред сим выражения своих решений и порывов на жизнь по заповедям: *взыщу, сохраню.* Он говорит как бы так: иначе нельзя. Таков строй духовного естества моего, такова воля Вседержителя Бога, таковы порядки всего сущего, что жить мне следует так, как отображено в заповедях Божиих, а не иначе. Зачем же он печатлеет это в сознании или вызывает из него? За тем, чтобы привесть в напряжение, в энергию свои нравственно-религиозные силы. Решительное «нельзя иначе» рождает чувство безвыходности, а это чувство не дает сидеть опустя руки. Кто увидит, что или надо действовать так и так, или гибнуть, тот не может, хотя бы и задумал, удержать себя, чтобы тотчас не начать и действовать; ибо кто же позволит себе гибнуть, когда есть исход, сколько бы он труден ни был? Нарушители заповедей откуда берут смелость к нарушению их? — Из того ложного самообнадежения, что «авось ничего; можно и так». У кого жива совесть, что говорит тот своим и чужим внушениям преступить заповедь какую-нибудь? — Нет, нельзя. Его разуверяют, что можно и иначе, а он твердит одно: нет, нельзя; что вы там ни говорите — нельзя. И это «нельзя» спасает его от преступления. Неповрежденная совесть тем и дорога, что в ней воздвигнута и твердо стоит эта стена ограждения: «нельзя».

ДВАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Двадцатое восьмистишие идет под буквою *реш — голова.*

Голова обыкновенно принимается в значении чего-либо главного, существенного, как, например, в следующих словах: *глава же о глаголемых*[1]. Это то же, что существо дела или предмета, существенные черты и принадлежности его, без которых он не может быть тем, чем должен быть. В нравственной жизни этим словом можно означить главные расположения сердца, на которых держится и которыми приводится в движение эта жизнь со всеми ее проявлениями,— строй сердца, спасающегося и богоугодного.

---

[1] Евр. 8, 1.

Такие расположения Спаситель указал в изложении блаженств, именно: смирение, сокрушение, кротость, правдолюбие, милостивость, чистота сердца, миролюбие, терпение, упование. Подобные сим расположения указал и святой Павел в исчислении плодов Святого Духа в сердце верующего: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание*[1]. Есть и в других местах Писания такие указания. К числу их следует отнести и настоящее восьмистишие. Здесь указываются — смирение, чистота совести, взыскание оправданий, упование спасения, терпение, ревность о доброй нравственности других, любовь богопреданная и, наконец, убеждение в непреложности заповедей Божиих.

Стих сто пятьдесят третий

Виждь смирение мое, и изми мя, яко закона Твоего не забых.

Смирение есть такое расположение духа, по которому, украшаясь многими совершенствами, считают себя такими, как бы в них не было ничего доброго, а потому и ставят себя ниже всех. Сознавая же себя бессильными сделать что-либо достодолжное, испрашивают у Бога на всякое доброе дело силы — начать его, продолжить и окончить; а совершив его, воздают благодарение Богу, яко Совершителю, ничего не приписывая себе. Такое расположение духа есть корень жизни духовной. Без него не ждите помощи Божией, а без помощи Божией ни в чем не успеете. Пророк и ставит такое расположение во *главе*.

---

[1] Гал. 5, 22—23.

Смирением называется и то еще, когда кто бывает смиряем внешними обстоятельствами — лишениями, утеснениями, болезнями, нуждами, потерями близких и тому подобное. Может показаться, что именно об этом смирении и поминает здесь пророк, ибо, сказав: *виждь смирение мое*, прибавляет: *и изми мя*, исторгни то есть меня из внешних смирительных обстоятельств. Нет сомнения, что хотя и это было, но пророк, минуя то, останавливает взор Божий на смирении сердечном — едином достойном Его воззрения. Только на том основании, что оно присуще сердцу, мог он дерзновенно воззвать к Богу: *изми мя*. Это равносильно просьбе больного к врачу: сними пластырь; рана уже зажила.

Покорствую, смиряюсь, сознаю, что я — ничто. Воззри же, Господи, на это самоуничижение мое и высвободи меня от прискорбных случайностей, *яко закона Твоего не забых.* И большой грешник может иногда приходить в самоуниченное чувство своего непотребства, но ему не пристало воззвать к Богу: *виждь...* Нельзя ему воззвать и: *изми мя*, ибо за что изъять, когда всю жизнь валяется он в похотях? Только то самоуничижение ценно перед Богом, которое имеется при полной верности закону Его, и только то воззвание *изми мя* сильно, когда при нем совесть не укоряет, что когда-нибудь и в чем-нибудь был забыт закон Божий.

Верен закону смиренный, но ничего себе не присваивает, не считает себя стоящим чего-либо, не думает, что благосостояние есть неотъемлемый удел его, потому и молится: *изми*, прося сего, как милости. Говоря же: *яко закона Твоего не забых*, он хочет сказать только то, что есть раб Божий. Я — раб Твой, ни в чем не нарушающий волю Твою; *изми* же *мя*, славы ради имени Твоего, чтобы все видели, что Тебе не чужды не забывающие закона Твоего.

Стих сто пятьдесят четвертый

Суди суд мой, и избави мя, словесе ради Твоего живи мя.

Потерпевший напраслину или обиду идет к судье и говорит ему: разбери дело мое. Смелость говорить так дает ему сознание, что он прав. Но к людям можно обращаться за судом праведным и без сознания своей правоты, в надежде как-нибудь прикрыть свою неправоту. К Богу же обращаться за судом праведным нельзя, когда совесть обличает тебя в неправоте, а сознанию присуще убеждение, что Бог видит неправоту твою. Такой человек еще прежде суда уже самоосужден пред Богом. Если пророк обращается к Богу за судом, то потому, что имеет совесть чистую и что совесть эта ни в чем не обличает его пред Богом. Соблюдение совести в такой чистоте и есть одно из коренных расположений сердца, угождающего Богу.

Что говорит грешник, в покаянии обращающийся к Богу? — Согрешил,— не буду. Не буду более грешить, не позволю себе сознательно отступить от заповедей Твоих ни словом, ни делом, ни помышлением. Какую заботу имеет он затем, получив прощение и будучи принят опять в число устремившихся истинно работать Богу? — Ту, чтобы ни в каком деле,— большое ли оно или малое,— не поступить против совести, просвещенной ведением заповедей Божиих. Посему, на что ни решается он, решается по сознанию, ясному и определенному, что дело его право пред Богом. Так идут все его дела; совесть его — небо чистое; нет ни одного облачка, омрачающего его. Чуть что случится,— в мыслях ли, чувствах ли, в движениях ли пожеланий,— тотчас оно очищается покаянием, и светлость сознания восстановляется.

Эта светлость и чистота составляют отраду жизни по заповедям, несмотря на все притрудности, внешние и внутренние. В ней — опора такой жизни; в ней же и дерзновение пред Богом. Как невинное дитя, смело ходит пред Богом чистый совестию и без смущения обращается к Нему в молитве своей. Да молитва и не может иначе зачаться и созреть, как под сознанием чистоты совести. Ее все истинные подвижники и поставляют водительницею или дверию молитвы.

Такое-то состояние усматривается в пророке, когда он смело взывает к Богу: *суди суд мой*. Хочешь достигнуть возможности и самому так же смело взывать? — Сохрани совесть свою чистою во всем. Но надежду, что ты будешь услышан, полагай не в этом, а в одной милости Божией; потому-то пророк и прибавляет дальше: *словесе ради Твоего живи мя. Живи мя* — то же, что *избави мя*. Внешние скорби делают человека словно неживым, потому и говорится: «убитый человек». Избавление от скорби есть оживление убитого горем. Пророк молится оживить его чрез избавление от того, что делало его убитым. Ради чего? — *Словесе ради.* Какое же это слово? — Слово обетования Божия — быть покровом для тех, кои верны Ему не внешне только, но по свидетельству совести своей. Слово же обетования таково:

воззовет ко Мне, и услышу его, с ним есмь в скорби, изму его... и явлю ему спасение Мое[1]. Памятуя сие обетование, пророк и воззвал: *словесе ради Твоего живи мя.* Совесть уверяла его, что он ни в чем не виноват, но так как помилование не заключено в этом уверении совести, а находится в милующей деснице Божией, то к ней и взывает он: избавь, как обещал Ты, Господи, ибо хоть совесть моя в ни чем не укоряет меня, но, может быть, око ее не так остро зорко, чтобы все увидеть до малейших подробностей, среди коих может укрываться что-нибудь и достойное укора. Только очи Божии, *светлейшии паче солнца*, прозревают сокровеннейшее[2]. Потому пророк хоть и не боялся суда Божия, по суду своей совести, но, помянув, что она может иногда и без покривления своего ненамеренно не видеть какой-нибудь неисправности, всю надежду свою возлагает на милостивое обетование Божие. *Ничесоже в себе свем, но ни о сем оправдаюся*[3]. Таково должно быть состояние и расположение возревновавших истинно угождать Богу.

Стих сто пятьдесят пятый

Далече от грешник спасение, яко оправданий Твоих не взыскаша.

Чистота совести зависит от неопустительного исполнения всего, что совесть считает обязательным для себя и от устроения всей своей деятельности, как внешней, так и внутренней, такого, чтобы в ней не проскользало ничто несообразное с заповедями Божиими. Но такого характера деятельность человека получить не может, если он живет, как живется, без острозоркого внимания к себе и ко всему тому, что вокруг его, и без смотрения на все это сквозь призму заповедей. Только тогда это возможно, когда он будет внимательно следить за всем текущим, сличать то с заповедями и, определив по ним обязательный для себя образ действования, уж и действовать так. Ведя таким способом дела свои, он будет устроять жизнь свою праведно. А это и есть взыскание оправданий. Кто его не имеет, от того далеко спасение, а кто имеет, к тому оно близко. Это последнее и желает внушить пророк, «чрез противоположение», как замечает блаженный Августин.

---

[1] Пс. 90, 15–16. — [2] Сир. 23, 27. — [3] 1 Кор. 4, 4.

Взыскание оправданий не есть только исследование и рассмотрение: это лишь начало и подготовка. Взыскать — значит познавать и делать. Идущий по следам в пустыне, как только уверится, что тот или другой след есть настоящий, тотчас вступает на него и идет по нему, ничтоже сумняся, пока не встретит другого пересекающего следа. Решив тут, по какому следу идти, опять идет не останавливаясь по тому следу, который признал настоящим. Так и в нравственной жизни: рассмотрение того, что право, есть только начинательное и руководящее дело, а самую жизнь составляет действование по усмотренному. И только от того, кто так действует, недалеко спасение, а не от того, кто только рассматривает, не двигаясь с места. Последний походит на человека, который, сидя в покойном кресле, пишет маршруты.

Хорошо и рассуждать о достодолжном, но в этом меньше нужды, чем в подвизании себя по достодолжному. Общие правила достодолжного всем ведомы и у всех на языке. Если что остается дополнять, так это частное приложение их к предлежащему случаю. Но и за этим, кажется, не должно стоять дело, а может быть, и не стоит, ибо натуральная наша логика в нас же, и совесть тут. Они сейчас и предуказывают должное, так что после них редко когда предлежит труд и особому рассуждению, разве при запутанных каких-либо сочетаниях случайностей. Дело не за этим, а за тем, что деется там, внутри. Иной человек с совершенно противными оправданиям Божиим началами помучает здравую логику, и помучает не основательностию своих предъявлений, а тем, что всегда встречает скрытное сочувствие себе где-то в глубине сердца или сзади его, которое дает силу его предъявлениям, как бы они ни были пусты и ничтожны. Как только покажется такое предъявление, все здравые рассуждения распадаются в прах, и дело покривляется. Чтоб этого не было, надобно заложить в сердце теплое усердие к достодолжному и ревнование о нем. Это ревнование и усердие будут, как стена, отражать все противоположное, и дела всегда будут идти право. Человеку честному только намек сделай о чем-либо бесчестном, — он тотчас с гневом восстает против этого, и что вы ни предъявляйте ему, он слушать не станет. Так бывает и с тем, кто стал усердствовать о нравственно-достодолжном. Его уж никакие противоположные предъявления не собьют с толку. Такое-то усердие и есть собственно взыскание оправданий, а ведение и расследование есть только помогающее дело. Отчего не спеется жизнь по оправданиям Божиим? — Оттого, что усердия к ним нет, хоть знания и много. Потому-то справедливо пророк в числе главных условий спасительной жизни поставил взыскание оправданий. Без него нет и самого течения такой жизни: оно пресекается.

Стих сто пятьдесят шестой

Щедроты Твоя многи, Господи, по судьбе Твоей живи мя.

И взыскание оправданий есть, и притом такое усердное, что даже совесть не обличает ни в какой оплошности, но все-таки не в этом основа спасения. *Кто чист от скверны... аще и един день* *житие его на земли?*[1] И око Божие в ком не видит много достойного осуждения? Куда же обратиться? — К щедротам Божиим. Вопий же непрестанно: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое*[2]. К тому же, ныне ты стоишь, но можешь ли сказать, что и завтра будешь стоять? — Если нет, то ищи верной опоры. А где ты ее найдешь, кроме Того, Кто всегда есть один и тот же и, содержа все, держит и тебя в деснице Своей? Положи же себя в эту десницу и произволением своим, и всем строем расположений твоих, вопия всем существом: *по судьбе Твоей, Господи, живи мя*, или другими словами: *имиже веси судьбами спаси мя*, ибо жизнь и есть только спасенная жизнь, а спасение каждого из нас устрояет Господь, по судьбе Своей, то есть как знает и как хочет. И никто не спасется, кроме тех, кои всецело предают себя в руки Божии.

Щедроты Божии — *бездна многа*[3], бездна всеобъемлющая и всепоглощающая, но не в них спасение. Надо самому ревновать, и не ревновать только, но и трудиться, трудиться до последнего напряжения сил. Но и не в этом опять спасение, а в том, если Бог начнет Сам содевать Свое спасение в нас. А Бог не станет содевать его, если мы не предадим Ему себя всецело, не пресекая вместе с тем и всеусильного своего действования. Вот в чем таинство истинной жизни! Самим всеусильно действовать во спасение, а содевающим его сознавать единого Господа; не сметь ни на чем опираться и питать упование спасения неложное, сознавая его содевающимся в себе, помимо наших усилий, хотя и не без них, а среди их, равно как среди всех случайных нестроений внутренних и внешних, сокровенною некоею силою, действующею неведомо как, хоть иногда и осязательно. Это и есть утопание в щедротах Божиих многих, с преданием себя в руки Божии, под коим и в коем держится и зреет упование спасения, — сила воодушевляющая, укрепляющая и утешающая на путях богоугодной жизни.

---

[1] Иов. 14, 4—5.— [2] Пс. 50, 3.— [3] Пс. 35, 7.

Упование спасения имеет не одну степень. Оно сначала видит его вдали, потом привлекает к себе, наконец, чувствует себя обладательницею его. И все же, однако, оно — только упование спасения, как получение того, что впереди. Так плывущий в корабле над бездною вод, хотя и чувствует себя безопасным, все же только уповает быть перенесенным чрез воды и ступить на твердую землю. Это чувство есть самое сокровенное и вместе самое характеристичное среди расположений, обусловливающих верность спасения.

Стих сто пятьдесят седьмой

Мнози изгонящии мя и стужающии ми, от свидений Твоих не уклонихся.

Упование спасения дает силу к перенесению и преодолению всех противностей, встречающихся на пути спасения. Противностей этих много, внутри — от страстей, совне — от людей страстных и нечистых сил. Вот это и есть — *мнози изгоняющии и стужающии.* Они окружают и теснят всякого не уклоняющегося от свидений Божиих за то, что он не уклоняется от них. Но не уклоняющемуся по сему поводу от свидений Божиих от этого не беда, ибо *блажени изгнани правды ради, яко тех есть царствие небесное*[1]. И не то что будет их это царствие, а есть; и не то что будут блаженны, а суть. Прискорбности, беды и тесноты за верность свидениям Божиим сами из себя источают сладостное утешение, располагающее не чуждаться их и отревать, а скорее желать и искать, и радоваться тому, что они есть. Как иной желает горьких приправ к кушанью, так желает прискорбностей на пути спасения вкусивший сладости их. Кто испытывал, как под пластырем жгучим и рвущим приходит и чувство приятное, в силу ощущаемого целения, производимого им, тот несколько поймет, как бывает то же и при жгучих и рвущих прискорбностях на пути спасения.

---

[1] Мф. 5, 10.

Условие для этого есть неуклонение от свидений Божиих, а следствие этого есть большая ревность к такому неуклонению. То и другое питают себя взаимно и рождают плод — благодушное терпение. Терпение по видимому есть как будто нечто истощающее жизнь, а на деле оно есть ботение[1] жизни, как ботеет[2] древо при исходищах[3] вод; только надобно, чтоб в основе его лежала верность свидениям Божиим. По падении Бог преисполнил жизнь нашу тем, что дает поводы терпеть. Так как не годились мы для правильной жизни в раю, то все и терпят, и никого нет, кто был бы свободен от такого присуждения Божия. Но, присудив это, Бог не отменил коренного закона жизни, свойственной человеку,— того, чтоб она была всегда и во всем сообразна с волею Божиею, выраженною в заповедях Его; напротив, строжайше подтвердил его и подтверждает, не как отяжеляющий ярем, а как средство облегчения и источник утешения в претерпевании его. Так это и бывает: кто верен заповедям или свидениям Божиим, тому утешительно терпеть, что бы он ни претерпел. Пророк и говорит: «Много стужающих; но пусть их! Я свое дело знаю, и о том только ревную, чтоб не уклониться от свидений Божиих». Видим, что все рвутся из уз того, что приходится им терпеть, а все никак не могут вырваться, даже при больших средствах. Отчего так? — Оттого, что не ту дорогу взяли. Надо вступить на путь свидений Божиих и благодушно терпеть то, что приходится терпеть. Тогда это самое претерпеваемое начнет источать утешение. Вот и рай, несмотря на противную тому внешность! Те, кои иным путем хотят водворить рай на земле, лишь попусту трудятся. Еще Премудрый сказал им: *суета суетствий!*[1]

---

[1] Влажность. — *Ред.* — [2] Тучнеет. — *Ред.* — [3] Источниках. — *Ред.*

Стих сто пятьдесят восьмой

Видех неразумевающия и истаях, яко словес Твоих не сохраниша.

«Если я видел, говорит пророк, кого неразумевающего, то, сожалея о нем, истаявал из ревности по богочестию» (святой Афанасий). «Так блаженный Павел сетовал об иудеях; так Сам Владыка изъявил сожаление об Иерусалиме; так божественный Иеремия оплакивал беззаконие народа» (блаженный Феодорит). Неразумевающие — ἀσυνετοῦντες — не то, что слабоумные или необразованные невежды, а те, которые безумствуют по злой воле своей, хоть и знают, как должно жить, но живут совсем противно тому, безобразничают, и себя губя этим, и бесславя Создателя и Спасителя своего. Кто любит Бога, тот любит и братий своих. Кто любит добрую нравственность, тот не может равнодушно смотреть, не скорбеть и не сокрушаться сердцем, окруженный людьми, которые, забыв Бога, бесстрашно попирают закон Его святой. Пророк свидетельствует о себе, что он, взирая на это, истаял, как истаявает свеча, снедаемая силою огня. Такова истинная любовь к Богу! Не себя только она держит на путях, угодных Ему, но ревнует, чтобы и все братия держались тех же путей, чтобы благоугождаемый Бог утешался всеми и на всех почивал благоволением Своим.

---

[1] Еккл. 1, 2.

Пророк ничего не говорит о том, что делал он, или что следовало бы делать тому, кто любит словеса Божии, когда видит, что их знать не хотят, и, обращаясь к Богу, свидетельствовал только пред Ним, как мучительно для него повсюдное несоблюдение словес Божиих, ясных, определенно выражающих то именно, чего от кого требует Бог. Не есть ли и в самом деле это наилучший способ выражения ревности о доброй в людях нравственности? Живи сам как должно, ни в чем себе не поблажая и, видя других, не хранящих словеса Божии, снедайся скорбию о том и вопий к Богу, как это больно для тебя, умоляя Его чрез это самое вступиться за слово Свое и отрезвить безумствующих. Учи и вразумляй жизнию; вразумлять же словом предоставь тем, кому дано слово, а вразумлять делом — тем, кому дана власть на это, молясь притом теплою молитвою, чтобы Бог Сам выступил на защиту дела Своего.

Это не будет равнодушие, хоть и можно прикрывать его таким образом действования, а дело благоразумия. Можно начать действовать, но, вместо поправления дела, только больше расстроишь его. Молись лучше, да изведет Господь делателей. Но если в общности уместен такой образ действования, то тех, коим дано слово, и тех, коим дана власть, ничем нельзя извинить, если первые не возвышают гласа своего, взошедши на кровы, а вторые без ума носят меч, данный им на остепенение и устрашение злых. Власть эта не в руках только правительства, но и у отца над детьми, у мужа над женой, у хозяина над всем домом, у старших над младшими, у наставников над учениками; равно как и слово не у одних пастырей, но и у всякого, разумеющего дело и подвигаемого смиренно высказывать вразумляющую истину устно или письменно. Сколько у нас пишущих! Если бы никто из пишущих не писал лукавства, а все писали одну истину, посмел ли бы кто нечествовать словом или делом? Как гласы трубные, наполняли бы воздух вещания их и, вызывая всех на доброе воинствование, страхом поражали бы нехотящих, не дозволяя им и показаться наружу. Не посмело бы тогда беззаконие и нечестие ходить по стогнам нагло и открыто, и если б не совсем было истреблено, то крылось бы где-либо в пустырях и расселинах, подобно нетопырям.

Стих сто пятьдесят девятый

Виждь, яко заповеди Твоя возлюбих. Господи, по милости Твоей живи мя.

Подумаешь: живет пророк так исправно, что совесть ни в чем его не зазирает; когда другие теснят его за верность закону, не уклоняется от него; когда видит других не хранящими его, снедается скорбию, — какое ж еще нужно доказательство любви к закону? И, однако ж, он говорит: *виждь, яко заповеди Твоя возлюбих*, — и говорит Тому, о Ком знает, что пред Ним все открыто. Что же он хочет выразить этим? — То, что он не внешний только законник, а сердечный. «Не просто говорит, поясняет блаженный Феодорит, соблюдал я заповеди, но возлюбил их, хотя ничто не принуждало меня к исполнению их». Заповеди лежат в глубине сердца моего, в самых исходищах жизни, и заправляют всеми проявлениями ее. Люблю не одни дела по заповедям, а самую чистоту нравственную, требуемую ими, самое совершенство жизни, изображаемой ими, — люблю не одни дела смирения, но и самое смирение, — не одно воздержание от порывов гнева и нечистоты, но и самую кротость и целомудрие, — не одни дела милосердия, а самую милостивость, и прочее. А что Богу говорит пророк — *виждь*, то этим хочет выразить лишь то, что говорит так не легкомысленно, не по самомнению присвояя себе то, чего нет, а по освидетельствованию себя, при свете всевидения Божия; сходя с ним в сердце, он видит не в самопрельщении, а на самом деле, что вседушно любит заповеди Божии. Такое расположение и есть начало, из ко-торого должна исходить добрая нравственность: любовь к заповедям ради любви к тем добродетелям, которые они внушают.

Эта любовь не вынуждена, а сама собою внедряется или, точнее, возгорается, как скоро кто вкусит добродетели. Это оттого, что добродетели не чужды нам, но составляют первообразный наш духовный строй. Созданные по образу Божию, мы носим в себе семена всех доброт Божиих. Они бы одни и воссиявали в сердце нашем, если бы чрез падение не привились к нам омрачающие, закрывающие и искажающие их страсти. Страсти бывают причиною того, что в нас является холодность к добродетелям, противление и, наконец, отвращение от них. Не будь заповедей Божиих, может быть, страсти довели бы нас до того, что мы совсем согнали бы с лица земли всякую добродетель. Но заповеди, быв услышаны, чрез слух входят внутрь и возбуждают там воспоминание о добродетелях и о той светлости состояния, в какое они поставляют человека, в противоположность мрачности страстей. Это воспоминание располагает покориться заповедям, ради сокрытой в них силы возвратить нам потерянное, но вожделенно-светлое состояние духовное, —

и мы покорствуем. На первый раз эта покорность как вызывается, так и поддерживается одним чаянием духовного добра от заповедей и производится напряжением воли. Но постоянство в исполнении их, убивая страсти, оживляет заглушенные ими в сердце добродетели, оживленные возращает и дает вкусить сладость возращенных. Вкушенная сладость добродетели прилепляет к ней сердце и делает ее неотъемлемою, потому что не совне она привходит, а воссиявает извнутри и объемлет сердце. Отсюда — любовь. Так добродетели, одна за другою, объемлют сердце и становятся предметом его любви. Не все вдруг, а постепенно; всему свое время. Когда же воссияет в сердце вся полнота добродетелей, тогда в радости духовной можно воззвать с пророком: *виждь, яко заповеди Твоя возлюбих*, — не их только, но и добродетели, сокрытые в них. Вот и рай духовный! Любовь эта есть наслаждение всеми блаженствами от вкушения сладости добродетелей. Вот как Царствие Божие бывает внутрь нас! Тогда и Бог бывает здесь не как временный гость, а как всегдашний обитатель.

Потому-то, когда вслед за сим пророк молится: *Господи, по милости Твоей живи мя*, то выражает этим не иное какое желание, как то, чтобы Господь продолжал жить в нем и, живя в нем, оживлял его. Господь — источник жизни, и куда Он пойдет, там разверзаются обильные потоки жизни сладостной и всеблаженной. Испытавший это, когда молится: *живи мя*, то выражает этим: не отходи от меня,— веруя, что лишь бы не отошел Господь, то и живительность от Него будет источаться сама собою. Господь охотно пребывает в сердце, полном добротолюбия и самих доброт, но не связан тем, а свободно присещает. Присещает и отходит, когда и как Ему угодно. Но когда отходит — мрак и холод в сердце. Потому и нельзя не молиться: не лишай меня, Господи, милости пребывания Твоего во мне, но непрерывно живи мя, по милости Твоей.

Стих сто шестидесятый

Начало словес Твоих истина, и во век вся судьбы правды Твоея.

Если все словеса Божии представить под видом тела, то глава его — истина. Если представить эти словеса под видом кодекса, то заглавие ему или надпись — истина. Убеждение, что все словеса Божии, определяющие достодолжный образ жизни нашей, суть непреложно истинны, служит основанием жизни по сим словесам. Убежденный в том, что так, а не иначе как в них изображено, должно жить, не может ожидать какой-либо возможности к уклонению от них или изобресть какой-либо предлог и перетолкование их, чтоб, и исполняя их, исполнять не в той силе, как гласят самые словеса. Потому не может не держать в мысли и сердце, что одно из двух неизбежно: или жить по слову Божию, или обречь себя на вечную пагубу, — вечную, потому что *во век вся судьбы правды Божией*, то есть сила решений Божиих, праведно определяющих посредством заповедей, как следует нам жить, простирается на всю вечность. И в вечность заповеди Божии пойдут вслед нас и будут там или ходатаями за нас, или нашими обличителями. Сознав же такую неминучесть, можно ли еще раздумывать и колебаться, какою идти дорогой?

Враг знает силу этих убеждений, а потому все усилия употребляет к тому, чтобы рассеять их. И успевает, посредством забвения и развлечения внимания другими предметами или посредством странного какого-то решения: «авось, небось.» Как только попадет на это душа, — и потекла жизнь как придется, увлекаемая соприкосновенными течениями общей жизни, в которой и смятение, и всякое нестроение. А враг тут и есть; он ловит свою добычу и богатит ими вечное свое обиталище, присужденное ему и клевретам его.

Помнящий же заповеди и носящий убеждение, что они непреложны, стоит не колеблясь. Кругом волны, а он словно на утесе; около ветры бушуют, а он как в уютной комнате. И враг ничего с ним не может поделать. Бывают, конечно, подступы и к нему, но они не сдвигают его с места и не изменяют направления его жизни. Оттого у него всегда один и тот же строй, и в уме, и в сердце, одни и те же порядки во внешней жизни. Длительность пребывания в одном и том же еще более утверждает его в том, — и он неизменным проходит, наконец, и среди сени смертной и вступает в область вечную, для вечного пребывания опять-таки в том же, в тех же судьбах правды Божией.

Весь мир, которому мы и пределов не знаем, стоит на судьбах правды Божией, но стоит не сам собою: держит его в этом всемощная десница Божия. А так как он не сам собою стоит, то и отступать от этих судеб сам собою не может. Мы же свободны: нам надобно свободно подчинить себя этим судьбам и держать себя в них, чтоб войти в соглашение и гармонию со всею совокупностию тварей. *Всяческая работна* (выше, стих 91) Господу, Творцу и Вседержителю. Отбегать от этого ига, естеством налагаемого, хотя и имеет призрак храбрости, но смысла в нем нет никакого, ибо в пребывании под ним — наше же благо, и временное, и вечное. Пребывающие под ним сами в себе чувствуют, что так и должно быть; и те, которые убегают из-под него, чувствуют, что так не должно быть, даром что отуманены и закружены.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

ש

Восьмистишие это обозначается буквою или словом *шин — зуб.*

Зубы в животном царстве суть орудие защиты и питания, а у людей, сверх того, помогают говорению. Представляя себе ходящего в законе Божием живым существом, окруженным неприязнию против самого хождения его в законе, можно спросить: чем же дано ему защищаться против того? — Страхом нарушить закон, отвечает пророк (стих 161), надеждою благ от исполнения его (стих 162), любовию к нему (стих 163). Если соберешь под один обзор всех, живущих по словесам Божиим, то увидишь, что именно эти орудия духовные отражают всякое движение, противное Божиим словесам. К ним в конце пророк присоединяет хождение пред Богом (стих 168), которое еще крепче тех трех и даже им самим придает силу. Вот и зубы его. Чем занята у такого речь? — Богохвалением, именно за блага, истекающие от судеб правды Божией (стих 164). Чем питается он? — Теми благами, какими исполняется душа его от исполнения заповедей (стихи 165—167). Таково содержание этого восьмистишия.

Стих сто шестьдесят первый

Князи погнаша мя туне, и от словес Твоих убояся сердце мое.

В словах: «князи гнали или прогнали меня напрасно», — нужно подразумевать: «некогда». Пророк намекает на Саула и царя гефского, в начале гонения на него, или на Саула с его приближенными, когда они гонялись за ним по пустыне и когда Саул совсем попался ему в руки и не был умерщвлен потому только, что страх Божий связывал не руки только, но и помышления сердца Давидова. Они прогнали, говорит, меня и гонялись за мною, но мне это не было страшно. Сердце мое только словес Твоих, Господи, боялось и тем удерживалось от всякой неправды и от всякого дела злого.

В отношении к нам, христианам, так может всегда взывать Святая Церковь, воспоминая о претерпенных ею гонениях, как в первое время бытия своего, так и во многие другие тесные периоды ее существования. Так и взывает она в песнях своих, когда прославляет святых мучеников.

Так может взывать и всякий христианин, теснимый и гонимый на своем непорочном пути князьями века сего, духами злобы и их послушниками из людей, всегда внутренно, но нередко и внешно. Все духи злобы поднялись на меня, чтобы совратить с пути заповедей Твоих, Господи;

но напрасно. Сердце мое полно страхом Твоим, страхом нарушить словеса Твои, и этим страхом отреваю я все воздвигаемые ими во мне искушения. Страх Твой – ограда моя, оружие, против которого не смогут устоять никакие обольстительные помышления; они разлетаются пред ним, как прах пред лицем ветра.

Страх Божий естествен духу нашему и всегда живет в сердце. Страсти подавляют его и заглушают, но не уничтожают. Лишь только повеет благодать Божия на сердце, страх первый тотчас оживает и воздвигает с собою совесть. Потом они вдвоем производят, под действием благодати, покаяние и обращение грешника от греха к добродетели; и далее они же держат его на этом новом пути, не оставляя его до последних степеней совершенства в новой жизни. Страх Божий всюду предводительствует. Самая любовь, изгоняя один страх, приемлет в себя другой.

Пусть гонят внешно, пусть подымаются внутри волны помышлений злых; но когда цел страх словес Божиих, то нечего бояться. Сердце тогда – недоступная для искушений крепость. Есть в нем страж верный, орудие на врага неодолимое. Можно сказать: береги страх Божий, и не бойся падений. Возгревай этот страх, и не возымеешь нужды ни в каком другом средстве к возбуждению энергии в духе твоем. Страх этот сильнее страха смерти. Но если страх смерти телесной приводит в такое напряжение силы защищающегося, что он становится сам страшен для нападающих, то чего не силен произвесть страх смерти духовной, грозящей вечною смертию, когда жизнь духа подвергается опасности? Всади убо, Господи, страх Твой в сердца наши!

Стих сто шестьдесят второй

Возрадуюся аз о словесех Твоих, яко обретаяй корысть многу.

Второе орудие на отражение греха и на ограждение добродетели есть верное чаяние корысти от добродетелей. Эта корысть есть благоплодность добродетельного жития, которое здесь воссиявает преимущественно в совершенстве внутренней жизни, а в будущем воссияет и в теле, внешно, во внешнем положении. Залог будущего полагается в настоящем; упование утверждается на предвкушении. Добродетельные и здесь уже обретают ***корысть многу***, вкушают ее и наслаждаются ею. Это наслаждение и есть для них орудие их защиты и самохранения не менее сильное, как и страх словес Божиих.

Страх всегда есть начало добродетели и держит человека на пути ее сначала один, но потом он разделяет труд свой со вкушением корысти от добродетели. Страх обращает на путь добродетели и держит на нем как бы внешно, нудя, будто против воли, и по одному чувству самосохранения подклоняя упорную волю под иго заповедей. Как бич гонит невольника на работу и заставляет работать, так вначале страх гонит на добродетель и заставляет творить дела ее.

Не вдруг оживают чувства духовные, не вдруг получают они способность находить вкус в вещах нечувственных; но как трение возвращает чувство онемелому члену, так и труд добродelания восстановляет в сердце духовные чувства. Тогда оно начинает ощущать сладость от всякого добродетельного дела и от всякого подвига, подъемлемого ради ее. Человек продолжает делать уже не потому, что чает получить корысть или благой плод, а оттого, что уже имеет его и носит в себе.

Высшее благо в этом случае — мир совести. Что может сравниться с этим благом! Само сердце ничего не ставит выше его после того, как он возвращается, быв на время потерян неразумным невниманием к себе. Смело воззревает оно к Богу и без смущения смотрит в глаза всем людям.

Второе благо — стройность в делах, и внутри, и вне. В таком случае, и помышлениям, и намерениям, и предприятиям сообщается единство цели, которое уже само подбирает по роду своему средства и способы исполнения.

Отсюда само собою вытекает и третье благо — благопоспешность. Все тут совершается внутри, что состоит во власти человека; внешнее не есть неотъемлемое условие, и даже неблагоприятность его обращается к благопоспешению внутри.

Довольно и этих трех, чтобы всякому добродетельному взывать искренно: радуюсь словесам Твоим, Господи, как обретающий от них корысть многу!

Стих сто шестьдесят третий

Неправду возненавидех и омерзих, закон же Твой возлюбих.

Третье орудие духовное есть любовь к закону Божию с полным отвращением от беззаконий и неправд. Эта любовь порождается испытанием благоплодия духовного от исполнения закона, но самое благоплодие при этом уже выпадает из внимания, а зрится одна только красота благозакония. Как благодетеля начинаем любить потому, что он оказывает нам благодеяние, а полюбив однажды, мы продолжаем любить уже потому, что он сам по себе хорош,— так и к закону любовь начинается от вкушения благих от него плодов, а по насыщении ими любовь к нему воцаряется в сердце уже ради совершенства и красоты его. *Закон*, говорит апостол, *свят, и заповедь свята, и праведна, и блага*[1].

Но когда вселяется в сердце любовь к одному предмету, то к предметам, противоположным ему, уже не может быть там любви, а занимает место противное ей чувство — не любовь, а омерзение и ненависть. В обычных вещах, может быть, и не неизбежна такая противоположность чувств, но в отношении к закону и беззаконию иначе и быть не может. Ибо и беззаконие туда же лезет, — лезет занять сердце, уже занятое законом. Как от какого-либо нахала, лезущего к вам в комнату, вы избавляетесь, толкая его в грудь, так и от беззакония, навязчиво лезущего к вам в сердце, вы не иначе избавитесь, как дав ему в грудь, то есть поразив его ненавистию и омерзением.

---

[1] Рим. 7, 12.

В порядке нравственных изменений сердца эта ненависть к греху и беззаконию не вдруг образуется, ибо в нем и по оставлении греха делом долго еще остается сочувствие к греху. Но по мере труда в благожитий законном оно испаряется, а когда установится добрый нрав, по начертанию закона, тогда оно совсем исчезает и заменяется ненавистию и омерзением, по причине досадливой неотвязчивости греха и потому, что сердцу присуще ощущение всей зловредности от него. Таким образом, в руках сердца является меч обоюдоострый, одно лезвие которого — любовь к закону, а другое — ненависть и омерзение к неправде и греху. То и другое рубит сильно, и нет возможности противостоять поражению их.

У кого это есть, тот безопасен от падений. Страшен он всем полчищам духов злобы. У святых отцов, руководителей в жизни, встречаем, что первым в числе правил духовной брани стоит у всех — ненависть ко греху: «ее, говорят, выдвигай первую» (Исихий). Она, прибавим, несокрушимая и всепоражающая батарея духовная, и когда действует, то непрерывно дает несчетное множество выстрелов. Стоит она на окраине сердца; город же сердца не остается пустым, — он занят любовию к закону. Что может сделать при этом грех, когда и действовать не может иначе, как чрез помыслы, кои хотя тоже суть стрелы, но соломенные?

Стих сто шестьдесят четвертый

Седмерицею днем хвалих Тя о судьбах правды Твоея.

Зубы, как пособники слова, навели на мысль о прославлении Бога, дивного в судьбах правды Его, так как между предметами слова нет выше слова о Боге, и между сими словами нет выше славословия. Его-то и выставляет пророк, давая разуметь, что, кто его достиг, тот достиг крайних пределов употребления слова и, прибавим, употребления ума. Когда начинает исторгаться из сердца богохваление, то это значит, что ум начал вступать истинно в область боговедения, которое, отвлекая его внимание от всего другого, как несравненно низшего, приковывает взор его к единому Богу и разверзает пред очами его блеск славы Его, дивного в бытии Своем, в свойствах Своих и в действиях — в творении, промышлении, искуплении и устроении спасения каждого спасаемого. Созерцая это, он переходит от изумления к изумлению и, при каждом предмете созерцания, ничего не может изречь кроме славословия: слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!

Но и между предметами созерцания Бога есть степени. По свидетельству Исаака Сирианина, созерцание того, *как* Бог явил и являет Себя в тварях, есть первая степень; а созерцание Бога, *как* Он есть Сам в Себе, — вторая, высшая. Пророк останавливается на первой, ибо судьбы правды, ради коих он хвалит Бога, означают праведные суды, присуждения и определения Божии, как чему быть, и как что было уже и бывает на деле. Воспоминая это, пророк не может удержать языка своего от восхваления Бога, дивного в судьбах Своих и седмижды, или многократно в день хвалит Его. Святой Афанасий Великий пишет: «Как изучивший законы творения и промышления Божия, исповедуется он о судьбах правды Божией, о тех судьбах, по которым Бог создал разнообразные твари и промышляет о каждой из них. Словом *седмерицею* дает разуметь, что не престает он хвалить, говоря как бы так: «всегда памятую судьбы Твои». Неудержимо стремится душа его к богохвалению. Желая удовлетворить этой жажде, он становится на славословие и, утолив ее несколько, останавливается. Но лишь только остановится, как опять та же жажда начинает возбуждать его и поднимать на ноги,— и так целый день. «Пророк, говорит блаженный Феодорит, выражает этим пламенную любовь свою, так как не доходил до пресыщения в божественном песнопении».

Отчего скучают иные? — Оттого, что не напали на предмет, который занимал бы их всесторонне и насыщал вполне. Такой предмет один — Бог и судьбы правды Его. Отдайте Ему свой труд, вре-мя и внимание,— и вам некогда будет скучать; напротив, будете, как в раю, ибо с сладостию бо-гомыслия и славословия ничто не может сравниться. Испытав это, святые отцы все время посвящали на то; на том же основании и Святая Церковь заповедала многократно в день собираться на молитву. Древняя *седмерица* в настоящее время сокращена в *троицу*, совмещающую, однако же, все седмь чинов богослужебного славословия: литургия — не в счет. Как Пасха между праздниками есть праздников праздник, так и литургия между службами есть служба служб.

Стих сто шестьдесят пятый

Мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна.

Пророк начинает показывать, чем и как питает душу верное исполнение закона Божия. На первом месте ставит он *мир*, и мир не малый, а обильный, — *мир мног.* В условие же для сего поставляет не просто исполнение закона, а исполнение любящее: *мир мног любящим закон.* Без этой любви закон — тяготящее иго, а с любовию он есть питающая манна. Отсюда мир, то есть всесторонне удовлетворенное состояние.

Когда мы возлюбили закон, значит, он в сердце у нас. Если же он в сердце, то там уже нет страстей, ибо каждая заповедь закона, быв возлюблена, изгоняет противоположную ей страсть, а все изгоняют все страсти. Таким образом, в сердце, возлюбившем закон, нет уже места страстям. Если же нет в сердце страстей, то нечему более возмущать и покой его. Оно почивает в покое, или во многом мире.

Но этот мир и покой — не вялое состояние бездействия, а блаженное состояние мирно живущей жизни. Мир — плод бесстрастия; бесстрастие же восстановляет человека в естественный его чин и в первоначальное соотношение его со всем сущим. Но первоначально было определено, чтобы, сочетаваясь со всем сущим, человек от всего воспринимал притоки живительных сил, стихий, влияний. Все это и возвращает ему закон, который возлюбил он. И от Бога, и от мира ангельского, и от мира человеческого, и от природы идут к нему непрерывно благотворные влияния и воздействия и питают все его естество — и тело, и душу, и дух; питая же, удовлетворяют всесторонне, а удовлетворяя, водворяют мир, который, по причине такого удовлетворения благотворными влияниями, есть сладостный и многопитательный мир. Чем глубже мир, тем, значит, больше прибыло питательности.

Таковым *несть* и *соблазна.* Соблазн — σκάνδαλον. И у нас говорят: произвесть скандал, то есть наделать шуму. Таким образом, пророк, говоря, что для любящих закон нет соблазна, дает разуметь этим, что закон, возлюбленный ими, переполняет их таким глубоким миром, что ничто не может нарушить внутреннего их покоя. Хоть бы весь мир на них обрушился, — они не смутятся, ибо обладают тем, что больше всего мира и чего лишить их не может никакая сила, даже бо́льшая мира. Блаженный Феодорит пишет: «Воспламеняемые Божественною любовию и хранением заповедей приобретающие мир с Богом, хотя вооружились бы на них все люди, живут в веселии. Свидетель этому божественный Павел, который взывает: *во всем скорбяще, но не стужающе си; нечаеми, но не отчаяваеми; гоними, но не оставляеми; низлагаеми, но не погибающе*[1]. И Господь, посылая апостолов по всей вселенной, *яко овцы посреде волков*[2], сказал им: *мир Мой даю вам, мир Мой оставляю вам*»[3].

---

[1] 2 Кор. 4, 8—9. — [2] Мф. 10, 16. — [3] Ин. 14, 27.

Стих сто шестьдесят шестой

Чаях спасения Твоего, Господи, и заповеди Твоя возлюбих.

Второй источник питания духовного, подаваемого исполнением заповедей, есть упование спасения. Я, говорит, восчаял спасения Твоего, так сложился в сердце моем, что неоткуда прийти ко мне спасению, как только от Тебя; в руки Твои предал я спасение мое с несомненною надеждою, что оно всеконечно будет устроено, как ведает Твоя премудрость, восхочет Твоя благость, и в дело произведет Твое промышление, – я и успокоился в Тебе всецело. Но поелику такого предания себя Тебе, такой надежды на Тебя, такого успокоения в Тебе я никак не мог бы иметь, если б был в чем-либо неверен пред Тобою, то я положил верно исполнять заповеди закона Твоего, исполнять не просто как иго и долг, но как потребность моего сердца, возлюбившего их: *заповеди Твоя возлюбих.* «Чаяние спасения, говорит святой Амвросий, породило любовь к заповедям, деятельная любовь к заповедям стала опорою упования, упование успокоило в Боге».

Какая дивная цепь духовных изменений, или порождений, и какой дивный от них плод — успокоение в Боге! Дитя на лоне матери самою теплотою матерней любви к себе и своей к матери бывает согреваемо и питаемо, так и дух наш питается тем самым, что предает себя Богу и успокоивается в Нем, ибо близ его Бог, так близ, что ничто ближе Его быть не может; а Бог есть полнота всего, полнота преизливающаяся. Отверзи себя для Него, и все нужное тебе и вместимое для тебя изольется от Него в тебя, и будет непрестанно изливаться, пока пребудешь отверстым для Него своею верою непоколебимою, упованием несомненным и добролюбием пламенным.

Господь говорит: *се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним*[1]. И входит Он ко всякому отверзающему не для того, чтоб цепи налагать, как владыка, а чтобы угощать, услаждать, насыщать, как щедродатель. Вечеря Его с Ним всегда; потому-то Он и говорит: *приидите ко Мне вси... и Аз упокою вы*[2]. И упокоевает всякого, кто упокоивает себя в Нем, упокоением нераскаянным.

Будет и с тобою то же; как в раю будешь. Только поспеши взойти до успокоения в Боге, поспеши, ибо хотя Господь близ есть, но для нас путь до Него не краток. Начни терпеливым хождением в заповедях в чаянии спасения. Не жалей себя, нудь без жалости, с некоторою жестокостию к себе. Если поступишь так,— притрудное хождение в заповедях переродится в окрыляющую любовь к ним, а чаяние спасения — в видение и вкушение спасения; то и другое завершится успокоением в Боге, из руки

---

[1] Апок. 3, 20.— [2] Мф. 11, 28.

Коего уже никто тебя не восхитит, как уверил Сам Спаситель: *Отец Мой... болий всех есть, и никтоже может восхитити* овец Моих *от руки Отца Моего*[1].

Стих сто шестьдесят седьмой

Сохрани душа моя свидения Твоя, и возлюби я зело.

Третий источник питания духовного, получаемого от исполнения заповедей, есть самая любовь к ним. Как любящие себя взаимно, взаимно друг друга питают, так что когда они бывают вместе, то каждый из них чувствует, как будто, исходя от другого, входит в него какая-то питающая и услаждающая стихия, так и с любящим заповеди: от них исходит и в него входит, так сказать, струя духовная, питающая и услаждающая его. Это и ощущает он при всяком случае, когда предлежит ему исполнение заповеди. Прилив питающей теплоты не истощается у него с первой встречи такого случая во все продолжение доброго дела, требуемого им, и после него надолго, пока не пресечет его другой случай такого же свойства.

Когда мы питаемся известною пищею, то питательную стихию, сокрытую в ней, извлекает из нее наша органическая сила. Так и питательная духовная стихия сокрыта во всяком добром предлежащем нам деле. Это мера приложимой к нему заповеди. Извлекает эту стихию из него любовь к заповеди, которая и дает ощутить присутствие ее в том деле, извлечь питательность ее и привлечь ее к себе в самом совершении дела. Только любовь к заповедям и может, и умеет так делать. Потому-то доброделание без любви не питает. Оно то же для духа, что неперевариваемая пища для тела: ни вкуса нет, ни питания.

---

[1] Ин. 10, 29.

Иной, пожалуй, скажет: «Что ж, если у меня нет вкуса к доброделанию, да и самое доброделание для меня словно питание травою, то зачем мне и добро делать?» — А за тем, чтобы этим путем дойти до любви к заповедям. Видишь, как пророк говорит? Сначала: *сохрани душа моя свидения*, а потом: и *возлюби я*, и не просто *возлюби*, но *возлюби зело.* Начинай же хранить заповеди, и возлюбишь их зело. Есть любовь, скажем так, мысленная, состоящая в убеждении, что заповеди неотложно должно соблюдать и любить. От нее рождается потом и любовь чувства, или сердечная, и рождается чрез посредство деятельного исполнения заповедей. Есть роды пищи, которые на первый раз не нравятся, но принимаются, однако ж, по необходимости, а потом организм навыкает находить в них вкус и наконец так пристращается к ним, что без них и обед не в обед. Точно так бывает с нами в отношении к заповедям. Сначала будто холодом от них веет, а потом так сродняются они с сердцем, что оно и покоя не имеет, если не случится сделать чего в удовлетворение им. Как тоскует любящий, долго не видя любимого предмета, так тоскует и душа, возлюбившая заповеди, если долго не встречает случая исполнять их. Не смотри же на то, что нет еще вкуса в доброделании, а продолжай хранить заповеди, только с усердием и самоотвержением. Найдешь вкус — и полюбишь их, полюбишь зело.

Стих сто шестьдесят восьмой

Сохраних заповеди Твоя и свидения Твоя, яко вси путие мои пред Тобою, Господи.

Пророк снова возвращается к средствам защиты и охранения богоугодной жизни по заповедям и, как на главнейшее из них, указывает на сознание везде присутствия и всевидения Божия. Это как бы следствие предыдущих его размышлений. Страх нарушить заповеди и чаяние благоплодности от исполнения их приводят к любви. Возлюбивший заповеди не может не возлюбить и Заповедавшего, а возлюбив, не может уже забыть Его, и неотступно носит память о Нем в сердце своем, ибо таково свойство любви. С любовию памятующий о Боге всегда имеет Его пред очами своими, сам ходит пред Его очами и сознает себя во всех путях своих и начинаниях открытых пред Ним. А такое сознание какой страх возбуждает с своей стороны в сердце, какую надежду и какую любовь! И сколь потому могущественное в едином себе совмещает средство к охранению и поддержанию жизни по заповедям! Пророк не раз исповедал это; а здесь он удостоверяет, что, сознавая, как все пути его открыты пред Господом, он строго исполнял все заповеди Его; и прежде говорил он, что намеренно поддерживал в себе это сознание, дабы не сдвинуться с пути правого: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся*[1], и уклонения других людей на распутия объяснял не иным чем, как тем, что они *не предложиша Бога пред собою*[2]. Подобно ему, и Сирах производит падкость на грех от ложной уверенности грешащих, что их никто не видит, потому что тьма окрест и стены закрывают их. А того не разумеют, что *очи Господни тмами тем крат светлейшии солнца суть, прозирающии вся пути человеческия и разсматряющии в тайных местех*[3]. Если б разумели это и помнили, — не стали бы грешить.

Потому-то все святые подвижники имели и других учили иметь первым делом установление в себе памяти о Боге, так чтобы она слилась с сознанием, — что и называли они хождением пред Богом; ибо после этого, что ни делал бы человек, не может делать того иначе, как с мыслью, что Бог пред ним и смотрит, что и как он делает. И это как для внутренних, так и для внешних дел. Отсюда – тщательный выбор только одного богоугодного и совершение того, что выбрано, наиусерднейшим образом, в той мысли, что избранное богоугодное посвящается Богу и есть потому дело Божие, – одно из тех, за которые, если кто с небрежением творит, навлекает на себя клятву.

---

[1] Пс. 15, 8. — [2] Пс. 53, 5. — [3] Сир. 23, 25—28.

Хочешь ли, потому, хранить себя непорочным во всех путях своих, – утверди в памяти, что все пути твои открыты пред Богом и что очи Господни утверждены на тебя, на дела твои и на помышления сердца твоего. Как утвердиться в этом? – Начни трудиться в стяжании такого навыка, и самый труд научит тебя, как преуспеть в этом. Только усердно возжелай и ревностно устремись.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ

Последнее восьмистишие идет под буквою *тав*, что означает *знак*. Святой Исаак Сирианин пишет в руководство тому, кто идет путем внутренней жизни к умному и сердечному соединению с Господом, чтоб он держал в памяти знаки, по которым мог бы определять, – идет ли, или стоит, и право ли идет, или неправо. «Положи, говорит, примету и, входя внутрь себя, смотри — какие страсти изнемогли в тебе и отступили от тебя; видно ли, что среди загноения язвы твоей начала нарастать живая плоть, то есть душевный мир; точно ли находишь ты, что помысл начал очищаться; приходит ли парение мыслей в час молитвы; ощущаешь ли в себе, что душа приосеняется кротостию и тишиною; восхищается ли ум твой, без участия воли, к понятиям о бесплотном; возгорается ли в тебе внезапно радость, ни с чем не сравнимая и неудержимо влекущая внутрь ум твой»[1]. В других местах он указывает другие приметы преуспеяния — одни для созерцательной, другие для деятельной жизни. Каждая степень той и другой имеет свои приметы.

Нечто подобное сему указывает и пророк в настоящем восьмистишии, — указывает то есть приметы, по которым можно определять — стоит ли кто на добром пути и идет ли по нему как должно; это самое благопотребное заключение всех его нравоучительных наставлений. Не будем, впрочем, наперед перечислять то, что именно указывается как примета в этом смысле: содержание каждого стиха само скажет нам об этом.

Стих сто шестьдесят девятый

Да приближится моление мое пред Тя, Господи, по словеси Твоему вразуми мя.

---

[1] Исаак Сирин. Слово 45.

У всех отцов-руководителей встречается урок — не доверять своему уму. Таким образом, если ты при каждом деле, не доверяя себе, ищешь вразумления от Подателя всякой премудрости, то право течешь. Поступая так, ты подражаешь пророку, который молился Богу: *Господи, по словеси Твоему вразуми мя. Вразуми* — научи то есть, как понять что-либо из встречающегося в жизни или в Писании, или как поступить в предлежащем случае. Ум наш и сам по себе, по данной ему от Бога способности, может многое понимать и истолковывать; каждому также свойственна своя мера благоразумия для устроения внешних дел и своя мера чуткости совести для показания нравственно достодолжного, но и та способность и эти меры не слишком широки. Потому-то и при них имеет место обширнейший круг недоуменного, разрешение коего бывает желательно не по одному любопытству, а по существенной необходимости. Можно обращаться, как иногда и обращаемся мы, к умнейшим и опытнейшим нас,— но и их мера не безмерна, и доверие к ним не безусловно. Таким образом, сознающему свою меру скудною, нельзя во многих случаях не обращаться к Источнику разума с молитвою о вразумлении. Если же возьмем во внимание, что и в тех случаях, которые разрешаются домашним образом, всегда остается от разрешения колебание, так ли решено,— колебание, устраняемое только внушениями свыше,— то лучше во всех вообще случаях без различия обращаться за вразумлением к Богу, несмотря на устремление деятельности своего ума и даже кажущееся постижение им существа дела.

Скажут: «жди, когда-то придет вразумление!» Кто искренно и нераскаянно предал себя в руки Божии и не возвращается более к *своим* способам,— для того вразумление есть дело минутное. Лишь только взыщет, тотчас и получит, ибо Господь близ. Ни оттуда, ни отсюда начинают порождаться мысли и раскрывают истину. Работает будто свой ум, но бывает носим он в эту пору стороннею силою. С ним бывает то же, что с человеком, который знает какое-либо место, неведомое другому,— он берет его за руку и приводит к тому месту, а ему остается только воззвать: вот оно! Есть люди, которые всю жизнь свою, даже и в обыкновенных случаях, ведут себя по таким вразумлениям.

Труднее узнать, что рождающееся в душе решение есть именно руководящее вразумление свыше: этого нельзя достигнуть и определительным указанием признаков. Как взыскивать искренно таких вразумлений, так и получать их и различать есть состояние, возможное на известной мере духовного преспеяния. Кто достиг этой меры, для того все, относящееся сюда, ясно, а кто не достиг, тому разъяснить этого нет возможности.

Это все равно, что говорить на непонятном языке. Мера эта приходит сама собою по очищении сердца от страстей. Тогда вселяется Дух Божий, Дух истины, ве́дущий все глубины Божии: тогда, по апостолу, *само помазание учит*[1].

Стих сто семидесятый

Да внидет прошение мое пред Тя, Господи, по словеси Твоему избави мя.

Человек, которого теснят как-либо или вяжут, обыкновенно ищет избавления. Нет никого, кто каждую минуту не находился бы в таком положении, но не все одинаково держат себя в нем. Одни надеются устранить все тесноты и распутать все узлы своими способами и потому ограничиваются ими одними; другие своим способам не дают никакой силы, и хоть не чуждаются их совсем, но прочного избавления чают от единого Бога, потому благонадежно и обращаются к Нему во всех случаях — и больших, и малых. Вот эти-то одни и действуют право.

Что для ума недоразумения, то для жизни тесноты и узы. Недоумения ума разрешаются вразумлением; узы жизни — помощию свыше. Неведомо как раздвигаются тесноты и устраняются препоны, *строптная* бывают *в правая, и острии в пути гладки*[2]. Мановению Божию все покорно. Покорись же и ты сам всецело Господу, —

---

[1] 1 Ин. 2, 27. — [2] *Кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими* (Лк. 3, 5).

и всякое избавление будет тебе готово. *Яко на Мя упова, и избавлю и, покрыю и... с ним есмь в скорби изму его и прославлю его*[1], говорит Господь. В силу этого и учит пророк обращаться с молитвою об избавлении: *по словеси Твоему избави мя*, предъявляя сим не право на избавление, а оживляя лишь упование свое пред Всевидящим.

Достигший в такую меру, в чувстве силы от Бога, *яко лев уповая*[2] ходит. Это не то значит, чтоб он уже никаких своих способов не употреблял и сидел сложа руки, нет, — он употребляет все зависящее от него, но ни на чем этом не опирается, зная, что все такое ненадежно, как сеть паутинная. Все упование возлагает он на Господа и сознает себя сильным от силы Божией, действующей в нем. Упование, однако ж, не есть пресечение деятельных сил, а настроение сердца, опирающееся, при напряженной деятельности, но помимо ее, на деснице Божией. Тут и взывание об избавлении не всегда нужно, потому что само упование без слов есть уже непрестанное взывание.

Взыскание вразумления и избавления посредствуется у пророка приближением и вхождением молитвы пред лице Господа: *да приближится моление мое пред Тя... да внидет прошение мое пред Тя.* Это также состоит в числе признаков преуспеяния. Молитва похожа бывает тогда на дым кадила, который то стелется по земле, то растекается в воздухе, то восходит как *стебло* горе́[1]. Последнее изображает молитву нерассеянную, в которой ум, не занимаясь ничем сторонним, трезвенно предстоит Богу, вездесущему и всевидящему. Такая молитва уже по свойству своему приближается к Господу и входит пред Него. Она образуется одновременно с водворением в сердце упования и любви и ими окрыляется, и только она привлекает и вразумление, и избавление. Все это вместе и есть знамение высшей степени состояния духовного, в котором богопреданный дух пребывает в Боге и Бог в нем пребывает, обретши в нем благотребное себе жилище, по причине водворившейся внутри чистоты.

---

[1] Пс. 90, 14—15. — [2] Притч. 28, 1.

Стих сто семьдесят первый

Отрыгнут устне мои пение, егда научиши мя оправданием Твоим.

Отрыгнут сами собою, без всякого напряжения и предварительного обдумывания. Зародится в сердце песнь Богу, исторгнется устами и понесется на небо. Это — песнь славословия, благодарения и всякой молитвы. Если это стало бывать у тебя, то знай, что ты уже в чине своем, в чине ангелов, выну хвалящих и воспевающих умно зримого ими Бога.

---

[1] Восходит как столб вверх (См.: Песн. 3, 6).

Сначала ум с напряжением молится, нудит себя на молитву силою воли. И это, конечно, есть умная молитва. Умная молитва понемногу согревает сердце и вводит его в другую молитву — умно-сердечную. Сердце, навыкнув молиться под действием ума и согревшись, само начинает подвигаться на молитву и увлекать в нее ум. Эта сердечная молитва — настоящая молитва, как ей следует быть, — молитва, объемлющая все существо человека, ибо где сердце, там весь человек. Это состояние обнаруживается тяготением внутрь, бывающим во время молитвы, чтения, размышления, и даже без всего этого так — за делом каким. Последнее выше первого.

Вот это именно состояние и разумел святой Исаак, когда спрашивал: «Восхищается ли ум твой, без участия воли, к понятиям о бесплотном? Возгорается ли в тебе внезапно радость, ни с чем не сравнимая? Источается ли из сердца некое удовольствие и влечет ли всецело ум?» Если *да*, то это знак, что человек, испытывающий это, далеко прошел по пути к совершенству. Далее святой Исаак так описывает это состояние: «По временам во все тело входит какое-то услаждение и радование; плотской язык не может выразить этого. Иногда услаждение это истекает из сердца в час молитвы, или во время чтения, или вследствие напряженности мысли. А иногда бывает оно без всего этого, во время поделия, и по ночам, когда находишься между сном и пробуждением, как бы бодрствуя и не бодрствуя. Но когда найдет на человека это услаждение, бьющееся в целом теле его, тогда думает он в тот час, что и Царство Небесное не иное что есть, как это же самое». Как после этого *не отрыгнуть* пения устам того, кто бывает в таком состоянии?

Но надо знать, что оно не есть плод одного молитвенного труда, а следствие всей богоугодной жизни, всех трудов доброделания и подвижничества, и обнаруживается тогда, когда сердце начинает приближаться к чистоте. Пророк указывает на это в словах: *егда научиши мя оправданием Твоим.* Оправдания — заповеди. Научение им разумеется не заучивание на память писаных заповедей, а деятельное навыкновение в них, подобно тому, как навыкают какому-либо мастерству. Когда это бывает, тогда заповеди вселяются в сердце и составляют постоянный строй, заправляющий всеми его движениями, так что во всяком случае, прежде всякой мысли, из сердца само собою исходит указание, как надлежит поступить. Такое сердце есть сердце святое и чистое, из которого исходит одно правое и богоугодное. Его-то и поставляет пророк источником отрыгновения чрез уста благодарственного, или хвалебного, или молитвенного пения Богу. Молись же: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей*[1].

---

[1] Пс. 50, 12.

Стих сто семьдесят второй

Провещает язык мой словеса Твоя, яко вся заповеди Твоя правда.

Врачи по языку узнают состояние здоровья телесного, а речь обличает состояние здравия душевного. Умные речи показывают умного человека, речи благочестивые — человека богобоязненного, а развратные — развратного. Чем у кого душа болит, тот о том и говорит. Если язык твой усладительно ведет речь только о словесах Божиих, то это знак, что о них болит душа твоя, то есть любит их, желает исполнять сама и видеть исполнение их и от других. Если ты расположен так, то это значит, что словеса Божии — заповеди содержатся у тебя не умом, а объемлются сердцем, исполняют его и составляют строй его; а это показывает, что ты уже не раб, а сын, действующий не по принуждению, а самоохотно, по своим добрым начинаниям, как вошедший в планы и преднамерения отца.

Это и естественно: когда ты возлюбил словеса Божии, то и речь ведешь только о них, ибо от избытка сердца уста глаголют, и удержать их нельзя, чтоб не говорить о них. Но сюда должны привзойти еще и другие побуждения, именно — благодарение Богу и любовь к братиям. Пророк еще в покаянных чувствах говорил: *научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся*[1].

---

[1] Пс. 50, 15.

Каясь, он дает обет, что не только сам всегда будет ходить путями Божиими, но и других станет научать тому же, ибо в размножении числа ходящих этими путями и состоит слава Бога, Учредителя и Указателя путей тех. Если еще в пору покаяния он воодушевлен был так, то умолчит ли, получив разрешение и очищение?

Один святой в смирении говаривал: «Сбился я с дороги и погряз в тине; и хоть сам все еще остаюсь погрязшим в ней, но другим кричу: не ходите сюда, а то так же погрязнете, как и я». Другой, в том же смирении, имел обычай говорить: «Я столп, который ставят на дорогах, и хотя сам не движусь с места, но другим верно указываю дорогу». В том ли, в другом ли расположении, но словеса Божии провещаются языком по доброжелательству к братиям своим. Испытав на деле, что грех вяжет, а заповеди дают свободу, и притом в многообразных отношениях,— кто удержится, чтоб не возвещать другим, где путь и где распутие? Пророк и провещает языком словеса Божии, потому что все они — правда. Хочешь жить настоящею жизнию — живи, как заповеди велят, ибо всякая другая жизнь — не жизнь.

Если провещание словес Божиих есть хороший признак, то молчание о них есть признак худой, а речи, противные им,— признак наихудший. Где говорят будто научно, но не по-Божиему, где говорят все о пустом, и тем паче о срамном и грешном, там и говорящие, и слушающие, очевидно, отчуждились от словес Божиих; а чуждые словес Божиих чужды и Богу, возвестившему их; а кто чужд Бога и Богу, тот что такое? В Апокалипсисе поминается о глубинах сатаниных[1]. И действительно, бывают собрания, коим другого имени дать нельзя.

Стих сто семьдесят третий

Да будет рука Твоя еже спасти мя, яко заповеди Твоя изволих.

Это то же, что говорит пророк: *Твой есмь аз, спаси мя. Заповеди*, говорит, *Твоя изволих*, то есть нет у меня другой воли, другого желания, кроме того, чтобы ходить в заповедях Твоих; они занимают все помышления ума моего, все чувства сердца моего и все начинания воли моей. А так как это есть во мне, то я весь Твой; а если Твой, то благоволи, да будет рука Твоя всегда со мною, *во еже спасти мя.*

В чем же тут добрый знак? — И в самом дерзновении взывать так к Богу, и в изволении таком. Последнее составляет условие первого. Невозможно возыметь дерзновения к Богу, если прежде того человек не предастся вседушно заповедям Божиим и не истощит всех сил своих в исполнении их. Только при этом может возродиться в нем чувство присвоения себя Богу и Бога себе,– чувство сокровенно зарождающееся, крепнущее и составляющее затем основу всех благоговейных отношений к Богу. На нем-то опираясь, пророк и говорит: я не чужой Тебе, Господи, а весь Твой. *Да будет же рука Твоя еже спасти мя.*

---

[1] Апок. 2, 24.

Дерзновение к Богу — сладостное чувство, но оно невозможно при нечистой совести. Дерзновение входит пред самое лице Божие, а обремененная совесть тяготит долу[1]. Бывает, что и сильная птица не может подняться с земли, когда крылья ее в грязи и сама она вся облеплена грязью. Надо ей стряхнуть грязь и обмыться; тогда, облегчившись, она воспарит свойственным ей парением. Так и душе надо стряхнуть беззакония и сделать себя чистою водворением в себе благозакония, чтобы, вступив чрез то в свойственную ей божественную стихию и движась в ней свободно, иметь возможность достигать престола Божия. Но и став пред Бога, как воззреть на лице Его, если где-либо внутри кроется что-нибудь не изволяющее заповедям Его: ведь пред Богом все открыто, и представшая пред лице Его душа ясно сознает это. Таким образом, дерзновение к Богу истинное, непритворное, искреннее есть знак великой чистоты нравственной.

---

[1] Вниз. – *Ред.*

Дерзновение не надумывается, а само собою возникает в сердце, вследствие трудов по исполнению заповедей и приобретаемой через то чистоты сердца. Приступание к Богу в молитве и самое молитвословие есть уже показание дерзновения; но не всякий молящийся или молитву деющий есть уже дерзновенен, как *не всяк глаголяй: Господи, Господи, внидет в царствие небесное; но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех*[1]. Молимся, уповая; но дерзновение есть высший плод упования, хоть оно вместе с ним и зачинается, и зреет.

И упование есть настоящее и не настоящее. Часто бывает, что человек думает, будто уповает, тогда как у него нет истинного упования. Дерзновения же и надумать нельзя: оно есть состояние, а не отдельное действие. Оно происходит от срастворения силы Божией с силами человека. Сознающий это действует властно, как сын, не сомневаясь, что сделает что-либо невпопад, ибо видит себя не действующим, а во всем воздействуемым силою Божиею. Рука Божия под ним, над ним, окрест его и внутри его. Чувствуя это и почивая во вседействии Божием, он предает себя Богу: да будет так, да будет рука Твоя при мне и во мне так, как она есть; тогда и спасение мое верно и есть несомненный удел мой.

---

[1] Мф. 7, 21.

Стих сто семьдесят четвертый

Возжелах спасение Твое, Господи, и закон Твой поучение мое есть.

Как пред сим изволение заповедей, так здесь возжелание спасения Господня и непрестанное поучение в законе выражают одно — горячую ревность о спасении чрез верное исполнение заповедей. Эта ревность есть движущая сила к богоугодной жизни по заповедям. Есть эта ревность — есть жизнь; нет ее — нет жизни.

Значение этой ревности в экономии деятельной жизни по Богу святой Исаак Сирианин изображает так: «За всякою мыслию доброго желания, в начале его движения, следует некая ревность, горячностию своею уподобляющаяся огненным углям. Обыкновенно она ограждает эту мысль и не допускает, чтобы приближалось к ней какое-либо сопротивление, препятствие и преграда, так как она приобретает крепость великую и несказанную силу ограждать душу от расслабления или от боязни, при устремлениях на нее всякого рода стеснительных обстоятельств. И как самая первая мысль есть сила святого желания, от природы насажденная в естестве души, так и ревность эта есть мысль, движимая раздражительною в душе силою, данная нам Богом на пользу, для соблюдения естественного предела, для выражения понятия о своей свободе исполнением естественного желания, находящегося в душе. Это есть добродетель, без которой не производится доброе; она называется ревностию потому, что время от времени движет, возбуждает, распаляет и укрепляет человека пренебрегать плотию в скорбях и в страстных, сретающих его искушениях непрестанно предавать душу свою на смерть и идти в сретение отступнической силе ради совершения того дела, которого сильно возжелала душа. Некто, облеченный во Христа, в словах своих назвал такую ревность псом и стражем как закона Божия, так и добродетели, которая есть исполнение закона Божия. Эта сила ревности укрепляется двумя способами: пробуждается и воспламеняется на хранение дома, и также двумя способами приводится в изнеможение, дремоту и леность».

«Два первые способа суть следующие: во-первых, страх, заставляющий человека бояться за то благо, которое он приобрел или имеет в виду приобрести, чтобы не было оно украдено или уничтожено каким-либо случаем. Когда возбужден в естестве этот страх, тогда ревность, названная у нас псом, день и ночь разгорается, как пылающая печь, и пробуждает естество. И подобно херувиму, человек пробуждается и ежечасно внимает тому, что окрест его и, как говорит упомянутый выше некто, если проходит птица мимо его, приходит в движение и лает с быстротою и несказанною стремительностию. Есть еще другой способ раздражать нашего пса, это — когда наиболее возрастает в душе возжелание добродетели; ибо в какой мере возрастает в душе это возжелание, в такой же воспламеняется и этот пес, то есть естественная ревность к добродетели».

Соответственно сему есть тоже два способа и к охлаждению ревности. «Первый — когда самое возжелание уменьшится и прекратится в душе; а второй — когда войдет в душу какой-то помысл уверенности и отважности, и утвердится в ней, и человек станет надеяться, думать и держаться той мысли, что нет ему причины бояться потерпеть вред от какой-нибудь силы, и потому слагает с себя орудие ревности, и бывает как дом без стражи: пес засыпает и надолго оставляет стражу»[1].

Вот все производство ревности, — как она зарождается, растет и умаляется. Войди с этими показаниями внутрь себя и определи, есть ли в тебе ревность, и в действии ли те способы, коими она поддерживается? Если да, то ты живешь; если же нет, то ты мертв или уснул.

Стих сто семьдесят пятый

Жива будет душа моя, и восхвалит Тя, и судьбы Твоя помогут мне.

Вот и еще способ поддержания ревности и вместе признак того, кто добре течет, — уверенность, простирающаяся до видения, что избранный путь ведет прямо к цели, как определенный Богом, указанный и покровительствуемый Им. *Жива будет душа моя*, — какою уверенностию дышит это слово! Ни тени колебания. Господь сказал: иди вслед Мене, по заповедям Моим, — и спасешься, получишь покой и жить будешь вовеки. Поверил человек и идет, говоря в себе ко Господу: верую, Господи, что так оно будет: *жива будет душа моя*, будучи еще здесь оживотворена благодатию в залог вечного в Тебе и с Тобою живота. *Жива душа моя и восхвалит Тя.* Он уже там душою своею — на месте достижения цели и, как обретший уже искомое, хвалит Господа. Будет так, как обетовал Ты, Господи! Вниду в покой Твой и вечно буду прославлять имя Твое. Но, питая такую уверенность, не на себе опирается он, а на всесторонней помощи Божией, или на вседействии Божием в душах, всецело Ему преданных. *И судьбы Твоя помогут мне.*

---

[1] Исаак Сирин. Слово 32.

Так Сам Бог обетовал: *с Ним есмь Аз, изму его, и прославлю его... и явлю ему спасение Мое*[1].

Все это лежит во глубине души того, кто течет правым путем и свидетельствует о правости его течения со внутреннейшей стороны его настроения. Течет, всеусильно трудится в несомненной надежде, не присвояя, однако ж, себе ничего и ни на чем своем не опираясь упованием своим, а всецело почивая на всещедродательности Божией.

---

[1] См.: Пс. 90, 15—16.

Несомненность спасения питается и держится тем, что путь спасения учрежден Богом, и Им Самим, Спасителем нашим, пройден в естестве человеческом. Прошедши этот путь и пребывая во славе, Спаситель взывает: «Идите сим путем, и все тут же будете». Кто, веруя сему и видя это, поколеблется недоумением? И не колеблются; всякий питает уверенность, что жива будет душа его, если, не блуждая, пройдет путем, на который вступил по указанию Божию.

Но пройдет ли — вот вопрос. Пройдет, если не будет надеяться на себя, а предаст все Господу действовать в себе. Ты только, говорит Господь, ноги переставляй и не упирайся, а Я несомненно доведу тебя до конца пути, до пристанища и дома упокоения. Самонадеянность в уповании спасения пагубна; а кто уверен, что Бог, хотящий всем спастися, спасет ищущего спасения, того, кто не лежит, а всеусильно действует по указанию Божию, и спасет имиже весть судьбами, и пути указывая, и силы подавая; у того такая уверенность есть свята и служит признаком не только правошествия, но и великого преуспеяния в течении по духу, так как она является уже вследствие последовательных трудов, немалого очищения сердца и ощутительного испытания Божия покрова и заступления.

Стих сто семьдесят шестой

Заблудих яко овча погибшее, взыщи раба Твоего, яко заповедей Твоих не забых.

После такого преуспеяния, признаки которого указаны пред сим пророком, с какой стати взывать еще: *взыщи,— я овча погибшее?* — Но то-то и дивно в деле спасения, что, чем более кто преуспевает в нем, тем более видит себя уничиженным и худым, так что, идя к лучшему, он будто все более и более погружается в худшее и видит себя непотребнейшим, хоть и не отчаивается в своем спасении. В сказаниях о подвижничестве святых об одном величайшем подвижнике замечено, что он во всю жизнь свою говаривал о себе: «В тину я погряз по самую шею, и только уста остались еще у меня свободными, чтобы вопиять: «Боже, помилуй мя!» У святого Антония замечено, что Сам Бог закрывает преспеяние от глаз преуспевающих и внешним уничижением их, и попущением внутренних нестроений, при виде которых не может он не исповедать того, что никуда не гожусь я, и не вопиять мытаревым гласом: *Боже, милостив буди мне грешному!*[1] Такое смиренное и самоуниженное исповедание и есть самый верный признак доброго течения и преуспеяния. Кто-то из святых заметил: смотри, коль скоро начнешь подаваться на праведность,— знай, что ты начал сбиваться с пути, ибо верный признак спасительного шествия есть смирение и самоуничижение. Такой именно смысл находит в настоящем стихе святой Афанасий Великий: «В чем же, говорит он, преуспел пророк, если снова говорит о себе, что он — овча погибшее? — В том, что соблюл смиренномудрие, по сказанному: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы*[1].

---

[1] Лк. 18, 13.

На чем же стоит упование спасения, когда так глубоко сознание непотребства у самых великих преуспевателей? — На сознании, что они не забывают заповедей Божиих. Всякий такой, исповедуя, что никуда он негож, вместе с тем неложно свидетельствует, что знает заповеди, сознает полную обязательность их для себя и то, что со времени обращения своего никогда не дозволял себе сознательно нарушать даже малейшую из них. Это сознание и дает смелость надеяться, что он хоть и никуда негож, но Многомилостивый, по милости Своей, не бросит его, а взыщет, как овцу погибшую, и, взяв на рамо свое, принесет в место спасения.

Этим чувством непотребства в чаянии спасения в Господе начинается должная жизнь в покаянии, скрепляемая обетом неуклонной верности заповедям Божиим. Это чувство исполняет душу во все время жизни покаянной, указывая сим, что текущий добре течет. Оно приводит к плачу, как описывает святой Исаак Сирианин, «сначала перемежающемуся, а потом непрерывному, длящемуся годы, пока не иссякнет, по Божию изволению, оставляя за собою опять то же чувство непотребства укорененным и лежащим в самой глубине сердца спасаемого и очищенного».

---

[1] Лк. 17, 10.

Какое же посему благоприличное заключение всего псалма составляет этот стих? — Он возводит на самый верх нравственного совершенства, указывая его, однако ж, не в самовосхвалении или присвоении себе чего-либо, а в самоуничижении и невидении в себе чего-либо достойного. Раб неключимый, овча погибшее — вот воззвания истинных рабов Божиих, приятные Богу и привлекающие Его благоволение!

Блаженный Феодорит так заключает истолкование сего псалма: «Сделав краткое изъяснение псалма сего, мы просим читающих не довольствоваться написанным и не думать, что только это и принадлежит пророку, то есть только это и хотел сказать пророк. Напротив, пусть каждый извлекает то, что ему собственно на пользу и пусть уготовляет себе предохранительное врачевство от своих собственных недугов». Нечто подобное сему пишет и блаженный Августин. «Сколько сил моих было и сколько помог мне Господь, я истолковал сей великий псалом. Мудрейшие и ученейшие меня, конечно, лучше сделали уже это или сделают, но это не должно было освободить и меня от посильного служения делу сему, и особенно, когда братия мои усильно к тому побуждали меня».

Если им можно было такими словами заключить свое толкование, то тем более пригоже это мне. Прошу при том извинить многократные повторения одних и тех же мыслей. При всем желании нельзя было этого избежать, потому что по длительности времени естественно забывалось написанное прежде и, при новом приеме за дело, старое казалось новым. Бывало и то, что иная мысль была оставляема, потому что казалось, будто она не раз уже была излагаема, и потому была заменяема другою, которая казалась новою, тогда как на самом деле та была, может быть, новою, а эта старою. Утешаюсь тем, что любящим истину такое повторение не наскучит, потому что дает то, что любезно и что приятно, как приятно встречать друга, сколько бы раз ни приходилось это.

Прибавлю к сему: все сто семьдесят шесть стихов говорят о заповедях Божиих и нашем отношении к ним, и говорят ясно. Нет почти ни одного стиха, понимание которого было бы затруднительно и требовало особых пояснений. Потому вся забота была обращена не на это, а на то, как стоит дело нравственное, указываемое стихом, в цепи нравственных дел и явлений. В руководство, как указывать именно ту сторону дела, взято было значение букв. Оно давало мысль, на которую потом, как на нить, навязывались все мысли, содержащиеся во всех стихах, начинающихся с той же буквы. Коль скоро появлялась мысль, которая проходила сквозь все стихи, — дальнейшее толкование уже не представляло большой трудности.

На вопрос: да полно, так ли следует смотреть на все? — отвечу, что нельзя сказать, чтобы всякий стих *должно* понимать непременно так, как у меня изложено; но что *можно* понимать так всякий из них, — этого, смею надеяться, отрицать никто не станет.

Кому придется подряд читать все это толкование, тот не может не заметить неровности в тоне речи, в степени живости мысли и чувства. Прошу снисхождения, человек есмь многоизменчивый. К тому же и дело делалось не зараз. Сколько приемов, столько же разных настроений, которые сами собою проторгались и в слово.

◆

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

ПЕРВОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Первая литера *а́леф*, что значит *наука* 15

1. *Блажени непорочнии в пути, ходящии в законе Господни* 15
2. *Блажени испытающии свидения Его, всем сердцем взыщут Его* 21
3. *Не делающии бо беззакония, в путех Его ходиша* 30
4. *Ты заповедал еси заповеди Твоя сохранити зело* 36
5. *Дабы исправилися путие мои, сохранити оправдания Твоя* 41
6. *Тогда не постыжуся, внегда призрети ми на вся заповеди Твоя* 45
7. *Исповемся Тебе в правости сердца, внегда научити ми ся судьбам правды Твоея* 50
8. *Оправдания Твоя сохраню: не остави мене до зела* 54

ВТОРОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Вторая буква *бет* значит *дом* 58

9. *В чесом исправит юнейший путь свой? Внегда сохранити словеса Твоя* 60
10. *Всем сердцем моим взысках Тебе: не отрини мене от заповедей Твоих* 65
11. *В сердце моем скрых словеса Твоя, яко да не согрешу Тебе* 70

12. *Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим* 75
13. *Устнама моима возвестих вся судьбы уст Твоих* 80
14. *На пути свидений Твоих насладихся, яко о всяком богатстве* 83
15. *В заповедех Твоих поглумлюся, и уразумею пути Твоя* 86
16. *Во оправданиих Твоих поучуся, не забуду словес Твоих* 90

ТРЕТЬЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Третья буква *ги́мель* значит *верблюд* 93

17. *Воздаждь рабу Твоему, живи мя, и сохраню словеса Твоя* 94
18. *Открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего* 97
19. *Пришлец аз есмь на земли: не скрый от мене заповеди Твоя* 101
20. *Возлюби душа моя возжелати судьбы Твоя на всякое время* 104
21. *Запретил еси гордым: проклѧти уклоняющиися от заповедей Твоих* 107
22. *Отъими от мене понос и уничижение, яко свидений Твоих взысках* 111
23. *Ибо седоша князи, и на мя клеветаху, раб же Твой глумляшеся во оправданиих Твоих* 114
24. *Ибо свидения Твоя поучение мое есть, и совети мои оправдания Твоя* 117

ЧЕТВЕРТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Четвертое восьмистишие характеризуется буквою *да́лет — дверь* 120

25. *Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему* 121

26. *Пути моя возвестих, и услышал мя еси: научи мя оправданием Твоим* 128
27. *Путь оправданий Твоих вразуми ми, и поглумлюся в чудесех Твоих* 134
28. *Воздрема душа моя от уныния, утверди мя в словесех Твоих* 140
29. *Путь неправды отстави от мене, и законом Твоим помилуй мя* 148
30. *Путь истины изволих, и судьбы Твоя не забых* 152
31. *Прилепихся свидением Твоим, Господи, не посрами мене* 158
32. *Путь заповедей Твоих текох, егда расширил еси сердце мое* 164

ПЯТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Пятое восьмистишие охарактеризовано буквою *ге — вот* 168

33. *Законоположи мне, Господи, путь оправданий Твоих, и взыщу и выну* 169
34. *Вразуми мя, и испытаю закон Твой, и сохраню и всем сердцем моим* 176
35. *Настави мя на стезю заповедей Твоих, яко тую восхотех* 183
36. *Приклони сердце мое во свидения Твоя, а не в лихоимство* 188
37. *Отврати очи мои, еже не видети суеты; в пути Твоем живи мя* 196
38. *Постави рабу Твоему слово Твое в страх Твой* 203
39. *Отыми поношение мое, еже непщевах, яко судьбы Твоя благи* 210
40. *Се возжелах заповеди Твоя, в правде Твоей живи мя* 216

ШЕСТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Шестое восьмистишие идет под буквою *вав — крюк* 222

41. *И да приидет на мя милость Твоя, Господи, спасение Твое по словеси Твоему* 223
42. *И отвещаю поношающим ми слово, яко уповах на словеса Твоя* 227
43. *И не отыми от уст моих словесе истинна до зела, яко на судьбы Твоя уповах* 232
44. *И сохраню закон Твой выну, в век и в век века* 238
45. *И хождах в широте, яко заповеди Твоя взыскахх* 243
46. *И глаголах о свидениях Твоих пред цари, и не стыдяхся* 250
47. *И поучахся в заповедех Твоих, яже возлюбих зело* 254
48. *И воздвигох руце мои к заповедем Твоим, яже возлюбих, и глумляхся во оправданиях Твоих* . . 257

СЕДЬМОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Седьмое восьмистишие идет под буквою *заин — маслина* 261

49. *Помяни словеса Твоя рабу Твоему, ихже упование дал ми еси* 262
50. *То мя утеши во смирении моем, яко слово Твое живи мя* 267
51. *Гордии законопреступоваху до зела, от закона же Твоего не уклонихся* 272
52. *Помянух судьбы Твоя от века, Господи, и утешихся* 278
53. *Печаль прият мя от грешник, оставляющих закон Твой* 282
54. *Пета бяху мне оправдания Твоя, на месте пришельствия моего* 286

55. *Помянух в нощи имя Твое, Господи, и сохраних закон Твой* 290
56. *Сей бысть мне, яко оправданий Твоих взысках* 294

ВОСЬМОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Восьмое восьмистишие идет под буквою *хет — грех* 297

57. *Часть моя еси, Господи; рех сохранити закон Твой* 299
58. *Помолихся лицу Твоему всем сердцем моим: помилуй мя по словеси Твоему* 303
59. *Помыслих пути Твоя, и возвратих нозе мои во свидения Твоя* 306
60. *Уготовихся и не смутихся сохранити заповеди Твоя* 310
61. *Ужя грешник обязашася мне: и закона Твоего не забых* 313
62. *Полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея* 316
63. *Причастник аз есмь всем боящимся Тебе, и хранящим заповеди Твоя* 321
64. *Милости Твоея, Господи, исполнь земля, оправданием Твоим научи мя* 323

ДЕВЯТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Девятое восьмистишие идет под буквою *тет — брение* 327

65. *Благость сотворил еси с рабом Твоим, Господи, по словеси Твоему* 329
66. *Благости и наказанию и разуму научи мя, яко заповедем Твоим веровах* 332
67. *Прежде даже не смирити ми ся, аз прегреших, сего ради слово Твое сохраних* 336
68. *Благ еси Ты, Господи, и благостию Твоею научи мя оправданием Твоим* 339

69. *Умножися на мя неправда гордых, аз же всем сердцем моим испытаю заповеди Твоя* 342
70. *Усырися, яко млеко, сердце их, аз же закону Твоему поучихся* 345
71. *Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* 349
72. *Благ мне закон уст Твоих, паче тысящ злата и сребра* 352

ДЕСЯТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Десятое восьмистишие идет под словом *иод — рука* 355

73. *Руце Твои сотвористе мя, и создасте мя: вразуми мя, и научуся заповедем Твоим* 355
74. *Боящиися Тебе узрят мя, и возвеселятся, яко на словеса Твоя уповах* 359
75. *Разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя, и воистинну смирил мя еси* 362
76. *Буди же милость Твоя, да утешит мя по словеси Твоему, рабу Твоему* 364
77. *Да приидут мне щедроты Твоя, и жив буду, яко закон Твой поучение мое есть* 367
78. *Да постыдятся гордии, яко неправедно беззаконноваша на мя, аз же поглумлюся в заповедех Твоих* 370
79. *Да обратят мя боящиися Тебе и ведящии свидения Твоя* 372
80. *Буди сердце мое непорочно во оправданиих Твоих, яко да не постыжуся* 375

ОДИННАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Одиннадцатое восьмистишие идет под буквою *каф — ладонь* . . . 378

81. *Исчезает во спасение Твое душа моя, на словеса Твоя уповах* 379

82. *Исчезоша очи мои в слово Твое, глаголюще: когда утешиши мя?* 382
83. *Зане бых яко мех на слане; оправданий Твоих не забых* 384
84. *Колико есть дней раба Твоего? Когда сотвориши ми от гонящих мя суд?* 387
85. *Поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой, Господи* 390
86. *Вся заповеди Твоя истина, неправедно погнаша мя, помози ми* 392
87. *Вмале не скончаша мене на земли, аз же не оставих заповедей Твоих* 395
88. *По милости Твоей живи мя, и сохраню свидения уст Твоих* 397

ДВЕНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Двенадцатое восьмистишие следует под буквою или словом *ламед — учить* 399

89. *Во век, Господи, слово Твое пребывает на небеси* 400
90. *В род и род истина Твоя; основал еси землю, и пребывает* 404
91. *Учинением Твоим пребывает день, яко всяческая работна Тебе* 408
92. *Яко аще бы не закон Твой поучение мое был, тогда убо погибл бых во смирении моем* 411
93. *Во век не забуду оправданий Твоих, яко в них оживил мя еси* 415
94. *Твой есмь аз, спаси мя, яко оправданий Твоих взысках* 417
95. *Мене ждаша грешницы погубити мя, свидения Твоя разумех* 421
96. *Всякия кончины видех конец: широка заповедь Твоя зело* 424

ТРИНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Тринадцатое восьмистишие идет под буквою или словом *мем — пятно* 428

97. *Коль возлюбих закон Твой, Господи, весь день поучение мое есть* 428
98. *Паче враг моих умудрил мя еси заповедию Твоею, яко в век моя есть* 431
99. *Паче всех учащих мя разумех, яко свидения Твоя поучение мое есть* 434
100. *Паче старец разумех, яко заповеди Твоя взысках* 436
101. *От всякаго пути лукава возбраних ногам моим, яко да сохраню словеса Твоя* 439
102. *От судеб Твоих не уклонихся, яко Ты законоположил ми еси* 442
103. *Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим* 445
104. *От заповедей Твоих разумех, сего ради возненавидех всяк путь неправды* 447

ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Четырнадцатое восьмистишие идет под буквою *нун*, что означает *племя* 450

105. *Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим* 452
106. *Кляхся и поставих сохранити судьбы правды Твоея* 454
107. *Смирихся до зела, Господи, живи мя по словеси Твоему* 456
108. *Вольная уст моих благоволи же, Господи, и судьбам Твоим научи мя* 459
109. *Душа моя в руку Твоею выну, и закона Твоего не забых* 462

110. *Положиша грешницы сеть мне, и от заповедей Твоих не заблудих* 464
111. *Наследовах свидения Твоя во век, яко радование сердца моего суть* 466
112. *Приклоних сердце мое сотворити оправдания Твоя в век за воздаяние* 469

ПЯТНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Заголовка к этому восьмистишию *самех — подпора* 472

113. *Законопреступныя возненавидех, закон же Твой возлюбих* 473
114. *Помощник мой и заступник мой еси Ты, на словеса Твоя уповах* 475
115. *Уклонитеся от мене лукавнующии, и испытаю заповеди Бога моего* 478
116. *Заступи мя по словеси Твоему и жив буду, и не посрами мене от чаяния моего* 480
117. *Помози ми, и спасуся, и поучуся во оправданиих Твоих выну* 483
118. *Уничижил еси вся отступающия от оправданий Твоих, яко неправедно помышление их* . . 486
119. *Преступающия непщевах вся грешныя земли, сего ради возлюбих свидения Твоя* 489
120. *Пригвозди страху Твоему плоти моя, от судеб бо Твоих убояхся* 493

ШЕСТНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Заголовка к этому восьмистишию *аин — глаз* 496

121. *Сотворих суд и правду, не предаждь мене обидящим мя* 499
122. *Восприими раба Твоего во благо, да не оклеветают мене гордии* 501
123. *Очи мои исчезосте во спасение Твое и в слово правды Твоея* 503

124. *Сотвори с рабом Твоим по милости Твоей, и оправданием Твоим научи мя* 505
125. *Раб Твой есмь аз: вразуми мя, и увем свидения Твоя* 509
126. *Время сотворити Господеви: разориша закон Твой* 512
127. *Сего ради возлюбих заповеди Твоя паче злата и топазия* 516
128. *Сего ради ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех* 519

СЕМНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Заголовка к этому восьмистишию *пе — уста* 522

129. *Дивна свидения Твоя, сего ради испыта я душа моя* 522
130. *Явление словес Твоих просвещает и умудряет младенцы* 526
131. *Уста моя отверзох, и привлекох дух, яко заповедей Твоих желах* 528
132. *Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя Твое* 531
133. *Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладает мною всякое беззаконие* 534
134. *Избави мя от клеветы человеческия, и сохраню заповеди Твоя* 536
135. *Лице Твое просвети на раба Твоего, и научи мя оправданием Твоим* 539
136. *Исходища водная изведосте очи мои, понеже не сохраних закона Твоего* 541

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Восемнадцатое восьмистишие идет под буквою *цаде — бок, сторона* 543

137. *Праведен еси Господи, и прави суди Твои* 544

138. *Заповедал еси правду свидения Твоя, и истину зело* 546
139. *Истаяла мя есть ревность Твоя, яко забыша словеса Твоя врази мои* 548
140. *Разжжено слово Твое зело, и раб Твой возлюби е* 550
141. *Юнейший аз есмь и уничижен, оправданий Твоих не забых* 552
142. *Правда Твоя, правда во век, и закон Твой истина* 554
143. *Скорби и нужди обретоша мя, заповеди Твоя поучение мое* 556
144. *Правда свидения Твоя в век: вразуми мя, и жив буду* 557

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Девятнадцатое восьмистишие идет под буквою или словом *куф*, что значит *обезьяна* 559

145. *Воззвах всем сердцем моим, услыши мя, Господи, оправдания Твоя взыщу* 561
146. *Воззвах Ти, спаси мя, и сохраню свидения Твоя* 563
147. *Предварих в безгодии, и воззвах, на словеса Твоя уповах* 565
148. *Предваристе очи мои ко утру, поучитися словесем Твоим* 567
149. *Глас мой услыши, Господи, по милости Твоей, по судьбе Твоей живи мя* 569
150. *Приближишася гонящии мя беззаконием, от закона же Твоего удалишася* 571
151. *Близ еси Ты, Господи, и вси путие Твои истина* 572
152. *Исперва познах от свидений Твоих, яко в век основал я еси* 574

ДВАДЦАТОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Двадцатое восьмистишие идет под буквою *реш — голова* 576

153. *Виждь смирение мое, и изми мя, яко закона Твоего не забых* 577
154. *Суди суд мой, и избави мя, словесе ради Твоего живи мя* 579
155. *Далече от грешник спасение, яко оправданий Твоих не взыскаша* 582
156. *Щедроты Твоя многи, Господи, по судьбе Твоей живи мя* 585
157. *Мнози изгонящии мя и стужающии ми, от свидений Твоих не уклонихся* 588
158. *Видех неразумевающия и истаях, яко словес Твоих не сохраниша* 590
159. *Виждь, яко заповеди Твоя возлюбих. Господи, по милости Твоей живи мя* 593
160. *Начало словес Твоих истина, и во век вся судьбы правды Твоея* 596

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Восьмистишие это обозначается буквою или словом *шин — зуб* 599

161. *Князи погнаша мя туне, и от словес Твоих убояся сердце мое* 600
162. *Возрадуюся аз о словесех Твоих, яко обретаяй корысть многу* 602
163. *Неправду возненавидех и омерзих, закон же Твой возлюбих* 604
164. *Седмерицею днем хвалих Тя о судьбах правды Твоея* 606
165. *Мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна* 608
166. *Чаях спасения Твоего, Господи, и заповеди Твоя возлюбих* 611

167. *Сохрани душа моя свидения Твоя, и возлюби я зело* 613

168. *Сохраних заповеди Твоя и свидения Твоя, яко вси путие мои пред Тобою, Господи* 615

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ВОСЬМИСТИШИЕ. Последнее восьмистишие идет под буквою *тав*, что означает *знак* 617

169. *Да приближится моление мое пред Тя, Господи, по словеси Твоему вразуми мя* 618

170. *Да внидет прошение мое пред Тя, Господи, по словеси Твоему избави мя* 621

171. *Отрыгнут устне мои пение, егда научиши мя оправданием Твоим* 623

172. *Провещает язык мой словеса Твоя, яко вся заповеди Твоя правда* 626

173. *Да будет рука Твоя еже спасти мя, яко заповеди Твоя изволих* 628

174. *Возжелах спасение Твое, Господи, и закон Твой поучение мое есть* 631

175. *Жива будет душа моя, и восхвалит Тя, и судьбы Твоя помогут мне* 633

176. *Заблудих яко овча погибшее, взыщи раба Твоего, яко заповедей Твоих не забых* 636

Издательство «Правило веры» продолжает издание духовного наследия святителя Феофана Затворника. В издание войдут серии: «Слова и проповеди», «Толкования беседовательные», «Начертание христианского нравоучения» и другие.

В свет уже вышла серия «Слова и проповеди», состоящая из четырех томов: «Простые истины сердца. Внутренняя жизнь», «Любовью назидая», «Слово веры. О православии» и «Двери покаяния». Эта серия является полным собранием слов и проповедей святителя Феофана. Каждый том включает в себя несколько самостоятельных книг, составленных самим святителем Феофаном Затворником.

В сборники, составляющие серию «Слова и проповеди», входят следующие произведения:

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ СЕРДЦА

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

- Три слова о несении креста
- Четыре слова о молитве
- О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха

- Пять поучений о пути к спасению
- Внутренняя жизнь
- Напоминание всечестным инокиням о том, чего требует от них иночество
- Четыре беседы по руководству книги «Пастырь» святого Ермы

ЛЮБОВЬЮ НАЗИДАЯ

- Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни
- Небесный над нами покров святых и уроки от лица их во дни празднственного чествования их

СЛОВО ВЕРЫ

О ПРАВОСЛАВИИ

- О православии, с предостережениями от погрешений против него
- Наши отношения к храмам
- Девять слов по случаю пожаров в Тамбове и губернии Тамбовской
- Слова на разные случаи

ДВЕРИ ПОКАЯНИЯ

- О покаянии, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни
- Семь слов в недели, приготовительные к посту, и на седмицу первую Великого поста
- Богоугодная жизнь вообще

Святитель Феофан Затворник

ПСАЛОМ ДАВИДА 118-й

Печатается по изданию: Псалом Сто восемнадцатый, истолкованный святителем Феофаном. Изд. второе Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1891.

Редактор *Раиса Букреева.*
Художник *Димитрий Епифанов.*
Компьютерная графика художественного редактора *Натальи Тихомировой.*
Компьютерная верстка технического редактора *Марины Терентьевой.*
Корректоры
Галина Егорова, Наталья Петроченко.
Набор *Раисы Голосной.*

Подписано в печать 16.09.08. Офсетная печать.
Гарнитура Петербург. Формат 70×100 1/32.
Объем 20,5 печ. л. Тираж 4000 экз. Заказ 84352

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры».
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.
Отпечатано в типографии ОАО «Молодая гвардия».
127994, Москва, ул. Сущевская, д. 21.
Об оптовой продаже и доставке книг обращаться
по телефонам: (499)613-94-63, (495)345-88-44.
E-mail: pravilo-very@yandex.ru. www.pravilovery.ru.
Интернет-магазин: www.ostrovknig.ru
Книга-почтой: E-mail: post@lepta-kniga.ru
или по тел./факс: (495)221-19-48.

ISBN 978-5-94759-076-0

© Подготовка текста к публикации, «Правило веры», 2008
© Оригинал-макет, «Правило веры», 2008
© Оформление, «Правило веры», 2008